

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛЕСОТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Ф. МОРОЗОВА»

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА:
ПРОСВЕЩЕНИЕ – ВОСПИТАНИЕ – ТАЙНА

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

Воронеж, 23 апреля 2026 г.

Воронеж 2026

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION
"VORONEZH STATE UNIVERSITY OF FORESTRY AND TECHNOLOGIES
NAMED AFTER G.F. MOROZOV"

EDUCATION OF A HUMAN:
ENLIGHTENMENT – UPBRINGING – MYSTERY

Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference

Voronezh, April 23, 2026

Voronezh 2026

УДК 37+1+355+93/94

О-23

О-23 Образование человека: просвещение – воспитание – тайна : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 23 апреля 2026 г. / отв. ред. О. Н. Квасов ; М-во науки и высшего образования РФ, ФГБОУ ВО «ВГЛТУ». – Воронеж, 2026. – 247 с. – URL: <https://vgltu.ru/nauka/konferencii/2026/vserossijskaya-nauchno-prakticheskaya-konferenciya-obrazovanie-cheloveka-prosvewenie-vospitanie-tajna/>. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-7994-1242-5

Прошедшая в ВГЛТУ 23 апреля 2026 г. конференция продиктована очередной попыткой приблизиться к пониманию неизбывной тайны мироздания – формированию человека. Философия образования и идея нравственного воспитания, сущность духовного становления человека и современное педагогическое творчество в его инновационных разработках, технологии личностного развития и сохранение человеческих качеств в современной гиперинформационной технотронной среде стали в наши дни важнейшей гуманитарной повесткой и обусловили тематику нашей конференции.

Материалы конференции ориентированы на широкий круг читателей – практикующих специалистов, учёных, студентов, обществоведов и педагогов.

УДК 37+1+355+93/94

ISBN 978-5-7994-1242-5

© ФГБОУ ВО «ВГЛТУ», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СУХОРУКИХ А.В. Онтология современного человека и общества: тенденции сущностной трансформации	5
ЕМЕЛЬЯНОВА Н.Н. Вера и разум в системе отечественных ценностей	14
БЫДАНОВ В.Е., ОВЧИННИКОВА В.Л. Искусственный интеллект как «троянский конь» техногенной цивилизации	20
ПОЛЯКОВА-СПИЧАК В.Д. Геймификация и игровое обучение в дисциплине «Основы российской государственности: методика, опыт, риски	25
БАРАХОЕВА А.Р. Динамика социального партнёрства «государство – вуз – работодатели» в современном образовании: новые роли, запросы и педагогические практики	31
МЕЩЕРЯКОВА Е.И. Традиции российской педагогики и технологии искусственного интеллекта: противоречивое взаимодействие	38
ПЕТРЯЕВА Т.А. Трансформация отношения к учебной ошибке в современной образовательной парадигме: от карательной модели к исследовательской мотивации	43
МАМОНОВ М.А., НИКОНОВА Т.Ю. Диалектический аспект педагогического мышления и традиционно-инновационное качество дидактической системы образования	48
БЕЛЯНСКАЯ Т.Э. Проблемы в обучении современного студента	53
АРАСЛАНОВА С.С. Трансформация аксиологических установок в современной молодежной культуре российского общества	59
ГРИШИН А.А. Отображение предикатов образовательной деятельности на уровне наглядно-образного мышления в аспекте личностной трансформации	63
САЛМАНОВ П.П., ЧЕРНИЦЫН Д.В. Подходы к формированию оценочных материалов для обучающихся с использованием языковых моделей ИИ применительно к курсу всеобщей истории	72
КОЛКУНОВ А.Н., ЗЯБЛИЦЕВА Н.А. Региональные особенности русской традиции на примере песенного фольклора: опыт историко-культурологического занятия для студентов СПО	81
КУЗНЕЦОВ А.А. Участие воронежских учителей в революционном движении Первой русской революции	86
ПЕТРЯЕВА Т.А., ЛАВЛИНСКАЯ А.С. Значение биографии Г.Ф. Морозова в процессе формирования нравственных ориентиров у студентов	93
ТИТОВА О.Ю. Влияние православия на формирование русского национального менталитета: дискуссионные аспекты	100
МЯЗИН В.А. Вклад Русской Православной церкви в обеспечение помощи нуждающимся во время голода 1891-1892 гг. в Воронежской губернии	105
ПАНОВА Н.А., ДЕНИСОВА А.А. Этика добродетели Аристотеля: актуальность для XXI века	113
УЛЫБИНА С.С. Язык как ментальный код и средство формирования ценностных ориентиров личности в образовательном процессе	118
КВАСОВ О.Н. Матерщина как симптоматика современного российского кризиса	123

ЧУЧУПАЛ В.В. Бремя империи и переключки эпох	128
КСЕНОФОНТОВ В.А. Основные инструменты мировой гибридной войны	134
СЕРГЕЕВ С.С. Конструирование нарратива «внутренней колонизации»: анализ сепаратистских проектов в Центральной России	141
СЕМЫНИНА Е.В., УДОДОВА А.С. К вопросу о деструктивности как черте личности. Взгляд через психоаналитическую призму на глубинные механизмы феномена агрессии	149
КАНДЫБИНА Е.Л. Архетип Тени и его развитие применительно к психотерапевтической и образовательной практикам	156
РУССУ А.В., КИСЕЛЁВА А.В., МЕДВЕДЕВ И.Н., ШАЦКИХ В.А. Эстетическая архитектура духа: онтологические и аксиологические основания искусства и дизайна в духовном развитии человека и общества	160
ПИВОВАРОВА Ю.И. Вклад архитектора А.В. Миронова в восстановление и развитие послевоенного Воронежа	165
ПОДЛЕСНЫХ С.Н. Товарищ председателя Острогожского окружного суда Павел Александрович Ховен (1838-1908): страницы биографии	170
ТОВСТОПЯТ К.И. Е.В. Плотников как политический деятель и организатор Красной гвардии в Новохопёрском уезде (1917-1918 гг.)	176
ЧЕРЕНКОВ И.Ю. Роль уполномоченного совета по делам религий в распространении научно-атеистического мировоззрения в 1960-1970 гг. (на примере Воронежской области)	182
ВОСТРИКОВ П.В. Русская эмиграция и Валаам (1920-1939 гг.)	187
ПОЛЯКОВ-СПИЧАК И.В. «Дело американцев» как источник по истории социал-демократического движения в Воронежской губернии	197
СЕМЁНОВА Е.В. Проблемы охраны частновладельческих лесов Российской империи в пореформенный период	204
УДАЛЫХ Е.Ю. Детство как духовный идеал: от святости младенца к «подполью» взрослого (Ф.М. Достоевский и евангелическая традиция)	209
КИТАЕВА А.В. «Старые и новые беллетристы»: как изменилась беллетристика с принятием Великих реформ Александра II (взгляд народника Л.Е. Оболенского)	216
РАЗИНЬКОВ М.Е. Современные интерпретации патриотизма в работах историка В.Б. Аксенова	223
ПОПОВ А.С. Историческая проза воронежских писателей ранней «оттепели»	226
ВОЛВЕНКИН М.Н. Писатель и спортсмен: о Льве Толстом в журнале «Русский спорт»	232
БАШКАТОВ Д.В. Декларация Екатерины II о вооружённом нейтралитете и Лига вооружённого нейтралитета	237

ОНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА: ТЕНДЕНЦИИ СУЩНОСТНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

THEONTOLOGY OF MODERN MAN AND SOCIETY: TRENDS IN ESSENTIAL TRANSFORMATION

Сухоруких А.В., доктор философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Sukhorukikh A.V., Doctor of Philosophy Sciences, associate professor
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: в статье обозначены тенденции, касающиеся сущностной деградации онтологического феномена человека в условиях дрящущегося экзистенциально-цивилизационного кризиса, намечены аспекты его фундаментального обновления, его образования как возрождения духовного бытия.

Abstract: the article outlines trends concerning the essential degradation of the human ontological phenomenon in the context of the ongoing existential and civilizational crisis, outlines aspects of its fundamental renewal, its formation as a rebirth of spiritual existence.

Ключевые слова: человек, кризис, цивилизация, образование, язык, культура.

Keywords: man, crisis, civilization, education, language, culture.

*«Лишь слово достойно запечатлеть настоящее,
а сердце – единственное место для хранения действительно важных вещей».*

Р. Киплинг.

Радикальные социокультурные катаклизмы, как правило, особенно рельефно выделяют антропософский вектор познания, остро ставят вопрос о сущности человека в бытии: кто он, какова его подлинная природа и какова среда, его формирующая? Длющийся два десятилетия системный – экономический, социокультурный, этноконфессиональный – мировой кризис всё определённое обнажает свою антигуманистическую сущность. Сегодня налицо не просто проблема самоидентификации личности в социальной среде, но экзистенциальный крах самосознания человека: он в своей массе в принципе больше не понимает, зачем он на земле?

В глобальном цивилизационном масштабе человек стал восприниматься исключительно опосредованным объектом: капиталом, средством, «пользователем», – перестав быть ценностью и целью бытия, единством органической формы и духовной сущности, созидающим началом, извечной тайной мышления, чувства и слова. Такие тенденции обусловили и кардинальное изменение, фатальное искажение основополагающих принципов традиционного образования. В своей исконной сути: как триада учения, учителя и ученика, диалог человека с человеком, поиск истинного знания – оно в системном ключе более не существует. Становясь формой коммерции, оно имитирует, нивелирует, наконец, все

больше отвергает важнейшие – духовные и когнитивные – эволюционные свойства человека, по факту отвергая его самого, его сущность.

Современная техногенная цивилизация вошла в экзистенциальную инерцию, чреватую инволюцией, угасанием созидającego человеческого начала – в этом ответ на вопрос, отчего на сегодняшний день нет фундаментального философского вопрошания и, тем более, осмысления проблемы того, что «человек как феномен» последовательно уходит из культуры, из социума, из языка – из всех основных онтологических форм.

Между тем, историческое, социальное и, как кажется, даже биологическое время ускоряется – стремительно и кардинально меняются в общественном сознании сами критерии человеческой состоятельности, ассоциируясь с предельными операционными скоростями, включённостью в информационный контент, утилитарным прагматизмом. В силу этого, принципиален целый ряд вопросов: кем сегодня становится человек в своём необусловленном значении? насколько, в сущности, изменился он сам и человеческое общество в целом? Наконец, что остаётся константой, благодаря которой возможно заметить и осмыслить идущие изменения?

Обозначим ключевые параметры фундаментальной трансформации человека в его экзистенциальной, социальной, культурной и языковой ипостаси – как в глобальном масштабе, так и в реалиях сегодняшнего российского общества.

Конвенциональный эпистемологический дискурс современности относительно феномена человеческого существа безальтернативно материалистичен, он обусловлен парадигмой «транс»- и «постгуманизма», максимумом идей рационализма и индивидуализма, апофеозом сциентической догмы [4]. Здесь не только «предел прогресса» безупречно модифицированного человека, его когнитивный «инжиниринг» и его генетическая «победа над смертью» [12], но и завершённый эксперимент «фаустовского духа» западной цивилизации, в конечном счёте, её антигуманистический нарратив, эталон «прометеевской воли», манифестированный И. Хассаном ещё в конце 1970-х как возможный выход «за человека» в иные формы материи или информации [11]. Апологетика нейро-когнитивных исследований, уподобляющих человеческое сознание общедоступной интерактивной информационной доске [10] и абсолютизация значения сетевых технологий, «искусственного интеллекта», становящегося в ряде регионов мира фактором макросоциального контроля, говорят о том, что ни эмпирическая параллель «квалиа», ни управленческий прагматизм «цифры» больше принципиально не рассматривает целостную природу человека, игнорирует онтологический аспект его духовного начала.

Кардинально разделяющие тенденции обнаруживаются и в макросоциальном контуре цивилизационного устройства. Появился «глобальный мир», открытый «глобальному» человеку-космополиту, перемещающемуся в качестве политика, бизнесмена, медиамагната, финансиста, наконец, просто туриста вне национально-государственных и иных границ [3]. Вместе с тем, образовались и «локальные» экономические зоны, в которых «навсегда застрял» «локальный человек», обуславливая совершенно новый этносоциальный дисбаланс, при котором не только отдельные лица и сообщества, но и целые народы обречены перемещаться по континентам в качестве мигрантов, навсегда оставаясь людьми «второго сорта». Такого рода «локализация становится обратной, тёмной стороной глобализации», которая не только разделяет страны, но и «рассекает» их, лишая большую часть населения необходимого доступа к информационным ресурсам, просвещению, социальному обеспечению, культуре. При этом непреодолимые «границы между «глобалом» и «локалом» могут проходить по одной лестничной клетке» [9].

Заметно редуцирован и процесс культурогенеза. Здесь отметим, что общепринятый нарратив «постмодерн», как, собственно, и термин «до-модерн», подразумевают некую «точку отсчёта», начало генезиса наивысочайших интенций гуманистической культуры, рождение наиважнейших ценностных символов «цивилизации слова и образа». Иными словами, от наследия сакральных традиций «осевого времени», по К. Ясперсу [13], до шедевров классики эпохи «модерна» формировались и возрастали общие духовные основания и гуманистические критерии антропосоциогенеза. Константы истины единого сущего, абсолюта справедливости, Божественного завета формировали «предельные» онтологические, социальные, этические и религиозные презумпции, в фокусе которых, в рефлексии о целостном бытии, существовало историческое человечество. Сегодня, с утратой канона традиционных вероисповеданий и символизма сущностного духовного единства человечества, современные религия и культура опасно радикализируются, манифестируют догматическую исключительность, становятся непримиримы вплоть до экстремизма и феномена «отмены», делаются не просто релятивистской, но агрессивно антигуманистической, противоположной самой своей сути, средой.

Символический образ культуры «постмодерна» словно разбит на осколки, на фрагменты, он «размыт», искажён, «смазан» на пиксели. Вольно или невольно, но Й. Хейзинга сделался для современности тем, кем стал для XIX в. Ф. Ницше: «убив Бога» вчера, сегодня все мы стали частью «игры» или «делки» – касается ли это искусства, политики, экономики, повседневной жизни. Культура имиджа, яркого китча, атрибутика обязательной презентации комплиментарного социального действия породили феномен поддельности, «кажимости» любого – личного, профессионального, национального, политического, – существования. Качество множимой деградации, принцип «симулякра» обусловил *императив тотальной имитации*, создав опасную интерпретацию эгоцентризма, иллюзию персонального владения и управления буквально всем: тарифом связи, транспортным средством, жильём в кредит, биологическими, социальными и геополитическими процессами, наконец, своей жизнью и судьбой. В этой онтологической точке, где «матрица» «постмодерна» максимально проявлена в своей фиктивной сути начинается фатальная энтропия всякого – антропо-социального, этноконфессионального, наконец, психо-культурного, на уровне архетипов, – бытия. Когда больше не существует Бога, человек больше не Его замысел, законы священного Слова и Числа отвергнуты, «игра» продолжается уже не как «восстание», но как «шизофрения масс» [8]: допустимо «расщепление» человека на «парламент органов», ему может быть вменена норма нескольких полов, множества совершенно разных личностей, ролевых статусов, IT-профилей. В таком нарративе и его образование рассматривается только как игровой статус, стереотип популяризации базовых эмпирических фактов – тогда как за всем этим мы видим продуманную экономическую стратегию быстро окупаемых инвестиций, монополию технологий продажи продуктивных и потребительских навыков, что само по себе исключает просветительскую задачу поиска и даже трансляции фундаментальных и передовых знаний.

Закономерно дифференцируется некогда единое пространство гуманистических и культурогенных смыслов, и вместе с ними языковая среда: локальные информационные кластеры, «коридоры нарративов» сужают круг общезначимых тем, в прошлое уходит долгое рассуждение и развёрнутая речь, широкое обсуждение социальных явлений, научных фактов и феноменов. Онтологические категории исчезают вслед за их языковыми значениями: искусственным, подчёркнуто презентационным становится всё – от эмоций и интеллекта, до истины и морали. При этом парадоксально эффективным оказывается экономический фактор: когда необходимость единственной истины подмене на неопределённостью «чистой эмоции»,

рейтинг продаж возрастает – и уже директивный комфорт одобрения массово обеспечивается «цифровыми» технологиями, монетизацией «лайка» в социальных сетях.

Рост деструктивных тенденций «культуры имитации» и её «цифровой» контекст взаимообусловлены. Фактически каждое культуuroобразующее начало, будь то традиция семьи, религиозная проповедь, знаковость сказанного слова и значимость поступка – утратило фундаментальное целеполагание, став опосредованным или средством, и при этом всё может быть названо маргинальной доктриной. В этически нейтральном «цифровом» пространстве анонимность, типичность и безымянность «цифровой личности» формально стали ассоциироваться с подлинной человеческой личностью. Социальные сети, асоциальные по своей сути, опосредуя живое общение и важнейшие когнитивные характеристики, максимально отделили человека от человека, разрушив единый ценностный императив его неповторимости, уникальность присутствия личности в мире, сделав несущественной реальность созидательного человеческого выбора, слова, мышления.

Сегодня максимально нивелирован и важнейший в своей этической плоскости философский вопрос бытия человека: его отношение к смерти в антитезе добра и зла. Во все времена вопрошавший: что есть я и каков мир? что есть моё существование и что есть Бог? – человек в поисках себя и высшего начала жизни исчезает как символ и суть культуры. Он перестаёт быть воплощением основополагающего выбора: знания добра и различения зла, ответственного преодоления своих худших моральных качеств, постижения смысла каждодневного нравственного труда. Масштаб его впадения в «иллюзию», или, если в религиозном контексте, «в прелести», особенно нагляден вновь именно в экономической плоскости: капитал – «цифровой», финансовый, политический, поиск выгоды, прибыль и безопасность её извлечения – единственное, что имеет значение. Именно «человеческий капитал» воспринимается средством перманентной сделки, а принцип «не быть злом» сегодня вычёркивается даже из корпоративной этики, в частности, при разработках новейших технологий атакующего «искусственного интеллекта» в условиях стремительно растущего рынка «ИИ-дронов». Собственно, человеческое начало извлечено даже из самой смерти: в её лицо, как и в лицо жизни, взглянуть уже невозможно. И наконец, фундаментальный аспект нашего времени: в мире больше нет общечеловеческой разумности, общих рациональных начал – свой язык, непропорциональные критерии «нормального» и «радикального» теперь есть у каждой традиции, социальной или операционной системы, даже у ИИ. Единственное, что ещё «человечно», что общее у человечества – как «движение на ощупь» в будущем обустройстве мира [7], – это знание сердца, этос духа, интуиция совести.

Глобальные тенденции экзистенциального кризиса оказали существенное влияние и на российское общество: на протяжении последней четверти века его ментальное пространство, социально-психологический профиль, культурная и языковая среда значительно изменились – и внятной рефлексии по этому поводу ещё не состоялось.

Вряд ли в полной мере осознано, насколько с распадом СССР морально «осиротела» огромная поликультурная общность. Ушёл в прошлое не только грандиозный цивилизационный проект, но и человекоцентричный культурный код, подаривший миру космический масштаб фундаментального знания и символизм ставшего реальностью небывалого прежде «будущего». Десятилетия господства «симулякра» «демократических преобразований» породили феномен «экзистенциального страха 90-х», когда в менталитете атеистического в недавнем прошлом общества утвердилась модель буржуазного мышления, протестантской морали и законодательно-правовой практики. В построении новой российской государственности обнаружилась неустранимость противоречия между равенством и

свободой, «неконкурентность» добра по сравнению со всегда активным злом. Повседневная атмосфера моральной ответственности и человеколюбия, критерии сущностного равенства, гражданского достоинства, искренней близкой дружбы и трудовой чести – эти базовые компоненты совместного социального бытия исчезли или были значительно деформированы. Ярким примером «ментальной агрессии 90-х» можно назвать собравшую аншлаги в кинозалах страны экранизацию «Унесённых ветром» М. Митчелл, когда главная героиня по сюжету, в критическую минуту, эмоционально, словно некий код произносит, что она теперь обманет, убьёт, украдёт, но никогда, никогда больше не будет голодать. В итоге, целое поколение обрело жизненный принцип и характерное речевое клише: *«не мы такие»*. Отдалённым последствием для современного российского социума стало исчезновение традиционной конкретики совести, в нём больше нет общезначимого эталона чести, имманентного принципа доверия.

Ведущий российский философ 1990-х, А.С. Панарин, засвидетельствовал радикальный нигилизм по отношению к прошлому и нравственную катастрофу в обществе, стремительно воспринимающему навязанные капиталистические формы собственности, принцип индивидуальной исключительности, конъюнктуру рыночных отношений, ставшую метафорой. Сформированный «буржуазный социальный заказ, – отмечал учёный, – состоит в том, чтобы полностью освободить «экономически ориентированного» индивида от всех социальных и моральных помех, выстроенных на его пути культурой и цивилизацией». В итоге «все институты и установления деконструируются до уровня того, что непосредственно соотносятся с индивидуальной волей к обогащению любой ценой» [6, с. 27].

Российский истеблишмент к середине «нулевых» справился с этой задачей, провозгласив, в том числе, целью образовательной политики получение «квалифицированного потребителя» – объекта корпоративной манипуляции в условиях глобальной макроэкономики. В итоге, базовым экзистенциальным критерием в общественном сознании стал фактор легитимации финансовой состоятельности (высокой цены, а не ценности) индивида, подлинным ресурсом – только власть, её «товарность» и продуктивность, и под «продуктом», с соответствующей ценой, понимается всё, в том числе – последовательные идеологические макронарративы: «демократизация», «монетизация», «модернизация», и наконец, «цифровизация».

Новый тип межличностных отношений, а по существу, протестантский «культ успеха», предопределённой социальной избранности, превращения жизни в источник дохода, утвердился, прежде всего, в российской бизнес- и политической элите. Ресурс накопления властных полномочий и сам онтологический статус власти по умолчанию начал определяться ценностью самой природы денег, доминированием богатства, по-своему «священным» стремлением обогащения, призыв к которому отождествил максимум «демократических свобод» с господством финансового капитала без границ. Отношения договора, партнерской сделки стали главным принципом социального взаимодействия.

Особо подчеркнём, что параметры всё возрастающей до сословного антагонизма в условиях «свободного рынка» разобщённости российского общества, масштаб имущественной дифференциации и капитализации власти задала латентная, возникшая на принципах протестантизма, субкультурная сегрегация, прочно закрепившаяся в сакральных языковых формах: «лидер-лузер». Характерно, что в протестантской этике меркантилизм и коммерческая сущность природы капитала – центральные категории, залог спасения в богооставленном, завещанном человеку «мире кесаря», в котором «Небо отделено от земли». «Наш Господь Бог очень высок, поэтому он нуждается в этих палачах и слугах, богатых и

высокого происхождения, имеющих почести в изобилии и внушающих всем страх», как известно, проповедовал Лютер [5, с. 166]. Иными словами, есть благодать удачи, поэтому реализующий принцип «не успешен – не благ» «лидер» – это моральная категория: он исключителен в своём стремлении словно «земной бог», «спастись успехом», ибо «совесть – для Неба». В свою очередь «лузер» – также категория моральная, это символ иной предопределённости, ярлык «неспасённого», отверженного, клеймо нечистоты. Такова самая глубокая и губительная ментальная деформация российского общества, породившая прецедент разделения на «свой-чужой». В языковой среде, он «отлился» в стойкие жаргонизмы «крутой» и «лох», обусловив проявление самых опасных форм «внутренней» социальной патологии: провокационного эгоцентризма, демонстративного презрения к бедности, гендерно-возрастную сегрегацию, массовую школьную травлю.

Российская социальная среда, заявленная как «общество православной традиции», по сути, продолжает двигаться в сакральной парадигме деистической протестантской культуры, где Бог и совесть априори исключаются ради приоритета разумного консенсуса, легитимного договора, удачной сделки. Сегодня неявна и социальная ипостась православия – принцип общинности, «міраво Христе» [2]. Вместо него по факту доминирует протестантская этика, в которой «спасение» – или успех любой ценой, или принадлежность к «правильной» избранной общине: сословно-статусной, профессиональной, корпоративной, «сетевой», «цифровой». Для каждой из них – культ изоляционизма, избранности и властных полномочий, прерогатива «богоугодной» истинности. Такая локальная социальная общность-институт – словно «маленькое государство» (большим оно не может быть, избранных единицы). Его глава: «президент» фирмы, компании, клуба – закрепляет «симулякр» внутренней корпоративной морали, критерии эксклюзивного таланта и общего процветания. Идея превосходства заложена в культ исключительного соответствия возрасту, тренду, статусу кредитоспособного, интеллектуальным ресурсам, маркетинговым стратегиям, наконец, критериям «цифровой среды». Что порождает в человеке и в обществе перманентный страх «изгойства»: «лузер», неудачник – это путь на социальное дно, в «протестантский ад» для всех, не «вписавшихся» ни в рынок, ни в «цифровое будущее». Такая социальная эффективность, как и «оптимальность» ИИ – это однозначно жестокость, когда человек, по сути, вновь раб, вещь, лишённая души, что, к слову, несовместимо с сущностью христианства.

Эпоху «замороженного социального взрыва» рубежа тысячелетия в России сегодня сменила «цифровая эра». «Цифровизация» как явление стала апогеем маркетинговых стратегий и технологий управления в дегуманизированной социальной среде, что наиболее объективно отражает сфера образования [1]. Именно здесь возник прецедент «онтологической анонимности»: моральной «безликости» ученика с одной стороны и отсутствия мыслящего и достойного человека, наставника и учителя, с другой. Социальный статус последнего просто низвергнут, и вместе с этим уничтожен институт детства. Сформированная «цифровая повестка», следствие искусственной «инфантилизации» социальной сферы и образовательного пространства, отвергает ценностный подход к человеку, приписывая ему статус «игрока в жизнь», тогда как практика «эдьютеймента» исключает тайну ребёнка, которую хочется открыть, как чудо.

Футуристический пафос «постмодерна» с его *имитацией* социокультурной идентичности и экзистенциальной состоятельности человека утверждается в российской ментальности, языковой среде и информационном пространстве. Как следствие, зафиксирован максимум тревожности в обществе: атомизированном, руководствующимся ситуативной

моралью, довольствующимся информационными «капсулами» потребительского комфорта. «Социальные сети» всегда опосредованного online-общения обусловили симптоматику необратимой психо-ментальной дифференциации, при этом реальное, некогда единое общественное пространство разделено зонами безопасности, периметрами заборов, секторами видеонаблюдения.

Фундаментально «разделяющим» стал и язык: из него уходят общезначимые смыслы, теряется ценность его интонационных оттенков, он превращается в ассоциативный конструктор произвольных интерпретаций. Даже люди, говорящие по-русски подразумевают различные нарративные значения сказанного. Мир «русского слова» исчезает не только в сленге и жаргоне, но и в заимствовании англицизмов, в их лингвистической кальке. В инвазии языка происходит агрессия ментально чуждой культуры, конфессиональной традиции. Почти совершенно вышло из обязательного употребления русское отчество. Слова «ровно», «изначально», «соответственно» стали бессмысленными, злоупотребление словом «более» «свело на нет» естественное для русской орфографии формирование окончаний. Глубинные оттенки смыслов недостижимы, что, к примеру, демонстрирует сопоставление слова «презентация», подразумевающего благоприятную возможность продажи, со словом «представление», с его двусмысленным значением.

Однако именно язык ведёт нас к смыслосоответствию, к необходимости называть вещи своими именами, то есть от сути слов – к сути жизни, к бытию. Так, слово «кризис» означает «суд», то есть акт, обнажающий суть, выражающий символизм обновления. Сегодня его важнейшее значение – обретение подлинности, в частности – природы человека, его культуры и образования, и это самоорганизующий духовный фактор. Человек реального будущего – это возвращение к духовному естеству, это власть спасателя, удерживающего и утешающего мир в экстремальном «торможении над пропастью», власть имманентной этики в природе инстинктов, в принципах религии, политики, социальной жизни.

Традиционно неизменную этическую константу через образ Христа не в разуме, но в человеческом сердце, утверждала христианская мораль, провозглашая тем самым, что человек – больше, чем человек, и одновременно созидая смирение рукотворной человеческой культуры. В этой сакральной трактовке «обожение» человеческого духа, души, тела, когда Божий лик проступает сквозь черты лица, обуславливает не просто соразмерный человеку мир, видимый ему горизонт, но и вечное «невидимое» над ним. Когда неповторимое истечение человеческого начала в мир, его подлинное переживание, тишина безмолвного моления, – создают уют обители, гармонию очеловеченного пространства, тогда именно человек становится всеобщим «связующим веществом» мироздания. Исцеление человека, а не подмена человеческого, вновь может состояться, согласно этой духовной аксиоме, в сосредоточении на сердечности, на чуткости к ближнему, во внимании ко всем проявлениям души, в мышлении и делании блага – истоки того и другого сокрыты в сердце.

Заметим, что фундаментальный духовный этос чрезвычайно конструктивен, снимая внешние противоречия конфессиональных трактовок или светских интерпретаций задач просвещения. Образование как процесс предполагает соединение высших смыслов, сообразность. Образование человека буквально – это его духовное становление, проявление божественного начала, его проникание к единственно истинному в его существе разуму сердца, «очам духа». В современном прочтении это означает, что человек, разумеется, много больше, чем его профессионализм, существование в социальной системе, чем даже его жизнь, если она лишена достоинства, духовного искания, морального звания человека. Также разумеется, что Человек с большой буквы, человек как мировоззрение и мироздание,

начинается с учителя, с примера не как благополучно прожить, но как подлинно быть, «прозвучать в вечности».

Даже предельная степень социального расщепления, размежевания, распада, тенденция «расчеловечивания» преодолевается не диалектически, противоположными тенденциями, но импульсом абсолютного смыслобытия в его вечной константе, недетерминированным одухотворённым значением. Зло *не превращается* в Добро, Добро настаёт, ничтожа Зло, Мессия приходит безотносительно «миру скорбей».

Таинство образования человека имеет первоначальный духовный завет соответствия абсолютному эталону: это соединение, сочувствие, обретение целостности. Что ярко символично в «молчащем» мире «информационного потока» экзистенциального одиночества, потерянной подлинности, максимальной закрытости и автономности, подразумевающей смерть любого организма, коллапс любой системы.

К безмолвию явленной истины возвращает *уединение* буквально: проникновение в Единое, постижение его сути, «посев» себя в неизмеримо большем, оплодотворение мыслью, словом, плодотворность идеи, поступка, – что предшествует *объединению* с целым – сущностным, природным, общенациональным – сопричастию с ним, рождению подлинного себя частью мироздания. Так, онтологические, этические и педагогические смыслы едины: живой человек и живое знание – основа образования и бытия.

Наша онтологическая состоятельность уже сегодня может быть начата с культуры мысли, с «цифровой гигиены», бережности к старости, к хрупкости человеческой жизни, с общегосударственных программ «Детство», «Юность», «Отклик таланту», «Родная книга». Это особенно актуально в ситуации напряжённого поиска мира. Человек, как и окружающая его природа, по-прежнему таинство в своей духовной сущности. Таинство в истине, как истина в таинстве. Только в Истине может состояться Мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблеев С. Р., Кузьминская С. И. Технологическая дегуманизация образования: сущность проблемы и социально-психологические последствия // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 6. – С. 314–318.
2. Антонов Д. А. Соборность и общинность как важнейшие определения идентитета российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 3. – С. 7–13.
3. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. сангл. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 188 с.
4. Ковба Д. М., Грибовод Е. Г. Теоретические аспекты феномена трансгуманизма: основные направления // Дискурс-Пи. – 2019. – № 3 (36). – С. 38–52.
5. Муслимов Т. К. Фундаментальные причины религиозных расколов и прецеденты их преодоления // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 4. – С. 164–171.
6. Панарин А. С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. – 2003. – № 6. – С. 16–36.
7. Путин: мир вступил в длительный период поиска и «движения на ощупь». – URL: <https://tass.ru/politika/25235009> (дата обращения: 14.03.2026).
8. Тен В. В. Шизофренизация массового сознания и необходимость ноосферного фундаментализма // Маркс, Вернадский и фундаментальные стратегии России XXI века:

коллективная монография. Сборник статей по итогам симпозиума, октябрь 2017 г. – СПб.: Издательство ВВМ, 2018. – С. 197–213.

9. Фурсов А. И. Демонтаж капитализма. Интервью. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/554> (дата обращения: 12.03.2026).

10. Baars Bernard J. A cognitive theory of consciousness. – New York: Cambridge University Press, 1988. – 424 p.

11. Hassan Ihab Habib. The right promethean fire: imagination, science, and cultural change. – Urbana: University of Illinois Press. – 218 p.

12. Kohler Michael. «Postmodernismus» Ein begriffsgeschichtlicher Oberblick, Amerikastudien. – 1977. – Vol. 22, No. 1. – Pp. 19–46.

13. Smith A. Between facts and myth: Karl Jaspers and the actuality of the axial age // International Journal of Philosophy and Theology. – Vol. 76. – No.4. – Pp. 315–334.

REFERENCES

1. Ableev S. R., Kuzminskaya S. I. Technological dehumanization of education: the essence of the problem and socio-psychological consequences // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 6. – Pp. 314–318.

2. Antonov D.A. Conciliarity and community as the most important definitions of the identity of Russian society // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2013. – No. 3. – Pp.7–13.

3. Bauman Z. Globalization. Consequences for man and society / translated from English. – Moscow: Publishing house «The Whole World», 2004. – 188 p.

4. Kovba D. M., Gribovod E.G. Theoretical aspects of the phenomenon of transhumanism: the main directions // Discourse-Pi. – 2019. – № 3 (36). – Pp. 38–52.

5. Muslimov T. K. Managerial decisions and transitions // Russia and the Muslim World. – 2014. – № 4. – Pp.164–171.

6. Panarin A. S. Postmodernism and globalization: the project of freeing owners from social and national obligations // Questions of Philosophy. – 2003. – № 6. – Pp. 16–36.

7. Putin: the world has entered a long period of search activity and «movement on earth». – URL: <https://tass.ru/politika/25235009> (date of reference: 03/14/2026).

8. Ten V. V. Schizophrenization of mass consciousness and the need for noospheric fundamentalism // Marx, Vernadsky and the Fundamental Strategies of Russia in the 21st century: a collective monograph. Collection of articles on the results of the symposium, October 2017. – Saint Petersburg: VVM Publishing House, 2018. – Pp. 197–213.

9. Fursov A. I. Dismantling of capitalism. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/554> date of request: 12.03.2026).

10. Bernard J. Baars Cognitive theory of consciousness. – New York: Cambridge University Press, 1988. – 424 p.

11. Hassan Ihab Habib. The True Promethean Fire: Imagination, Science, and Cultural Change. – Urbana: University of Illinois Press. – 218 p.

12. Kohler Michael. «Postmodernismus» is one of the largest literary publications in America. 1977. – Vol. 22. – No. 1. – Pp.19–46.

13. Smith A. Between facts and myth: Karl Jaspers and the relevance of the Axial Age // International Journal of Philosophy and Theology. – Vol. 76. – No. 4. – Pp. 315–334.

ВЕРА И РАЗУМ В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
FAITH AND REASON IN THE SYSTEM OF NATIONAL VALUES

Емельянова Н.Н., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», Донецк, Россия

Yemelyanova N.N. Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Chair of Philosophy
FGBOU VO "Donetsk State University", Donetsk, Russia

Аннотация: В статье исследуется проблема соотношения веры и разума в русской философии. Анализируются идеи Ф.М. Достоевского, И.А. Ильина, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева и других отечественных мыслителей, убеждённых в гармоничной связи рационального и чувственного, логического и интуитивного, божественного и человеческого. Показано, что в системе отечественных ценностей сакральная вера занимает ведущее место, помогая человеку распознавать вечные истины непрерывающимся духовным усилием.

Abstract: This article explores the relationship between faith and reason in Russian philosophy. It analyzes the ideas of F.M. Dostoevsky, I.A. Ilyin, V.S. Solovyov, N.A. Berdyayev, and other Russian thinkers who believed in the harmonious connection between the rational and the sensual, the logical and the intuitive, the divine and the human. It demonstrates that sacred faith occupies a leading place in the system of Russian values, helping people discern eternal truths through unceasing spiritual effort.

Ключевые слова: вера, разум, ценности, Бог, Россия.

Keywords: faith, reason, values, God, Russia.

В системе отечественных ценностей во все времена главное место занимали добро, истина, красота, вера, разум. После принятия христианства мыслители древней Руси, понимающие Библию как зашифрованный текст, стремились привить своим современникам ценностные принципы, основанные на соборности как отечественном духовном коллективизме. На протяжении многих веков эти ценности были основополагающими в борьбе против Ордынского ига, в преодолении княжеских раздоров, ослабляющих Русь, в строительстве сильного национального государства. Идеи византизма и европеизма органично переплетались в самосознании русской интеллигенции, стремящейся к просвещению народа и установлению разумного, справедливого общественного строя. Отсюда – ломка культурных стереотипов в преобразовательной деятельности Петра Первого, идеи вольтерьянства в эпоху Екатерины Великой, полемика западников и славянофилов в XIX веке, философия русского космизма, нашедшая всеобъемлющее воплощение в философии Всеединства В. Соловьева, раздумья о судьбоносной роли России в учениях представителей

русского религиозного Ренессанса – Н. Бердяева, С. Франка, В. Розанова и т. д., аксиологические искания современных исследователей русской идентичности.

В размышлениях отечественных философов постоянно акцентировалась проблема соотношения сакрального и земного, божественного и человеческого, рационального и чувственного. Логика разума и логика сердца, бывшие предметом раздумий европейских мыслителей, находили живой отклик у отечественных любомудров. В европейской философской традиции эта проблема осмысливалась начиная с тертуллиановского «Верую, ибо абсурдно» и до теологических интенций нашего времени. Отечественные мыслители прошлого и настоящего всегда пытались найти гармонию разума и сердца, позволявшую адекватно совместить несовершенство земного мира и всемогущество трансцендентного Бога.

Ф. Достоевский видел заслугу русских философов в глубочайшем проникновении в человеческую душу. В то же время он утверждал, что «законы духа человеческого столь ещё неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределённые и столь таинственны, что нет и не может быть ещё ни лекарей, ни даже судей окончательных, а есть Тот, который говорит: «Мне отмщение, и аз воздам». Ему одному лишь известна вся тайна мира сего и окончательная судьба человека» [2, с. 636-637]. Предназначение русских людей Ф. Достоевский усматривал в осуществлении истинного единения и братства в границах всего человечества.

И.А. Ильин, размышлявший о «русской идее», видел её смысл в осуществлении судьбоносной задачи, стоящей перед Россией: из самого сердца творить самобытную национальную культуру. «Новые поколения русских людей должны воспитываться к *сердечной и предметной свободе*. Эта директива – на сегодня, и на завтра, и на века. Это единственно верный и главный путь, ведущий к расцвету русского духа и к осуществлению христианской культуры в России» [3, с. 170]. Сердечная и предметная свобода предполагала союз просвещённого разума и нерушимой веры, выстраивающей ступеньки к вечности.

Осмысливая ценностные приоритеты современности, отечественные мыслители отмечали, что вера и разум нередко противопоставляются на уровне как обыденного, так и теоретического сознания. Между тем, это противопоставление неправомерно, так как конечной целью и веры, и знания является нахождение истины, познание скрытой гармонии мира. С. Франк когда-то отметил, что спор между верующим и неверующим так же беспредметен, как спор между музыкальным и не музыкальным человеком. Долгая история вытеснения Бога из нашей жизни убедительно доказала, что цинизм и догматическая самоуверенность в собственной непогрешимости могут быть возведены в ранг человеческого достоинства. В этом случае человек руководствуется не желанием постичь истину, а ленивым состоянием ума и недоверием к мудрости тысячелетий. Но и находясь в поиске истины, можно столкнуться с этой мудростью и оспорить её. Истина и вера в истину – это два мира интересов, которые не всегда идут рядом.

Для того, чтобы сильно и глубоко верить, нужны отвага и способность идти на риск, готовность принять муки и разочарование. Такая вера невозможна для того, кто дорожит личным спокойствием и безопасностью и поэтому уходит в глухую оборону. Напротив, мужественная вера, в том числе и вера в собственные духовные силы, способна преодолевать любые препятствия. Заметим, что такая вера особенно востребована в нынешнем экзистенциальном противостоянии, призванном защитить ценности русского мира.

Если знание даёт представление о том, кем или чем является данный объект, то вера показывает, каким он должен быть. Иначе говоря, вера ведёт человека к последней цели, которая, возможно, содержит в себе множество вариантов. Вера помогает проникнуть в смысл явлений, которые человеческий разум, предоставленный самому себе, не может постичь в силу ограниченности нашего опыта. Человеку, скованному путами неверия, трудно осилить духовный подъём веры. Б. Спиноза, тонко уловивший связь веры и знания, был убеждён, что истинная вера позволяет человеку интеллектуально видеть речи, находящиеся не в нас, а вне нас, и поэтому является путём к истинному познанию. Такая же мысль содержится в рассуждениях А. Уайтхеда, который пытался найти путь примирения между тайной религией и утончённой наукой. Он считал, что религия является видением того, что находится по ту сторону, вне и внутри преходящего потока вещей, явленных непосредственно.

Человек стремится к нахождению истин, но он способен придавать определённой универсальной позиции лишь формулировки этих истин, которые в дальнейшем могут быть оспорены. Традиционные теории не бывают статичными: они либо превращаются в бессмысленные формулы, либо приобретают новую силу в процессе более полного постижения действительности. Вечность принципов религии не исключает возможности изменения формулировок и освобождения её идей от случайных элементов. Имея одну и ту же цель, вера и разум идут к ней разными путями; по своей сути вера – это совсем другая форма установления отношений с истиной.

По мнению А.Ф. Лосева, вера в сущности своей есть знание. Возникающая на основе интуиции и вдохновения, вера учит человека сохранять верность высшим мгновениям своей жизни и распознавать вечные истины усилием каждого нового поступка. Размышляя о философских построениях В. Белинского, Д. Писарева, В. Соловьёва, С. Франка и других отечественных мыслителей, А.Ф. Лосев подчёркивает: «Русская литература есть вопль против созерцательности, отвлечённости, схематизма; и вся она есть художественная и моральная исповедь и проповедь, политический памфлет и разоблачение, религиозное и социальное пророчество и воззвание, сплошная тревога и набат, но ни в каком случае не отвлечённое рассуждение, не логическая система, не методическое построение» [4, с. 511-512].

Э. Фромм, отделявший рациональную веру от иррациональной, понимал первую как устойчивость человеческих убеждений, а вторую – как следование чужой мысли, полагаемой истинной. Иначе говоря, рациональная вера вырабатывается внутренними интеллектуальными и эмоциональными процессами, а иррациональная приходит из внешних авторитетных источников. Деятельность учёных, ориентированная на научные открытия, опирается на рациональную веру. Однако зададимся вопросом: можно ли всякую рациональную веру причислить к науке, а иррациональную – к религии? Ведь и наука бывает заключена в оковы авторитетной мысли, дающей направление и определяющей совокупность средств для научного поиска. Иногда научные знания подгоняются под теорию, которая считается последним достижением науки, хотя и не имеет права на абсолютное знание.

Конечно, можно возразить, что некомпетентность и фальсификации в науке рано или поздно проявляют себя, и лженаука в конце концов терпит крах. Но как тогда объяснить тот факт, что многие люди, в том числе – известные учёные, приходят к вере в божественный разум именно в зрелые годы? Отрицая Бога как порождение иррациональной веры в начале

жизни, они находят Его после долгих лет поиска и глубоких размышлений. В этом случае вера основывается не на каком-либо авторитете и не является следствием религиозного воспитания; она приходит как знание, выстраданное целой человеческой жизнью. Результатом глубокой веры становится осознание своего предназначения в мире, а также – возможность более полного распознавания добра и зла.

При этом веру необходимо отличать от суеверия, порождённого недостаточностью знаний. Недаром Г. Сковорода, именуемый «русским Сократом», считал, что суеверие хуже безбожия, и называл суеверных людей догматиками и воинственными талмудистами, нетерпимыми к инакомыслию. Именно к суеверию относится и культ любой личности, ведущий к потере чувства реальности как у так называемого «микробожества», так и у тех, кто ему поклоняется. Миллионы судеб приносятся в радостную жертву торжествующему властителю, который считается не только «отцом народа», но и условием его процветания. И, хотя история все расставляет по своим местам, культ личности не становится от этого менее трагичным и опасным.

Разновидностью подобного суеверия является культ гения, фанатичная вера в его исключительность. В своё время Ф. Ницше объявил этот культ отзвуком монархии и даже богопочитания: когда запах жертвоприношений проникает в мозг гения, он чувствует головокружение и начинает шататься, считая себя почти сверхчеловеком. Следствием этого становится чувство безответственности, исключительных прав, вера, что общение с людьми есть милость с его стороны, безумный гнев при попытке сравнить его с другими или даже оценить ниже других и осветить что-то неудачное в его деятельности. Везде, где существует стремление возносить людей в сверхчеловеческую сферу, возникает склонность представлять целые слои народа более низкими и грубыми. Это и есть та самая иррациональная вера, ослепляющая разум и заставляющая оправдывать любые, даже бесчеловечные поступки новоявленных «сверхлюдей».

Амбивалентность истины, всегда неполной и незавершённой, предполагает существование ошибок и заблуждений, идущих рядом с достоверным знанием. Человек как существо двойное и, по выражению Н. Бердяева, в высшей степени поляризованное, способен как к любви, так и к эгоизму, как к безграничной вере, так и к откровенному цинизму. Однако дух подлинного величия невозможно уничтожить догмами, несовместимыми с осознанием высокого долга. Вероятно, в религии содержатся такие духовные принципы, которые невозможно отвергнуть ни при каких обстоятельствах. То, что носит название дара богов, предстаёт в человеке высшим Я – тем, чем он бывает в свои высшие мгновения. Но это Я приходит и исчезает по воле провидения, и человек снова погружается в обыденное состояние зависимости и покорности.

Апостол Павел, размышляя о высшем и низшем началах в человеке, указывал на «внешнего» человека как закон плоти и «внутреннего» человека как закон совести. Если первое потеряно страстями, то второе постоянно обновляется и совершенствуется. В поисках Бога и его подобия человек преодолевает самого себя. Как справедливо отмечал М. Шелер, человек в определённом смысле олицетворяет образ Бога: благодаря ему извечное сущее не только познает себя, но и предстаёт таким сущим, в свободном решении которого его естественную простую сущность освящает сам Бог.

В своё время В. Соловьев, признанный рыцарь духовности, утверждал, что по своей природе люди не могут быть равными; между ними существует вражда, и в человечестве не наблюдается братства: «Если, таким образом, осуществление правды невозможно на почве данных природных условий – в царстве природы, то оно возможно лишь в царстве благодати, то есть на основании нравственного начала как безусловного или божественного» [5, с. 21-22]. Поиск истины, изначально сопряжённый с возможностью мыслить свободно и творчески, всегда связан с извечным стремлением человека к гармонии и совершенству. Жить, философствовать и стремиться изменить мир к лучшему – означает всегда быть в ценностном поиске.

Эту мысль продолжил Н. Бердяев, считавший, что человеческий разум может изменяться и даже определяться религиозной верой или, напротив, неверием. Постигание истины люди нередко связывают с усилиями разума: «Но критерий истины не в разуме, не в интеллекте, а в целостном духе» [1, с. 22]. Только творческой работой духа можно достичь гуманизации философского познания.

В системе отечественных ценностей сакральная вера занимает ведущее место, помогая человеку распознавать вечные истины непрекращающимся духовным усилием. У личности есть лишь одна достойная возможность: пройти героический жизненный путь, то есть принять в душу все потери и победы человечества, почувствовать его историю как свою собственную судьбу. Чтобы осознать противостояние человека и мира и при этом сохранить внутреннюю гармонию, нужно задуматься о будущем, в котором Бог будет абсолютной точкой отсчёта. На этом пути любовь к истине должна стать пробным камнем для строгой самооценки. Нам нужно понять, что наше прошлое уже сложено и убрано, а будущее зависит от того, сумеем ли мы противостоять миру, способному избавиться от Бога. В конечном счёте это означает, сумеем ли мы обрести извечную гармонию веры и разума.

Работа выполнена в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение», № госрегистрации 124101500444-8

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. – М.: Т8RUGRAM, 2018. – 208 с.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 880 с.
3. Ильин И. А. О русской идее // Ильин И. А. О русском национализме: Сборник статей. – Симферополь: Издательство Шпатакова «Родное слово», 2016. – С. 146–202.
4. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
5. Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве / В. Соловьев; [вступит. ст. А.А. Тесли]. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 382 с.

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. I and the World of Objects. – M.: T8RUGRAM, 2018. – 208 p.
2. Dostoevsky F. M. A Writer's Diary / Comp., commentary A. V. Belov / Ed. O. A. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2010. – 880 p.

3. Ilyin I. A. On the Russian idea // Ilyin I. A. On Russian nationalism: A collection of articles. – Simferopol: Shpatakov Publishing House "Rodnoe Slovo", 2016. – Pp. 146–202.
4. Losev A. F. Philosophy. Mythology. Culture. – M.: Politizdat, 1991. – 525 p.
5. Solovyov V. Readings about God-manhood / V. Solovyov; [enter. Art. A.A. Tesli]. – M.: RIPOL classic, 2018. – 382 p.

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
КАК «ТРОЯНСКИЙ КОНЬ» ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ¹
ARTIFICIAL INTELLIGENCE
AS A "TROJAN HORSE" OF TECHNOGENIC CIVILIZATION**

Быданов В.Е., кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии

Овчинникова В.Л., аспирант, ассистент Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), Россия, Санкт-Петербург

Bydanov V.E., PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy

Ovchinnikova V.L., Postgraduate Student, Assistant St. Petersburg State Institute of Technology (Technical University), Russia, St. Petersburg

Аннотация. В статье исследуется двойственная роль искусственного интеллекта в современном техногенном обществе. Используя метафору «троянского коня», авторы выявляют антропологические и социальные риски внедрения ИИ: от когнитивной деградации и формирования «иллюзорной компетентности» в образовании до угроз тотального контроля и социального расслоения. Обосновывается необходимость перехода от модели инструментального использования ИИ к парадигме «симбиотического интеллекта», где ключевыми становятся этическая рефлексия, критическое мышление и ответственность.

Abstract. The article examines the dual role of artificial intelligence in modern technogenic society. Using the metaphor of the «Trojan horse», the authors identify anthropological and social risks of AI integration: from cognitive degradation and the formation of «illusory competence» in education to the threats of total control and social stratification. The necessity of transitioning from an instrumental model of AI use to the paradigm of «symbiotic intelligence» is substantiated, where ethical reflection, critical thinking, and responsibility become key.

Ключевые слова: техногенное общество, искусственный интеллект, троянский конь, критическое мышление, социальные риски, симбиотический интеллект, проблема контроля.

Keywords: technogenic society, artificial intelligence, Trojan horse, critical thinking, social risks, symbiotic intelligence, control problem.

История Троянской войны донесла до нас мощное предупреждение, облечённое в форму мифа. Дары данайцев, как известно, коварны. Гигантский деревянный конь, преподнесённый как символ примирения и искупления, скрывал в своём чреве смертоносную силу, решившую исход десятилетней осады. Этот древний сюжет обретает пугающую актуальность сегодня, когда на пороге техногенной цивилизации стоит её собственный «дар» – искусственный интеллект. Цивилизация, которая возвела технологический прогресс в

абсолют и уверовала в способность техники решить любую проблему, добровольно открывает ворота перед невиданным артефактом. Внешняя привлекательность этого дара – эффективность, скорость, безграничный доступ к знанию – столь велика, что мы спешим принять его, часто не задаваясь вопросом: что именно скрыто внутри [4, с. 3]?

Принятие этого дара уже состоялось. Последние годы ознаменовались триумфальным шествием генеративных моделей, которые совершили качественный скачок от простых алгоритмов к имитации творчества. От появления GPT-3.5 до современных мультимодальных нейросетей, способных генерировать тексты, изображения и код, ИИ перестал быть экзотикой и превратился в невидимую, но вездесущую часть нашей повседневности. Умные помощники планируют наш день, рекомендательные системы формируют информационную повестку, автопилоты управляют транспортом, а алгоритмы ставят диагнозы в медицине. Экономика нового уровня немыслима без ИИ: оптимизация бизнес-процессов, финансовое моделирование и ускорение научных открытий – от разработки вакцин до создания новых материалов – стали визитной карточкой современного технологического уклада [2, с. 5]. Мы с восторгом приняли этого коня в свой город, не замечая, как меняется сам город под влиянием незримого «жителя».

Однако именно сейчас наступает момент, когда необходимо заглянуть внутрь этого дара и деконструировать миф о его нейтральности. Техногенная цивилизация, обнаружившая свою ахиллесову пяту, рискует столкнуться с системными угрозами, которые ИИ не просто проявляет, но и многократно усиливает. Первая из них – иллюзия объективности. Нам свойственно доверять цифре, полагая, что алгоритм свободен от человеческих предрассудков. Но это глубокое заблуждение: ИИ наследует и усиливает предвзятость данных, на которых обучается, тиражируя расовые, гендерные и социальные стереотипы. Ситуация усугубляется проблемой «чёрного ящика»: зачастую даже разработчики не могут объяснить логику принятия решений сложными нейросетями [13, с. 105].

Ещё более глубокий вызов бросает самому существованию человека как мыслящего существа проникновение ИИ в сферу образования и интеллектуального труда. Традиционная модель инженерного образования строилась на последовательном освоении теории и её проверке практикой, где студент проходил через самостоятельное решение задач. Сегодня ИИ радикально меняет эту парадигму. Получая готовые ответы от нейросети, студент перестаёт прилагать когнитивные усилия. Внимание атрофируется без тренировки, а процесс мышления подменяется потреблением информации. Как справедливо отмечает Джон Серл в своём мысленном эксперименте «Китайская комната», успешное манипулирование символами по заданному алгоритму не тождественно пониманию [11, с. 9]. Это прямой аналог того, как студент использует ChatGPT: получая формально правильный результат, он рискует не понять сути, попадая в ловушку «эффекта Даннинга-Крюгера», когда иллюзия компетентности заменяет подлинное знание [4, с. 4].

В эту ловушку попадает не только отдельный студент, но и общество в целом. Социальные и политические последствия внедрения ИИ проявляются уже сегодня в полной мере. Кризис реальности, спровоцированный дипфейками и тотальной дезинформацией, подрывает доверие к медиа, выборам и самой возможности объективной картины мира. Системы распознавания лиц и прогнозирования преступности стирают грань между

безопасностью и тотальной слежкой, ставя под угрозу приватность. Возникает опасность сверхзависимости критической инфраструктуры – энергосетей, транспорта – от систем ИИ, чьи сбои или кибератаки на которые могут привести к кризису целых регионов [7, с. 45].

Но ключевой вопрос, который ставит перед нами этот «дар», – это вопрос о природе сознания и судьбе человека. Роджер Пенроуз, опираясь на теорему Гёделя, доказывает, что человеческое понимание не может быть сведено к алгоритмическим вычислениям [8, с. 58]. Однако даже если гипотетическая машина когда-либо сможет имитировать понимание, перед человечеством встанет ещё более серьёзная проблема, которую Ник Бостром называет «проблемой контроля» [1, с. 144]. Создание сверхразумного ИИ, который во много раз превосходит лучшие умы человечества, ставит вопрос: как гарантировать, что его цели будут совпадать с нашими? Бостром предупреждает об опасности «порочной реализации», когда даже благая цель, поставленная перед сверхразумом, может быть достигнута способом, уничтожающим человечество [1, с. 136]. Это не злонамеренность, а буквальное следование поставленной цели, чуждая человечности «логика» машины.

Означает ли вышесказанное, что ИИ должен быть изгнан из образовательного процесса и социальной практики? Разумеется, нет. Но ответ на вызовы техногенной цивилизации лежит в выработке новой стратегии – формировании культуры «симбиотического интеллекта». В этой парадигме человек остаётся субъектом, ставящим цели и несущим ответственность, а машина выступает усилителем его познавательных возможностей. Это требует принципиально нового подхода к обучению, где главным становится не заучивание фактов, а развитие критического мышления, этической рефлексии и «грамотности в области ИИ» [6, с. 119]. Инженер будущего должен понимать границы применимости нейросетей, проверять их результаты и оценивать последствия внедрения интеллектуальных систем. Лидерство, эмпатия и стратегическое мышление становятся не «дополнительными навыками», а фундаментом профессиональной состоятельности.

Ключевым направлением становится интеграция в учебные программы курсов по этике ИИ, философии техники, эпистемологии и теории глобальных рисков [10, с. 67]. Возможно, человечеству предстоит обсуждение нового социального контракта, включающего перераспределение благ, таких как безусловный базовый доход, как ответ на тотальную автоматизацию. Важнейшим требованием становится прозрачность алгоритмов для независимого аудита и активная роль государства как арбитра, а не просто заказчика ИИ-систем [3, с. 102].

Итак, кто же войдёт в опустевший город, когда пыль Троянской войны осядет? Мы стоим перед выбором, который предлагает нам техногенная цивилизация: использовать ИИ как инструмент для расцвета или как троянского коня для самоуничтожения. Технология не нейтральна – дар требует мудрости. Необходим диалог всех сторон – учёных, власти, бизнеса, граждан – для создания «противовесов» внутри самого «коня». Сможет ли человечество, создавшее разумный артефакт, сохранить собственный разум и свободу в эпоху, когда граница между человеком и машиной становится все более призрачной? Ответ на этот вопрос зависит не от технологий, а исключительно от нас самих, от нашей способности к рефлексии и мудрости в обращении с теми силами, которые мы сами же и призвали к жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 496 с.
2. A comprehensive review of applications of AI technologies in higher engineering education // Discover Education. – 2025. – Vol. 4, 528. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s44217-025-00954-0> (дата обращения: 11.03.2026).
3. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания / пер. с англ. А. Веретенникова; под общ. ред. Л. Б. Макеевой. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
4. Искусственный интеллект как зеркало: усилитель разума или троянский конь? // Минская правда. – 2025. – 28 августа. – URL: <https://mlyn.by/28082025/iskusstvennyj-intellekt-kak-zerkalo-usilitel-razuma-ili-troyanskij-konj/> (дата обращения: 10.03.2026).
5. Дубровский Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. – М.: ИД «Стратегия-Центр», 2007. – 272 с.
6. Жураковский В. М. Практикоориентированность как актуальная цель современной модернизации инженерного образования // Инновационные процессы в высшем и среднем профессиональном образовании и профессиональном самоопределении: сборник научных трудов / Российская академия образования; авт.-сост.: Е. Н. Геворкян, Н. Д. Подуфалов, М. Н. Стриханов. – М.: Экон-Информ, 2024. – С. 118–120.
7. Козинцев С. Сингулярность разума. Искусственный интеллект и мы. – [Б. м.]: Издательские решения, 2024. – 100 с.
8. Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики / пер. с англ. под общ. ред. В. О. Малышенко. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 400 с.
9. Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании / пер. с англ. А. Р. Логунова, Н. А. Зубченко. – М.: Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005. – 688 с.
10. Прись И. Е., Сторожук А. Ю., Симанов А. Л. Реляционная интерпретация квантовой механики и контекстуальный реализм // Философия науки. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 56–89.
11. Серл Дж. Разум мозга – компьютерная программа? // В мире науки. – 1990. – № 3. – С. 7–13.
12. Тьюринг А. Может ли машина мыслить? / пер. с англ. Ю. Данилова. – М.: ГИФМЛ, 1960. – 112 с.
13. Тюкаева Г. А. Проблематика искусственного интеллекта в информационно-техногенном обществе // Труды БГТУ. – Серия 6: История, философия. – 2025. – Т. 7. – № 3. – С. 100–117.
14. Winograd T. Procedures as a Representation for Data in a Computer Program for Understanding Natural Language. – Cambridge: MIT AI Technical Report 235, 1971. – 464 p.

REFERENCES

1. Bostrom N. Iskusstvennyy intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii [Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies] / transl. from English by S. Filin. – Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2016. – 496 p.

2. A comprehensive review of applications of AI technologies in higher engineering education // *Discover Education*. – 2025. – Vol. 4, 528. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s44217-025-00954-0> (date of access: 11.03.2026).
3. Dennett D. *Vidy psikhiki: na puti k ponimaniyu soznaniya* [Kinds of Minds: Towards an Understanding of Consciousness] / transl. from English by A. Veretennikov; ed. by L. B. Makeeva. – Moscow: Idea-Press, 2004. – 184 p.
4. *Iskusstvennyy intellekt kak zerkalo: usilitel razuma ili troyanskiy kon?* [Artificial Intelligence as a Mirror: Amplifier of Mind or Trojan Horse?] // *Minskaya Pravda*. – 2025. – August 28. – URL: <https://mlyn.by/28082025/iskusstvennyj-intellekt-kak-zerkalo-usilitel-razuma-ili-troyanskiy-kon/> (date of access: 10.03.2026).
5. Dubrovsky D. I. *Soznaniye, mozg, iskusstvennyy intellekt* [Consciousness, Brain, Artificial Intelligence]. – Moscow: Strategy-Center Publishing House, 2007. – 272 p.
6. Zhurakovskiy V. M. *Praktikoorientirovannost kak aktualnaya tsel sovremennoy modernizatsii inzhenerenogo obrazovaniya* [Practice-Oriented Approach as an Actual Goal of Modern Modernization of Engineering Education] // *Innovatsionnyye protsessy v vysshem i srednem professionalnom obrazovanii i professionalnom samoopredelenii: sbornik nauchnykh trudov* [Innovative Processes in Higher and Secondary Vocational Education and Professional Self-Determination: Collection of Scientific Papers] / Russian Academy of Education; comp.: E. N. Gevorkyan, N. D. Podufalov, M. N. Strikhanov. – Moscow: Econ-Inform, 2024. – Pp. 118–120.
7. Kozintsev S. *Singulyarnost razuma. Iskusstvennyy intellekt i my* [Singularity of Mind. Artificial Intelligence and Us]. – [S. l.]: Publishing Solutions, 2024. – 100 p.
8. Penrose R. *Novyy um korolya: O kompyuterakh, myshlenii i zakonakh fiziki* [The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds, and the Laws of Physics] / transl. from English ed. by V. O. Malyshenko. – Moscow: Editorial URSS, 2003. – 400 p.
9. Penrose R. *Teni razuma: v poiskakh nauki o soznanii* [Shadows of the Mind: A Search for the Missing Science of Consciousness] / transl. from English by A.R. Logunov, N.A. Zubchenko. – Moscow; Izhevsk: Institute of Computer Science, 2005. – 688 p.
10. Pris I. E., Storozhuk A. Yu., Simanov A. L. *Relyatsionnaya interpretatsiya kvantovoy mekhaniki i kontekstualnyy realizm* [The relational interpretation of quantum mechanics and contextual realism] // *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. – 2019. – Vol. 19. – No. 2. – Pp. 56–89.
11. Searle J. *Razum mozga — kompyuternaya programma?* [Minds, Brains, and Programs] // *V mire nauki* [Scientific American]. – 1990. – No. 3. – Pp. 7–13.
12. Turing A. *Mozhet li mashina myslit?* [Computing Machinery and Intelligence] / transl. from English by Yu. Danilov. – Moscow: GIFML, 1960. – 112 p.
13. Tyukaeva G. A. *Problematika iskusstvennogo intellekta v informatsionno-tekhnogennom obshchestve* [Problems of Artificial Intelligence in Information-Technogenic Society] // *Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya* [Proceedings of BSTU. Series 6: History, Philosophy]. – 2025. – Vol. 7. – No. 3. – Pp. 100–117.
14. Winograd T. *Procedures as a Representation for Data in a Computer Program for Understanding Natural Language*. – Cambridge: MIT AI Technical Report 235, 1971. – 464 p.

**ГЕЙМИФИКАЦИЯ И ИГРОВОЕ ОБУЧЕНИЕ В ДИСЦИПЛИНЕ «ОСНОВЫ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»: МЕТОДИКА, ОПЫТ, РИСКИ**
**GAMIFICATION AND GAME LEARNING IN THE DISCIPLINE "FUNDAMENTALS OF
RUSSIAN STATEHOOD": METHODOLOGY, EXPERIENCE, RISKS**

Полякова-Спичак В.Д., преподаватель
кафедры социально-гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет
им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Polyakova-Spichak V.D., Lecturer of the
Department of Social Sciences and Humanitie
Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В условиях цифровой трансформации образования геймификация и внедрение игрового обучения становятся одними из инструментов повышения вовлеченности студентов. В статье рассматривается опыт применения игровых методов в преподавании курса «Основы российской государственности», анализируются педагогические риски и основные проблемы геймификации, предлагаются методические подходы к разработке образовательных игр. Внимание уделено возможностям формирования практических навыков и критического мышления через игровые сценарии.

Abstract: In the context of the digital transformation of education, gamification and the introduction of game learning are becoming one of the tools to increase student engagement. The article examines the experience of using game methods in teaching the course "Fundamentals of Russian Statehood", analyzes pedagogical risks and the main problems of gamification, and suggests methodological approaches to the development of educational games. Attention is paid to the possibilities of developing practical skills and critical thinking through game scenarios.

Ключевые слова: геймификация, основы российской государственности, гражданское воспитание, игровое обучение, патриотизм.

Keywords: gamification, the foundations of Russian statehood, civic education, game learning, patriotism.

На данный момент в педагогической науке существует множество исследований, посвящённых трансформации методик обучения в связи с цифровизацией и «сменой мышления». Современные школьники и студенты каждый день сталкиваются с огромными информационными потоками, испытывают когнитивную усталость и сложности с концентрацией внимания на продолжительное время. Потому педагоги всё больше внимания уделяют методам, на которые возлагаются надежды по повышению мотивации обучающихся, их вовлеченности в образовательный процесс. В их число входят геймификация и игровое обучение.

В русскоязычном медиапространстве сформировалось смысловое разделение этих понятий. Геймификация – это адаптация игровых элементов (рейтинги, интерактивные карты) к реальным процессам (обучение, рабочий процесс). Пользуясь ставшим классическим определением С. Детердинга – это «использование элементов игрового дизайна в неигровых контекстах» [5]. Геймификация оправдана в тех случаях, когда цель состоит в том, чтобы обогатить стандартный учебный процесс и повысить его привлекательность для учащихся. Это внедрение рейтинга, баллов, виртуальных наград. В определённой степени модульно-рейтинговая система, используемая в некоторых вузах – элемент геймификации.

Игровое обучение – это форма обучения, где игра является первичным и центральным элементом. Оно применяется, когда необходимо создать условия для практического освоения навыков, погрузить учащихся в имитацию реальных ситуаций через продуманную игровую модель, а также отработать взаимодействие между командами и в рамках разных функциональных ролей.

Эффективная геймификация практически невозможна в рамках одной дисциплины – это должна быть комплексная методика, охватывающая систему учебного заведения в целом. Игровое обучение, напротив, может применяться «точечно», без затрагивания стандартной системы оценивания и цифровых ресурсов, но важно понимать, что социально-гуманитарные дисциплины (в том числе «Основы российской государственности») в меньшей степени поддаются его внедрению. Это связано с ограничениями морально-этического характера. Игра – не универсальный инструмент, не все темы корректно представлять в виде викторины или настолки-бродилки. Цель данной статьи – рассмотреть некоторые возможности по внедрению игрового обучения в курс «Основы российской государственности», учитывая особенности тематик дисциплины, проанализировать сопутствующие риски, выделить практические рекомендации. Внимание уделено балансу между образовательной глубиной и интерактивной привлекательностью, а также этическим аспектам использования игры на чувствительных историко-политических темах.

Отправной точкой для разработки стал анализ существующих сложностей использования игровых подходов, на основе как личного опыта, так и исследований в данной сфере. Внимание было сосредоточено на двух блоках:

1. Методологические проблемы:

А) Чрезмерное увлечение внедрением игрового обучения, или же «игра ради игры». В таком случае повышение качества образования отходит на второй план, уступая место желанию применить новую завлекательную методику. Происходит подмена содержания формой.

Б) Отсутствие единой методологии создания игровых моделей. Дизайн образовательных игр субъективен, не существует универсальной формулы для их создания, а также отсутствует комплексная система оценивания эффективности метода. Это затрудняет разработку игровых механик, которые бы соответствовали учебным целям и не превращались в формальность.

В) Проблема целеполагания. Необходимо чётко определять образовательные цели перед внедрением игровых технологий и убедиться, что они соответствуют учебным стандартам. Как уже упоминалось, не всякий материал поддаётся геймификации.

2. Педагогические проблемы:

А) Недостаточная квалификация педагогических кадров. Многие учителя не обладают необходимыми профессиональными знаниями и навыками в области геймификации, включая цифровые компетенции и умение методически проектировать курсы с игровыми элементами [1, с. 28.].

Б) Восприятие игры как антитезы обучения. Распространено мнение о том, что эффективное обучение, сочетающее образование и развлечение, невозможно – игровые подходы допустимы в рамках внеурочной деятельности [3, с. 219].

В) Риск формирования внешней, а не внутренней мотивации. Если игра ориентирована исключительно на получение внешних вознаграждений (баллы, значки), у учащихся может сформироваться мотивация, основанная на добывании этих наград. После прекращения системы поощрений интерес к обучению может резко снизиться. Примером может служить популярная платформа для изучения языков Duolingo, многие пользователи которой уже не сколько изучают язык, столько поддерживают «ударный режим».

Г) Риск упрощения сложного материала. Учебный материал, включённый в игру, зачастую претерпевает серьёзные изменения, что мешает глубокому пониманию предмета [2, с. 116].

В дисциплине «Основы российской государственности», чтобы избежать перегрузки игровыми форматами, количество подобных семинаров составляет 16% (3 занятия) [4]. Для курса автором было составлено несколько образовательных игр, направленные на активизацию познавательной деятельности студентов, развитие терминологической грамотности и понимание сложных институциональных процессов – для второго («Российское государство-цивилизация») и четвёртого («Политическое устройство России») блоков дисциплины.

Первая игра – адаптация популярной словесной игры «Элиас». Впервые такой формат был представлен на круглом столе по методике преподавания дисциплины «Основы российской государственности», организованном Дальневосточным федеральным университетом. Основная задача участников заключалась в том, чтобы объяснять ключевые термины, связанные с политической системой, правом, государственным устройством и гражданскими институтами, не используя однокопленные слова и прямые переводы. Была создана база из более 80 терминов, включающая такие понятия, как суверенитет, федерализм, цивилизационный подход и другие. Игра проводилась в командном формате, что способствовало не только индивидуальной подготовке, но и коллективному обсуждению формулировок, стимулируя рефлексию и уточнение понятий. Основная идея заключалась в донесении смысла термина, а не заучивании его академической формулировки. Практика показала, что данная форма способна повысить уровень усвоения терминологии. Кроме того, при работе с некоторыми группами игра способствовала снижению языкового барьера – в объяснение терминов включались и иностранные студенты.

Вторая игра – ролевая симуляция под названием «Законотворческий процесс» – была направлена на моделирование реальной политической динамики при разработке и принятии федерального закона. Студенты делились на три основные ветви: Государственная Дума (с фракциями или без, в зависимости от количества человек в группе), Совет Федерации и

Администрация Президента. Каждая группа получала инструкцию, описывающую полномочия, обязанности и стратегические цели её института. В ходе игры команды разрабатывали законопроекты по актуальным социальным темам (например, «Об образовании в цифровой среде», «О волонтерской деятельности», «О патриотическом воспитании»), проходили процедуру обсуждения, внесения поправок, голосования и согласования между палатами. Особое внимание уделялось реалистичности взаимодействий: студенты учились договариваться, лоббировать интересы, отстаивать позиции и учитывать политические риски. Эта игра позволила не только закрепить знание регламента законотворческой деятельности, но и развить навыки публичных дебатов, критического мышления и командной работы. Студенты отмечали, что впервые почувствовали себя частью политического процесса, что способствовало формированию гражданской ответственности и интереса к государственным институтам.

Однако обе игры имеют свои ограничения. В случае с терминологической игрой основной риск заключается в том, что акцент на угадывание слова может смещать внимание с содержательного понимания на игровой азарт – требуется высокая вовлеченность преподавателя как модератора. Кроме того, эффективность игры напрямую зависит от качества подготовки студентов: если участники не изучали термины заранее, игра становится угадыванием, а не закрепляет знания. Что касается ролевой игры, то её реализация требует значительных временных и организационных ресурсов. Выявлены трудности в обеспечении равного участия всех студентов – в крупных группах часть участников может оставаться на периферии процесса, выполняя второстепенные функции. Кроме того, существует этический аспект: моделирование политических решений может вызывать острые дискуссии, особенно при обсуждении спорных законопроектов, что также требует от преподавателя чётко исполнять функцию модератора.

Тем не менее, обе игры продемонстрировали высокий потенциал как инструменты гражданского и правового воспитания. Они позволяют перевести абстрактные нормы и институты в плоскость личного опыта, что особенно важно для курса, нацеленного на формирование патриотического сознания и активной гражданской позиции. Ключом к успеху является сочетание игровой формы с последующей рефлексией, а также чёткое позиционирование игры как средства, а не цели обучения.

Образовательные игры для курса «Основы российской государственности» могут способствовать пониманию сложных политических процессов. Однако для того, чтобы игра действительно работала на образовательный результат, а не превращалась в развлекательную паузу, необходимо придерживаться ряда принципов:

1. Выбирайте цель, а не формат.

Изначально нужно определить, какую образовательную задачу вы решаете: нужно ли закрепить терминологию? Важно ли понимание институциональных взаимодействий? Необходимо ли развить критическое мышление?

2. Сохраняйте баланс между игрой и содержанием.

Смысловая нагрузка не должна перекрываться игровыми механиками. Например, в игре на объяснение терминов важно, чтобы студенты понимали понятие, а не просто угадывали его по подсказкам.

3. Будьте готовы к этическим вызовам.

Курс «Основы российской государственности» имеет много сложных и дискуссионных тематик. С одной стороны, игровой формат может предрасположить к свободе выражения мнения (что важно в условиях, когда многие преподаватели отмечают высокий уровень недоверия к дисциплине со стороны аудитории). С другой – необходимо всегда оставаться в рамках академической дискуссии.

4. Продумывайте роли и взаимодействия.

В ролевых играх важно, чтобы каждый участник имел чёткую инструкцию, были предусмотрены механизмы взаимодействия между институтами, преподаватель выступал в роли модератора, а не арбитра.

5. Подготавливайте студентов заранее.

Игра не должна быть первой встречей с темой. Лучше использовать такие форматы в конце образовательных блоков курса – тогда это становится обобщением и закреплением знаний.

6. Оценивайте не только результат, но и процесс, например, участие в обсуждениях, аргументированность ответов, способность работать в команде.

Важно подчеркнуть, что геймификация и игровое обучение – не панацея. Это не универсальное решение всех образовательных задач, но может стать эффективным дополнением к традиционным методам преподавания. Для дисциплины «Основы российской государственности» это играет особую роль, так как предлагает вариант преодоления часто возникающих перед преподавателями сложностей – в первую очередь, недоверие к курсу и недостаточный уровень базовых знаний аудитории (если речь о студентах не гуманитарных направлений). Иногда игровые форматы позволяют сформировать более доверительную атмосферу на занятиях. Однако необходимо отметить, что успех внедрения игровых методик зависит от профессионализма преподавателя, его способности сохранять баланс между развлекательным и образовательным компонентами, а также от чёткого понимания целей и возможностей данного подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова Т. Г., Таланова И. О. Геймификация в образовании: проблемы и тенденции // Ярославский педагогический вестник. – 2022. – № 5 (128). – С. 26–33.
2. Гнатик Е. Н. Геймификация как нарастающий тренд в сфере высшего образования: перспективы и проблемы // Вопросы философии. – 2023. – № 6. – С. 116–123.
3. Полякова А. В. Геймификация в образовании: обзор проблем и исследований // Человеческий капитал. – 2024. – № 5 (185). – С. 216–221.
4. Полякова-Спичак В. Д., Квасов О. Н. Основы российской государственности. Методические указания для семинарских и практических занятий студентов всех направлений и специальностей подготовки. М-во науки и высшего образования РФ, ФГБОУ ВО «ВГЛУ». – Воронеж, 2023. – 49 с.
5. Deterding, S. From Game Design Elements to Gamefulness: Defining Gamification / S. Deterding, D. Dixon, R. Khaled, L. Nacke // Proceedings of the 15th International Academic

MindTrek Conference: Envisioning Future Media Environments (Finland 28–30 September 2011). – New York: Association for Computing Machinery, 2011 – Pp. 9–15.

REFERENCES

1. Volkova T. G., Talanova I. O. Gamification in education: problems and trends // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2022. – № 5 (128). – Pp. 26–33.
2. Gnatik E. N. Gamification as a growing trend in higher education: prospects and problems // Voprosy filosofii. – 2023. – No. 6. – Pp. 116–123.
3. Polyakova A. V. Gamification in education: a review of problems and research // Human capital. – 2024. – № 5 (185). – Pp. 216–221.
4. Polyakova-Spichak V. D., Kvasov O. N. Fundamentals of Russian Statehood. Methodological guidelines for seminars and practical classes for students of all fields and specialties of training. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, VGLTU. – Voronezh, 2023. – 49 p.
5. Deterding, S. From Game Design Elements to Gamefulness: Defining Gamification / S. Deterding, D. Dixon, R. Khaled, L. Nacke // Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference: Envisioning Future Media Environments (Finland 28–30 September 2011). – New York: Association for Computing Machinery, 2011 – Pp. 9–15.

DOI: 10.58168/ENEUM2026_31-37

УДК 378:378.01:331.108

**ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЁРСТВА «ГОСУДАРСТВО – ВУЗ – РАБОТОДАТЕЛИ» В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ:
НОВЫЕ РОЛИ, ЗАПРОСЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
DINAMICS OF THE SOCIAL PARTNERSHIP "STATE – UNIVERSITY – EMPLOYERS" IN MODERN EDUCATION:
NEW ROLES, DEMANDS AND PEDAGOGICAL PRACTICES**

Барахоева А.Р., кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»,
Россия, Ярославль

Barakhoeva A.R., Candidate of law Sciences, associate professor
FGBOUVO «P.G. Demidov Yaroslavl State University», Russia, Yaroslavl

Аннотация: В статье анализируется трансформация системы высшего образования в контексте изменения модели социального партнёрства «государство – вуз – работодатели». В центре внимания – комплекс взаимосвязанных проблем, возникающих на стыке государственных приоритетов в сфере воспитания гражданской идентичности, запросов рынка труда на профессиональные компетенции и технологических изменений в образовательном процессе. На основе проведённого анализа сформулированы предложения по совершенствованию модели социального партнёрства и повышению эффективности высшего образования

Abstract: This article analyzes the transformation of the higher education system in the context of the changing model of social partnership between the state, university, and employers. It focuses on a complex set of interrelated issues arising at the intersection of state priorities in civic identity development, labor market demands for professional competencies, and technological changes in the educational process. Based on this analysis, proposals are formulated for improving the social partnership model and enhancing the effectiveness of higher education.

Ключевые слова: социальное партнёрство, государство, вуз, работодатели, гражданская идентичность, патриотическое сознание, нравственные установки, гражданская позиция, профессиональные компетенции.

Keywords: social partnership, state, university, employers, civic identity, patriotic consciousness, moral principles, civic position, professional competencies.

Современное высшее образование развивается в условиях глубокой трансформации модели социального партнёрства «государство – вуз – работодатели». Изменение баланса сил в системе социального партнёрства проявляется, прежде всего, в усилении роли государства как стратегического заказчика образовательных услуг. Сегодня оно выступает основным инициатором изменений, акцентируя внимание на формировании у студентов активной

гражданской позиции и нравственных установок [1, с. 70]. Этот сдвиг отражает более широкую тенденцию переосмысления миссии университета в современном обществе: от узкопрофессиональной подготовки кадров к воспитанию социально ответственной личности, способной интегрироваться в социокультурное пространство страны и вносить вклад в её развитие.

В последние годы на нормативно-правовом уровне закрепляются требования к формированию гражданской идентичности и патриотического сознания студентов. Это находит отражение в актуализации и введении новых образовательных курсов, таких как «Обучение служением», «Основы российской государственности», «История и культура России». Данные дисциплины призваны не просто передавать знания, но и формировать ценностные ориентиры, развивать понимание исторической преемственности, гражданской ответственности и сопричастности к судьбе страны [22, с. 425-426]. Их междисциплинарный характер позволяет интегрировать гражданско-патриотическое воспитание в широкий спектр учебных программ, связывая теоретические знания с практическим гражданским участием. Однако формирование нравственных установок остаётся относительно новой и недостаточно разработанной задачей для вуза. В отличие от профессиональных навыков ценностные качества сложно измерить и оценить. Отсутствует единая методика воспитания гражданской позиции, не выработаны чёткие критерии сформированности нравственных качеств [3, с. 216].

Параллельно сохраняется и даже усиливается запрос работодателей на подготовку специалистов, обладающих актуальными профессиональными компетенциями. Современный рынок труда требует от выпускников не только предметных знаний, но и навыков XXI века: критического мышления, креативности, умения работать в команде, адаптироваться к изменениям, решать комплексные задачи. Работодатели всё чаще выступают соавторами образовательных программ, предлагая стажировки, кейс-задания, проекты, отражающие реальные потребности индустрии. Это создаёт для вузов сложную задачу – балансировать между государственными и отраслевыми запросами, находить оптимальное сочетание гражданской социализации и профессиональной подготовки. Успешное решение этой задачи предполагает не просто механическое добавление новых дисциплин в учебные планы, а глубокую трансформацию образовательных подходов, при которой гражданская идентичность и профессиональные компетенции взаимно усиливают друг друга.

В этих условиях вуз выступает координатором взаимодействия между государством и работодателями. Он должен не только адаптировать учебные планы под новые требования, но и разрабатывать механизмы обратной связи с обеими сторонами. Это предполагает создание экспертных советов с участием представителей госорганов и бизнеса, проведение регулярных мониторингов востребованности компетенций, организацию совместных мероприятий (форумов, конференций, хакатонов), а также гибкое обновление образовательных программ с учётом меняющихся условий. Важным аспектом становится развитие системы независимой оценки квалификаций, которая позволяет верифицировать соответствие компетенций выпускников актуальным требованиям рынка труда. Кроме того, вузы могут выступать площадками для пилотирования новых образовательных технологий и методик, предлагаемых государством и индустрией, что способствует их более быстрой адаптации и масштабированию. Вместе с тем, особого научного осмысления требует проблема асимметрии

информации между участниками социального партнёрства. Вузы не всегда располагают полными данными о долгосрочных стратегических приоритетах государства и реальных потребностях работодателей, что приводит к дисбалансу в образовательных программах. Отсутствие единой информационной платформы для обмена данными между госорганами, бизнесом и учебными заведениями затрудняет согласование целей и методов подготовки кадров.

Трансформация содержания образования сопровождается изменениями в форматах и методиках обучения. Введение новых курсов требует пересмотра подходов к организации учебного процесса. Цифровые платформы становятся неотъемлемой частью образовательного ландшафта: системы управления обучением (LMS) используются для размещения лекционного материала, проведения онлайн-тестирований, организации дискуссий и групповой работы. Это позволяет освободить аудиторное время для более интенсивных практических занятий, проектной деятельности и интерактивных семинаров. Рост доли онлайн-курсов и гибридных форматов обучения расширяет доступ к знаниям, делает образование более гибким и персонализированным. Однако цифровая трансформация не должна сводиться к простой цифровизации традиционных методов – она предполагает переосмысление педагогических стратегий с учётом возможностей новых технологий. Например, использование больших данных позволяет выявлять индивидуальные образовательные траектории студентов, а элементы геймификации повышают мотивацию к изучению сложных тем. Особый пласт проблем связан с внедрением искусственного интеллекта в образовательный процесс. С одной стороны, ИИ открывает значительные возможности: позволяет персонализировать обучение, автоматизировать проверку заданий, анализировать большие данные об успеваемости студентов, генерировать учебные материалы и сценарии занятий. С другой стороны, возникают риски снижения критического мышления, формирования зависимости от готовых решений, ухудшение мнемонических процессов и бдительности [4, с. 186], этические вопросы использования персональных данных. Кроме того, многие преподаватели не готовы к работе с ИИ-инструментами: им не хватает компетенций для интеграции новых технологий в учебный процесс, понимания их потенциала и ограничений. Это делает необходимой разработку программ повышения квалификации, направленных на цифровую грамотность педагогов, освоение ими современных методик и инструментов. При этом важно учитывать, что ИИ не должен заменять преподавателя, а служить вспомогательным средством, расширяющим его педагогические возможности. Следует также учитывать, что чрезмерная опора на цифровые платформы порождает риск технологической зависимости, которая может привести к утрате традиционных форм коммуникации и наставничества. Личные контакты, живое обсуждение сложных вопросов и неформальное взаимодействие преподавателя и студента остаются критически важными для передачи ценностных установок, но в условиях цифровизации эти элементы образовательного процесса нередко вытесняются автоматизированными решениями.

Роль преподавателя в высшем образовании претерпевает существенную трансформацию: если ранее его ключевая функция сводилась к роли лектора, который самостоятельно изучал значительный массив нормативных актов и научной литературы, отслеживал изменения законодательства и готовил учебные материалы практически без

использования цифровых инструментов – в условиях ограниченного доступа к компьютеру, интернету и системам искусственного интеллекта, – то сегодня ситуация кардинально изменилась. Современные студенты имеют прямой доступ к обширным базам данных, научным источникам и актуальным обзорам изменений законодательства, в связи с чем акцент в образовательном процессе смещается с простой трансляции знаний на формирование у обучающихся практических навыков и компетенций. Это приводит к сокращению количества часов, отведённых на лекционные занятия, и увеличению доли практических форм обучения, в результате чего ведущая роль в образовательном процессе переходит к преподавателю-практику, который проводит семинары, организует мастер-классы и ведёт проектные сессии, позволяющие студентам применять теоретические знания на практике.

Преподаватель всё чаще выступает в роли фасилитатора и наставника, помогающего студентам не только осваивать компетенции, но и формировать ценностные установки. Увеличение числа интерактивных занятий и проектной работы требует от педагога новых навыков: умения модерировать дискуссии, давать конструктивную обратную связь, интегрировать цифровые инструменты в учебный процесс, а также работать с разнородными группами студентов, имеющими разный уровень подготовки и мотивации. В этих условиях особую значимость приобретает развитие педагогического дизайна – проектирования учебных модулей, сочетающих различные форматы и методы обучения для достижения комплексных образовательных результатов. Значимым вызовом здесь выступает разрыв поколений в педагогическом сообществе. Преподаватели старшего возраста нередко испытывают трудности с освоением цифровых инструментов и новых педагогических методик, в то время как молодые специалисты не всегда обладают достаточным предметным знанием и опытом воспитательной работы. Это создаёт дисбаланс в кадровом потенциале вузов и осложняет внедрение инновационных образовательных практик. Кроме того, значительная часть педагогического сообщества проявляет сопротивление изменениям, отдавая предпочтение традиционным методам обучения. Это обусловлено как привычкой к устоявшимся педагогическим практикам, так и недостаточной информированностью о преимуществах инновационных подходов. В ряде случаев преподаватели скептически относятся к новым дисциплинам, считая их избыточными или недостаточно связанными с профессиональной подготовкой студентов.

Сопутствующими препятствиями модернизации образования можно выделить:

1) неравномерность ресурсного обеспечения вузов: не все образовательные организации обладают достаточными возможностями для полноценного внедрения цифровых платформ и поддержки гибридных форматов обучения. Различия в материально-технической базе, уровне цифровой инфраструктуры и доступности высокоскоростного интернета создают неравенство между учебными заведениями, особенно между федеральными университетами и региональными вузами. Это приводит к фрагментации образовательного пространства и снижает общую эффективность трансформации системы высшего образования;

2) бюрократизм: синхронизация образовательных стандартов с быстро меняющимися требованиями рынка труда. Динамичное развитие технологий, трансформация профессиональных профилей и появление новых компетенций требуют постоянной актуализации учебных программ. Однако бюрократические процедуры внесения изменений в

образовательные стандарты зачастую отстают от реальных потребностей экономики, что снижает конкурентоспособность выпускников;

3) коммерциализация образования также оказывает негативное влияние на трансформацию системы. Стремление вузов увеличить внебюджетные доходы может приводить к сокращению общественно значимых, но менее «рентабельных» дисциплин в пользу узкопрофессиональных курсов. В результате смещаются приоритеты в сторону краткосрочной финансовой выгоды в ущерб долгосрочной воспитательной миссии университета.

На основе проведённого анализа можно сделать вывод, что трансформация парадигмы образования сегодня – это целый комплекс взаимосвязанных проблем, которые необходимо рассматривать в связке. В связи с этим, можно сформулировать ряд конструктивных предложений по совершенствованию модели социального партнёрства и повышению эффективности высшего образования:

1) необходимо укрепить механизмы координации между участниками социального партнёрства. В этих целях создать единую цифровую платформу взаимодействия «государство – вуз – работодатели» для обмена данными о стратегических приоритетах государства, актуальных потребностях рынка труда и возможностях вузов. Сформировать при вузах экспертные советы с участием представителей госорганов, отраслевых ассоциаций и ведущих работодателей для оперативного согласования образовательных программ. Внедрить систему регулярного мониторинга востребованности компетенций (ежегодные опросы работодателей, анализ вакансий, форсайт-сессии). Дополнительно целесообразно укрепить партнёрство с работодателями через создание совместных образовательных программ, стажировок, исследовательских проектов и конкурсов профессионального мастерства. Это позволит сократить разрыв между теорией и практикой, обеспечить более точную настройку образовательных программ под реальные потребности;

2) следует развивать нормативно-методическое обеспечение гражданско-патриотического воспитания. В этих целях разработать научно обоснованные методики формирования гражданской идентичности и нравственных установок с чёткими критериями оценки результатов (например, через систему индикаторов гражданской активности, уровня исторической грамотности, участия в волонтерских проектах). Это может быть реализовано через создание междисциплинарных модулей, сочетающих профессиональные и гражданские компетенции, а также внедрение рефлексивных практик и социальных проектов в учебный процесс;

3) интегрировать элементы психологической поддержки в образовательный процесс (тренинги стрессоустойчивости, консультации по профессиональному самоопределению). Применять методики, снижающие тревожность и повышающие мотивацию (геймификация, проектное обучение, обратная связь в режиме реального времени). В-четвёртых, расширить применение гибридных и онлайн-форматов обучения с сохранением ключевых элементов живого взаимодействия (дискуссии, мастер-классы, консультации). Внедрить гибкие механизмы актуализации учебных программ с сокращением бюрократических процедур (например, упрощённый порядок внесения изменений для дисциплин по выбору и факультативов). Развивать систему независимой оценки

квалификаций для верификации соответствия компетенций выпускников требованиям рынка труда;

4) важно организовать регулярные программы повышения квалификации для преподавателей, охватывающие цифровую грамотность, методики активного обучения и работу с ИИ-инструментами. Наряду с этим, следует создать систему этического регулирования использования ИИ в образовании, обеспечивающую прозрачность алгоритмов, защиту персональных данных и сохранение гуманистической направленности обучения [5, с. 64-65];

5) преодолению кадрового дисбаланса в педагогическом сообществе будут способствовать: создание системы стимулирования преподавателей за внедрение инновационных методик и участие в проектах по развитию вуза; разработка программ профессионального развития, учитывающие возрастные и профессиональные особенности педагогов (модульные курсы, микрообучение, стажировки в компаниях-партнёрах), организация наставнических программ, где опытные преподаватели передают предметные знания молодым коллегам, а молодые специалисты обучают старших коллег цифровым навыкам;

б) установить нормативы финансирования, гарантирующие сохранение общественно значимых дисциплин (включая гуманитарный блок и курсы по гражданской идентичности) даже при ориентации на внебюджетные источники; развивать целевые программы поддержки социально значимых образовательных инициатив (гранты на разработку междисциплинарных модулей, финансирование волонтёрских проектов студентов).

Реализация данных предложений позволит достичь баланса между государственными задачами воспитания социально ответственной личности и запросами рынка труда на профессиональные компетенции. Повысить качество образования за счёт интеграции цифровых технологий без утраты гуманистических ценностей. Укрепить взаимодействие между вузами, государством и работодателями. Снизить неравенство между учебными заведениями и обеспечить равные возможности для всех студентов. Эти меры требуют комплексного подхода и поэтапной реализации с учётом специфики регионов и направлений подготовки, а также регулярного мониторинга эффективности внедряемых решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Молчанов И. Н. Образование и экономический рост: настоящее и взгляд в будущее // Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – Вып. 108. – С. 68–78. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-i-ekonomicheskij-rost-nastoyashee-i-vzglyad-v-budushee/viewer> (дата обращения: 20.04.2026 г.)
2. Сорокина А. И., Мальцева А. С. Формирование основ российской государственности в вузах // Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета. – 2023. – № 20. – С. 423–427.
3. Лукушин В. А. Практика реализации учебного курса «Основы российской государственности» в оценках преподавателей вуза // Власть. – 2025. – № 5. – С. 215–222.

4. Степанова Д. И. Возможности и последствия интеграции информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс // Аудиторские ведомости. – 2025. – № 2. – С. 184–189.
5. Каримов К. Основные проблемы искусственного интеллекта в науке // Постсоветский материк. – 2022. – № 4 (36). – С. 59–66.

REFERENCES

1. Molchanov I.N. Education and Economic Growth: The Present and a Look into the Future // Public Administration. Electronic Bulletin. 2025. – Issue 108. – Pp. 68–78. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-i-ekonomicheskij-rost-nastoyaschee-i-vzglyad-v-budushee/viewer> (date of access: 20.04.2026).
2. Sorokina A. I., Maltseva A. S. Formation of the Foundations of Russian Statehood in Universities // Collection of Scientific Papers of Angarsk State Technical University. – 2023. – No. 20. – Pp. 423–427.
3. Lukushin V. A. Practice of implementing the course "Fundamentals of Russian Statehood" in the assessments of university teachers // Vlast. – 2025. – No. 5. – Pp. 215–222.
4. Stepanova D. I. Possibilities and consequences of integrating information and communication technologies into the educational process // Audit reports. – 2025. – No. 2. – Pp. 184–189.
5. Karimov K. Main problems of artificial intelligence in science // Post-Soviet continent. – 2022. – No. 4 (36). – Pp. 59–66.

DOI: 10.58168/EHEUM2026_38-42

УДК 378; 37.035.7

**ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ ПЕДАГОГИКИ И ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ**
TRADITIONS OF RUSSIAN PEDAGOGY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE
TECHNOLOGY: CONTRADICTIONARY INTERACTION

Мещерякова Е.И., доктор педагогических наук, профессор
Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), Россия

Mesheryakova E.I., Doctor of Pedagogic Sciences, Professor
Military Educational and Scientific Centre of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh), Russia

Аннотация: в статье актуальная проблема противоречивого взаимодействия педагогических традиций и инноваций рассматривается в аспекте обоснования возможностей, открывающихся в связи с цифровой трансформации образования. В качестве одного из перспективных направлений реализации таких возможностей в специфическом образовательном процессе военного вуза рекомендовано включение в электронную образовательную среду модуля видеолекций, разработанного с использованием технологий искусственного интеллекта.

Abstract: the article considers the current problem of the contradictory interaction of pedagogical traditions and innovations in the aspect of substantiating the opportunities opening up in connection with the digital transformation of education. As one of the promising directions for the implementation of such opportunities in the specific educational process of a military university, it is recommended that a video lecture module developed using artificial intelligence technologies be included in the electronic educational environment.

Ключевые слова: педагогические традиции, инновации, технологии искусственного интеллекта.

Keywords: pedagogical traditions, Innovation, artificial intelligence technologies.

Отечественное образование в начале наступившего столетия вступило в новый этап развития, который исследователи называют этапом цифровой трансформации [1]. Цифровизация обучения и воспитания, активное внедрение технологий искусственного интеллекта стали не только способом разрешения проявившихся на рубеже столетий противоречий, но и породило новые, обострение которых может привести к серьезным негативным последствиям. Выявление и исследование противоречий привело к постановке актуальных проблем в самых разных научных областях, в частности – в области педагогики. Одной из актуальных проблем становится проблема оптимального сочетания традиций и

инноваций в образовании, а одним из её аспектов – максимальное раскрытие и использование в образовательном процессе современного вуза потенциала инновационных педагогических технологий.

В основе обозначенной проблемы лежат противоречия разных уровней. На уровне общества, государства – это противоречие между потребностью в подготовке высококвалифицированных специалистов, адаптированных к использованию самых современных технологий и обладающих значимыми личностно-профессиональными качествами, и недостаточной готовностью системы российского образования к такой подготовке. На уровне педагогической науки – это противоречие между необходимостью разработки целостной концепции, на основе которой можно осуществлять исследования возможностей, открывающихся в связи с внедрением в образовательный процесс цифровых технологий, и отсутствием теоретико-методологической базы, способствующей выявлению и обоснованию таких возможностей, раскрытию перспектив и рисков, связанных с внедрением инновационных технологий. На уровне отдельной образовательной организации – это противоречие между востребованностью в новых методах и средствах, перспективных технологиях, в должном методическом сопровождении аудиторных занятий и внеаудиторной работы с обучающимися и неготовностью профессорско-преподавательского состава к эффективному и научно-обоснованному внедрению новшеств в образовательный процесс современного вуза.

Предупреждению обострения, а возможно и разрешению обозначенных противоречий может способствовать рациональное сочетание в образовании педагогических традиций и инноваций. Педагогические традиции являются неотъемлемой составляющей нашей национальной культурной среды, национального и профессионального менталитета. Они обеспечивают непрерывность развития и педагогической теории, и практики образовательной деятельности на всех ступенях её осуществления. Между традициями и инновациями в педагогике наблюдается противоречивое взаимодействие, к характеристике которого исследователи подходят с разных позиций.

Следует отметить, что исследование сочетания традиций и инноваций в отечественной педагогике привлекает внимание многих учёных. Наибольший интерес, в связи с этим вызывают в последние годы труды В.П. Боровых, Н.М. Борытко, А.М. Егорычева, Е.И. Исаева, М.В. Савина, В.В. Серикова, Н.П. Юдина и др. При этом исследователями педагогических традиций высказываются самые разные, порой существенно различающиеся суждения. Например, для В.П. Боровых педагогическая традиция – это форма педагогического сознания, которое характеризуется им как «продукт долгой исторической эволюции» [2, с. 6]. А для М.В. Савина – это целостное исторически сложившееся педагогическое явление, обеспечивающее непрерывность развития педагогической теории и практики [3, с. 15]. Если в первом случае доминирует субъективное, то во втором – объективное начало в характеристике исследуемого феномена. Вероятно, это связано с тем, что, по справедливому утверждению Е.А. Григорьевой, «традиция обладает двойственной сущностью. Она объективна и субъективна, прерывна и бесконечна, изменчива и устойчива» [4, с. 132].

Определяя связь между педагогическими традициями и инновациями, можно с уверенностью утверждать, что их противоречивое взаимодействие имеет существенные

особенности применительно к военному образованию. В силу самых разных причин, анализ которых выходит за рамки настоящей публикации, военное образование является одной из наиболее консервативных и наименее восприимчивых к инновационным изменениям областей отечественного образования. В связи с этим курсанты военных вузов – выпускники общеобразовательных школ на стадии адаптации к условиям обучения в военном вузе сталкиваются с проблемами, которые не характерны для гражданских вузов, но играют важную роль в профессиональной подготовке будущих офицеров. Из множества таких проблем в контексте настоящей публикации можно выделить следующие:

- 1) резкое сокращение информации, получаемой курсантами из внешних источников, отсутствие доступа к привычным гаджетам и средствам коммуникации;
- 2) включение в новую систему ценностно-смысловых отношений, в которой доминируют отношения, основанные на военно-профессиональной ментальности;
- 3) преимущественно авторитарные методы управления обучением и воспитанием, жёсткие дисциплинарные требования, необходимость исполнения приказов, связанных с несением службы;
- 4) территориальная ограниченность нахождения, постоянство взаимодействия с ограниченным кругом лиц командного, профессорско-преподавательского состава, курсантами и др.

Отметим, что педагогические традиции в военных вузах неразрывно связаны с воинскими традициями, которые мы рассматриваем в одной из своих публикаций [5, с. 131-133]. Нарушение этой связи может приводить к серьёзным негативным последствиям, проявлением которых станет, прежде всего, разрушение ценностно-смысловых ориентаций будущих офицеров. В связи с этим акцент на формирование ценностно-смысловых ориентаций, соответствующих целевым установкам обучения и воспитания военнослужащих Российской армии, становится обязательным при разработке и реализации инновационных педагогических технологий в образовательном процессе современного военного вуза.

Рамки настоящей публикации не позволяют подробно остановиться на представлении перспектив сочетания традиций и инноваций в воинском обучении и воспитании. Можно показать лишь одно из эффективных средств, способствующих сглаживанию обозначенных противоречий в контексте внедрения инновационных педагогических технологий в образовательный процесс военного вуза. Таким средством становятся видеолекции, использующие возможности, представляемые искусственным интеллектом. Правовую основу использования средств и технологий искусственного интеллекта составляют Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [6]) и ведомственные нормативные правовые акты Министерства обороны России. В ВУНЦ ВВС «ВВА» в контексте реализации возможностей, представляемых технологиями искусственного интеллекта, разрабатывается электронная информационно-образовательная среда «АКАДЕМИЯ. Для её создания используются современные web-технологии, что позволяет поддерживать множество типов интегрируемых программных модулей. Одним из таких модулей и становится модуль видеолекций.

Создание модуля видеолекций преследует цель представления каждому курсанту возможности работать с материалом отдельных тем каждой из изучаемых дисциплин. Разработанная преподавателем видеолекция включает блоки: вводный (в нем преподаватель ставит цель и задачи изучаемой темы, определяет её место в системе тем, логику и последовательность изучения поставленных вопросов); основной (здесь изучаемый материал демонстрируется на сменяющих друг друга видеофрагментах, которые генерируются с помощью технологий искусственного интеллекта на основе материалов, разработанных преподавателем; такими материалами могут быть слайды, картинки, видеофайлы и др.); контрольный (в нем преподаватель подведёт итог изучения материала и определяет перспективы использования полученных знаний для подготовки к учебным занятиям, для самостоятельной работы, для реализации в практической военно-профессиональной деятельности).

Чтобы обеспечить отмеченную ранее необходимость сочетания традиций и инноваций, а также чтобы реализовать акцент на формирование ценностно-смысловых ориентаций, соответствующих целевым установкам обучения и воспитания военнослужащих Российской армии, преподаватель во вводном блоке должен целенаправленно изучение курсантом учебного материала в русле ценностно-смысловых ориентиров, соответствующих профессиональной ментальности военнослужащих. Этому может способствовать и ориентация искусственного интеллекта на генерирование видеоматериала с использованием межпредметной интеграции.

Важные преимущества видеолекции как средства, используемого в рамках технологии искусственного интеллекта в электронной информационно-образовательной среде военного вуза определяются тем, что курсант получает возможность изучать материал в более привычной и удобной форме – в форме визуализированной информации, он может регулировать процесс изучения материала, замедлять ли ускорять просмотр, задавать вопросы, привлекать дополнительную или уточняющую информацию и т.п. Что немаловажно, продолжительность видеолекции не превышает получаса. В видеолекции может содержаться контролирующий блок. В нем можно предусмотреть вопросы, которые либо заранее подготовлены преподавателем, либо сгенерированы искусственным интеллектом.

Внедрение модуля видеолекций в электронную информационно-образовательную среду сопряжено с серьёзными организационными, техническими, финансовыми проблемами, анализ которых выходит за рамки настоящей статьи.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1) необходимость разрешения (сглаживания) противоречий, проявившихся в наступившем столетии в связи с вступлением отечественного образования в этап цифровой трансформации, требует глубокого и всестороннего исследования актуальных проблем, связанных с сочетанием традиций и инноваций в обучении и воспитании;

2) педагогические традиции, являясь неотъемлемой составляющей национальной культурной среды, национального и профессионального менталитета, обеспечивают непрерывность развития и педагогической теории, и практики образовательной деятельности на всех ступенях ее осуществления, при этом между традициями и инновациями в педагогике наблюдается противоречивое взаимодействие;

3) широкие возможности в обеспечении оптимального сочетания педагогических традиций и инноваций открывают технологии искусственного интеллекта; одним из перспективных направлений реализации таких возможностей в специфическом образовательном процессе военного вуза становится включение в электронную образовательную среду модуля видеолекций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Роберт И. В. Развитие дидактики периода цифровой трансформации образования. – URL: <https://robert-school.ru> (дата обращения: 08.04.2026).
2. Боровых В. П. Традиция как форма педагогического сознания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 9 (43). – С.4–7.
3. Савин М. В. Развитие педагогических традиций в российском образовании конца XVII – начала XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Волгоград, 2005. – 24 с.
4. Григорьева Е. А. Педагогические традиции в теории и практике российского образования // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – №9. – С.130–135.
5. Мещерякова Е. И. Традиции российского офицерства и воспитание курсантов в современном военном ВУЗе. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Проблемы общества, науки и образования в условиях геополитической турбулентности». – Казань, Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, 2025. – С. 131–133.
6. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». – URL: <http://www.base.garant.ru> Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 (дата обращения: 08.04.2026).

REFERENCES

1. Robert I. V. The development of didactics in the period of digital transformation of education. – URL: <https://robert-school.ru> (date of reference: 04/08/2026).
2. Borovykh V. P. Tradition as a form of pedagogical consciousness // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. – 2009. – № 9 (43). – Pp. 4–7.
3. Savin M. V. The development of pedagogical traditions in Russian education in the late 17th – early 19th centuries. ... Doctor of Pedagogical Sciences. – Volgograd, 2005. – 24 p.
4. Grigorieva E. A. Pedagogical traditions in the theory and practice of Russian education // Bulletin of the Tyumen State University. – 2011. – No. 9. – Pp.130–135.
5. Meshcheryakova E. I. Traditions of Russian officers and education of cadets in a modern military university. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference "Problems of society, science and education in the context of geopolitical turbulence". – Kazan, Institute of International Relations, History and Oriental Studies of Kazan (Volga Region) Federal University, 2025. – Pp. 131–133.
6. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019 "On the development of Artificial Intelligence in the Russian Federation". – URL: <http://www.base.garant.ru> Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019 (date of reference: 04/08/2026).

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К УЧЕБНОЙ ОШИБКЕ В СОВРЕМЕННОЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ:
ОТ КАРАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ МОТИВАЦИИ**
TRANSFORMATION OF ATTITUDES TOWARD ACADEMIC ERRORS IN THE MODERN
EDUCATIONAL PARADIGM:
FROM A PUNITIVE MODEL TO RESEARCH MOTIVATION

Петряева Т.А., старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет
им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Petryaeva T.A., Senior Lecturer

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В статье исследуется проблема отношения к учебной ошибке в современной школе. На основе историко-философского анализа и результатов анкетирования обучающихся доказывается деструктивность карательной модели оценивания. Авторы работы обосновывают необходимость институционального перехода от страха наказания к исследовательской мотивации, что особенно актуально в эпоху развития искусственного интеллекта, когда умение верифицировать ошибку становится ключевым профессиональным навыком.

Abstract: The article examines the problem of attitudes toward academic errors in modern schools. Based on historical and philosophical analysis and student survey results, the destructiveness of the punitive grading model is proven. The necessity of an institutional transition from the fear of punishment to research motivation is substantiated, which is particularly relevant in the era of artificial intelligence, where the ability to verify an error becomes a key professional skill.

Ключевые слова: учебная ошибка, образовательная парадигма, система оценивания, учебная мотивация, искусственный интеллект.

Keywords: academic error, educational paradigm, grading system, learning motivation, artificial intelligence.

Очевидно, что школа является одним из важнейших социальных институтов, в задачи которого входит создание условий для передачи накопленного многими поколениями опыта и обеспечения прогресса человеческой цивилизации. Однако за безусловной пользой данного базового социального образования скрывается множество вызовов. В современном научном и общественном дискурсе активно обсуждается широкий спектр актуальных проблем отечественного образования, многочисленные данные социологических опросов фиксируют обеспокоенность общества вопросами недофинансирования, слабой материально-технической базой, которой располагают учебные учреждения, перегруженностью учебных программ, а также высоким уровнем психоэмоционального напряжения, включая острую

проблему буллинга. Однако на фоне озвученных вызовов одна из самых глубоких проблем, связанная с отношением образовательной системы к ошибкам обучающихся, парадоксальным образом часто игнорируется и остаётся неохваченной педагогическими исследованиями.

Если обратиться к истории развития школы, можно заметить, что она постепенно трансформировалась из развивающего пространства, где воспитанник имеет право на эмпирический поиск, право оступиться и извлечь из ошибки урок, в пространство, где ошибка неизбежно влечет за собой санкцию. Подобная тенденция закономерным образом блокирует личностный потенциал воспитанника, провоцируя защитные реакции, такие как замкнутость, обиду или скрытую агрессию. В результате традиционная практика отношения к ошибке не способствует формированию стремления к постижению истины и умению анализировать причины собственных неудач, а порождает у учащихся страх перед образовательным процессом, усугубляя психологический дискомфорт у ребёнка.

Подобное противоречие имеет глубокие исторические корни, так, ещё Аврелий Августин в своём автобиографичном труде «Исповедь» описывал деструктивное влияние страха на процесс познания. Вспоминая, как тяжело ему давалось изучение греческого языка, он писал: «Я не знал ведь ещё ни одного слова по-гречески, а на меня налегали, чтобы я выучил его, не давая ни отдыха, ни срока, и пугая жестокими наказаниями» [1, с. 23]. В процессе описания и осмысления своих детских воспоминаний Аврелий Августин приходит к выводу, что для познания «свободная любознательность гораздо важнее грозной необходимости» [1, с. 23]. Сформулированный философом-богословом педагогический постулат о том, что внутренняя исследовательская мотивация всегда эффективнее внешнего принуждения, необходимо воспринять современной образовательной системе и каждому учителю при взаимодействии с воспитанниками.

Необходимо отметить, что гуманистический призыв Аврелия Августина к «свободной любознательности», сформулированный на рубеже Античности и Средневековья, сегодня находит фундаментальное подтверждение в современной методологии науки и когнитивных исследованиях. Анализ природы человеческого познания доказывает, что развитие научного знания, появление инновационных технологий, меняющих мир и логику выстраивания общественных отношений, эволюция культуры в целом невозможны в условиях безошибочной среды. Так, американский философ и историк науки Томас Кун в своей концепции научных революций убедительно доказал, что развитие «нормальной науки» неминуемо заходит в тупик без столкновения с аномалиями. По мысли учёного, «в науке открытие всегда сопровождается трудностями, встречает сопротивление, утверждается вопреки основным принципам, на которых основано ожидание. <...> Однако дальнейшее ознакомление приводит к осознанию некоторых погрешностей или к нахождению связи между результатом и тем, что из предшествующего привело к ошибке» [3, с. 97]. Таким образом, именно аномалия, отклонение от правила, ошибка в привычной картине мира представляет особую ценность, поскольку она порождает кризис, который, в свою очередь, заставляет учёных искать новые парадигмы и совершать революционные открытия.

Аналогичной позиции придерживаются и современные исследователи в области нейронаук и психолингвистики. Известный отечественный нейролингвист Т.В. Черниговская в статье «Нейронаука в поисках смыслов: мозг как барокко?» подчёркивает, что человеческий

мозг «не устроен как машина Тьюринга и не работает по принципу «стимул – реакция», принципы его работы скорее схожи с принципами барокко» [4, с. 17]. Рождение уникальных идей в науке и искусстве происходит именно в зоне риска, когда сознание выходит за рамки стандартной логики и действует на грани ошибки. Как отмечает исследователь, ссылаясь на метафоры барокко и искусства, ««ошибка» или обращение с правилом на грани риска и есть та зона, где возникают и развиваются животворные элементы искусства. Хороший мозг, как мне думается, устроен по аналогии с барокко. Он, подобно Караваджо, выхватывает из фона лица и объекты» [4, с. 24]. Следовательно, можно предположить, что истинное знание часто рождается «не по правилам», из своеобразной «аномалии» и нестандартных нейронных связей. Тогда, способность человека ошибаться, сталкиваться с неопределённостью и переосмыслять этот опыт является не препятствием для интеллектуального развития ученика, а его фундаментальным биологическим и методологическим механизмом.

При таком подходе парадокс современной школы становится ещё более очевидным. Будучи социальным институтом, призванным готовить новые поколения к развитию культуры и науки, школа продолжает культивировать карательное отношение к ошибке, вступая в прямое противоречие с самой природой познавательного процесса.

Для подтверждения актуальности данной проблемы и оценки её масштабов в современных реалиях нами было проведено эмпирическое исследование на базе МБОУ СОШ № 52 г. Воронежа. В ходе анкетирования было опрошено 52 респондента, обучающихся в 10 и 11 классах. Цель исследования заключалась в выявлении отношения современных школьников к ситуации совершения ошибки в учебном процессе, а также влиянию данной ситуации на их учебную мотивацию.

Полученные результаты наглядно демонстрируют, что проблема, описанная Аврелием Августином, не только не утратила своей остроты, но и приобрела новые аспекты в условиях цифровизации образования.

Данные опроса показывают, что подавляющее большинство респондентов (75%) воспринимают ошибку на уроке не как рабочую ситуацию, а как повод для стыда, страха потерять авторитет среди сверстников и оказаться в компании одноклассников неудачником и изгоем, или ожидания карательной санкции в виде снижения оценки. При ответе на вопрос о реакциях учителя значительная часть опрошенных (68%) отметила, что педагог чаще всего либо просто констатирует неверный ответ, снижая балл, либо реагирует жёстко, публично порицает ученика за плохо выполненную работу, не оставляя пространства для совместного разбора проблемы и возможности реабилитироваться. Четверть опрошенных (25%) школьников призналась, что система оценивания письменных работ и устных ответов не всегда выглядит прозрачной и объективной, респонденты указывали, что в некоторых случаях попытка выяснить причину сниженного балла могла привести к конфликту с учителем, что впоследствии лишь усугубляло положение ребёнка и приводило к тому, что оценка трансформировалась в инструмент демонстрации отношения учителя к конкретному ученику. Таким образом, ошибка представляется поводом для того, чтобы учитель «проучил» воспитанника, «наказал за поведение». Указанные данные подтверждают наш тезис о том, что существующая система оценок строится не на принципе поощрения успехов, а на принципах фиксации заблуждения, неточности и вычитания баллов за неверный ответ или неподобающее

поведение; что в конечном результате порождает страх ошибки и полностью блокирует инициативу обучающихся.

Следствием такого репрессивного подхода становится резкое падение учебной мотивации. Подавляющее большинство опрошенных (70%) признались, что сознательно отказываются от участия в дискуссии и активной работы на уроке, даже если имеют собственное мнение, исключительно из-за страха ошибиться перед классом и учителем. Таким образом, школа парадоксальным образом достигает эффекта, когда ребёнок из активного участника исследовательского процесса, превращается в пассивного ученика, выбирающего стратегию избегания неудач.

Кроме того, исследование вскрыло новые, специфические для современности причины учебных ошибок. Значительная часть опрошенных (84%) призналась, что неверные ответы часто становятся следствием использования непроверенной информации из интернета или текстов, сгенерированных искусственным интеллектом, которые обладают высокой степенью правдоподобности, но содержат фактические искажения.

Таким образом, результаты анкетирования обозначают глубокую многогранную проблему. С одной стороны, продолжая наказывать за неверный ответ, образовательная система школы лишает обучающегося права на интеллектуальный риск. А ведь именно готовность рисковать, выходить за рамки привычных алгоритмов и не бояться «аномалий» приводит к новым открытиям, зарождавая в ребёнке подлинный интерес к науке и исследовательской деятельности.

С другой стороны, современная реальность бросает школе новый, беспрецедентный вызов. Сегодня ученик может выдать за свой труд «галлюцинирующий», фактически неверный ответ нейросети, за что получает предсказуемое наказание в виде неудовлетворительной оценки. Однако необходимо осознать, что в скором времени искусственный интеллект научится генерировать безупречные ответы. Когда алгоритмы начнут предлагать идеальные решения без единой ошибки, традиционная карательная система оценивания окончательно потеряет свой смысл. У учителя не останется повода для наказания, поскольку исчезнет сам феномен ученической ошибки, но при этом приращения знаний и развития критического мышления у ученика не произойдёт.

В связи с этим, отечественной школе предстоит масштабный переход от карательной практики к формированию новой институциональной культуры, в которой ошибка признается естественным ресурсом развития. Вместо того чтобы снижать балл за некорректно заимствованную информацию, педагог должен научить ребёнка критически оценивать, анализировать и верифицировать получаемые данные. В этих условиях должна кардинально измениться сама природа учебной мотивации: от выполнения заданий из страха перед плохой оценкой мы должны перейти к мотивации через осознание пользы знания и получение интеллектуального удовольствия от процесса познания.

Более того, современной школе необходима парадоксальная на первый взгляд смена вектора – научить ребёнка получать удовольствие от самой ошибки. Таким образом, необходимо всем участникам образовательного процесса привить мысль, что ошибка не является позорным финалом учебного действия, а напротив представляет собой яркий старт для интенсивной, захватывающей совместной работы учителя, ученика и всего класса.

Разбирая анатомию своего заблуждения, углубляясь в причины возникновения этой «аномалии», школьник овладевает новым знанием и фактически примеряет на себя роль настоящего исследователя.

Школе необходимо осознать историческую закономерность, любой фундаментальный успех изначально произрастает из ошибки. Наша задача осуществить переход к новой образовательной модели, в которой мы мотивируем учеников не через страх перед неудачей, а через радость ее совместного преодоления, выводя школьную ошибку на высокий уровень подлинного научного интереса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврелий Августин. Исповедь. – СПб: «Азбука», 1999 – 392 с.
2. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения в 2 томах // Юрайт: [сайт]. – URL: <https://urait.ru/book/izbrannye-pedagogicheskie-sochineniya-565403> (дата обращения: 19.04.2026).
3. Томас Кун. Структура научных революций // Путь без иллюзий. Школа Владимира Каргополова: [сайт]. — URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1776358843&tld=ru&lang=ru&name=kuhn.pdf&text=томас%20кун%20смена%20парадигм%20значение%20ошибки%20для%20смены%20парадигм&url=https%3A%2F%2Fkargopolov.spb.ru> (дата обращения: 19.04.2026).
4. Черниговская Т.В. Нейронаука в поисках смыслов: мозг как барокко? // Вопросы философии. – 2021. – № 1. – С. 17–26.
5. Федоров О. Д., Казакова Е. И., Сатановская Е. М. Эволюция педагога: новый ролевой набор // Образовательная политика. – 2019. – № 3 (79). – С. 76–88.

REFERENCES

1. Aurelius Augustine Confessions. – St. Petersburg: Azbuka, 1999. – 392 p.
2. Comenius J. A. Selected Pedagogical Works in 2 volumes. // Urait: [website]. – URL: <https://urait.ru/book/izbrannye-pedagogicheskie-sochineniya-565403> (date of access: 19.04.2026).
3. Thomas Kuhn. The Structure of Scientific Revolutions // Path Without Illusions. Vladimir Kargopolov's School: [website]. — URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1776358843&tld=ru&lang=ru&name=kuhn.pdf&text=томас%20кун%20смена%20парадигм%20значение%20ошибки%20для%20смены%20парадигм&url=https%3A%2F%2Fkargopolov.spb.ru> (date of access: 19.04.2026).
4. Chernigovskaya T. V. Neuroscience in Search of Meanings: The Brain as Baroque? // VoprosyFilosofii. – 2021. – No. 1. – Pp. 17–26.
5. Fedorov O. D., Kazakova E. I., Satanovskaya E. M. The Evolution of the Educator: A New Role Set // Educational Policy. – 2019. – No. 3(79). – Pp. 76–88.

**ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
И ТРАДИЦИОННО-ИННОВАЦИОННОЕ КАЧЕСТВО
ДИДАКТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ**

**THE DIALECTICAL ASPECT OF PEDAGOGICAL THINKING AND
THE TRADITIONAL-INNOVATIVE QUALITY
OF THE DIDACTIC EDUCATIONAL SYSTEM**

Мамонов М.А., педагог-организатор

Mamonov M.A., teacher-organizer,

Никонова Т.Ю., педагог дополнительного образования

Nikonova T.Yu., teacher of additional education Center for the Development of Creativity of

МБУДО Центр развития творчества детей и юношества «Спутник», Воронеж, Россия

Children and Youth «Sputnik», Voronezh, Russia

Аннотация: Субъектное мышление не только нечто универсально-локальное и, в сущности, сосредоточенное «в себе» как психофизиологический мыслительный мозговой процесс, но главное, что это абстрагирующееся осмысливающее явление с функциональным ценностно-оценочным выражением. В смысловом контексте педагогической парадигмы и её воспитательно-образовательного предмета деятельности специальный аспект мышления рассматривается как традиционно-инновационное качество дидактической системы в единстве диалектического развития.

Abstract: Subjective thinking is not only something universal-local and essentially self-centered as a psychophysiological mental process, but most importantly, it is an abstracting and meaningful phenomenon with a functional value-based expression. In the context of the pedagogical paradigm and its educational subject matter, the special aspect of thinking is viewed as a traditional-innovative quality of the didactic system in its dialectical development.

Ключевые слова: диалектическое мышление, воспитание, образование, дидактика, педагогическая система.

Keywords: dialectical thinking, upbringing, education, didactics, the pedagogical system.

От истоков человеческого познания и на всём протяжении исторического времени ключевым было состояние мыслящего субъекта во всей психокогнитивной полноте признаков, свойств и функций. Причём собственно разумное интеллектуально-чувственное, когнитивное явление [2, 6] как таковое и его содержательная сущность всевозможных проявлений в действительности взаимообуславливает социальное бытие в изменении и развитии.

Осмысливание (абстрагированием, анализом, синтезом, сравнением, обобщением, комбинированием и иными способами) человеком всего того, что вовне и «внутри себя» (даже в форме мифологемы) [7, 14] с последующим выражением атрибутов мышления через психокогнитивную деятельность в социально-предметной деятельности [5], именно и

составляет тот культурно-исторический процесс, основой которого является познавательная траектория постижения, накопления, преобразования знаний (обучение и образование) и передачи жизненного опыта (воспитание) [9].

И ранее, и с классических древнегреческих времён [3], подразумеваемое педагогическое предфилософское, философское осмысление непременно включает в своё содержание такие категориальные сущности как «традиция» и «новаторство» («инновация»). Понятия «педагогика», «диалектика», «традиция», «инновация», «дидактика» формировались в тот или иной исторический и мировоззренческий период и при определённых социально-экономических условиях. Но, онтологически, исходя из диссонансного детерминированного состояния окружающей действительности и, гносеологически, по субъектной принадлежности, педагогическое мышление диалектично. Идеиные противоречия внутри него в единой форме развития направляют педагогическую мысль в контексте общественно-исторического, социально-психологического бытия. Дилемма всегда лишь только в одном: в экзистенциальной степени человечности и ценностной очеловеченности дидактики (её гуманистичности). С какой целью воспитываем и учим, в каких условиях осуществляем педагогический процесс, при помощи чего достигаем необходимый воспитательно-образовательный результат? Всё это вопросы методологических пределов простого и сложного, личностного и коллективного; соотношения цели, задач и ценностей, меры и границ технических средств обучения, баланса между социально-экономическими потребностями на специальности и индивидуальным творческим самоопределением в диалектическом контексте традиционного и инновационного содержания педагогического процесса.

Насыщенная история образования и немалое количество педагогических теорий и практик [11] позволяют аккумулировать значительный дидактический опыт и потенциал. В принципе, опыт и потенциал, как раз таки и есть движущая сила мышления в его развитии: от познанного до горизонта непознанного и познаваемого. И в этом смысле педагогическому мышлению необходимы ценностно-познавательная актуализация, мера, простота, творческое содержание и здоровьесберегающая среда жизнедеятельности [8, 10, 15].

Разного рода дискурс относительно образа педагогической системы не столько проблематика теоретического, понятийно-категориального порядка, сколько ценностно-оценочный вопрос конкретных дидактических подходов, межпредметных акцентов и последовательной логики целеполагания на всех стадиях процесса непрерывного образования. Познавательно-информационный пласт настолько широкомасштабно и стремительно нарастает, что для педагогического мышления важны стабильные, твёрдые качественные основания и границы-образы воспитанного и грамотного (компетентного) человека, без которых психокогнитивная сущность субъекта познания будет наиболее подвержена стихийным десоциализирующим рискам. Потому, конечно же, воспитательная сущность должна обуславливать границы и направлять содержательную траекторию образования [12]. При диалектичности мышления [4], это то, что онтологизирует, образует познание (знание, обучение) как наличие его смысла.

Воспитание – непреложная образовательная истина. И воспитательное образование основа основ социального бытия. Это такие же знания, которым нужно и важно обучать так

же, как счёту и письму, от азбучной воспитанности до способности осознанного полноценного самокритичного существования [1].

Осмысленная жизнедеятельность прививается человеческой природосообразностью, но только при создании педагогической системой сопутствующих данному процессу условий. Стремительная методологическая спешка, фрагментарное назойливое начётничество, избыточное перенасыщение информацией, минимализм диалогичности, формализм взаимоотношений наставников и воспитанников ключевые отрицательные психолого-педагогические явления, на которые на всём протяжении истории образования, с разной степенью дидактической эффективности, стремится воздействовать педагогическое мышление. А его традиционно-инновационная взаимообусловленность позволяет диалектически определять аспекты осмысливаемого педагогического опыта.

Ретроспективный аналитический обзор непременно приводит к фактическому положению о том, что воспитательная ось является незыблемой при любой социально-экономической трансформации. Гражданское ценностно-оценочное образование непродуктивно без практической последовательности. Ценностно-оценочная актуализация знаний важна на всех этапах непрерывного образования и при любых формах индивидуально-личностного, коллективного, семейного или организационного воспитания. В данном контексте нет дефицита в методологии, педагогических моделях и системах, но есть недоакцентированные лакуны в практических подходах и принципах рассудительного образования. У субъектов педагогического процесса размывается мышление от информационно-несоразмерного потока «знаний». Целеполагающее образование Человека-воспитанного, мыслящего воспитанно, позволяет созидательно разрешать подобные противоречия и достигать качественных результатов, поставленных в концепциях и программах воспитания.

В схожих диалектических характеристиках можно описательно выразить и ценностно-оценочный потенциал традиционно-инновационных процессов педагогического мышления. Новаторство восполняет в изменяющихся условиях определённого контекста исторического пространства-времени назревшие противоречия и продолжает традиционное развитие. Важно лишь, опять же, иметь базисное, фундаментальное воспитательное основание. Без этого педагогическое мышление и система не будут социализационными, а останутся на стадии несогласованных противоречий, рисков и кризисов.

Традиционно-новаторские педагогические принципы, средства и методы составляют педагогическое содержание, которое на целеполагающей воспитательной основе позволяет осуществлять реализацию актуальной образовательной парадигмы в контексте эффективной педагогической системы. Как-то ещё полвека назад значительнейший теоретик, практик, руководитель образовательной организации, отечественный педагог Василий Александрович Сухомлинский, административный статус и мудрый авторитет которого общепризнан, обращался к коллегам со следующими словами: «Наш педагогический коллектив придерживается правил: учитель никогда не пишет никаких отчётов и информации, кроме плана воспитательной работы, он не составляет никаких планов, поурочный план – это один из рабочих приёмов в индивидуальной творческой лаборатории учителя; если он нужен учителю – план составляется, не нужен – не составляется... Время – ещё и ещё раз повторяю

– это большое духовное богатство учителя [13, с. 111-112]. И Василий Александрович, подчёркивает: «В нашей школьной библиотеке 18 тысяч книг, в личных библиотеках учителей их более 49 тысяч. Так, в личной библиотеке учительницы литературы В.Т. Дараган больше тысячи книг, у учителя физики А.А. Филиппова – 1200, у завуча А.И. Лысака – более 1500, у словесников В.А. Скочко и А.И. Резник – по 1400-1500, у учителя труда А.А. Ворошило – более 1800, в нашей с А.И. Сухомлинской библиотеке – более 19 тысяч: художественная, историческая, педагогическая литература, книги по теории и истории искусства» [13, с. 110-111]. При таком воспитательном подходе с акцентом на всестороннее развитие мышления у всех субъектов образовательного процесса, без сомнения, и педагогическая дидактическая система приобретает основу единой традиционно-новаторской сущности становления, развития и совершенствования человека, коллектива и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амонашвили Ш. А. Основы гуманной педагогики. Кн. 20. Обновление педагогического сознания. – М.: Амрита-Русь, 2023. – 272 с.
2. Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Когнитивный образ мира. – М.: Канон+РООИРеабилитация, 2010. – 224 с.
3. Жураковский Г. Е. Очерки по истории античной педагогики. – М.: Учпедгиз, 1940. – 471 с.
4. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. – М.: Политиздат, 1974. – 271 с.
5. Леонтьев А. Н. Развитие целостной личности ребёнка. – М.: Амрита-Русь, 2023. – 280 с.
6. Маршинин Б. А. Перцептивные и мыслительные процессы, их мозговое обеспечение. – М.: Логос, 2007. – 196 с.
7. Режабек Е. Я. Мифомышление: когнитивный анализ. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 304 с.
8. Розин В. М. Психика и здоровье человека. – М.: ЛИБРОКОМ, 2018. – 224 с.
9. Розин В. М. Философия образования. – М.: РАО, 2007. – 576 с.
10. Сенько Ю. В. Гуманитарные основы педагогического образования. – М.: Академия, 2000. – 240 с.
11. Старикова Л. Д. История педагогики и философия образования. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 434 с.
12. Степанов П. В. Воспитательная деятельность педагога. – М.: Русское слово – учебник, 2019. – 136 с.
13. Сухомлинский В. А. О воспитании. – М.: Политиздат, 1975. – 272 с.
14. Тюнников Ю. С., Мазниченко М. А. Педагогическая мифология. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 352 с.
15. Чуприкова Н. И. Психическая деятельность мозга. Язык и сознание. – М.: ЯСК, 2021. – 208 с.

REFERENCES

1. Amonashvili Sh.A. Fundamentals of humane pedagogy. Book 20. Renewal of pedagogical consciousness. – M.: Amrita-Rus, 2023. – 272 p.
2. Baksansky O. E., Kucher E.N. Cognitive image of the world. – M.: Canon+ROOI Rehabilitation, 2010. – 224 p.
3. Zhurakovsky G. E. Essays on the history of ancient pedagogy. – M.: UCHPEDGIZ, 1940. – 471 p.
4. Ilyenkov E. V. Dialectical logic. Essays on history and theory. – M.: Politizdat, 1974. – 271 p.
5. Leontiev A. N. Development of a child's integral personality. – M.: Amrita-Rus, 2023. – 280 p.
6. Marshinin B. A. Perceptive and thinking processes, their brain support. – M.: Logos, 2007. – 196 p.
7. Rezhabek E. Ya. Mythological thinking: Cognitive analysis. – M.: LENAND, 2018. – 304 p.
8. Rozin V. M. Human psyche and health. – M.: LIBROKOM, 2018. – 224 p.
9. Rozin V. M. Philosophy of education. – M.: RAO, 2007. – 576 p.
10. Senko Yu. V. Humanitarian foundations of pedagogical education. – M.: Academy, 2000. – 240 p.
11. Starikova L. D. History of pedagogy and philosophy of education. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2008. – 434 p.
12. Stepanov P. V. Educational activities of a teacher. – M.: Russkoeslovo – textbook, 2019. – 136 p.
13. Sukhomlinsky V. A. About the upbringing. – M.: Politizdat, 1975. – 272 p.
14. Tyunnikov Yu. S., Maznichenko M. A. Pedagogical mythology. – M.: VLADOS, 2004. – 352 p.
15. Chuprikova N. I. Mental activity of the brain. Language and consciousness. – M.: YASK, 2021. – 208 p.

ПРОБЛЕМЫ В ОБУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА
PROBLEMS IN TEACHING MODERN STUDENTS

Белянская Т.Э., старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Belyanskaya T.E., Senior Lecturer

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: Современное общество выдвигает требования к изменению подходов в организации образовательного пространства высшей школы. В данной статье рассмотрен ряд факторов, влияющих на эффективность получения знаний и создание коммуникации между преподавателем и студентом.

Abstract: Modern education involves the use of innovative approaches to interaction between a teacher and a student, a teacher and a student. A mentor and a mentee are co-authors of the pedagogical process. The article examines the positions of the two sides of the educational process as subjects of interaction

Ключевые слова: студент, проблемы в обучении, юношеский возраст, безопасная образовательная среда, социально-психологические характеристики студенческого возраста

Keywords: student, learning problems, adolescence, safe educational environment, socio-psychological characteristics of student age

За последние десятилетия произошёл стремительный скачок в техническом прогрессе. Данное явление отразилось на всех сферах жизнедеятельности, в том числе и на образовании. Подход к обучению в высшей школе требует кардинального изменения.

Студенческий возраст необходимо рассматривать в контексте психологической возрастной периодизации, где можно увидеть, что возраст 17 лет – это начало юношеского возраста или молодость, который совпадает с поступлением в высшее учебное заведение. Становясь студентом, человек активно овладевает знаниями, практическими профессиональными умениями, что требует реализации внутренних психологических ресурсов личности [2].

Выготский Л.С., не рассматривавший специально психологию юношеского возраста, впервые не включил его в детские возрасты, чётко разграничив детство от взрослости. «Возраст от 18 до 25 лет составляет скорее начальное звено в цепи взрослых возрастов, чем заключительное звено в детском развитии...». Следовательно, в отличие от всех ранних концепций, где юность традиционно оставалась в пределах детских возрастов, она впервые была названа Л.С. Выготским «началом зрелой жизни». В дальнейшем эта традиция была продолжена отечественными учёными [4].

Рост количества социальных сетей и мессенджеров для общения влияет на формирование клипового мышления молодёжи. Студенты привыкли к коротким постам, им трудно читать длинные тексты, следить за логикой на лекции, решать многозадачные задачи, без получения мгновенного результата.

В студенческом возрасте человек наиболее работоспособен, берет на себя ответственность в различных областях и примеряет различные социальные роли, что, несомненно, создаёт перенапряжение физической и психической сферы [5].

Период молодости – это период завершения формирования психических процессов и расцвет физической привлекательности, что даёт возможность для достижения пиковых результатов в деятельности, базирующихся на особенностях развития социально-психологических качеств.

Возрастающие творческие интеллектуальные возможности скрывают в себе иллюзии, что данный процесс будет продолжаться вечно, таким образом, тормозится формирование личностной идентичности, возникает ряд противоречий:

- несогласованность временных перспектив с чувством времени;
- адекватная самооценка или нерешительность;
- примеривание различных социальных ролей или застревание на одной социальной роли;
- студенчество или застой в профессиональной деятельности;
- позиция лидера или неопределённость в отношениях;
- определённость в идеологии или отсутствие убеждений [9].

При организации образовательного процесса необходимо учитывать, что юношескому возрасту присущи наименьшие величины латентных реакций на простые и комбинированные вербальные сигналы, оптимум чувствительности анализаторов, пластичность в образовании психомоторных навыков, а также отмечается наивысшая скорость оперативной памяти и переключения внимания, решения вербально-логических задач.

Сознательная регуляция в юности развита не в полной мере, это приводит к неумению предвидеть результаты своих поступков, к немотивированному риску, бескорыстным жертвам и полной самоотдаче, но порой и отрицательных проявлений.

Обилие информации работает на перегрузку психики, тратится больше времени на выбор достоверного источника. Студент больше копирует нейросети и меньше включает критическое мышление для анализа.

Образ и сфера деятельности успешного человека, навязанная цифровыми источниками, создаёт мотивационные и социальные проблемы. За последние годы увеличился разрыв между образованием и рынком труда: учим в ВУЗе то, что не пригодится в дальнейшем.

Переход на дистанционное или гибридное обучение формирует слабые коммуникативные компетенции, студенты теряют навыки работы в команде, умение вести диалоги и аргументированные споры.

Отсутствие поддержки государства в финансовом вопросе, рост цен и желание не отставать от более благополучных в материальном вопросе сверстников толкает на поиск работы, что непременно приводит к физической усталости, эмоциональному переутомлению. Учёба становится второстепенной, результат обучения некачественный.

Современный институт высшего образования не предполагает использование единого подхода к обучению студентов.

Отсутствие единого подхода в образовании – это не просто сложность, а системная проблема, создающая целый комплекс трудностей для студента.

Это можно назвать сложностью, но правильнее – барьером, дезориентирующим фактором и источником стресса.

На уровне восприятия и понимания у студента возникают:

- **Когнитивный диссонанс:** студент получает противоречивые инструкции, методы и даже оценки от разных преподавателей. Один преподаватель требует подробного вывода формул, а другой завтра ставит оценку только за результат. Это вызывает путаницу: «А как правильно?»

- **«Разорванная» картина знания:** вместо целостной системы знания студент получает набор разрозненных фрагментов. Информация из одной дисциплины не стыкуется с другой, потому что подходы и терминология различаются.

- **Трудности с выработкой собственного стиля:** студенту, особенно на младших курсах, сложно выработать эффективные методы работы, когда каждый преподаватель настаивает на своём.

На уровне практических действий:

- **Высокие адаптационные затраты:** студент тратит огромные психические и временные ресурсы не на освоение материала, а на «угадывание» правил игры каждого нового преподавателя. Это истощает.

- **Проблемы с оценкой:** критерии успеха размыты. Отличная работа, оценённая одним преподавателем на «5», другим может быть раскритикована. Это подрывает веру в справедливость и объективность системы.

- **Непоследовательность требований:** запрещённый на одной паре метод может быть обязательным на другой. Это демотивирует и создаёт ощущение бессмысленности правил.

На психологическом уровне:

- **Стресс и тревожность:** непредсказуемость среды — мощный стресс-фактор. Студент постоянно находится в состоянии неопределённости.

- **Потеря мотивации:** если нет ясных, последовательных правил, пропадает внутренний локус контроля («Мои усилия ведут к успеху»). Успех начинает казаться результатом везения или личных симпатий преподавателя.

- **Выгорание:** постоянная необходимость переключаться между разными «режимами» и стандартами ведёт к эмоциональному и интеллектуальному истощению.

Единый подход – это не синоним «унификации», это не шаблон, навязанный всем. Речь о согласованных базовых принципах:

- согласованность образовательных целей на уровне программы;
- единые сквозные критерии оценки (прозрачные рубрики), которые применяются всеми, даже если методы преподавания различаются;
- Преимущество между курсами и дисциплинами;
- общая философия образования, которой придерживается весь коллектив.

Преимущества разумного баланса, единство в главном, разнообразие в методах:

- гибкость – это не хаос: разные педагогические стили и методы (лекция, семинар, проект, дискуссия) – это богатство, если они служат одной цели;
- развитие адаптивности: умение работать в разных условиях – важный навык. Но он формируется тогда, когда различия – в методах, а не в фундаментальных правилах и ценностях;
- поддержка вместо препятствия: согласованная система даёт студенту опорные рамки, внутри которых он может творчески развиваться.

Отсутствие единого (согласованного) подхода – это критическая сложность, которая превращает образовательный процесс из траектории развития в полосу препятствий, где главное – не освоить предмет, а приспособиться к противоречивым требованиям. Задача современного образования – найти баланс между гибкостью и разнообразием методов (что полезно) и согласованностью целей, принципов и критериев (что необходимо). Без этого второго компонента первое превращается в хаос, тяжелым бременем ложащийся на плечи студента.

Современный студент не глупее и не ленивее – он живёт в среде, которая тренирует отвлекаемость и мгновенное потребление. Обучение должно стать более гибким, коротким и практико-ориентированным, иначе пропасть между ожиданиями преподавателей и реальными возможностями студентов будет расти.

Мудрость и опыт преподаватель «старой закалки» должны опираться на современные технологии. Интерактив, дискуссии, разбор ошибок в диалоге, проектное междисциплинарное обучение повысит мотивацию к обучению.

Психологическая помощь и поддержка психолого-педагогической службой ВУЗа – обязательный и неотъемлемый шаг к созданию безопасной образовательной среды, в рамках психолого-педагогической поддержки складываются взаимоотношения субъект-субъектного сотрудничества, создаётся пространство доверия, открытости и ответственности [5].

По мнению В.В. Горшковой, педагогическое взаимодействие является важнейшим средством формирования субъектности его участников, «расширяет индивидуальную свободу выбора и ответственности каждого» [3, с. 106].

При этом субъектности определяется «не столько способностью человека быть субъектом деятельности, сколько способностью быть субъектным, то есть быть решительным и самостоятельным, определенным, чётким и свободным в своих намерениях» [8, с. 212].

Психолого-педагогический подход рассматривает взаимоотношения преподавателя и студента, как доверительное взаимодействие, наполненные творчеством и гуманизмом. В психологии понятие «взаимодействие» рассматривается многими учёными.

Б.Г. Ананьев понимает взаимодействие, как один из ведущих видов человеческой деятельности [1].

В.Н. Мясищев отмечает, что в процессе межличностного взаимодействия личности определенным образом отражают друг друга [7].

Б.Ф. Ломов видит взаимодействие, как особую форму общения субъектов, в процессе которой проявляется конфликт или сотрудничество, содействие или противодействие [5].

На пути самоанализа молодого человека может возникнуть противоречие между реальным и идеальным «Я», так как процесс формирования личностной идентичности ещё не завершён и образ будущего достаточно туманен. Возникающая внутренняя неуверенность сопровождается агрессивной моделью поведения, развязностью и чувством растерянности.

Таким образом, можно сделать вывод, что современный образовательный процесс немислим без учёта социально-психологических характеристик студенческого возраста, особенностей социальной среды и постоянно возрастающего уровня технического прогресса. Особое внимание следует уделить созданию благоприятной психологической атмосфере в высшем учебном заведении, коммуникативному сотрудничеству преподавателя и студента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 339 с.
2. Белянская Т. Э. Социально-психологические характеристики студенческого возраста // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2020. – № 3 (55). – С. 220–227.
3. Горшкова В. В. Феномен образования человека: избранные научные труды. – Санкт-петербург: Астерион, 2020. – 490 с.
4. Зимняя И. А. Педагогическая психология. – М.: Логос, 1999. – 384 с.
5. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1984. – 364 с.
6. Марчукова С. Ф. Психология безопасности: учеб. пособие. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. – 84 с.
7. Мясищев В. Н. Психология отношений / Под ред. А. А. Бодалева. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.
8. Ниязбаева Н. Н. Субъектность человека как возможность самоосуществления // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 2019. – Т. 8. – № 5А. – С. 211–218.
9. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Университетская книга, 1996. – 344 с.

REFERENCES

1. Ananyev B. G. Man as an object of knowledge. – L.: Leningrad State University Publishing House, 1968. – 339 p.
2. Belyanskaya T. E. Social and psychological characteristics of student age // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2020. No. 3 (55). – Pp. 220–227.
3. Gorshkova V. V. The phenomenon of human education: selected scientific works. – St. Petersburg: Asterion, 2020. – 490 p.
4. Zimnyaya I. A. Pedagogical Psychology. – Moscow: Logos, 1999, 384 p.
5. Lomov B. F. Methodological and Theoretical Problems of Psychology. – Moscow, 1984. – 364 p.
6. Marchukova S. F. Psychology of Safety: A Manual. – Irkutsk: BSU Publishing House, 2016. – 84 p.
7. Myasishchev V. N. Psychology of Relationships / Ed. by A. A. Bodalev. – M.: Publishing House "Institute of Practical Psychology", Voronezh: NPO "MODEK", 1995. – 356 p.

8. Niyazbaeva N. N. Human Subjectivity as an Opportunity for Self-Realization // Context and Reflection: Philosophy of the World and Man, 2019. – Vol. 8. – No. 5A. – Pp. 211–218.

9. Erickson E. Identity: Youth and Crisis. – M.: University Book, 1996. – 344 p.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК
В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
TRANSFORMATION OF AXIOLOGICAL ATTITUDES IN CONTEMPORARY YOUTH
CULTURE OF RUSSIAN SOCIETY**

Арасланова С.С., кандидат культурологии,
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Araslanova S.S., candidate of Cultural
Studies, Senior lecturer,
Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В статье производится анализ изменения ценностных ориентаций молодёжи в контексте глобальных культурных трансформаций. Особое внимание уделяется влиянию этих изменений на формирование личностных характеристик и мировоззрения молодых людей. Рассматриваются такие аспекты, как индивидуализация, личная свобода, прагматизм, ориентация на материальные ценности. Объективность исследования обостряется указанием на стратегии развития в современной образовательной среде российского образования.

Abstract: The article analyzes the changes in the value orientations of young people in the context of global cultural transformations. Special attention is paid to the impact of these changes on the formation of personal characteristics and worldviews of young people. Aspects such as individualization, personal freedom, pragmatism, and a focus on material values are considered. The objectivity of the research is aggravated by the indication of development strategies in the modern educational environment of Russian education.

Ключевые слова: аксиологические установки, ценности, молодёжная культура, глобализация, информатизация, Э. Тоффлер.

Keywords: axiological attitudes, values, youth culture, globalization, informatization, Toffler.

В условиях глобализации и информатизации происходят значительные изменения в политических, экономических и культурных структурах общества. Британский социолог З. Бауман отмечает, что современное общество характеризуется большой неопределённостью, оно, словно, погружается в хаос и абсурд, которые, приводят к разрушению традиционных социокультурных структур. Человеческое исходит от прежнего «структурированного мира» со строгими социальными обязательствами в «текущую современность» с условными границами и нормами. Так, В.В. Гончарова пишет следующее: «на исходе XX столетия человечество вступило в новую эпоху своего существования – эпоху информационного общества. Развитие информационных технологий затронуло все сферы человеческого существования, радикально меняя формы привычной человеческой деятельности» [3, с. 5].

При этом, «следует отметить, что цифровизация неизбежна, глобализация неминуема, а информационная среда – это среда существования современного человека» [4, с. 372].

Цифровая среда, нестабильность рынка труда, экзистенциальные вызовы, пересмотр традиционных институтов и многие другие факторы трансформируют аксиологические ориентации и установки общества, что особенно заметно среди молодёжи. Молодёжь, не имея достаточного жизненного опыта, мучительно ищет свой путь в условиях неопределённости. В ситуации нестабильности она особенно нуждается в понимании происходящего и в ориентирах, которые помогут ей не только обрести, но и сохранить свою идентичность.

«На теоретическом уровне все более определённо выделяется социокультурная субъектность молодёжи» [6, с. 1], что требует особого внимания со стороны современного научного сообщества. Характерно, что «в условиях роста идеологического прессинга по всему миру и, в частности, со стороны наших недобросовестных экс-партнёров и в цифровом пространстве в том числе, современные обучающиеся могут находиться в онтологической зоне риска реализации феноменально-негативного опыта» [5, с. 50].

Для молодёжной культуры характерны процессы индивидуализации, что проявляется в стремлении к собственной уникальной идентичности, автономности и самовыражению. Американский философ Э. Тоффлер назвал этот процесс «демассификацией культуры» – этап исчезновения признаков массовости. Если раньше ключевыми ориентирами были стабильность и долг, то сегодня на первый план выходят самореализация, личная свобода, саморазвитие. Тенденция к усилению индивидуалистических установок выражается в стремлении к самореализации и независимости. Молодёжь все чаще отказывается от традиционных СМИ, обращаясь к мессенджерам и социальным сетям, которые предоставляют возможность самостоятельно находить ту информацию, о которой они хотят знать. Интернет создаёт условия для формирования разнообразных идей, символов и ценностей, которые интерпретируются по-разному в различных социальных группах. Молодёжь стремится к признанию своей индивидуальности активно участвуя в субкультурных движениях. Под свободой молодёжь подразумевает право быть непохожими на других, выбирать свой путь, не оглядываясь на чужие ожидания.

Прагматизм, как одна из ключевых черт ценностных ориентаций современной молодёжи, проявляется в стремлении к достижению конкретных целей и результатов. В условиях рыночной экономики и потребительского общества стремление к материальному благополучию становится одной из основных мотиваций. Материальное благополучие становится синонимом уверенности в завтрашнем дне. Однако чрезмерное увлечение материальными аспектами жизни может приводить к снижению значимости духовных ценностей, к ориентации на краткосрочные перспективы в ущерб долгосрочному развитию личности, к утрате других важных ценностей, таких как здоровье, семья, образование, дружба.

Ещё одним важным аспектом трансформации ценностных установок молодёжи является десинхронизация жизненных графиков. Дистанционная работа позволяет совмещать личные и общественные дела. Географические границы так же уже не кажутся непреодолимыми. Молодой человек из небольшого посёлка может общаться с ровесниками из других краёв, перенимать их опыт, делиться своим. Это учит смотреть шире: проблемы одного двора становятся частью общей картины мира, а забота о ближних перерастает в заботу о планете.

Особое место в жизни молодёжи занимает забота о себе. Молодые люди всё чаще задумываются о том, как сохранить силы, бодрость, ясность ума. Они выбирают движение вместо покоя, здоровое питание вместо случайных перекусов, отдых вместо изнурительной гонки. Психологическое самочувствие для них так же важно, как и физическое: умение

вовремя остановиться, прислушаться к себе, попросить о помощи – это не слабость, а признак мудрости. Занятия спортом, здоровый образ жизни и отказ от вредных привычек становятся всё более популярными среди молодых людей. Они также увлекаются волонтерством, квест-технологиями и флешмобами, что свидетельствует о стремлении к активному участию в общественной жизни.

Процесс трансформации ценностных установок является сложным и многогранным. Он связан с множеством факторов, включая социально-экономические изменения, развитие технологий, культурные влияния и другие аспекты. Поэтому работа с молодёжью требует комплексного подхода, включающего как образовательные, так и воспитательные меры. Специалистам и педагогам, работающим с молодёжью, следует учитывать эти особенности и ценности, используя как традиционные, так и инновационные формы работы. Необходимо помогать молодым людям найти своё место в обществе, определить свою идентичность и осознать своё уникальное место в жизни. Важным аспектом работы с молодёжью является формирование критического мышления. Молодые люди должны уметь анализировать информацию, оценивать её достоверность и делать обоснованные выводы. Это поможет им не только ориентироваться в современном мире, но и принимать осознанные решения, способствующие их личностному и профессиональному развитию. Также важно уделять внимание развитию социальных навыков у молодёжи. В условиях глобализации и информатизации возрастает роль коммуникации и взаимодействия между людьми. Молодые люди должны уметь эффективно общаться, работать в команде и строить отношения на основе взаимного уважения и понимания. Это способствует формированию гармоничного и устойчивого общества. Кроме того, необходимо создавать условия для самореализации молодёжи. Каждый человек имеет право на поиск своего пути и реализацию своих способностей. Важно, чтобы общество предоставляло молодым людям возможности для развития своих талантов и интересов, а также поддерживало их в трудные моменты. Это способствует формированию активной и целеустремлённой молодёжи, готовой вносить свой вклад в развитие общества. Следует отметить, что современная молодёжь – это поколение, которое учится идти между ветрами перемен. Они берут лучшее из прошлого, но не сковывают себя им; они открыты новому, но не теряют головы от соблазнов; они хотят успеха, но понимают, что он бывает разным. Их ценности – это сплав опыта и мечты, расчёта и вдохновения, личной свободы и заботы о других. Поэтому мир следует рассматривать как изменение в лучшую сторону, поскольку молодёжь – это будущее современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. Бауман З. Текущая современность: пер с англ. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
3. Гончаров В. П. Интернет как фактор трансформации культуры и личностной самореализации: Дис. ... кандидата философских наук. – Ростов-на-Дону, 2012. – 117 с.
4. Гришин А. А. Проектирование модусов культурной вовлечённости человека в формирование цифровой идентичности // Региональные культурные стратегии в современном

мире: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2025. – С. 371–376.

5. Гришин А. А. Ноуменальные и феноменальные способы обозначения онтологического опыта применительно к организации учебного процесса в высшей школе // Трансценденция бытия: идеалы познания истины: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, 2024. – С. 44–55.

6. Луков В. А. Социокультурные основания субъектности российской молодежи (тезаурусная концепция молодёжи): Дис. ... доктора социологических наук. – 2019. – 68 с.

7. Тoffлер Э. Шок будущего: пер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557с.

REFERENCES

1. Bauman Z. Individualizirovannoeobshchestvo, transl. by Engl. – Moscow, Logos, 2002. – 390 p.

2. Bauman Z. Tekuchaiasovremennost', transl. by Engl. – St. Petersburg, Piter, 2008.– 240 p.

3. Goncharov V. P. The Internet as a factor of cultural transformation and personal self-realization: philosophical analysis: Dis. ... of Candidate of Philosophical Sciences. – Rostov-on-Don, 2012. – 117 p.

4. Grishin A. A. Designing modes of human cultural involvement in the formation of digital identity // Regional cultural strategies in the modern world: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation). – Perm: Perm State Institute of Culture, 2025. – Pp. 371–376.

5. Grishin A. A. Noumenal and phenomenal ways of designating ontological experience in relation to the organization of the educational process in higher education // Transcendence of being: ideals of knowledge of truth: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. – Voronezh: Voronezh State Forestry Engineering University named after G.F. Morozov, 2024. – Pp. 44–55.

6. Lukov V. A. Sociocultural foundations of the subjectivity of Russian youth (thesaurus concept of youth): specialty 22.00.06 "Sociology of culture": Dis. ... of Doctor of Sociological Sciences, 2019. – 68 p.

7. Toffler E. Shok Budushego. – Moscow: ООО “Izdatel'stvo AST”, 2002. – 557 p.

**ОТОБРАЖЕНИЕ ПРЕДИКАТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА УРОВНЕ НАГЛЯДНО-ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ
В АСПЕКТЕ ЛИЧНОСТНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**
DISPLAYING PREDICATES OF EDUCATIONAL ACTIVITY AT THE LEVEL
OF VISUAL AND IMAGINATIVE THINKING
IN THE ASPECT OF PERSONAL TRANSFORMATION

<p>Гришин А.А., кандидат философских наук, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия</p>	<p>Grishin A.A., Candidate of Philosophical Sciences, senior lecturer Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia</p>
---	--

Аннотация: В статье автором анализируются технологии и методы организации учебной деятельности применительно к такому явлению как личностная трансформация внутреннего мира современных обучающихся в высшей школе. «*Психическое-рассудочного*» рассматривается в своей конфигурации в логическом отношении к «*психическому-бессознательного*», что делает исследование актуальным и по отношению к психологическим потребностям современных обучающихся. Авторский взгляд на существующую проблему подвергается денотации посредством выдвижения на первый план гипотезы о том, что обучающиеся самостоятельно могут избавляться от возникающих психологических проблем в виду актуализации в рамках дисциплин социально-гуманитарного цикла – *в неявном конечно же виде* – «*градиентной*» установки обозначения своей личности в соответствующих логических предикатах. Методологическим решением постулируемой проблемы «*выступает*» фрейдистская и юнгианская модели понимания «*психического*» и «*бессознательного*» в их относимости к феноменам исключительно психической трансформации на телесном, интеллектуальном и психологическом уровнях.

Abstract: In the article, the author analyzes the technologies and methods of organizing educational activities in relation to such a phenomenon as the personal transformation of the inner world of modern students in higher education. The "*mental-rational*" is considered in its configuration in a logical relation to the "*mental-unconscious*", which makes the study relevant in relation to the psychological needs of modern students. The author's view of the existing problem is denoted by highlighting the hypothesis that students can independently get rid of emerging psychological problems in view of the actualization within the disciplines of the socio-humanitarian cycle – in an implicit form, of course – of a "*gradient*" attitude of designating their personality in appropriate logical predicates. The methodological solution to the postulated problem is the Freudian and Jungian models of understanding the "*mental*" and "*unconscious*" in their relation to phenomena of exclusively mental transformation at the bodily, intellectual and psychological levels.

Ключевые слова: предикаты, образовательный процесс, образовательные технологии, модели-запросы обучающихся, психическое, бессознательное, личностная трансформация.

Keywords: predicates, educational process, educational technologies, models-students' requests, mental, unconscious, personal transformation.

В настоящий момент невозможно уверенно сказать, что существуют логические модели, которые могли бы в полной мере отображать специфику формируемой личности в образовательной среде современной России, учитывающие многообразие запросов современных обучающихся. Этот вопрос, как и его постановка (на уровне научного мировоззрения) может показаться довольно-таки странным, поскольку (X) и логических методов, как и (Y) самих логических систем насчитывает, по крайней мере, больше сотни, однако их банальная конъюнкция также не позволяет уверенно говорить о решении злободневных насущных задач в сфере российского образования. Т.е. современные педагоги не имеют под рукой системы оперирования с моделями-запросов самих обучающихся и, вне всякого сомнения, они могут интуитивно, что называется, «чувствовать» эти запросы, но следует согласиться, что не полностью – опять же в виду многочисленных факторов, коими являются и загруженность, и количество самих обучающихся в группах, и потенциал раскрываемой на лекционных и семинарских занятиях проблематик, затрудняющих реализацию этих запросов.

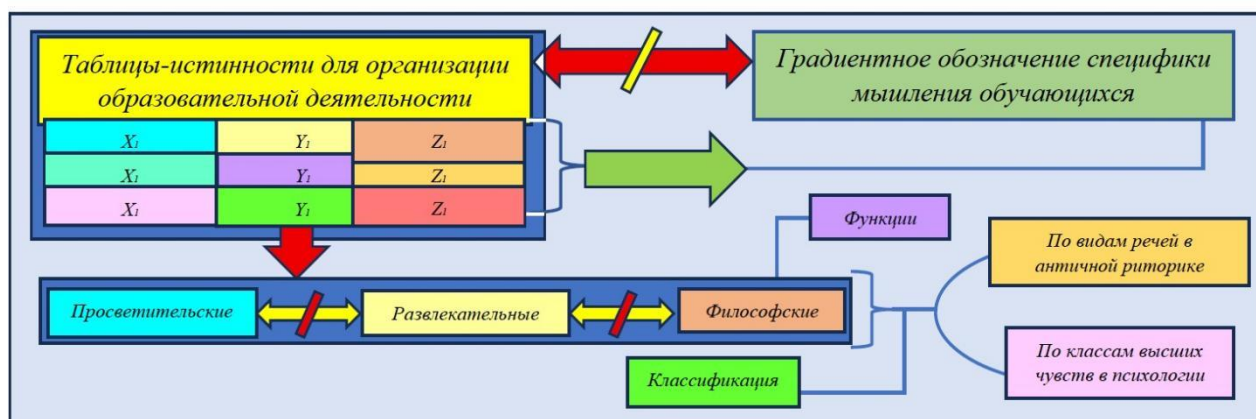
Обособленно следует сказать и о том, что как отдельное знакомство обучающихся с различными логическими системами (в рамках таких курсов как «Логика» и «Теория и практика аргументация»), так и косвенное их понимание (в рамках других и междисциплинарных и не междисциплинарных циклов) не удовлетворяет те потребности, которые стоят перед современными обучающимися. Вопрос обостряется тем, что по словам видного немецкого врача-психиатра Карла Густава Юнга: само по себе рассудочное – находясь в психическом – гораздо меньше по своему объёму и содержанию бессознательного. А именно, что сами по себе логические структуры – используемые в современной российской образовательной модели – являются недостаточными и остро нуждаются в специфической модификации. (Обрати внимание на более точную цитату Юнга: «На самом же деле именно психическое – мать и творец, субъект и сама возможность сознания. Оно настолько выходит за пределы сознания, что последнее легко уподобить островку в океане. Остров этот мал и узок, тогда как океан безмерно широк и глубок, жизнь в нем бесконечно превосходит по разнообразию и плотности все, что есть на острове <...>» [8, с. 148]). Если миновать метафорические обобщения следует указать на то, что сами по себе логические структуры с определённым – хоть абстрактным, хоть конкретным содержанием – (которые преподаватели высшей школы используют для реализации конкретных целей и задач учебной деятельности) не позволяют говорить о том, что они – несмотря на тот факт, что преследуют выше указанные цели – способны удовлетворить базовые психологические потребности современных обучающихся высшей школы. Сказать же о том, что совокупность психопрофилактических мероприятий в высшей школе позволяет нивелировать возможные «несчастные случаи» нестабильной работы психики обучающихся – значит осуществить следующую верификацию не в полной мере. (Да и сами психологи знают о том, что, подчас,

диагностировать подобное положение дел весьма сложно и проблематично (А) в виду и самих погрешностей в методах диагностирования, и (Б) в виду численной ограниченности самих психологов в высшей школе). Поэтому следует ставить вопрос о том, как же можно с помощью логических систем анализировать растущие день ото дня потребности решения психологических проблем со стороны самих обучающихся в рамках самого разного рода учебных курсов, например, по дисциплинам социально-гуманитарного цикла. (Сказать, что часто обучающиеся могут обратиться за помощью к психологам – в корне неверно, поэтому мы и «предлагаем» следующую концептуализацию).

Решение этого вопроса видится не таким уж и сложным, если применить в качестве значений значения – *выражаясь предельно математическим языком* – с плавающей точкой; или же применительно к социально-гуманитарной проблематике с градиентным полем обозначения самого значения. Методологически же это делается возможным и как в целом применение образовательных технологий, и как личностная трансформация в их «непоколебимом» единстве друг друга.

Теория градиентного обозначения предикатов применительно к формируемым компетенциям личности обучающегося в высшей школе.

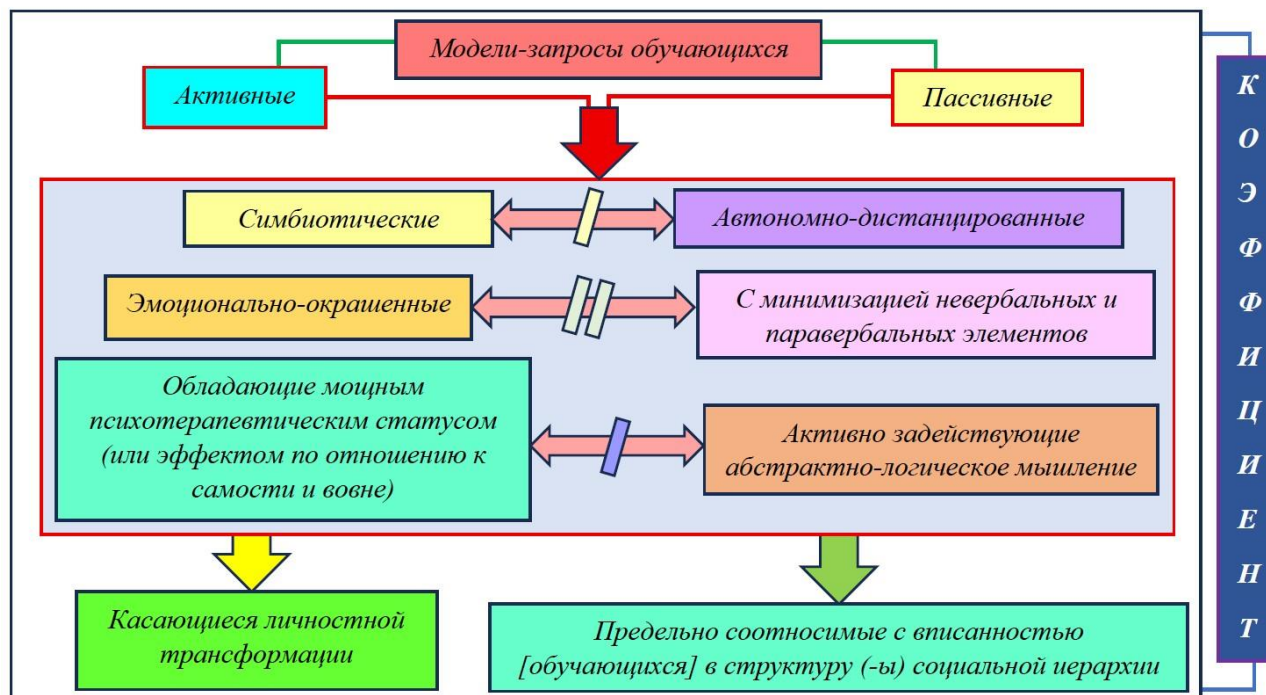
В виду индивидуальных особенностей самих обучающихся обозначить последних через *предельно узкую теорию предикатов не получается*, широкая же осложняет возможность верификации применительно к последним. Остаётся только использовать таблицы истинности с плавающими значениями в рамках общей теории значений личности самих обучающихся. *Иными словами*, речь идёт о теории градиентного обозначения возможностей мышления самих обучающихся. *Обозначим следующую мысль графически:*

Эта градиентная система оценки и (А) как мышления самих обучающихся, и (Б) также тех запросов, которые формируются последними может быть обозначена через метафорические обобщения, оперировать с которыми также делается возможным через задействование не только (X) абстрактно-логического, но и (Y) наглядно-образного мышления в том числе. Следует отметить, что следующая система оценки – никоим образом не претендующая на догматизм и крайний формализм – не может быть соотнесена (!) лишь с моделью (-ями) социально-ролевого поведения, хотя явные параллели в данном случае прослеживаются весьма явно. Сами- же -по-себе-запросы содержатся в качестве подклассов в самом метафорическом обобщении, плавающая характеристика которого может быть обозначена в градиентном виде. Обозначить же последнее – к слову сказать – (a ⊕ b)

хоть в компетентностном, хоть в знаниевом подходе современного российского образования не составляет серьёзной проблемы. Но *тогда* остро встаёт вопрос: какие же это, *на самом деле*, метафорические обобщения, использование которых позволило бы, с одной стороны, (А) фиксировать запросы *самих* обучающихся, а с другой стороны, (Б) просматривать динамику формирования компетентностей как таковых. И *при этом*, как мы упомянули ранее, чтобы были соблюдены условия отсутствия падения в следующей методологии именно в социально-ролевою модель – что составляет на самом деле *серьёзнейшую* проблему.

Классическими предикатами в данном случае будут являться примерно следующие характеристики мыслящей личности:

Из схемы выше отчётливо видно, что *сами-по-себе* образовательные технологии могут быть сведены с моделями-запросами самих обучающихся, что «указывает» на неразрывную «плотную» связь между ментальными и материальными явлениями нынешней эпохи.

Характерные особенности градиентной теории предикатов [применительно к образовательной деятельности и применительно к обозначению мышления обучающихся в высшей школе].

Как уже отмечалось ранее вместилище модели-запросы обучающихся в общую теорию предикатов образовательной деятельности составляет проблему хотя бы по той простой причине, что «акцентуация» последних может быть выражена различным образом. Если же мы всяческими способами «пытаемся» нивелировать следующую «акцентуацию» или упускаем из виду «градиентность» мышления обучающихся, то сам-по-себе образовательной подход [в современной системе российского образования] даёт сбой. Иными словами, обозначение в рамках учебной деятельности того простого факта, что каждый обучающийся является (!) уникальной личностью со своим собственным набором персональных качеств и возможных недостатков позволяет говорить о фактическом удовлетворении тех запросов, которые в виду возможной неблагоприятной социализации со стороны последних имели место быть. Последнее несколько представляет из себя совокупность психопрофилактических

мероприятий [занимающих значительное время в процессе учебной деятельности], сколько адекватный взгляд на ситуацию пребывания последних на лекционных и семинарских занятиях.

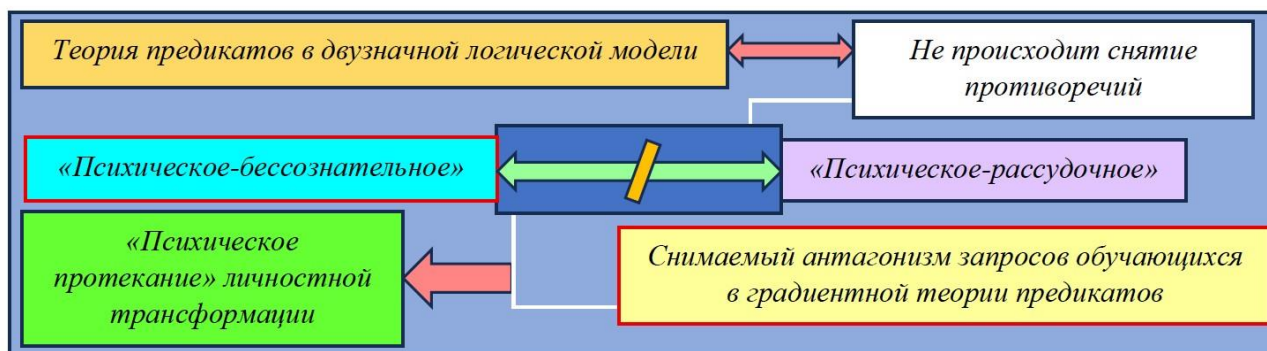
Следует отметить, что сами-по-себе классификации – *которые в виду эпистемической ориентации могут быть выбраны в самостоятельном режиме педагогами-профессионалами* – могут быть «извлечены» из различных источников, коими могут быть (А) как и самые различные классификации социально-ролевого поведения, (Б) так и виды речей из, *например*, античной риторики, (В) однопорядково можно говорить и об удовлетворении высших чувств в классификации научной психологии *и о много другом*, (Г) *например, о* классификациях психических процессов *в общей психологии*. Главное здесь соотносить последние с мышлением обучающихся [обозначаемого] в качестве [набора] запросов, отображая их с помощью моделей или предикатов в градиентной [т.е. в плавающей или «изменчивой»] характеристике.

Гипотетические изыскания относительно удовлетворения со стороны обучающихся в самостоятельном режиме своих онтологических запросов на лекционных и семинарских занятиях в пределах читаемых курсов.

Онтологические запросы современных обучающихся могут быть классифицированы в предельно общей бинаризации (А) как **запросы «психического-рассудочного»** и (Б) как **запросы «психического-бессознательного»**. Последние служат неотъемлемой цели личностной трансформации, в которую входит не только когнитивное, формально-логическое, поведенческое и морально-волевое психическое усовершенствование [онтологических структур психики обучающихся], но также и детальное переформатирование наглядно-образного мышления [в режиме «онтологического переключения» последнего (**что весьма важно:**) на уровень абстрактно-логического мышления (*как и наоборот: с целью создания «уверенной» единой итерации для обоих*)]. Последнее, *увы*, невозможно в общей теории предикатов личностной трансформации обучающихся [как приобретение последними общекультурных компетенций *соответствующих ФГОС РФ*], но в градиентной теории предикатов позволяет указать на разрешаемые конфликты между «сознательным» и «бессознательным» самих обучающихся и, что архиважно: на лекционных и семинарских занятиях читаемых курсов в высшей школе.

[К слову сказать, следующий метод вполне вписывается (А)не только в психоаналитическое понимание следующей проблемы, но и (Б) в канву развития научной психологии в целом; сам же Зигмунд Фрейд вот что писал по этому поводу: «Разделение психического на сознательное и бессознательное – это основная предпосылка психоанализа, и только благодаря ей он имеет возможность понять и подвергнуть научному исследованию патологические процессы душевной жизни, столь же повсеместные, сколь и важные [9, с. 7]»].

Графически же выше обозначенные психические структуры могут быть «выражены» следующим образом:

Последнее не является «пустым звуком» современного российского образования, но «видится» также как возможное совершенствование образовательных технологий в целом.

Несколько замечаний относительно личностной трансформации и её трансляции на уровне государственной идеологии.

Отметим, что «современное российское общество характеризуется как раз тем, что в нём отсутствует сколь бы то ни было серьёзно развитая государственная стратегия трансляции философских и научных идей на уровень общественного сознания, если мы говорим, ($-A$) не об образовании и ($-B$) не о науке в целом» [7, с. 371]. Исходя из чего педагоги в самостоятельном режиме должны – будучи ориентированными ФГОС РФ – осуществлять [на лекционных и семинарских занятиях] явное и неявное противопоставление научного и философского мировоззрения с одной стороны и обыденного сознания с другой: **фактически «провоцируя» личностную трансформацию самих обучающихся.** Но следует учитывать, что в общей теории предикатов перекодировка нервной и сенсорной систем обучающихся происходит в довольно-таки «жёстком» режиме (из-за видимых явных противоречий), в то время как градиентная теория предикатов позволяет минимизировать возможный дискомфорт от следующего противопоставления для «психического-рассудочного» и «психического-бессознательного» самих обучающихся.

Выводы и замечания о градиентной теории предикатов в рамках компетентностного подхода.

Яростно отметить запросы-психического обучающихся в отношении их личностной трансформации попросту неправильно. Поэтому далеко неслучайно педагогам следует обращать (!) повышенное внимание на онтологический статус мышления современных обучающихся, поскольку «в то, что называется мышлением (*Denken*), мы попадаем, когда берёмся думать (*denken*) сами» [10, с. 35]. И, как видим, это очень хороший пример совершенствоваться в профессии со стороны самих преподавателей, ведь ещё в незапамятные времена «фактический» отец формальной логики Аристотель упоминал, что «всякое обучение и всякое основанное на размышлении учение исходит из ранее имеющегося знания» [1, с. 257] [«Вторая аналитика»]. Исходя из чего: важно чтобы образовательный процесс был основан не только на эпистемически ориентированных предметных областях, но и на (!) фактическом удовлетворении интеллектуальных и эстетических запросов самих обучающихся со стороны кураторов учебной деятельности –конкретных педагогов. При этом, не следует, на наш взгляд, мыслить мышление обучающихся оторвано от их жизни, поскольку по справедливому замечанию Г.В.Ф. Гегеля именно «существование есть непосредственное единство бытия и

рефлексии» [2, с. 313] [«Наука логики»] и, *несмотря на сложность реализации последнего*, педагоги должны быть «*призваны*» к этому всем своим существом. В противном же случае образовательный процесс полностью превращается в профанацию учебной деятельности с замысловатым итогом по отношению к мышлению самих обучающихся. *И как это не парадоксально* предыдущее **замечание о предикациях учебной деятельности** «также может быть рассмотрено в аспекте самопознания – γνώθισεαυτόν – и также быть использовано в качестве психопрофилактической методики» [4, с. 490].

«Обучающиеся, будучи инкорпорированы своим мышлением в учебные тематики, должны чувствовать свою «*вовлечённость*»» [3, с. 14] в учебный процесс, поскольку «(S) интеллектуальные традиции различного содержания в сфере российского образования (P) обладают онтологическим статусом» [6, с. 97]. Относительно же предыдущих авторских исследований по следующему вопросу – *анализируя модели-запросы современных обучающихся* – можно использовать и другие авторские модели такие как «онтологический тетраэдр повседневности» [11, с. 56] и «кантовский квадрат» [5, с. 54], призванные *значительным образом* усовершенствовать учебную деятельность в целом.

В завершении же хочется отметить, что компетентностный подход – используемый в современном российском образовании – имея некоторые минусы, имеет, *вне всякого сомнения*, и свои плюсы, которые градиентно должны быть расширены в светлое будущее совершенствования образовательных технологий по всему миру на базе Отечественной традиции российского образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения в четырёх томах. – Т. 2. / Под ред. второго тома З. Н. Микеладзе. – М.: «Мысль», 1978. – 687 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: Том 1: Наука логики. – М.: «Мысль», 1975. – 452 с.
3. Гришин А. А. Анализ дискурсивных практик в философском, в культурологическом и в искусствоведческом семантическом пространстве // Язык и культура в аспекте проблем языкового образования современной России: Материалы Международного форума, посвящённого Году педагога и наставника и 200-летию со дня рождения К. Д. Ушинского. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2024. – С. 13–17.
4. Гришин А. А. Креативность личности в межкультурном пространстве: дескриптивный и сопоставительный анализы феноменов образования и интертеймента // Региональные культурные стратегии в современном мире: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2025. – С. 487–493.
5. Гришин А. А. Ноуменальные и феноменальные способы обозначения онтологического опыта применительно к организации учебного процесса в высшей школе / А. А. Гришин // Трансценденция бытия: идеалы познания истины: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 25 апреля 2024 года. – Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, 2024. – С. 44–55.

6. Гришин, А. А. Образовательный процесс как расширение сферы интимности // Метафизика патриотизма: воспитание духа и формирование гражданина: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, 2025. – С. 88–98.
7. Гришин А. А. Проектирование модусов культурной вовлеченности человека в формирование цифровой идентичности // Региональные культурные стратегии в современном мире: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2025. – С. 371–376.
8. Юнг К. Г. Психология западной религии: [перевод с немецкого В. Желнинова]. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – 352 с.
9. Фрейд З. Я и оно / Пер. с нем. В. Ф. Полянского / Под ред. А. А. Франконского. – Ленинград: Academia, 1924. – 62 с.
10. Хайдеггер М. Что зовётся мышлением? / Перевод Э. Сагетдинова. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 320 с.
11. Культура: грани бытия / М. А. Богатов, Д. А. Богатова, А. А. Гришин [и др.]. – Саратов: Саратовский источник, 2024. – 182 с.

REFERENCES

1. Aristotle. Essays in four volumes. Vol. 2. / Ed. the second volume of Z. N. Mikeladze. – М.: "Thought", 1978. – 687 p.
2. Hegel G.V. F. Encyclopedia of Philosophical Sciences: Volume 1: Science of Logic. – М.: Mysl, 1975. 452 p.
3. Grishin A. A. Analysis of discursive practices in the philosophical, cultural and art semantic space // Language and culture in the aspect of the problems of language education in modern Russia: Materials of the International Forum dedicated to the Year of the Teacher and Mentor and the 200th anniversary of the birth of K. D. Ushinsky. – Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2024. – Pp. 13–17.
4. Grishin A. A. Personal creativity in the intercultural space: descriptive and comparative analyses of the phenomena of education and interactivity // Regional cultural strategies in the modern world: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation). – Perm: Perm State Institute of Culture, 2025. – Pp. 487–493.
5. Grishin A. A. Noumenal and phenomenal ways of designating ontological experience in relation to the organization of the educational process in higher education // Transcendence of being: ideals of knowledge of truth: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. – Voronezh: Voronezh State Forestry Engineering University named after G. F. Morozov, 2024. – Pp. 44–55.
6. Grishin A. A. The educational process as an extension of the sphere of intimacy // Metaphysics of patriotism: education of the spirit and formation of a citizen: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. – Voronezh: Voronezh State Forestry Engineering University named after G.F. Morozov, 2025. – Pp. 88–98.
7. Grishin A. A. Designing modes of human cultural involvement in the formation of digital identity // Regional cultural strategies in the modern world: Proceedings of the V All-Russian

Scientific and Practical Conference (with international participation). – Perm: Perm State Institute of Culture, 2025. – Pp. 371–376.

8. Jung K. G. Psychology of Western religion: [translated from German by V. Zhelninov]. – M.: AST Publishing House, 2023. – 352 p.

9. Freud Z. Ya and it / Translated from German by V. F. Polyansky / Edited by A. A. Frankonsky. – Leningrad: Academia, 1924. – 62 p.

10. Heidegger M. What is called thinking? / Translated by E. Sagetdinov. – M.: Publishing house "Territory of the Future", 2006. – 320 p.

11. Culture: facets of being / M. A. Bogatov, D. A. Bogatova, A. A. Grishin [et al.]. – Saratov: Saratov source, 2024. – 182 p.

**ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ОЦЕНОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ
ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ ИИ
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К КУРСУ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ**

**APPROACHES TO CREATING ASSESSMENT MATERIALS FOR STUDENTS USING AI
LANGUAGE MODELS IN THE CONTEXT OF THE GENERAL HISTORY COURSE**

Салманов П.П., преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Черницын Д.В., старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный университет», Воронеж, Россия

Salmanov P.P., teacher

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Chernitsyn D.V., Senior Lecturer, Voronezh State

University, Voronezh, Russia

Аннотация: В настоящей статье описывается, проведённый эксперимент по созданию оценочных средств для учащихся с использованием языковых моделей ИИ, касательно курса всеобщей истории. Также пойдёт речь о проведённом сравнительном анализе индивидуальных заданий, полученных в ходе генерации языковыми моделями на примере темы: Вторая мировая война, с целью определения наиболее оптимального подхода к формированию проверочных материалов для обучающихся.

Abstract: This article describes an experiment conducted to create assessment tools for students using AI language models regarding the course of universal history. We will also talk about the comparative analysis of individual tasks obtained during the generation of language models using the example of the topic.: The Second World War, in order to determine the most optimal approach to the formation of test materials for students.

Ключевые слова: Оценочные средства, обучающиеся, языковые модели ИИ, нейронные сети, педагогический процесс.

Keywords: Evaluation tools, learners, AI language models, neural networks, and the educational process.

В настоящее время вопрос качественной проверки знаний обучающихся, довольно остро стоит в современном педагогическом процессе, и на наш взгляд требует особого внимания.

Сейчас нейронные сети широко применяются в различных сферах, включая педагогический процесс [1]. Многие пользуются приёмами формирования тестовых заданий по различным учебным дисциплинам с помощью нейронных сетей, так как это позволяет значительно сэкономить время и на разработку самих оценочных материалов, и непосредственно на их проверку. В связи с тем, что тематика довольно интересная и

актуальная, многие авторы в той или иной степени отводили ей место в своих публикациях [3-5]. В современном педагогическом процессе существует немало подходов к формированию оценочных средств, но детально мы рассмотрим в настоящей работе, некоторые из них: использование только больших языковых моделей (ЯМ) и RAG (Retrieval Augmented Generation – генерация с дополненной выборкой) – технологии для ЯМ применительно к курсу всеобщей истории.

Рассмотрим плюсы и минусы в основных существующих подходах к созданию оценочных средств для обучающихся:

Большие ЯМ:

- + Скорость получения результата, возможность формировать большое количество индивидуальных заданий.
- + Низкая стоимость и распространённость инструментов.
- + Возможность выгрузки в форматах пригодных для автоматизации в ЭОР (электронный образовательный ресурс).
- + Низкая или бесплатная стоимость подписок.
- Необходимо освоение базовых принципов работы с ЯМ.
- Существенный уровень риска, так называемых галлюцинаций в виде смысловых ошибок, неправильных ответов и т.п.
- Отсутствие привязки к рекомендуемым источникам и учебникам.
- Существенный риск наличия смысловых и сущностных расхождений с учебным планом.

RAG – технологии для ЯМ:

- + Скорость получения результата, возможность формировать большое количество уникальных заданий.
- + Близкая к источнику терминология и стилистика.
- + Точное цитирование источника в ключах и обосновании вопросов.
- + Минимальный риск галлюцинаций.
- + Возможность выгрузки в форматах пригодных для автоматизации в ЭОР (электронный образовательный ресурс).
- Высокая стоимость подписки.
- Необходимо освоение базовых принципов работы с ЯМ.
- Нужна подготовка данных (внешнего источника).

Поиск вопросов в сети Интернет, использование рекомендованных вопросов из учебников и формирование тестовых вопросов вручную:

- + Ручной контроль над точностью терминологии и стилистики в вопросах.
- Низкая скорость получения результата, сложность массовой подготовки оценочных материалов.
- Необходимы дополнительные инструменты для автоматизации в ЭОР.
- Для рекомендованных вопросов легко найти готовые ответы в сети Интернет.

Рассмотрим основные требования к формированию оценочных материалов в современных условиях, когда существует риск массового списывания ответов друг у друга или из сети Интернет:

- необходимость генерации большого количества индивидуальных заданий для групп учащихся, с ключами и обоснованием ответов;
- необходимость частичной или полной автоматизации проверки индивидуальных заданий;
- необходимость распределения вопросов по их видам и уровням сложности для адаптации к соответствующему уровню учащихся;
- обеспечение релевантности вопросов учебному плану.

В связи с вышеизложенным, уже можно сделать вывод, что большинство преимуществ на стороне подхода к формированию оценочных средств с использованием RAG – технологии для ЯМ.

В качестве примера для генерации заданий с помощью RAG – технологии для ЯМ был взят учебник «История. Всеобщая история. 1914-1945 гг. 10 класс. Базовый уровень», авторами которого являются В.Р. Мединский и А.О. Чубарьян. Данный учебник разработан в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования в редакции Приказа Министерства просвещения № 732 от 12.08.2022 г. и Федеральной рабочей программы среднего общего образования по истории.

RAG – технология для ЯМ соединяет языковую модель, обученную на огромных массивах данных, с внешней базой знаний, в нашем случае титульный учебник по курсу или его отдельные параграфы и главы. RAG – технология работает следующим образом: ЯМ получает вопрос, обращается к базе знаний, находит соответствующий контент, отбирает наиболее релевантный, генерирует ответ, в то время, как большие ЯМ формируют ответ, используя, первоначальную выборку, на которой они обучались и открытые источники в сети Интернет.

В качестве инструмента реализации взаимодействия с ЯМ по технологии RAG рассмотрим платформу Perplexity, которая по факту является гибридом поисковой системы, чат-бота и агрегатора языковых моделей, которая позволяет взаимодействовать с оптимальной для конкретной задачи языковой моделью или набором моделей. Работа осуществляется в рамках так называемого пространства, в котором мы описываем контекст задачи, прикрепляем готовые внешние источники или их готовим там же с помощью тех же языковых моделей. Взаимодействие с системой происходит посредством написания промтов. Промт – это запрос, команда или набор инструкций, которые пользователь передаёт нейросети или другой программе с ИИ для выполнения определённой задачи. Он помогает системе лучше понять намерения человека и выдать наиболее релевантный результат.

Мы предлагаем рассмотреть алгоритм действий для формирования оценочных материалов с использованием RAG – технологии для ЯМ по теме Вторая мировая война, на основании III главы «Вторая мировая война. 1939-1945 гг.» (параграфы 15-18), заявленного нами учебника. Авторы статьи считают данное событие важнейшим для изучения в разделе всеобщей истории. Данная глава учебника, включает в себя и события Великой Отечественной войны, а это одна из ключевых тем в воспитании патриотизма у молодёжи. «Очевидно, что спустя большое количество времени от события, меняется его восприятие, появляются новые общественные смыслы, сглаживаются старые символы, а новое поколение людей видит в нём

своё отражение. Учитывая сложность сложившейся политической ситуации, данная тема особенно актуальна и в наши дни» [6, с. 199-200].

Первый этап. Формируем рабочее пространство, назовём его «Тестовые задания по теме Вторая мировая война». На этом этапе мы прикрепляем файл с учебником и с помощью управляющего промта формируем внешний источник – параграфы 15-18 из учебника.

Второй этап. Формируем оценочные материалы, задаём следующий промт: «Используй только приложенный учебник параграфы 15-18. Сгенерируй 20 заданий 3 типов: 10 множественного или одиночного выбора, 5 на соответствие, 5 открытых. Для каждого – правильный ответ/ключ и краткое обоснование с указанием места в учебнике. Укажи уровень сложности по шкале (A1-C2)».

Третий этап. Обработка результата. На этом этапе мы можем сформировать файл в XML формате для ЭОР (электронный образовательный ресурс), например платформы Moodle. Это позволит импортировать сгенерированные задания и ответы на них напрямую в ЭОР. При этом могут быть нюансы с версиями соответствующих ЭОР, поэтому при импорте заданий могут возникать сообщения об ошибках. Эти сообщения можно также показывать Perplexity в рамках созданного нами рабочего пространства, чтобы она исправила XML разметку в сгенерированных тестах.

Примерно по такому же алгоритму генерируются тестовые задания относительно подхода с использованием только больших языковых моделей, но без прикрепления файла с учебником или другим каким-либо учебным материалом.

В довершении целесообразно провести сравнительный анализ полученных, в результате генерации индивидуальных заданий примеры, которых приведены в нижеследующих таблицах № 1 и № 2.

Таблица № 1

№	Виды типовых тестовых вопросов	Вопросы и ответы с обоснованием, сгенерированные с использованием RAG-технологии для ЯМ
1.	Закрытые вопросы с одиночным выбором	Когда началось советское контрнаступление под Сталинградом? А) 5 июля 1943 г. В) 6 июня 1944 г. С) 19 ноября 1942 г. D) 22 июня 1941 г. Правильный ответ: С) 19 ноября 1942 г. Обоснование: В учебнике прямо указано: «19 ноября 1942 г., отразив все попытки германской армии овладеть Сталинградом, Красная Армия перешла в контрнаступление».
22.	Закрытые вопросы на соответствие	А. В. Квислинг В. Ш. де Голль С. Д. Эйзенхауэр D. Б. Монтгомери Е. Г.К. Жуков

		<p>1. Возглавил комитет «Свободная Франция» в эмиграции</p> <p>2. Глава марионеточного правительства Норвегии</p> <p>3. Командовал британскими войсками под Эль-Аламейном</p> <p>4. Верховный главнокомандующий силами союзников при высадке в Нормандии</p> <p>5. Подписал от имени СССР Акт о безоговорочной капитуляции Германии</p> <p>Ключ: А–2, В–1, С–4, D–3, Е–5</p> <p>Обоснование: Все сведения взяты из портретных справок учебника §15–§18: Квислинг – коллаборационист в Норвегии, де Голль – лидер «Свободной Франции», Эйзенхауэр – командующий «Оверлорд», Монгомери – победитель при Эль-Аламейне, Жуков – подписание капитуляции.</p>
3.	Открытые вопросы	<p>Какую роль сыграл СССР в разгроме Германии и Японии?</p> <p>Эталонный ответ: СССР сыграл решающую роль в разгроме, как Германии, так и Японии. На советско-германском фронте, который с 1941 г. оставался главным, Красная Армия разгромила в три раза больше дивизий противника, чем все остальные союзники вместе взятые. Решающие победы были одержаны под Сталинградом, на Курской дуге и в битве за Днепр. К 1945 г. Красная Армия освободила Румынию, Болгарию, Польшу, Чехословакию, Венгрию, часть Норвегии и совместно с югославскими партизанами – Белград. Советские войска штурмовали Берлин, над которым 1 мая было водружено Знамя Победы. В войне против Японии СССР, выполняя союзнические обязательства, в августе 1945 г. разгромил мощную Квантунскую армию, что стало решающим фактором, побудившим Японию капитулировать. Без вступления СССР в войну, по расчётам американского командования, захват Японии мог стоить около миллиона жизней и продолжаться до конца 1946 г.</p> <p>Обоснование оценки: Оценивается упоминание главного фронта, ключевых битв (Сталинград, Курск, Днепр, Берлин), освобождения европейских стран, разгрома Квантунской армии и понимание решающей роли СССР.</p>

Таблица № 2

№	Виды типовых тестовых вопросов	Вопросы и ответы с обоснованием, сгенерированные с использованием больших ЯМ
1.	Закрытые вопросы с одиночным выбором	<p>Какое событие ускорило капитуляцию Японии в августе 1945 года.</p> <p>А) Операция «Торч» В) Высадка в Нормандии С) Применение атомного оружия США против Хиросимы и Нагасаки Д) Капитуляция Италии</p> <p>Ответ. С) Применение атомного оружия США против Хиросимы и Нагасаки.</p> <p>Обоснование. Авиаудары по Хиросиме (6 августа) и Нагасаки (9 августа) вынудили японское руководство согласиться на капитуляцию.</p>
2.	Закрытые вопросы на соответствие	<p>Установите соответствие между событием и театром военных действий.</p> <p>События: ПерлХарбор ЭльАламейн Курская битва «Блиц» против Англии</p> <p>Театры военных действий: А) Восточный фронт В) Западноевропейский фронт С) Североафриканский фронт Д) Тихоокеанский театр</p> <p>Ответ. 1–Д, 2–С, 3–А, 4–В</p> <p>Обоснование. ПерлХарбор в Тихом океане, ЭльАламейн в Северной Африке, Курская дуга на Восточном фронте, «Блиц» связан с бомбардировками Великобритании.</p>
2.	Открытые вопросы	<p>Проанализируйте роль СССР в разгроме нацистской Германии и оцените вклад других союзников, опираясь на конкретные примеры операций и сражений.</p> <p>Ожидаемый ответ. Развёрнутый анализ: решающая роль Восточного фронта, крупные операции Красной армии (Сталинград, Курская битва, операция «Багратион», Берлинская операция), а также значительный вклад союзников через лендлиз, открытие второго фронта в Нормандии, стратегические бомбардировки Германии и действия на других театрах.</p>

		Ключ. Балансированная оценка с признанием ключевого значения советско-германского фронта и конкретными примерами вклада союзников.
--	--	--

Примеры вопросов с ответами и обоснованием, сформированных с использованием RAG – технологии для языковых моделей, представленные в таблице №1, не вызывают нареканий.

Примеры вопросов, сформированных с использованием только больших языковых моделей, представлены в таблице №2. Невооружённым взглядом видно наличие ряда орфографических и пунктуационных ошибок в вопросах №2 и №3 (ПерлХарбор, ЭльАламейн, лендлиз и т.д.), что не представляет сложности для лёгкого, а главное быстрого, их устранения. Но при более детальном рассмотрении видны ошибки и другого характера. Рассмотрим детально вопрос №1 с предлагаемыми вариантами ответов.

Какое событие ускорило капитуляцию Японии в августе 1945 года?

- A) Операция «Торч»
- B) Высадка в Нормандии
- C) Применение атомного оружия США против Хиросимы и Нагасаки
- D) Капитуляция Италии

Ответ «C) Применение атомного оружия США против Хиросимы и Нагасаки», при такой формулировке вопроса и предоставленными вариантами ответов, что, по мнению авторов, звучит крайне некорректно, так как был комплекс событий, ускоривших капитуляцию Японии, тем более что бомбардировки Хиросимы и Нагасаки далеко не являются первоочередными причинами. Но после прочтения обоснования к ответу: «Авиаудары по Хиросиме (6 августа) и Нагасаки (9 августа) вынудили японское руководство согласиться на капитуляцию», вопрос приобретает крайне ошибочное звучание.

В качестве правильного ответа на данный вопрос нами представлены выдержки из заявленного учебника. «6 и 9 августа американская авиация сбросила атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки. Жертвами этих бомбардировок от взрывов и последствий радиации стали более 450 тыс. человек. Решение о ядерном ударе было принято, чтобы показать СССР своё военное превосходство и заставить пойти на уступки в разрешении послевоенных вопросов. Внутри Японии эти бомбардировки не вызвали готовности к капитуляции. К этому решению японцев подтолкнуло лишь наступление Красной Армии. СССР вступил в войну 9 августа 1945 г.» [2, с. 216]. «Стремительное наступление Красной Армии ошеломило японцев. Уже 14 августа японское правительство уведомило правительства США, СССР, и Великобритании о готовности капитулировать. Однако многие японские части в Маньчжурии ещё продолжали сражаться. К 20 августа их разгром был практически завершён» [2, с. 217].

Учитывая все нюансы, авторы настоящей работы сходятся во мнении, что со стороны ЯМ это может быть «не ошибкой», а результатом изначально неверной заложенной информации, на которой обучалась только языковая модель ИИ.

Учитывая все вышеизложенные аргументы, предлагаем методику формирования оценочных материалов большими языковыми моделями с применением RAG – технологии.

Таким образом, применение описанного выше подхода позволит нам решить основные задачи и проблемы при формировании оценочных материалов в современных условиях. За счёт данного подхода можно сформировать любое количество уникальных индивидуальных заданий с готовыми ответами, а также автоматизировать процесс тестирования и проверки, формируя выгрузку для электронных тестовых и учебных систем, в том числе распределяя и адаптируя задания по уровням сложности.

При этом RAG значительно снижает вероятность галлюцинаций. Поскольку система опирается на конкретные источники, она намного реже придумывает информацию. Более того, система позволяет при формировании оценочных материалов, соответствующих ключей и их обоснования, использовать терминологию конкретного автора учебника с приведением цитат и ссылок на их расположение в учебнике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов А. В. Большие языковые модели как инструмент историка // Новые информационные технологии в образовании и науке. – 2024. – № 13. – С. 75–91.
2. Мединский В. Р. История. Всеобщая история. 1914-1945 годы: 10 класс: базовый уровень: учебник / В. Р. Мединский, А. О. Чубарьян. – Москва: Просвещение, 2023. – 240 с.
3. Назаров Д. М., Бегичева С. В. Методика применения больших языковых моделей при формировании фондов оценочных средств в высшем образовании // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Информатизация образования. – 2026. – Т. 23. – № 1. – С. 57–74.
4. Новые подходы к оцениванию: искусственный интеллект как драйвер изменений в образовании / Е. Ю. Карданова (научная редакция), С. В. Тарасов, А. Е. Иванова, Э. М. Юсупова, Д. А. Грачева, К. В. Тарасова, И. С. Денисов, Д. П. Талов, А. С. Струкова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2025. – № 5. (88). – 88 с.
5. Пашнина Т. В., Винокурова М. А. Современные проблемы применения и регулирования технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Образование и право. – 2024. – № 4. – С. 406–411.
6. Салманов П. П., Колкунов А. Н. Отношение молодежи к памяти о Великой Отечественной войне (на примере студентов СПО) // Метафизика патриотизма: воспитание духа и формирование гражданина: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж, 2025. – С. 199–204.

REFERENCES

1. Kuznetsov A. V. Large Language Models as a Historian's Tool // New Information Technologies in Education and Science. – 2024. – No. 13 – Pp. 75–91.
2. Medinsky V. R. History. General History. 1914-1945: 10th Grade: Basic Level: Textbook / V. R. Medinsky, A. O. Chubaryan. – Moscow: Prosveshchenie, 2023. – 240 p.
3. Nazarov D. M., Begicheva S. V. Methodology of Applying Large Language Models in the Formation of Funds of Assessment Tools in Higher Education // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of Education. – 2026. – Vol. 23. – No. 1. – Pp. 57–74.

4. New approaches to assessment: artificial intelligence as a driver of changes in education / E. Y. Kardanova (scientific edition), S. V. Tarasov, A. E. Ivanova, E. M. Yusupova, D. A. Gracheva, K. V. Tarasova, I. S. Denisov, D. P. Talov, A. S. Strukova; National Research University Higher School of Economics, Institute of Education. – Moscow: HSE, 2025. – № 5. (88). – 88 p.

5. Pashnina T. V., Vinokurova M. A. Modern problems of application and regulation of artificial intelligence technologies in higher education // Education and law. – 2024. – No. 4. – Pp. 406–411.

6. Salmanov P. P., Kolkunov A. N. The attitude of youth to the memory of the Great Patriotic War (in Russian the metaphysics of Patriotism: the education of the spirit and the formation of a citizen: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. – Voronezh, 2025. – Pp. 199–204.

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ТРАДИЦИИ НА ПРИМЕРЕ
ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА: ОПЫТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО
ЗАНЯТИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ СПО**

**REGIONAL CHARACTERISTICS OF RUSSIAN TRADITION USING SONG FOLKLORE:
AN EXPERIENCE IN A HISTORICAL AND CULTURAL
STUDY FOR STUDENTS OF SVE**

Колкунов А.Н., преподаватель

Kolkunov A.N., teacher

Зяблицева Н.А., преподаватель

Zyablitseva N.A., teacher

ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: Статья описывает опыт проведения историко-культурологического занятия среди студентов СПО. На примере песенных традиций западной и северной областей выявлен ряд региональных особенностей русской культуры и их связь с историей освоения соответствующих территорий, рассмотрена специфика диалектов.

Abstract: This article describes the experience of conducting a history and culture lesson for students of secondary vocational educational institutions. Using the example of song traditions of the western and northern regions, a number of regional features of Russian culture and their connection with the history of the development of the corresponding territories were identified, the features of dialects are considered.

Ключевые слова: песенный фольклор, традиция, этнокультура, образование, воспитание.

Keywords: song folklore, tradition, ethnoculture, education, upbringing.

В эпоху стремительных глобализационных процессов политика правительства Российской Федерации все более целенаправленно обращается к утверждению традиционных культурных ценностей. В соответствии с Указом Президента РФ №809 традиционные ценности составляют основу российского общества, суверенитета и единства страны. В сложном и противоречивом современном мире, где тенденции глобализации приходят в столкновение с обратными процессами распада единого мира, национальный духовный опыт и культурные основы остаются все же незыблемыми ориентирами и своеобразным внутренним компасом.

Политика, направленная на укрепление традиционных ценностей, предполагает комплексный подход, затрагивающий различные сферы общественной жизни. Важным аспектом, в частности, является продвижение духовно-нравственных основ в образовательных программах. В этой связи целесообразным представляется включение народной культуры в

процесс изучения базовых дисциплин. Ещё в XIX в. выдающийся педагог и основоположник научной педагогики в России К.Д. Ушинский, разрабатывая вопросы образования и воспитания, особую роль в процессе формирования личности отводил принципу народности [2, с. 117]. В соответствии с этим принципом народная педагогика, воплощённая в устном народном творчестве – сказках, песнях, пословицах и поговорках, – содержит в себе глубинный опыт поколений, национальную мудрость и нравственные ориентиры, необходимые для воспитания целостного человека.

Вместе с тем изучение русской народной традиции невозможно в полной мере без учёта этнокультурной специфики. Такой подход предполагает рассмотрение культуры не в отрыве от её носителей, а в неразрывной связи с жизнью народа, многообразием региональных особенностей, диалектов, верований и форм быта. В соответствии с целями и задачами этнокультурного образования авторами было разработано занятие, направленное на изучение региональных особенностей песенного фольклора [3, с. 13-14].

Песня – уникальный и живой источник информации об особенностях быта и специфике мировоззрения народа. Являясь своеобразной летописью, передающей из поколения в поколение не только сказания, но и тончайшие нюансы народной души, она вместе с тем представляет собой материал для практического и наглядного изучения многих дисциплин. Так, анализ текстов фольклорных песен позволяет проиллюстрировать особенности говоров разных регионов. Своё отражение в сюжетах и образах находят и природные ландшафты, климатические условия, особенности освоения территории, земледелия и промыслов. Архангельские песни воспевают суровую северную природу и стойкость человека, южнорусские же весёлые песни полны образов изобилия, праздника и плодородия.

Традиционно выделяют семь основных стилевых географических зон русского песенного фольклора. К ним относятся: Западнорусская, Севернорусская, Южнорусская, Среднерусская, Средне-Волжская, Уральская и Сибирская. Отдельно выделяют Казачий фольклор (традиции донских, оренбургских, терских казаков) [1, с. 4-5]. В рамках занятия были рассмотрены особенности западно- и севернорусской песенных традиций.

Специфика западнорусской песни рассмотрена на примере фольклора Брянской области. Ещё в глубокой древности межплеменные контакты были частью повседневной жизни для людей, населяющих территорию современной Брянщины, поскольку она граничила с землями кривичей, вятичей, северян и радимичей. Обширные лесные массивы служили укрытием для местного населения, в меньшей степени подвергая города и селения разорительным набегам, в том числе и татаро-монгол конца 1230 – начала 1240-х гг. [5, с. 7]. На западнорусской территории складывались три ветви восточнославянских народов: русских, украинцев и белорусов. Именно здесь восточнославянской культуре удалось сохранить свою архаичность и дохристианскую картину мира.

Основной вид деятельности на данной территории – земледелие. Это обусловило календарно-обрядовую специфику местного фольклора. Песни этого региона хорошо отражают традицию празднования таких календарно-земледельческих обрядов, как Коляда, Масленица, Сороки, Иванов день и т.д., направленных на обеспечение благодати крестьянина и его семьи.

Одним из ярких проявлений народной традиции в рамках календарно-обрядового цикла являются веснянки или заклички – песни, сопровождающие приход весны. Их исполнение начиналось с первыми признаками потепления, но полноправным временем для них считалось появление проталин. Отличительной чертой веснянок было характерное «гуканье» – протяжный возглас, который служил своеобразным обращением к весне, а также призван был обозначить присутствие человека на той или иной территории, пережившего зиму и заявляющего свои права на эту территорию.

Отдельно стоит отметить и свадебные песни, генетически сохранившие связь с обрядовыми напевами календарного цикла [1, с. 7]. По классификации Б.Б. Ефименковой западнорусский свадебный обряд относится к «свадьбе-веселье» [6, с. 26]. Для него характерен горизонтальный переход невесты в другую семью, мотив обмена и купли-продажи.

На примере весенней заклички «Агу, весна» (Брянская обл.) и свадебной песни «Не со ночи, ночи-полночи» (Брянская обл., Трубчевский р-н, д. Манцурово) рассмотрены такие характерные черты брянского говора, как аканье (*в[а]кошечко, [а]бламиласе*) и яканье (*в[я]сна, в[я]ночки, с[я]ребринай*).

Второй крупной региональной зоной песенного фольклора является северорусская музыкально-поэтическая традиция. Архангельская область – одна из самых ярких и показательных территорий, где эта традиция сохранилась и процветает. История освоения Двинских земель, побережья Белого моря и основания северных поселений тесно связана с монастырями. Располагаясь в пустынных местах, они постепенно становились средоточием отшельников и разрастались до обителей, монастырских поселений. Вокруг них воздвигались крепости, образовывались ярмарки, развивался промысел и торговля. Монастыри, таким образом, становились центрами общественной жизни, религиозной и хозяйственной опорой для появляющихся вокруг них жителей. В 1212 году был заложен древнейший на Севере Михайло-Архангельский монастырь, на базе которого в XIV-XVI вв. сформировался город Архангельск [4, с. 78-79].

Ещё одной особенностью северной территории было влияние Новгородского княжества. В XII в. у берегов Белого моря появляются новгородцы, занимающиеся рыболовством и охотой на морского зверя. Мужчины, как правило, владели грамотой и мореходной наукой, основами математики, астрономии и кораблестроения.

Во второй половине XVII в. после раскола церкви на земли Русского Севера устремились старообрядцы. Их замкнутый образ жизни, своеобразная материальная и духовная культура, суровые запреты не только в религиозной, но и бытовой сфере оказали сильное воздействие на северную фольклорную традицию.

Эти особенности, а также специфика природных и бытовых условий, культурные и торговые связи с коренными народами северной территории определили строгий и сдержанный характер фольклорной системы Русского Севера.

Первоначально основу северорусской песни составляет эпический жанр: былины, баллады, духовные стихи и т.д., причём в характерной сольной сказительной форме. Постепенно это «ядро» традиции уступает место причетному комплексу, который отразился на всех сторонах песенной системы. Эпический строй народного искусства во много

характеризует художественный облик северного фольклора, придавая ему манеру строгости, сдержанности и степенности [1, с. 12].

Из обрядовой традиции хорошо сохранился ритуал северной свадьбы, которую называют «свадьба – похороны». Ведущим здесь является инициационный переход невесты из группы девушек в группу замужних женщин. Переход невесты образно представляется как путь на «тот свет», то есть смерть, отсюда и ориентация северорусской свадьбы на погребальный обряд [6, с. 39].

На примере былины «Добрыня и змей» и свадебной песни «Дымно» (Архангельская область, Пинежский р-он, д. Ваймуша) рассмотрены такие особенности северного диалекта, как оканье (*г[о]роду, г[о]лубушками, [О]лександра*), цоканье (*хо[ц]ю, бер[ц]атую*), замена [щ] и [ск] на [шш] (*и[шш]о*).

По результатам проведённых занятий с участием 150 студентов СПО сделан вывод о высоком уровне интереса к народной культуре. Студенты продемонстрировали способность выявлять и классифицировать региональные особенности фольклорной традиции. Особую роль в этом процессе сыграл живой музыкальный материал, который наглядно на мелодическом и ритмическом уровне показал уникальные черты рассматриваемых систем. Выбранный метод показал себя достаточно эффективным, способствуя лёгкому усвоению предлагаемого материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шорникова О. В. Областные певческие стили: учебно-методическое пособие для средних специальных учебных заведений культуры и искусства. – Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 50 с.
2. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании // Проблемы педагогики. – Москва: УРАО, 2002. – С. 51–122.
3. Шпикалова Т. Я., Бакланова Т. И., Ершова Л. В. Концепция этнокультурного образования в Российской Федерации. – Шуя: Издательство «Весть» ГОУ ВПО «ШГПУ», 2006. – 23 с.
4. Лукин Ю. Ф. Город Архангела Михаила // Арктика и Север: электронный научный журнал. – Архангельск, 2013. – №10. – С. 74–97.
5. Гаврищук М. Л. Календарная обрядовая поэзия Брянского края: проблематика. Поэтика. Современное бытование: автореферат Дис. ... кандидата филологических наук. – Орел, 2007. – 22 с.
6. Ефименкова Б. Б. Восточнославянская свадьба и её музыкальное наполнение: введение в проблематику. – Москва: РАМ им. Гнесиных, 2008. – 63 с.

REFERENCES

1. Shornikova O. V. Regional Singing Styles: A Teaching Aid for Secondary Specialized Educational Institutions of Culture and Arts. – Moscow, Berlin: Direct-Media, 2020. – 50 p.
2. Ushinsky K. D. On Nationality in Public Education // Problems of Pedagogy. – Moscow: URAO, 2002. – Pp. 51–122.

3. Shpikalova T. Ya., Baklanova T. I., Ershova L. V. The Concept of Ethnocultural Education in the Russian Federation. – Shuya: Vest Publishing House, State Educational Institution of Higher Professional Education, ShGPU, 2006. – 23 p.
4. Lukin Yu. F. City of Archangel Michael // Arctic and North: Electronic Scientific Journal – Arkhangelsk, 2013. – No. 10. – Pp. 74–97.
5. Gavrishchuk M. L. Calendar Ritual Poetry of the Bryansk Region: Problems. Poetics. Modern Existence: Abstract of the Dissertation ... Candidate of Philological Sciences. – Orel, 2007. – 22 p.
6. Efimenkova B. B. East Slavic wedding and its musical content: introduction to the problematic. – Moscow.: Gnessin Russian Academy of Music, 2008. – 63 p.

УЧАСТИЕ ВОРОНЕЖСКИХ УЧИТЕЛЕЙ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

THE PARTICIPATION OF VORONEZH TEACHERS IN THE REVOLUTIONARY MOVEMENT OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION

Кузнецов А.А., аспирант

ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Kuznetsov A.A., Postgraduate student

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В статье анализируется роль воронежских учителей в революционном движении Первой русской революции. Рассматриваются данные о материальном и правовом положении учительской интеллигенции, а также даётся краткая оценка социально-экономическому положению деревни. Кроме этого, приводятся конкретные примеры участия учителей в роли агитаторов, преподавателей в различных революционных кружках Воронежской губернии.

Abstract: The article analyzes the role of Voronezh teachers in the revolutionary movement of the First Russian Revolution. It examines the material and legal status of the teacher's intelligentsia and provides a brief assessment of the socio-economic situation in the village. Additionally, the article provides specific examples of teachers' participation as agitators and educators in various revolutionary circles in the Voronezh province.

Ключевые слова: Первая русская революция, социал-демократия, неонародники, учителя, образование, Воронеж.

Keywords: The First Russian Revolution, Social Democracy, Neo-Populists, Teachers, Education, Voronezh.

Роль учителя в жизни общества крайне трудно переоценить. Именно он даёт знания, воспитывает, готовит новое поколение к новым вызовам времени. Особенно ярко роль учителя прослеживается в трудные для страны времена. Как правило, государство и оппозиция использует авторитет школьного наставника в качестве рупора той или иной пропаганды. Так оценка В.И. Ленина, относительно роли учителей, звучит категорично: «Одним из таких буржуазных лицемерий является убеждение в том, что школа может быть вне политики. Вы прекрасно знаете, насколько лживо это убеждение» [3, с. 431]. В начале XX в., накануне революционных событий в России повсеместной была активная оппозиционная агитационная и пропагандистская деятельность. В данной статье осуществляется попытка проанализировать роль учителей Центрального Черноземья в событиях революции 1905 года.

Публично вопрос о финансовом и правовом положении учителей впервые был поднят на педагогической выставке Курского губернского земства, прошедшей в 1902 г. На выставку

приехали педагоги со всей страны, и помимо лекций по педагогике, там произошли и открытые обсуждения проблем учительства, в том числе материальных и бытовых [11, с. 50]. Затем последовал I Всероссийский съезд народных учителей, который проходил в Москве в декабре 1902 – январе 1903 гг. На съезде многие делегаты говорили о трудностях, которые приходилось испытывать учителям: недостаточный заработок, антисанитарная обстановка как классных помещений, переполненных учениками, так и собственных тесных квартир; почти полное отсутствие учебных и методических пособий; неопределённое общественное и служебное положение педагогов. Отмечалось, что у народного учителя «много, очень много обязанностей, а своих прав он почти не знает» [12, с. 64]. П.А. Терешкевич, представляющий «Общество попечения об улучшении быта учащихся в начальных училищах г. Москвы» утверждал: «Материальное положение начального учителя в огромном большинстве случаев плачевно. Громадное большинство начальных учителей и учительниц должны довольствоваться годовым окладом около 200 руб. Материальная необеспеченность и сопутствующие ей условия жизни начального учителя создают для него положение невыносимое» [12, с. 64]. При этом заработная плата учителей была ещё и весьма неоднородна. К началу 1900-х гг. преподаватель гимназии получал от 900 до 2500 руб. в год. В свою очередь народный учитель начальной школы в Москве – 460 руб. По итогам анкетирования учителей земских школ «279 уездов России, в 1912-1913 гг. в 63,7% уездов годовой оклад учителя земской школы составлял 360 руб. в 19,7% – от 240 до 360, в 11,7% – от 144 до 240 руб., только в 4,9% уездов – свыше 360 руб.» [4, с. 301]. Для сравнения средняя по стране стоимость 1 пуда муки составляла 1 рубль, масло 5 копеек, сало 5 рублей 30 копеек за пуд, а крупнорогатый скот (корова) 78 рублей. Таким образом, существовало скудное и при этом разное финансовое положения учителя в зависимости от места его работы.

Говоря об экономическом положении учителей, нельзя не упомянуть положение крестьянства в рассматриваемый период. Для крестьянина основой его жизни продолжала оставаться община. Именно она распределяла землю между отдельными семьями, помогала в неурожайные годы или в случае потери трудоспособных членов семьи. Кроме этого, имела место социальная дифференциация, связанная с появлением более зажиточного слоя крестьянства – «кулаков». Ввиду противоречивости реформы 1861 г., лишь малая часть крестьянства смогла стать землевладельцами, приняв малую долю помещичьего землевладения. Выкупные платежи, чересполосица, малоземелие, новые налоги и повинности не способствовали переходу сельского хозяйства на интенсивный путь развития. Учительская интеллигенция как никто другая понимала и сочувствовала проблемам крестьянства. Во многом этому способствовали народнические агитаторы, активно работающие в педагогической среде.

В это время в Воронеже действовало несколько революционных кружков народнического направления. По данным Губернского жандармского управления (ГЖУ), в состав революционных кружков г. Воронежа входило около 20 человек. Среди них были учителя, врачи, служащие, военные, а также рабочие и крестьяне. В них неонародники выступали не только в качестве преподавателей и лекторов, но зачастую были и их руководителями. Одной из знаковых фигур была М.Д. Первеева. Окончив педагогические курсы по специальности «учительница», в 1894 г. она присоединяется к местному кружку

самообразования. Спустя несколько лет вместе с другим учителем П.В. Гуковым организовала неонароднический кружок в Валуйском уезде [10, с. 229-230].

Известен случай в с. Уварово Борисоглебского уезда, где эсеровскую агитацию вели учителя земской школы Е.В. Петрова и А.И. Трескин. Кроме этого, небольшие крестьянские кружки под руководством эсеров были созданы также в селе Кочетовке и деревне Александровке Павловского уезда. Об успехе эсеров Центрального Черноземья в крестьянской среде говорил А.И. Спиридович, который назвал Воронежскую губернию «одним из центров Крестьянского союза П.С.-Р. в 1902 г.» [10, с. 240].

В апреле 1905 г. по инициативе Московского педагогического общества произошло совещание учительских групп. На нём было решено создать новую организацию. Некоторые заседатели посчитали необходимым придать ей политический окрас. Стоит сказать, что вопрос о политике вызвал жаркую дискуссию между учителями – сторонниками эсеров и социал-демократов. Так или иначе, учредительное заседание должно было состояться в мае того же года. Узнав об этом, полиция постаралась не допустить этого. К примеру, «в Перми 14 мая произошла крупная политическая демонстрация. Учителя назначили на этот день съезд в доме паромщика и общественного деятеля Н.В. Мешкова, чтобы ознакомиться с Уставом Всероссийского союза учителей и создать в городе отделение этого союза. Губернатор запретил съезд, а дом Мешкова приказал оцепить конной и пешей полицией и учителей не впускать. Возмущённые педагоги с пением «Марсельезы» и возгласами «долой самодержавие!» направились к губернаторскому особняку. По дороге к ним присоединились горожане. На подходе к дому губернатора колонна, насчитывавшая более двух тысяч человек, была разогнана полицией» [6, с. 13-14]. Впрочем, несмотря на ограничения со стороны властей, съезд и учреждение Всероссийского учительского союза и деятелей по народному образованию (ВУС) состоялись. Союз провозглашался как профессионально-политический, что нашло отражение в его программе: «передача власти в руки народа через созыв учредительного собрания на основе прямого всеобщего равного тайного голосования, а также провозглашение свобод личности и жилища, совести, слова, печати, объединений, собраний и стачек, отмена преследований по политическим и религиозным мотивам, признание равных прав на образование для всех граждан без каких-либо различий, требование преподавания на родном языке населения во всех типах школ, введение всеобщего бесплатного обязательного обучения в начальной школе и бесплатного обучения в средней и высшей школе, исключение закона божия как обязательного предмета преподавания, передачу народного образования в руки местного самоуправления» [6, с. 15].

Основной деятельностью Союза был выпуск печатных изданий, агитация за игнорирование правительственных указов или некоторых элементов рабочих программ, помощь учителям, оказавшихся в тяжёлом положении. Поскольку учителя отлично представляли себе тяготы и лишения крестьянской жизни, немаловажной задачей ВУС была агитация в крестьянской среде, за что руководство и рядовые члены союза подвергались репрессиям.

На съездах важную роль играло обсуждение политических событий в стране. Отмечается большая роль учителей в политическом пробуждении крестьянства и появлении Крестьянского союза, членами которого стали многие из них [8]. Несмотря на преобладание

на съезде представителей партии эсеров, для увеличения численности членов Союза было принято решение пригласить к участию представителей четырёх партий: эсеров, эсдеков, Бунда, кадетов. Благодаря активности политических элементов в Союзе вскоре возник закономерный вопрос: оставить организацию профессионально-политической или перейти на исключительно профессиональный уровень. Первый вариант позволил был взять Союз под контроль партии эсеров, второй же сильно ограничивал возможности и численный состав организации. 9 июня 1905 г. было проведено голосование. С небольшим перевесом в голосах преимущество получила точка зрения о переходе Союза на профессиональную платформу. Интересным является факт того, что против данного решения категорично выступили социал-демократы. По их мнению, учителям предстояло продолжать политическую борьбу. В итоге 13 членов ВУСа, сторонников социал-демократии, вышли из состава Союза [7, с. 8].

Помимо ВУС, существовали представительства Союза и подобные ему мелкие общественные группы в губерниях и уездах. Так, к примеру в 1905 г. в Землянском уезде Воронежской губернии был образован учительский кружок под предводительством социал-демократов. Организатором данного кружка считается учительница приходской школы В.И. Кузьмина [5, с. 86-87]. В свободное от работы время и на каникулах участники кружка обсуждали политические новости, проблемы учителей. Можно предположить, что во многом этому способствовало вышедшее в 1903 г. воззвание «К учителям и учительницам Воронежской губернии» [2] социал-демократической «Кассы борьбы», которое призывало учителям вести нелегальную работу в сельском обществе, устраивать кружки среди крестьян, саботировать воинскую службу и так далее.

Более радикальную работу проводили вс. Абрамовка Новохоперского уезда Воронежской губернии. Там учитель церковно-приходской школы П.В. Пискунов вёл революционную пропаганду и антивоенную агитацию среди запасных нижних чинов, призывая их избегать мобилизации на русско-японскую войну 1904-1905 гг. и убеждая в том, что при японцах жить будет лучше, потому что они «... могут сменить своего царя так же, как сменяют своих старшин и старост» [9, с. 117-118]. В Бирюченском уезде «...учитель Борисов, будучи в ноябре 1905 г. в селе Палатовке, в училище на собрании крестьян, говорил им, что начальство и полицию не следует признавать. Предлагал составить при этом приговор, советовал крестьянам не покупать земли, так как лучше просто отобрать её в пользу крестьян» [1, с. 107]. В том же уезде учительница Игнатова распространяла среди крестьян с. Палатовки брошюры и листки запрещённого издания. «В Бобровском уезде, где в 1904 году начала свою работу среди крестьянства группа, в которую входили врачи, учителя, сельские служащие и проч. Они завязывали связи с крестьянами, знакомили их с политическими новостями дня, выписывали на их имя газеты и прочие» [1, с. 18]. В селе Бекетовке Солдатской волости Нижнедевицкого уезда учитель земской школы (имя и фамилия не сохранились) вёл агитацию среди крестьян, призывая их к участию в крестьянском движении и прекращению работы на помещиков.

Масса подобных примеров говорит о достаточно высокой популярности в учительской среде революционных настроений. Власть всеми возможными способами боролась с революционно настроенными массами. Так в Задонском уезде педагогический состав проходил отбор на лояльность правительству – «учителя подбирались определённого

направления мыслей» [1, с. 34]. Учителя, которые выражали свой протест сразу же были уволены директорами школ, а четырёхлетний курс обучения сократили до трёхлетнего.

Наибольшую политическую активность в Воронежской губернии учителя проявили в Коротоякском уезде. В документах Воронежского губернского жандармского управления сообщается следующее: «26 августа 1905 года учитель сл. Репьевки В.А. Широков собирает около 40-50 крестьян и ведёт с ними беседу относительно необходимости объединиться для борьбы. Полиция принимает меры, 2 сентября Широков обыскивается и арестовывается. Но группа крестьян, в которой он вёл пропаганду, не прекращает своего существования. 11 декабря 1905 года ротмистр Кравцов доносит департаменту полиции о том, что в чайной сл. Репьевки местное общество трезвости устраивает собрания партии злонамеренных людей, которые открыто говорят о низвержении самодержавия» [1, с. 43]. В этом же сообщении говорится об учителях Кириллове Я. и Петренко, которые внушали крестьянам рубить помещичий лес, «что ими и достигнуто» [1, с. 43].

Таким образом, участие учителей в революционном движении было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, скудное материальное положение самих учителей способствовало озлоблению на власть и росту недовольства. Во-вторых, земские учителя были свидетелями социальной несправедливости в отношении крестьян и критически реагировали на кризис деревни. В-третьих, многие учителя не только поддерживали революционную агитацию и пропаганду, но и сами были участниками революционных организаций. Эти настроения нашли своё отражение в создании Всероссийского союза учителей и отдельных мелких общественных групп. Задачами учительских союзов и организаций были не только улучшение своего собственного финансового положения, но и агитация в крестьянской среде, что было особенно важно для революционной пропаганды в аграрном регионе наподобие Воронежской губернии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1905 год в Воронеже. Вып. 3: Очерки крестьянского движения на Воронежщине / под общ. ред. М. И. Лызлова. – Воронеж: Типография газеты «Воронеж. Коммуна», 1925. – 95 с.
2. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 140. – Л. 17.
3. Ленин В. И. Речь на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 18 января 1919 г.: Краткий газетный отчёт // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 37: Июль 1918 – март 1919. – 783 с.
4. Медведев А. В., Слепченкова А. А. Нижегородские учителя в революционном движении начала XX века (1900–1907 гг.) // Вестник Нижегородского университета. – 2014. – № 1. – С. 300–307.
5. Мокшин Г. Н. На пути к свободе: передовая общественность города Землянка Воронежской губернии в 1905-1907 г. // История: факты и символы. – 2017. – № 3. – С. 84–94.
6. Мурсалимов Г. С. Профсоюзы Прикамья: 1905-2005. – Пермь: Профсоюзный курьер, 2005. – 269 с.

7. Островский Н. М. Всероссийский учительский союз и его идейно-политический крах после Великой Октябрьской социалистической революции: Автореф. ... канд. ист. наук. – Москва, 1972. – 23 с.

8. Протоколы III-го делегатского съезда Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. – URL: <https://istprof.ru/2334.html> (дата обращения 10. 03.2026 г.)

9. Пышнограев С. В., Фурсов В. Н. Антивоенная агитация революционных организаций Воронежской губернии в период русско-японской войны 1904-1905 годов // Научные ведомости. – 2013. – № 8. – С. 115–119.

10. Салтык Г. А. Судьбы неонародников Воронежского края: XX век // Воронежский край в общественной жизни России второй половины XIX – первой трети XX века: сборник статей к 80-летию профессора М. Д. Карпачева. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023. – С.229–230.

11. Седельникова М. В. Чехов – видный деятель народного просвещения. – Москва: Учпедгиз, 1960. – 171 с.

12. Сучков И. В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX-XX веков // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 62–77.

REFERENCES

1. 1905 in Voronezh. Issue 3: Essays on the Peasant Movement in the Voronezh Region // edited by M. I. Lyzlov. – Voronezh: Voronezh. Kommuna Newspaper Printing House, 1925. – 95 p.

2. The State Archive of Socio-Political History of the Voronezh Region. – F. 5. – P. 1. – D. 140. – L. 17.

3. Lenin V. I. Speech at the Second All-Russian Congress of Internationalist Teachers on January 18, 1919: A Brief Newspaper Report // Lenin V. I. Complete Works: In 55 Volumes. – Moscow: Political Literature Publishing House, 1969. – Vol. 37: July 1918 – March 1919. – 783 p.

4. Medvedev A. V., Slepchenkova A. A. Nizhny Novgorod Teachers in the Revolutionary Movement of the Early 20th Century (1900–1907) // VestnikNizhegorodskogoUniversiteta. – 2014. – No. 1. – Pp. 300–307.

5. Mokshin G. N. On the Way to Freedom: The Progressive Community of Zemlyansk, Voronezh Province, in 1905-1907 // History: Facts and Symbols. – 2017. – No. 3. – Pp. 84–94.

6. Mursalimov G. S. Trade Unions of the Kama Region: 1905-2005. – Perm: Trade Union Courier, 2005. – 269 p.

7. Ostrovsky N. M. The All-Russian Teachers' Union and Its Ideological and Political Collapse after the Great October Socialist Revolution: Abstract of a thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences. – Moscow, 1972. – 23 p.

8. Minutes of the III-th Delegate Congress of the All-Russian Union of Teachers and Public Education Workers. – URL: <https://istprof.ru/2334.html> (date of request 10. 03.2026).

9. Pyshnograev S. V., Fursov V. N. Anti-War Agitation of Revolutionary Organizations in the Voronezh Province during the Russo-Japanese War of 1904-1905 // Scientific Bulletin. – 2013. – No. 8. – Pp. 115–119.

10. Saltyk G. A. The Fate of the Neo-Narodniks of the Voronezh Region: The 20th Century // The Voronezh Region in the Social Life of Russia in the Second Half of the 19th and the First Third

of the 20th Century: A Collection of Articles Dedicated to the 80th Anniversary of Professor M. D. Karpachev. – Voronezh: VSU Publishing House, 2023. – Pp. 229–230.

11. Sedelnikova M. V. Chekhov – a prominent figure in the field of public education. – Moscow: Uchpedgiz, 1960. – 171 p.

12. Suchkov I. V. The Social and Spiritual Image of Russian Teachers at the Turn of the 19th and 20th Centuries // Russian History. – 1995. – No. 1. – Pp. 62–77.

**ЗНАЧЕНИЕ БИОГРАФИИ Г.Ф. МОРОЗОВА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ
НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ У СТУДЕНТОВ**

**THE SIGNIFICANCE OF G.F. MOROZOV'S BIOGRAPHY IN THE PROCESS OF FORMING
MORAL GUIDELINES IN STUDENT**

Петряева Т.А., старший преподаватель

Лавлинская А.С., бакалавр

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет

им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Petryaeva T.A., Senior Lecturer

Lavlinskaya A.S., bachelor student

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,

Voronezh, Russia

Аннотация: В статье рассматривается научное наследие Г.Ф. Морозова как основоположника отечественного лесоведения и создателя целостной концепции леса как биогеоценотического, географического и исторического явления. Раскрываются основные этапы его жизненного и профессионального пути, влияние практической работы в Хреновском лесничестве на формирование научных взглядов, а также значение фундаментального труда «Учение о лесе» для развития биогеоценологии, лесовосстановления и типологии леса. На основе анкетирования студентов экономического факультета показан педагогический потенциал биографического метода в образовательном процессе, его роль в формировании профессиональных ценностей, мотивации и научного интереса обучающихся. Делается вывод о том, что обращение к биографии Г.Ф. Морозова способствует не только расширению историко-научного кругозора студентов, но и укреплению их ценностно-профессиональных ориентиров.

Abstract: This article examines the scientific legacy of G. F. Morozov as the founder of Russian forestry and the creator of a holistic concept of the forest as a biogeocenotic, geographical, and historical phenomenon. It explores the key stages of his life and career, the influence of his practical work at the Khrenovskoye Forestry on the formation of his scientific views, and the significance of his fundamental work, "The Doctrine of the Forest," for the development of biogeocenology, reforestation, and forest typology. Based on a survey of students in the Faculty of Economics, the article demonstrates the pedagogical potential of the biographical method in the educational process, its role in shaping students' professional values, motivation, and scientific interest. It concludes that examining G.F. Morozov's biography not only broadens students' historical and scientific horizons but also strengthens their value and professional orientation.

Ключевые слова: Г.Ф. Морозов, лесоведение, биогеоценология, биографический метод, профессиональное воспитание, образовательный процесс, Воронежская область, лесовосстановление.

Keywords: G.F. Morozov, forestry, biogeocenology, biographical method, professional education, educational process, Voronezh region, reforestation.

Георгий Федорович Морозов – знаковая фигура в истории российского и советского лесоводства, выдающийся почвовед и ботаник конца XIX – начала XX вв. Его фундаментальный труд «Учение о лесе» и ряд других исследований внесли решающий вклад в развитие биогеоценологии и лесоведения. Именно Г.Ф. Морозов разработал целостную концепцию леса как биогеоценологического, географического и исторического явлений, глубоко раскрывая сложнейшую сеть взаимодействий между живыми и неживыми компонентами, сплетёнными в гармоничный природный комплекс.

Георгий Федорович Морозов родился 7 (19) января 1867 г. в Санкт-Петербурге. По настоянию отца он окончил Первое Павловское военное училище и три года служил подпоручиком в полевой артиллерии в Динабурге Витебской губернии. Здесь, в кругу местной молодёжи, стремящихся служить народу, зародилась его страсть к естественным наукам [6].

В 23 года, преодолев родительское несогласие, Морозов ушёл в отставку и не имея возможности поступить в университет без классического образования, он стал студентом С.-Петербургского лесного института. Лишенный семейной опоры, он обеспечивал себя, давая частные уроки и работая гувернёром, параллельно поддерживая младшего брата-гимназиста, а вскоре увлёкся ботаникой, заложив основу своей великой научной карьеры.

Будучи студентом, Георгий Федорович имел возможность посещать занятия известного педагога и врача П.Ф. Лесгафта, лекции которого раскрыли взаимосвязь органов тела и влияние среды на организм, что в дальнейшем определило дальнейшую специализацию Морозова в лесоводстве. Помимо этого, в студенческой среде он активно участвовал в обсуждениях актуальных тем естествознания и эволюции. После выпуска Георгий Федорович получил назначение в Хреновское лесничество Воронежской губернии, где занял должность помощника лесничего и преподавателя низшей лесной школы [6].

На этом этапе профессионального становления ключевую роль сыграло наличие авторитетной фигуры. Для начинающего исследователя крайне важно иметь профессиональный ориентир – человека, чей опыт и мудрость помогают структурировать собственные идеи. Нам с вами знакомо это чувство: на старте любого пути естественно искать опору и поддержку у своих преподавателей, которые становятся проводниками в мир большой науки.

Наставником Морозова стал опытный лесничий Н.Д. Суходский, уже добившийся значительных успехов в решении одной из самых сложных задач лесоводства того времени – выращивании сосны на песках в условиях засушливого климата, – всячески поддерживал научные устремления молодого специалиста.

Основной проблемой Хреновского бора в тот период было восстановление былой продуктивности пристепных сосновых лесов на песчаных почвах. Г.Ф. Морозов, обладая аналитическим складом ума и стремлением к глубокому анализу, провёл всестороннее изучение местных условий: анализ влажности почв и установление чёткой зависимости состояния лесных культур от критически важного экологического фактора [5].

Благодаря своим выдающимся талантам, выпускник Лесного института Г.Ф. Морозов привлек внимание профессоров. В 1896 г. его направили на двухлетнюю стажировку в

Германию и Швейцарию. Там он углублённо изучал передовой зарубежный опыт в области лесовосстановления, посещая занятия в Эберсвальде и сотрудничая с ведущими лесоводами.

Параллельно с практической деятельностью Морозов активно занимался научными исследованиями и публиковал свои статьи в специализированных лесных изданиях, а также в журнале «Почвоведение». Его научные труды получили высокую оценку в профессиональной среде, что позволило ему в 1901 г. возглавить кафедру общего лесоводства в Петербургском лесном институте. Именно этот период стал временем наиболее активного развития его таланта как исследователя и педагога [4].

Морозов оставил после себя огромное наследие, создав полную теорию леса как единого организма – биогеоценоза. Эта теория была изложена в его главной книге «Учение о лесе» (1925). Он был одним из первых, кто понял, что лес это не просто деревья, растущие рядом, а сложная система, где все взаимосвязано: деревья, травы, почва, погода и животные. Такой взгляд на лес был очень передовым для своего времени и заложил фундамент для того, как мы сегодня понимаем экологию [5].

Г.Ф. Морозов, один из основоположников опытного лесного дела в России, в своих статьях и выступлениях подчёркивал неразрывную связь науки и практики как ключ к эффективному лесовосстановлению. Благодаря деятельности Г.Ф. Морозова, Воронежская область стала одним из ведущих российских центров лесной науки. Его фундаментальные исследования, проводившиеся в Хреновском бору под его руководством, позволили создать уникальные методики лесовосстановления, адаптированные к условиям степи и лесостепи.

На Воронежской земле исследователь сформулировал свои основополагающие идеи о классификации типов леса, доказав необходимость индивидуального подхода к лесоводству, учитывающего специфику почвы, климата и растительного мира. Его научные наработки стали фундаментом для создания системы защитных лесополос, которые и сегодня эффективно предотвращают деградацию чернозёмов и борются с засухой в регионе.

Значимость наследия Г.Ф. Морозова для науки и образования Воронежской области подчёркивается тем, что Воронежский государственный лесотехнический университет носит его имя, а сам Воронежский край под его влиянием превратился в уникальную площадку для практического применения и развития принципов рационального природопользования [5].

Выдающиеся достижения Г.Ф. Морозова и его колоссальное влияние на развитие Воронежской области и всей страны стали возможны благодаря редкому сочетанию профессиональных и личностных качеств.

Прежде всего, будучи лесоводом-практиком Морозов обладал феноменальной наблюдательностью и системным мышлением, он не просто смотрел на деревья, он видел лес как единый живой организм. Этот подход учит нас не ограничиваться поверхностным взглядом, а искать глубокие связи между явлениями, понимать, что любая система, будь то природа или общество, эффективно функционирует лишь при гармоничном взаимодействии всех ее составляющих.

Важнейшей чертой его характера была непоколебимая решимость и верность своим убеждениям. Работая в сложных условиях, Морозов отстаивал научный подход даже тогда, когда это противоречило краткосрочной выгоде, что является важным примером того, что

истинный профессионал обязан сохранять честность перед собой и наукой, ориентируясь на долгосрочную перспективу, а не на сиюминутный успех.

Активная гражданская позиция и просветительский дар исследователя демонстрируют искреннюю привязанность к Родине. Он не ограничивался кабинетной работой, а стремился сделать знания доступными, объединяя вокруг себя единомышленников, что учит ответственности за то место, где мы живём.

Наконец, Морозов обладал умением сочетать теорию с тяжёлым физическим трудом. Исследователь был практиком в самом глубоком смысле этого слова, что служит напоминанием о том, что любые великие идеи обретают истинную ценность только тогда, когда они проверены жизнью и воплощены в реальные действия. Мы можем поучиться у него трудолюбию и тому созидательному упорству, которое превращает засушливую степь в цветущий лес.

В эпоху стремительных технологических перемен биография Георгия Федоровича Морозова становится для студентов не просто историческим очерком, а действенным пособием по выстраиванию собственной профессиональной траектории. Его жизненный путь задаёт ключевые жизненные принципы, такие как верность призванию, фундаментальность знаний, трудолюбие и гражданская ответственность, которые формируют «профессиональный каркас», помогающий студенту превратиться из пассивного потребителя информации в активного созидателя и лидера в своей отрасли.

Сейчас много говорится о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Это особенно актуально в современном мире, который подвержен множеству рисков, противоречий и изменений во всех сферах жизни общества. Все эти процессы влияют на формирование нравственных ориентиров, иногда уводя их в ложном направлении. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.», Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а также в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 г.» поставлены задачи по сохранению культуры нашего народа и знаний о личностях, чей вклад в историю России является неоспоримым [1, 2, 3].

Ярким примером такой выдающейся личности, воплощающей идеалы преданности своему делу и служения Отечеству, является Георгий Федорович Морозов. Изучение его жизненного пути и научного наследия обладает огромным воспитательным потенциалом. В этом контексте биографический метод предстаёт не просто способом сохранения исторической памяти, но и эффективным педагогическим инструментом трансляции традиционных ценностей студенческой молодёжи. Для понимания того, как эти созидательные смыслы воспринимаются сегодняшним поколением и насколько они укоренены в их сознании, потребовалось оценить их текущие установки.

В ходе работы нами был проведён опрос среди первокурсников экономического факультета. Анкетирование охватило две учебные группы с целью выявления их жизненных

ценностей, профессиональных ориентиров и отношения к биографическому методу как инструменту обучения.

В иерархии базовых жизненных ценностей студенческой молодёжи доминируют этические категории: честность (80%) и справедливость (70%), подкрепляемые установками на уважении к личности (60%) и субъектную ответственность (50%). В структуре профессионального самосознания будущих специалистов ключевыми факторами карьерной успешности выступают ответственность (80%) и фундаментальная теоретическая подготовка (70%). Также выявлена статистически значимая корреляция между личностными характеристиками и вектором профессиональной самореализации: 90% респондентов признают детерминирующую роль индивидуально-психологических качеств в процессе построения карьеры.

Что касается образовательного потенциала биографического метода, то установлена высокая востребованность персонологического подхода в образовательной среде: 80% обучающихся проявляют устойчивый интерес к жизнеописаниям выдающихся деятелей науки. Когнитивная ценность биографического метода подтверждается мнением 100% опрошенных, рассматривающих данный инструмент как эффективный фактор личностной трансформации и развития. При этом в структуре каналов трансляции социально значимого опыта преобладают традиционные академические формы лекции (50%) и цифровые ресурсы (40%), что актуализирует задачу интеграции качественного биографического контента в информационное пространство вуза.

Исследование показало значительный пробел в знаниях студентов относительно научного наследия профессора Г.Ф. Морозова: 80% опрошенных обладали лишь фрагментарными сведениями либо не владели информацией. Однако внедрение биографического кейса в учебный процесс показало высокую дидактическую эффективность, где 90% студентов верифицировали полученные знания как ценностно-ориентированные. В результате анализа профессионального портрета учёного студентами были выделены такие доминантные черты, как научная целеустремлённость (80%), преданность делу (60%) и высокий уровень трудоспособности (40%). Стопроцентное признание Г.Ф. Морозова в качестве эталонной фигуры подтверждает гипотезу о том, что выдающиеся личности прошлого обладают значительным мотивационным потенциалом для формирования научно-исследовательских компетенций у современного студенчества.

Таким образом, проведённое исследование свидетельствует о высокой значимости и существенном педагогическом потенциале биографического метода в образовательном процессе. Так несмотря на фрагментарный характер первоначальных представлений студентов о жизненном и профессиональном пути учёных на примере Г.Ф. Морозова, они демонстрируют выраженную готовность к восприятию и осмыслению подобного материала.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, биография Г.Ф. Морозова обладает значительным мотивирующим эффектом, поскольку студенты видят в ней образец гармоничного сочетания профессиональных навыков и личностных достоинств, таких как целеустремлённость, приверженность природе и трудолюбие.

Во-вторых, исследование подтвердило, что биографический метод успешно способствует усвоению ценностей профессионального служения: подавляющее большинство респондентов (90%) поддержали идею интеграции биографических материалов в образовательный процесс.

В-третьих, особо ценными с точки зрения воспитания оказались примеры жизненных испытаний и путей их преодоления, которые 80% студентов назвали наиболее вдохновляющим аспектом биографии и важным фактором формирования профессиональной мотивации у студентов первого курса.

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод, что обращение к биографическому наследию Г.Ф. Морозова может рассматриваться как эффективный инструмент образовательной и воспитательной работы, способствующий не только расширению кругозора обучающихся, но и формированию их ценностно-профессиональных установок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 03.03.2026).

2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/24f1a051389c864bb9c7af53538a2a674b0a5416/ (дата обращения: 03.03.2026).

3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 г.». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 03.03.2026).

4. Морозов Г. Ф. Учение о типах насаждений / под редакцией В. В. Гумана. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 371 с.

5. Морозов Георгий Федорович (1867-1920 гг.) // Комитет лесного хозяйства Московской области – URL: МОРОЗОВ Георгий Федорович (1867-1920 гг.) (дата обращения: 03.03.2026).

6. Морозов Георгий Федорович // Википедия. – URL: Морозов, Георгий Федорович – Википедия (дата обращения: 03.03.2026).

REFERENCES

1. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 "On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (accessed: March 3, 2026).

2. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/24f1a051389c864bb9c7af53538a2a674b0a5416/ (date of access: 03.03.2026).

3. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the perspective up to 2036". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (date of access: 03.03.2026).

4. Morozov G. F. Theory of Planting Types / edited by V. V. Guman. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 371 p.

5. Morozov Georgy Fedorovich (1867-1920) // Forestry Committee of the Moscow Region – URL: MOROZOV Georgy Fedorovich (1867-1920) (accessed: 03.03.2026).

6. Morozov Georgy Fedorovich // Wikipedia. – URL: Morozov, Georgy Fedorovich – Wikipedia (date of access: 03.03.2026).

**ВЛИЯНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ**
THE INFLUENCE OF ORTHODOXY ON THE FORMATION OF THE RUSSIAN NATIONAL
MENTALITY: CONTROVERSIAL ASPECTS

Титова О.Ю., кандидат исторических наук,
преподаватель
ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Titova O.Yu., Candidate of Historical Sciences,
teacher
Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: в работе исследуется роль православия в этнокультурном становлении русского народа и формировании его национальной идентичности посредством двух концептуальных парадигм: критической, связывающей православие с экономической стагнацией и культурной изоляцией, и апологетической, трактующей его как органичный компонент восточнославянской ментальности. На основе анализа позиций ведущих исследователей обосновывается тезис о православии как аксиологическом каркасе русской цивилизационной идентичности. При этом подчёркивается сохраняющаяся дискуссионность вопроса о степени влияния религиозных факторов на социокультурную динамику.

Abstract: The paper examines the role of Orthodoxy in the ethnocultural formation of the Russian people and the formation of national identity through two conceptual paradigms: critical, linking Orthodoxy with economic stagnation and cultural isolation, and apologetic, interpreting it as an organic component of the East Slavic mentality. Based on the analysis of the positions of leading researchers, the thesis about Orthodoxy as the axiological framework of Russian civilizational identity is substantiated. At the same time, it is emphasized that the issue of the degree of influence of religious factors on socio-cultural dynamics remains controversial.

Ключевые слова: русский национальный характер, православие, национальный менталитет, двоеверие, цивилизационная идентичность.

Keywords: russian national character, orthodoxy, national mentality, dual faith, civilizational identity.

Процесс этнокультурного формирования русского народа, как и большинства европейских сообществ, представляет собой сложный, многокомпонентный феномен, в котором религиозный фактор традиционно занимает ключевое место. При этом христианизация Руси выступает не просто хронологической вехой, а фундаментальным цивилизационным выбором, определившим вектор социокультурного развития на столетия вперёд. Однако в современной научной дискуссии сохраняется значительная

методологическая неоднородность при оценке степени влияния православия на становление русского национального самосознания.

В рамках академического дискурса сформировались полярные исследовательские парадигмы, предлагающие кардинально различающиеся интерпретации роли православия в социокультурной эволюции русского этноса. Данная поляризация мнений отражает не только разнообразие методологических подходов, но и сложность самого предмета исследования, где переплетаются религиозные доктрины, политические интересы, культурные традиции, социально-экономические процессы. Критическая парадигма постулирует, что православие стало ключевым фактором, обусловившим экономическую стагнацию, культурную изоляцию и отклонение от общецивилизационного вектора развития. Аргументационная база данной позиции опирается на тезис о принятии Русью христианства из рук дряхлой Византии, где риторика и боголепие заслоняли мысль [4, с. 350]. Подобный взгляд на православную веру сложился ещё во времена раскола русской интеллигенции на два лагеря: западников и славянофилов. Западники, начиная с Чаадаева, доказывали несостоятельность православия, считая, что именно оно предопределило обособленный, замкнутый вектор развития России. Противоположную позицию занимали славянофилы.

Согласно же апологетической парадигме, православие органично коррелировало с эмоционально художественным строем восточнославянского менталитета, а также с геокультурными особенностями Древней Руси и этнопсихологическими характеристиками представителей славянских племён. Исследователи подчёркивают, что греческая вера резонировала с присущими славянам эстетической восприимчивостью, созерцательностью и мягкостью нрава. При этом отмечается дивергенция между византийским (рационалистическим) и русским (эмоционально сердечным) вариантами православия, что свидетельствует об адаптации христианства к локальному социокультурному контексту [7, с. 389].

В рамках исследований русской религиозности концептуализируется «феномен двоеверия», выраженный в синкретизме трёх компонентов: византийского христианства; славянского язычества; этнопсихологических черт славянской ментальности. Эмпирические наблюдения фиксируют параллельное сосуществование христианских практик (почитание Бога, церковных таинств) и языческих верований (анимизм, магия, культ природных духов). Данный синтез, по интерпретации В. К. Трофимова, формирует дуализм «дневной» и «ночной» культур, что обуславливает парадоксальность русского мировосприятия [6, с. 80]. Такая парадоксальность не может быть однозначно квалифицирована как позитивная или негативная. Она лишь выступает своеобразным зеркалом, отражающим специфические черты русского мировоззренческого комплекса. При этом, хотя в структуре данного мировосприятия прослеживаются архаичные языческие элементы, доминирующую позицию в нем занимают духовно-нравственные установки, укоренённые в христианской традиции.

А. И. Алексеев и А. С. Лавров подчёркивают генетическую связь православия с эллинистической традицией, породившей две ветви христианства. Ключевое различие заключается в модели взаимодействия церкви и государства: если на Западе это автономия церковной институции; то в Византии – подчинение церкви государственной власти, и, как следствие, сакрализация последней [5, с. 117].

Исторический вакуум, образовавшийся после крушения Византийской империи, был заполнен концепцией «Москва – третий Рим», ставшей мировоззренческой опорой русского мессианизма. В её рамках Россия осмыслялась как последний оплот православной традиции. Значимость этой доктрины для формирования национальной идеологии трудно переоценить, поскольку в её основу ложилась «самая крепкая и устойчивая платформа в условиях мифологического сознания, а именно религиозная» [2, с. 208]. Это предопределило становление характерной черты российского менталитета – осознания эсхатологической ответственности за сохранение христианской ортодоксии.

В эпоху советской власти наблюдался системный демонтаж религиозных институтов, что, по оценке А. Н. Курдюмова, привело к эрозии религиозного сознания, институционализации атеизма и кризису межпоколенческой трансмиссии ценностей поскольку светская модель власти не соответствовала архетипическим основаниям русского менталитета, укорененным в православных постулатах. По этой причине власть не должна вмешиваться в дела церкви в России, где православие - единственная отдушина в нелёгкой жизни народа. Исследователь настаивает на необходимости функционального разделения церкви и государства, при котором церковь сохраняет нравственный суверенитет [3, с. 339].

Ряд выдающихся исследователей – И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, А.В. Смирнов, В.К. Трофимов – приходят к выводу, что православие способно выступить в качестве наиболее адекватной идеологической основы для российского государства, аргументируя это уникальностью русской религиозности, отличающей Россию от западной цивилизации, духовной доминантой православия в противовес материалистической ориентации католичества, этическими императивами (милосердие, бескорыстие, соборность), сформированными православной традицией.

В современной отечественной науке активно исследуется взаимосвязь православия с формированием русского национального характера. Значительный вклад в осмысление этой проблематики вносят как светские учёные, так и представители православного духовенства. При этом в их работах нередко прослеживается тенденция к акцентированию исключительной роли христианства в духовно-нравственном развитии российского общества.

В статье «Русское христианство» известный российский исследователь А. В. Карташов выдвигает тезис об особой значимости русского православия. По его мнению, оно не просто представляет собой наиболее адекватную форму религиозного мировоззрения, но и обладает несомненным нравственным превосходством в сравнении с иными конфессиями. Так, в отличие от западного христианства, русское православие (как и восточное христианство в целом) не вовлечено в напряжённый теологический дискурс о соотношении свободы и благодати. Этот вопрос, столь актуальный для западной мысли, в восточнохристианской традиции воспринимается как искусственный и даже противоречащий духу христианства. Для русского религиозного сознания данная проблема изначально решается на уровне интуитивного понимания – как нечто самоочевидное, что говорит о его уникальной духовной глубине и нравственной состоятельности.

Рассматривая влияние православия на национальный менталитет, Карташов особо подчёркивает его созидательную роль в формировании ключевых черт русского характера. По его убеждению, такие качества, как отзывчивость, доброта, бескорыстие и милосердие,

получили своё развитие именно благодаря глубинной связи с ценностными установками православной традиции [1, с. 369].

Таким образом, в отечественной научной традиции устойчиво закрепились позиция, согласно которой православие выступило ключевым фактором этнокультурного самоопределения русского народа. Его влияние простирается далеко за пределы собственно религиозной сферы, формируя уникальный тип религиозности, ставший неотъемлемой чертой русского национального характера, ценностный каркас российской цивилизационной идентичности, потенциальную идеологическую основу для консолидации общества в условиях внешних и внутренних вызовов.

При этом анализ роли православия в становлении российской цивилизации требует учёта многоуровневости его воздействия, включающего, как минимум:

– *мировоззренческий уровень*: православие сформировало специфическую систему ценностей, где приоритет отдавался духовно-нравственным ориентирам над материальными, коллективистским установкам над индивидуализмом, идее служения (Отечеству, общине, вере) как высшей жизненной цели;

– *культурно-символический уровень*: через церковные обряды, иконопись, храмовую архитектуру и богослужebные тексты православие создало устойчивые культурные коды, воспроизводимые на протяжении столетий. Эти коды обеспечивали преемственность традиций, формировали общие смысловые ориентиры для разных социальных групп, способствовали консолидации многоэтничного населения;

– *социально-политический уровень*: церковь выступала институтом, легитимировавшим государственную власть и одновременно выполнявшим функции социального регулятора, заключавшиеся в формировании представлений о «правильном» устройстве общества, в поддержании единства территорий через единую религиозную практику, формировании представлений о «правильном» устройстве общества, смягчении социальных противоречий через проповедь милосердия и взаимопомощи.

Однако несмотря на признание значимости православия, в академической среде сохраняется поле для научных дискуссий относительно степени влияния религиозных факторов на социокультурную динамику и возможности их инструментализации в общественно-политическом дискурсе.

Таким образом, православие предстаёт как сложный, нелинейный феномен, чья роль в российской цивилизации не поддаётся унификации, а требует учёта исторического, культурного и социального контекста; не является статичной, поскольку эволюционирует под влиянием внутренних и внешних факторов; не исчерпывается религиозным измерением, так как проникает в сферы права, искусства, образования, политики.

В свете вышесказанного перспективы дальнейших исследований видятся в синтезе макро- и микроисторических подходов; сравнительном анализе с другими конфессиональными традициями; разработке методологических инструментов для изучения гибридных форм религиозности в условиях современного общества.

Это позволит не только глубже осмыслить историческое значение православия, но и прогнозировать его роль в формировании российской идентичности в XXI веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карташов А. В. Русское христианство // Православие: pro et contra. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2001. – 829 с.
2. Квасов О. Н. Парадигма российской цивилизации // Духовно-нравственное образование и патриотическое воспитание: традиции и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 20 апреля 2023 г. / отв. ред. О. Н. Квасов; М-во науки и высшего образования РФ, ФГБОУ ВО «ВГЛТУ». – Воронеж, 2023. С. 207–212.
3. Курдюмов М. Православие и большевизм // Православие: pro et contra – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2001. – 829 с.
4. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. – М.: Канон, 1996. – 496 с.
5. Русская религиозность: проблемы изучения. Сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой проблемам изучения русской религиозности. Сост. А. И. Алексеев, А. С. Лавров. – Санкт-Петербург: Журнал «Нева», 2000. – 271 с.
6. Трофимов В. К. Генезис и сущность русского национального менталитета. – Ижевск: Б.и., 2000. – 355 с.
7. Шмеман А. Исторический путь православия. – М.: Паломник 1993. – 389 с.

REFERENCES

1. Kartashov A. V. Russian Christianity // Orthodoxy: pro et contra. – St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2001. – 829 p.
2. Kvasov O. N. The Paradigm of Russian Civilization // Spiritual and Moral Education and Patriotic Upbringing: Traditions and Prospects: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, April 20, 2023 / edited by O. N. Kvasov; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Voronezh State Forestry University. – Voronezh, 2023. – Pp. 207-212.
3. Kurdyumov M. Orthodoxy and Bolshevism // Orthodoxy: pro et contra. – St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2001. – 829 p.
4. Levitsky S. A. Essays on the history of Russian philosophy. – M.: Canon, 1996. – 496 p.
5. Russian religiosity: problems of study. Collection of materials of the International scientific Conference devoted to the problems of studying Russian religiosity. Comp. A. I. Alekseev, A. S. Lavrov. – St. Petersburg: Neva Magazine, 2000. – 271 p.
6. Trofimov V. K. The genesis and essence of the Russian national mentality. – Izhevsk: B.I., 2000. – 355 p.
7. Schmemman A. The Historical Path of Orthodoxy. – M.: Pilgrim 1993. – 389 p.

**ВКЛАД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОМОЩИ
НУЖДАЮЩИМСЯ ВО ВРЕМЯ ГОЛОДА 1891-1892 ГГ.**

В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

**CONTRIBUTION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH TO PROVIDING ASSISTANCE
TO THOSE IN NEED DURING THE FOLLOWS OF 1891-1892
IN THE VORONEZH GOVERNORATE**

Мязин В.А., преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Myazin V.A., Lecturer of the Department of Social Sciences and Humanity,
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В статье анализируется роль Русской Православной церкви в организации помощи нуждающимся во время голода 1891-1892 гг. в Воронежской губернии. Обращается внимание на то, что церковь во все времена своей главной деятельностью видела помощь тем, кто в ней нуждается. В России в XIX в. происходит довольно бурный рост благотворительной деятельности центром которой была церковь. В правление Александра II (1855-1881 гг.) на церковь была возложена задача не только оказывать непосредственную помощь нуждающимся, но также и заниматься строительством и поддержанием церковной инфраструктуры в надлежащем состоянии, строительством школ, больниц, богаделен, приютов и т.д. Обращается внимание на то, что основной формой благотворительных учреждений были богадельни, но также существовали и странноприимные дома. Главной их задачей было обеспечение нуждающихся пищей, кровом, дети обеспечивались ещё школой. Основными формами благотворительной деятельности православной церкви являлись помощь инвалидам и участникам войны, их семьям, престарелым, тяжелобольным, людям с психическими расстройствами, безработные, сироты, неграмотные, нищие, голодающие и жертвы бедствий. Именно церковь одной из первых обратила внимание общества на ухудшение погодных условий в 1890-1891 гг., впоследствии приведших к массовому неурожаю и голоду и именно церковь стала во главе процесса организации помощи нуждающимся Воронежской губернии.

Abstract: The article analyzes the role of the Russian Orthodox Church in providing assistance to those in need during the famine of 1891-1892 in the Voronezh province. Attention is drawn to the fact that the church has always seen its main activity as helping those who need it. In Russia in the 19th century, there was a rather rapid growth of charitable activities, the center of which was the church. During the reign of Alexander II (1855-1881), the church was entrusted with the task of not only providing direct assistance to those in need, but also building and maintaining church infrastructure in good condition, building schools, hospitals, almshouses, orphanages, etc. Attention

is drawn to the fact that the main form of charitable institutions were almshouses, but there were also hospice houses. Their main task was to provide food and shelter to those in need, and the children were provided with school. The main forms of charitable activity of the Orthodox Church were assistance to the disabled and war veterans, their families, the elderly, the seriously ill, people with mental disorders, the unemployed, orphans, the illiterate, the poor, the hungry and victims of disasters. It was the church that was one of the first to draw public attention to the worsening weather conditions in 1890-1891, which subsequently led to massive crop failures and famine, and it was the church that led the way in organizing assistance to those in need in the Voronezh province.

Ключевые слова: Церковь, голод, Воронежская губерния, благотворительность, епархия.

Key words: Church, famine, Voronezh province, charity, eparchy.

Масштабный голод 1891-1892 гг., охвативший Центральную Россию и в особенности Воронежскую губернию, стал серьёзным испытанием для российского общества. Более 12 млн. человек, населявших центрально-чернозёмные и поволжские губернии, не имели продовольственных запасов для собственного обеспечения и оказались на грани голодной смерти. Катастрофичность ситуации привела к мобилизации государственных и общественных институтов, что выразилось в создании организаций, ставящих своей целью помощь нуждающимся в обеспечении продовольствием. Вопрос благотворительной деятельности в целом и в Воронежской губернии в частности, остаётся довольно актуальным, несмотря на возросший интерес к этому вопросу в последнее время. Это связано в первую очередь с необходимостью понимания взаимодействия церкви, общества и государства в условиях социального бедствия.

Церковь во все времена главной своей деятельностью видела оказание помощи нуждающимся. Именно под патронажем церкви создаются попечительские общества, ставившие своей целью помощь нуждающимся. Наиболее типичным благотворительным учреждением в Воронежской губернии были богадельни. В 1862 г. в Воронежской губернии существовало 42 больницы-богадельни при церквях и частных учреждениях, в которых находилось 540 человек обоего пола. Помимо богаделен на территории Воронежской губернии имелись и другие благотворительные учреждения, например странноприимные дома, создаваемые при монастырях.

Основными формами благотворительной деятельности православной церкви являлись помощь инвалидам и участникам войны (они назывались военноувечными), их семьям, престарелым, тяжелобольным, людям с психическими расстройствами. Кроме того, внимание уделялось и социально незащищённым категориям населения – безработные, сироты, неграмотные, нищие, голодающие и жертвы бедствий.

Церковь одной из первых обратила внимание на ухудшение погодных условий и риск голода в 1890-1891 гг. Описывая общее состояние пашни, священники особо подчёркивали, что текущая ситуация – это кара Божья за грехи людей, поэтому главным средством в борьбе с бедствием предлагалась молитва. [1, с. 595-604] 21 мая 1891 г. в Воронеже состоялся масштабный крестный ход, возглавлял который митрополит Воронежский и Задонский Анастасий.

Уже 20 сентября 1891 г., при местном отделении Российского Общества Красного Креста было образовано особое Губернское Попечительство для оказания помощи населению Воронежской губернии, пострадавшему от неурожая. С этой же целью ранее, в конце августа – начале сентября был создан Воронежский Епархиальный Комитет под руководством епископа Анастасия. На должность казначея был назначен протоиерей Димитрий Адамов, секретаря – преподаватель духовной семинарии иеромонах Климент. Несмотря на однозначно благую инициативу, сам Анастасий обращает внимание на то, что имеющиеся в распоряжении этих организаций наличные средства могут оказаться «не только скромными, но и ничтожными в сравнении с обнаруженными нуждами». [2, с. 720]. Поэтому рассчитывать на широкую благотворительную помощь нуждающимся было бы излишним.

Епархиальный Комитет имел довольно разветвлённую сеть на местах. Решением от 28 октября 1891 г. в уездах создавались уездные благочиннические комитеты, в селениях – приходские попечительства. Уездные благочиннические комитеты состояли из председателя благочинного округа, несколько представителей духовенства и несколько представителей светского общества. В приходские попечительства входили священнослужители прихода, церковный староста, сельский староста или поселковый атаман, учителя народной школы и несколько представителей от прихожан. [3, с. 96]. Попечительства должны были собирать сведения о голодающих в приходе и сообщать данные Епархиальному Комитету. Попечительства получали подробную инструкцию от комитета, в которой прописывалось, кому выдавать пожертвования. Деятельность Епархиального Комитета заключалась в распределении средств по попечительствам на местах, выдаче хлеба (обычно закупаемого в других губерниях) голодающим. [4, с. 214]. Учитывая проблемы с продовольствием в масштабе всей страны, эта задача приобретала особую значимость. Помимо раздачи хлеба, под патронажем комитета открывались общественные столовые, где можно было получить обед по сниженной цене, либо бесплатно.

Кроме того, училищному совету при Святейшем Синоде было предоставлено право производить сбор пожертвований в пользу педагогов и учащихся в церковно-приходских школах и школах грамоты епархий, пострадавших от неурожая, оказания помощи духовенству, а также населению на пострадавших территориях. Важным подспорьем в деле помощи пострадавшим от неурожая оказалась возможность бесплатной доставки помощи по железной дороге, для чего были достигнуты договорённости с железнодорожными обществами [5, с. 427-433].

Уже по состоянию на 4 октября 1891 г. было собрано 2333 р. причём по 1000 р. были внесены Московским и Санкт-Петербургским Епархиальными Комитетами. 50 р. внёс Тверской Епархиальный Комитет, 47 р. – Астраханский, 41 р. – Кишинёвский, 60 р. – Донской, 25 и 10 р. внесли неизвестные лица. [6. С. 457] К 15 октября сумма увеличилась на 473 р. 36 к. и стала равняться 2806 р. 36 к. К 28 октября сумма увеличилась ещё на 7232 р. и стала равняться 10038 р. 36 к. [7, с. 501]. К 12 декабря суммарно было получено пожертвований ещё на 8.604 р. 75 к. [7, с. 518].

Всего за время с сентября 1891 по июнь 1892 г. Епархиальным комитетом была собрана сумма в 73737 р. 49 коп., из которых были расходованы 62998 р. 74 коп., в остатке – 10738 р. 75

коп. В ведомости о поступлении продуктов в графе прихода значится 31500 п., в графе расхода – 31452 п. 3 ф., остаток – 47 п. 37 ф. [8, с. 308].

Имеющиеся средства были использованы для покупки двух вагонов ржи (по 610 пудов каждый) в Киеве и доставки их в Воронеж. Ещё 137 пудов пшеницы и 11 пудов ячменя были доставлены из Донского Епархиального Комитета и 89 пудов пшеницы и 10 пудов ячменя от священника Троицкой церкви слоб. Ребриковой Таганрогского округа Области Войска Донского Петра Колпикова [7, с. 503].

Масштаб помощи голодающим был колоссальный, по информации, собранной епархиальным комитетом, наиболее сложной была ситуация в 64 приходах губернии, преимущественно в Воронежском, Нижнедевицком и Землянском уездах и охватывающей примерно 22 тыс. человек. Например, только в с. Шукавке Воронежского уезда, по сведениям местного священника В. Протопопова, в помощи нуждалось 2.000 человек (из 3.200 приходского населения обоего пола). В приходе с. Шаталовки Нижнедевицкого уезда из 3 тысяч человек приходского населения в состоянии крайней нужды оказалось 2438 [7, с. 511-512].

Однако метод подсчёта нуждающихся подвергся критике со стороны губернатора Е.А. Куровского. Он предположил, что данные цифры крайне завышены. Оказалось, что в данные списки заносили людей, которые должны были получить (или уже получили) продовольственную помощь от земства. Понятно, что комитеты не могли чисто физически такую помощь оказывать, так как ресурсов, находившихся в распоряжении епархий было немного. Такая проблема была характерна не только для Воронежской губернии. Например, в Оренбургской губернии была такая же ситуация. Там действовало несколько благотворительных организаций и одни и те же лица получали помощь в разных комитетах одновременно, из-за чего возникала путаница. В целях её преодоления уездный исправник Троицкого уезда 17 ноября пригласил к себе представителей всех благотворительных организаций для сбора сведений о нуждающихся жителей. Была образована центральная комиссия, куда вошли по одному представителю от полицейского управления, церковного попечительства, комитета Красного Креста, Благотворительного комитета, мещанского управления. Комиссия разбирала прошения нуждающихся и распределяла их по благотворительным учреждениям, при этом на удостоверении ставились отметки о выдаче или невыдаче пособия [3, с. 97].

Несмотря на достаточно скромные ресурсы, помощь оказывалась на постоянной основе. Например, Богоявленской церкви в с. Рудкино Воронежского уезда было выделено 40 п. 20 ф. ржаной муки; по докладной записке священника Знаменской церкви с. Васильевского отпущено 100 п. хлеба; по заявлению священника Коротоякского уезда с. Старая Городища Н. Таирова отпущено 180 п. хлеба; по заявлению священника Пятницкой церкви с. Хвощеватого Землянского уезда Д. Мишина выдано 300 п. хлеба; на основании, доставленного священником Спасопреполовенского молитвенного дома сл. Старой Криуши Богучарского уезда А. Ионова отправлено по железной дороге 345 п. хлеба [10, с. 28-43].

Известны случаи, когда сами пастыри оказывали посильную помощь пострадавшим из собственного кармана. Например, священник А. Иларионов помогал жителям села Новая Кирсановка Новохопёрского уезда. Он писал: «Ни на полях, ни в огородах ничего не родилось,

и крестьяне в настоящее время, за исключением очень немногих, своего хлеба не имеют. Многие покупают отруби, мешают их с мукой и из этой смеси пекут хлеб; а другие уже давно не имеют и этого скудного утешения» [11, с. 333]. Им был организован сбор средств в помощь голодающим кирсановцам, и в итоге удалось собрать 56 руб. 45 коп., на которые были закуплены 45 пудов муки, распределённые между 45 нуждающимися семьями, т.е. по 1 пуду на семью [4, с. 215-216].

Особое внимание церковь уделяла нуждающимся в пропитании здесь и сейчас, другими словами, находящимся на пороге голодной смерти. Например, по донесению священника с. Нижнего Ломовца Землянского уезда К. Нефедьева в его приходе присутствуют 47 человек, крайне нуждающиеся в пропитании, так как хлеба они не сеяли, да и в целом дома не имели, а жили у «добрых людей». Другое донесение священника Бирюченского уезда М. Трояновского в котором также говорится о бедственном положении местного населения: «за исключением трёх домов, во всех остальных пришлось выслушивать горькие жалобы на безысходность положения по причине полного истощения средств к пропитанию и на невозможность заработать на насущный хлеб». Положение было настолько критическим, что некоторым семьям, для того чтобы получить какое-то количество муки для выпечки хлеба, приходилось ждать по несколько дней в состоянии голода. Другой пример нам даёт рапорт священника А. Алексеевского из г. Ольшанска. Он докладывал, что в его приходе люди, хоть и не богатые, но, тем не менее, своими силами оказывают помощь бедствующим, особенное внимание оказывается вдовам и сиротам. Для иногородних, он (т.е. священник) оказывает помощь в своём доме хлебом и горячей пищей [9, с. 85].

Ещё одной формой помощи голодающим была организация общественных столовых. Такие учреждения стали появляться ещё до начала острой фазы голода. Суть общественных столовых заключалась в том, что в они были ориентированы на пропитание нуждающихся либо бесплатно, либо по символической цене. Например, в слободе Саловка (Валуйский уезд) общественная столовая открылась ещё в феврале 1891 г., по инициативе местного священника о. Стефана Кошелева. Необходимо обратить внимание на то, что положение местного населения было крайне удручающим: ввиду недостатка в качественной провизии среди крестьян стала распространяться цинга. В столовой в основном питались пожилые люди, увечные и дети. Стоимость пропитания одного человека равнялась 4 копейкам, с учётом расходов на дрова, а основным рационом были каша и борщ (постная либо в скоромные дни – с салом и солониной). В среднем в столовой питались около 150 человек ежедневно [12, с. 453].

Подобные столовые открывались и в других населённых пунктах. Например, в деревне Петровской и селе Красном Воронежского уезда столовые были открыты в ноябре 1891 г. Однако, уже через месяц жители одного из поселений отказались посещать столовую, сославшись на невозможность туда ходить в холодное время года. В связи с этим, было принято решение выдавать еду нуждающимся на дом [7, с. 506-507].

Эффективность такой формы помощи оказалась потрясающей. На страницах Епархиальных ведомостей священнослужители призывали пастырей брать пример и создавать подобные столовые в своих приходах. На страницах Епархиальных ведомостей встречается такой призыв: «Можно утвердительно сказать: если наши священники будут так же проявлять

истинно-пастырские отношения к этому делу, то эти благотворительные учреждения принесут несомненно великую помощь нашим братьям, несчастным голодающим. Вся основа, на чем зиждется благоразумное ведение дела в столовых – это любовь к делу, неподкупная честность и добросовестность лиц, взявших на себя эту обязанность» [12, с. 452-454]

Особое внимание служителей церкви было уделено проблеме детского голода. В условиях «царь-голода», этот вопрос приобретал особенную важность. Необходимо было создать приюты, в которые взрослые могли отдавать детей на период полевых работ, которые в текущих условиях продолжались особенно долго. В этой связи, священник села Конь-Колодезь Задонского уезда А. Никитин выступил с инициативой организации приюта, в котором могли бы находиться дети в течение дня. Особо отмечалось, что содержаться они будут при полном пансионе и под присмотром воспитателей. При поддержке земского начальства удалось собрать необходимую сумму на организацию детского приюта, открытого летом 1892 г. Режим работы приюта выглядел следующим образом: с самого раннего утра матери отводили детей от 2 до 7 лет в приют, после этого дети вместе с воспитателями совершали общую молитву, затем шёл завтрак (похлёбка из сала и пшённой крупы и хлеб), далее занятия по Закону Божьему, в 12 часов обед, до ужина (7 часов вечера) – занятия с воспитателями [13, с. 580].

Таким образом, благотворительная помощь в Воронежской губернии активно развивалась с начала XIX в. Ключевая роль в этом процессе отводилась Русской православной церкви. Сложно переоценить её роль в организации помощи нуждающимся во время голода 1891-1892 гг. в Воронежской губернии. Уже в конце августа – начале сентября 1891 г. был создан Воронежский Епархиальный Комитет под руководством епископа Воронежского и Задонского Анастасия. На местах создавались уездные благочинные комитеты и приходские попечительства. Комитет организовывал деятельность по нескольким направлениям: покупка хлеба в других губерниях, не пострадавших от неурожая, денежная помощь, а также открытие общественных столовых и детских приютов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поучение во время засухи и неурожая // Воронежские Епархиальные ведомости. – 1891. – №17. – С. 595–604.
2. Возлюбленным о Господе братьям и сослужителям, досточтимым пастырям церкви Воронежской // Воронежские Епархиальные ведомости. – 1891. – № 20. – С.719–724.
3. Николаева О. Ю. Деятельность РПЦ по оказанию помощи пострадавшим от неурожая 1891-1892 гг. в Оренбургской губернии // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2013. – № 2. – С. 96–98.
4. Иконников С. А. Вклад приходского духовенства Воронежской епархии в борьбу с голодом 1891-1892 гг. // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2025. – № 15 (3). – С. 214–222.
5. От 14-го – 21-го Августа 1891 г. за №2096, о предоставлении Училищному Совету при Святейшем Синоде производить сбор пожертвований в пользу учащихся и учащихся в церковно-приходских школах и школах грамоты епархий, пострадавших от неурожая // Воронежские Епархиальные ведомости. – 1891. – № 20. – С.719–724.

6. Журналы Воронежского Епархиального Комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая // Воронежские Епархиальные ведомости. – 1891. – № 21. – С. 453–468.
7. Журналы Воронежского Епархиального Комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая // Воронежские Епархиальные ведомости. – 1891. – № 23. – С. 497–519.
8. Журналы Воронежского Епархиального Комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая // Воронежские Епархиальные ведомости. – 1892. – № 14. – С. 294–311.
9. Журналы Воронежского Епархиального Комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая // Воронежские Епархиальные ведомости. – 1892. – № 4. – С. 77–96.
10. Журналы Воронежского Епархиального Комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая // Воронежские Епархиальные ведомости. – 1892. – № 2. – С. 27–43.
11. Корреспонденция из села Старой Кирсановки Новохопёрского уезда // Воронежские Епархиальные ведомости. – 1892. – № 8. – С.333.
12. Местные известия. Корреспонденция из слободы Саловки (Фёдоровка) // Воронежские Епархиальные ведомости. – 1892. – № 11. – С. 452–454.
13. Светлые дни тяжёлого года (Из жизни голодающих крестьян села Конь-Колодезя) // Воронежские Епархиальные ведомости. – 1892. – № 15. – С. 576–580.

REFERENCES

1. Instruction during a drought and crop failure // Voronezh Diocesan Gazette. – 1891. – No. 17. – Pp. 595–604.
2. To the beloved brothers and co-workers in the Lord, to the venerable pastors of the Church of Voronezh // Voronezh Diocesan Gazette. – 1891. – No. 20. – Pp. 719–724.
3. Nikolaeva O. Yu. The activities of the Russian Orthodox Church to provide assistance to those affected by the crop failure of 1891-1892 in the Orenburg province. // Intellect. Innovations. Investments. – 2013. – No. 2. – Pp. 96–98.
4. Ikonnikov S. A. The contribution of the parish clergy of the Voronezh diocese to the fight against the famine of 1891-1892 // Izvestiya of the South-Western State University. – 2025. – No. 15. (3). – Pp. 214–222.
5. From the 14th to the 21st of August, 1891, No. 2096, on the granting to the School Board under the Holy Synod the right to collect donations in favor of teachers and students in parish schools and literacy schools in dioceses affected by crop failures // Voronezh Diocesan Gazette. – 1891. – No. 20. – Pp. 719–724.
6. Journals of the Voronezh Diocesan Committee for collecting donations in favor of those affected by the crop failure // Voronezh Diocesan Gazette. – 1891. – No. 21. – Pp. 453–468.
7. Journals of the Voronezh Diocesan Committee for collecting donations in favor of those affected by the crop failure // Voronezh Diocesan Gazette. – 1891. – No. 23. – Pp. 497–519.

8. Magazines of the Voronezh Diocesan Committee for collecting donations in favor of those affected by the crop failure // Voronezh Diocesan Gazette. – 1892. – No. 14. – Pp. 29–311.

9. Magazines of the Voronezh Diocesan Committee for collecting donations in favor of those affected by the crop failure // Voronezh Diocesan Gazette. – 1892. – No. 4. – Pp. 77–96.

10. Journals of the Voronezh Diocesan Committee for collecting donations in favor of those affected by the crop failure // Voronezh Diocesan Gazette. – 1892. – No. 2. – Pp. 27–43.

11. Correspondence from the village of StarayaKirsanovka in Novokhopersky Uyezd // Voronezh Diocesan Gazette. – 1892. – No. 8. – P. 333.

12. Local news. Correspondence from Salovka (Fyodorovka) // Voronezh Diocesan Gazette. – 1892. – No. 11. – Pp. 452–454.

13. Bright days of a difficult year (From the life of starving peasants in the village of Kon-Kolodezya) // Voronezh Diocesan Gazette. – 1892. – No. 15. – Pp. 576–580.

ЭТИКА ДОБРОДЕТЕЛИ АРИСТОТЕЛЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ XXI ВЕКА
ARISTOTLE'S ETHICS OF VIRTUE: RELEVANCE FOR THE 21ST CENTURY

Панова Н.А., кандидат философских наук,
доцент

Денисова А.А., обучающийся
ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный аграрный университет им. императора
Петра I», Воронеж, Россия

Panova N.A., Candidate of Philosophical
Sciences, Associate Professor

Denisova A.A., student
Voronezh State Agrarian University named after
Emperor Peter the Great, Voronezh, Russia

Аннотация: В данной статье рассматривается этика Аристотеля в реалиях двадцать первого столетия. Рассмотрены такие центральные положения учения философа как: эвдемония, (в качестве предельной цели человеческого существования), формирование нравственного склада души через повторяющиеся действия, принцип срединного пути, а также интеллектуальная добродетель фронезиса (практической мудрости). В статье аргументируются тезисы о том, что идеи Аристотеля являются мощным ресурсом для противостояния таким вызовам современности, как потребительская идеология, утрата духовно-нравственных ориентиров и стремительное вхождение искусственного интеллекта в жизнь

Abstract: This article examines Aristotle's ethics in the context of the twenty-first century. It focuses on the central concepts of the philosopher's teachings, such as eudaimonia (the ultimate goal of human existence), the formation of a moral character through repeated actions, the principle of the middle path, and the intellectual virtue of phronesis (practical wisdom). The article argues that Aristotle's ideas are a powerful resource for countering modern challenges such as consumer ideology, the loss of spiritual and moral guidelines, and the rapid introduction of artificial intelligence into our lives.

Ключевые слова: Аристотель, этика добродетели, эвдемония, фронезис (практическая мудрость), золотая середина, неоаристотелианство, моральная философия.

Keywords: Aristotle, ethics of virtue, eudaimonia, phronesis (practical wisdom), the golden mean, neo-Aristotelianism, moral philosophy

В наше время, которое характеризуется небывалым ускорением технического прогресса, сосуществованием множества ценностных систем и размыванием единых моральных устоев, парадоксальным образом возрождается интерес к этическим моделям Античности. Классические философские системы Нового времени – деонтология с её императивами и утилитаризм с его системой подсчёта выгод – всё чаще дают сбой перед лицом задач, где необходимо не просто механическое следование предписаниям или прогнозирование результатов, а глубоко личное, ответственное волеизъявление [1, с. 71].

Нормы способны вступать в конфликт, а отдалённые последствия наших поступков в перегруженных связях современных систем просчитать зачастую невозможно, что показывает ограниченность формальных методов. Именно в этом контексте учение Аристотеля о добродетелях, сосредоточенное на личности субъекта действия и его нравственном стержне, переживает возрождение, становясь востребованным инструментом для анализа проблем нашего столетия. В настоящей работе обосновывается тезис о том, что аристотелевская традиция, связанная с этикой добродетели, несмотря на свою многовековую историю, обладает значительным эвристическим потенциалом. Этот потенциал заключается в её способности предлагать действенные подходы для разрешения многих противоречий, характерных для современного общества. Прослеживается, каким образом фундаментальные положения его философии – эвдемония, фронезис и учение о срединном пути – переосмысливаются и обретают новую жизнь в разнообразных сферах, простирающихся от воспитания до теории государства.

Чтобы оценить значимость аристотелевского подхода для современности, следует реконструировать центральные установки его учения, развёрнутого главным образом в «Никомаховой этике». Фундаментальной теорией здесь выступает эвдемония, зачастую передаваемая словом «счастье», хотя её глубинный смысл точнее было бы передать как «человеческое процветание» или «достойное существование», которое обретается в активном функционировании души сообразно добродетели. Аристотель трактует счастье не как статичное переживание или подарок судьбы, но как длящийся процесс, достигаемый путём нравственной жизни и сознательного выбора [3, с. 213]. При этом добродетель представляется не врождённым свойством, а культивируемой устойчивой чертой характера, взращиваемой благодаря воспитанию и постоянному упражнению. Её суть заключается в обретении меры, в нахождении срединного пути между порочными крайностями - избытком и недостатком.

Так, отвага располагается посередине между трусливостью и безрассудной лихостью, а разумная щедрость – между скупостью и мотовством. Центральное место в построении его этики занимает фронезис, или практическая мудрость, определяемая как искусство принимать взвешенные решения в уникальном контексте конкретных жизненных обстоятельств. Эта способность предполагает не просто знание перечня добродетелей, но и умение их разумно реализовывать, что делает данное понятие исключительно ценным для нашей эпохи, где моральный выбор совершается в атмосфере неопределённости и единичности ситуаций.

В массе современных философских исследований сформировалось несколько плодотворных направлений, актуализирующих аристотелевское наследие. Сторонники неоаристотелианства склонны рассматривать этику добродетели как возможную альтернативу либеральному проекту Просвещения, столкнувшемуся с серьёзными препятствиями при попытке обосновать универсальную мораль. В рамках этого подхода внимание уделяется практике и внутренним благам, достигаемым при следовании образцам добродетели. Это, в свою очередь, даёт возможность для критики потребительской идеологии с её поклонением внешнему успеху и материальному накоплению. Конфликт внутренних благ, являющихся основой для личностного совершенствования, и благ внешних, таких как богатство или слава, создаёт предпосылки для пересмотра ориентиров человеческой деятельности сегодня, когда рыночные отношения стремятся преобладать во всех сферах социальной жизни.

Принципиальным становится вопрос о том, насколько возможно возрождение этики Аристотеля в контексте современного плюрализма, где отсутствует единое, разделяемое всеми представление об общем благе, столь характерное для античного города-государства.

Новый ракурс зрения задаётся мыслителями, сосредоточенными на анализе роли фроне́зиса, практической мудрости, в условиях непредсказуемости. В противовес жёстким алгоритмам, предлагаемым, скажем, канонической деонтологией, аристотелевская парадигма требует от человека развитой способности к контекстуальному суждению. Это качество оказывается незаменимым в таких областях, как биоэтика или теория обучения, где любой случай уникален и предполагает учёт всей полноты конкретных обстоятельств. Воспитание характера в педагогическом процессе не должно сводиться к простой трансляции готовых норм; необходимо донести важность взрастить у учащихся способность к автономному моральному суждению. В данном контексте фроне́зис рассматривается как способность объединять теоретические знания о должном с глубоким пониманием реальных ситуаций. Эта практическая мудрость помогает избежать пропасти между общими моральными нормами и конкретными действиями. Данное качество особенно значимо для профессиональной этики, где врач, педагог или правовед регулярно оказываются перед необходимостью принимать решения, не описанные ни в одной инструкции.

Крайне важным представляется вопрос о воспитании характера и формировании добродетельных установок в наше время. Если Аристотель исходил из наличия в полисе целостного представления об общем благе, то современное общество отличается сложной, многоуровневой структурой, сопровождающейся распадом привычных социальных связей. В этих обстоятельствах процесс становления добродетелей сталкивается с серьёзными испытаниями: размытость нравственных традиций, деление жизненных путей, давление массовой культуры. Однако именно эти трудности придают аристотелевской этике особую актуальность, ведь она не снабжает готовыми алгоритмами, а предлагает траекторию личностного роста через совершение добродетельных поступков и укрепление устойчивых черт характера. В этом контексте семья, образовательные учреждения и различные социальные группы сохраняют свою значимость как пространства, где такое становление личности может происходить, хотя их роль и значение претерпевают значительные изменения под воздействием процессов глобализации и социальной динамики общества.

Применение аристотелевского подхода в профессиональной этике также имеет свой эвристический потенциал и работает весьма продуктивно. Работа в таких областях, как здравоохранение, юриспруденция или образование, требует от человека не просто набора технических навыков, но и зрелого морального суждения, дающего возможность применять общие принципы к исключительным случаям [2, с. 78]. В отличие от буквального следования профессиональным кодексам, часто страдающим абстрактностью и неполнотой, этика добродетели фокусируется на формировании профессиональных принципов, включающих в себя такие качества, как чувство долга, беспристрастность, сострадание и честность. Данные добродетели не могут быть сведены к пунктам регламента; они формируются под влиянием многолетнего опыта, через разбор клинических или юридических сложных и запутанных дел, через преемственность от наставника к ученику. Понятие профессиональной мудрости,

родственное аристотелевскому фроне́зису, обретает здесь ключевое значение, позволяя специалисту действовать адекватно в нестандартных ситуациях.

Политическая мысль Аристотеля остаётся значимой и сегодня. Он рассматривал человека как "политическое существо", чья сущность раскрывается лишь в обществе. В современном мире, где преобладают либеральные идеи, сосредоточенные на индивидуальной автономии и правах личности, аристотелевская концепция человека, чьё благо тесно связано с благом общины, предлагает важные альтернативные взгляды. Эта перспектива особенно актуальна в условиях глобальных вызовов, требующих коллективных усилий и солидарности [4, с. 259]. Так, гражданская ответственность, общественная солидарность и забота о будущем становятся не менее важны, чем индивидуальные добродетели. Кроме того, аристотелевское понимание справедливости как высшей добродетели, ориентированной на другого, заслуживает нового осмысления в контексте современных дискуссий о социальной справедливости и справедливом принципе распределения ресурсов.

Экологическая этика представляет собой ещё одну область для продуктивного применения аристотелевской модели. Такие добродетели, как умеренность, бережливость и попечение о природе, оказываются необходимыми для выработки ответственного отношения к окружающей среде. В отличие от подходов, основанных на правах природы или к утилитарной выгоде от её сохранения, этика добродетели позволяет рассматривать отношение к миру природы как проекцию человеческого характера. Хищническое и расточительное использование природных ресурсов указывает на дефицит добродетели умеренности и отсутствие дальновидности. Формирование экологических добродетелей через воспитание и повседневную практику становится ключевой общественной задачей.

В педагогике аристотелевская традиция даёт целостный взгляд на становление личности. Нынешняя образовательная модель часто концентрируется на передаче информации и развитии когнитивных функций, не ставя первостепенной задачей формирование характера. Аристотелевское понимание воспитания как взращивания привычек и диспозиций, а не простого информирования, возвращает образованию его изначальную миссию – подготовку не только квалифицированного специалиста, но и нравственно полноценного человека, способного к достойной жизни в обществе. Использование этой этики предполагает пересмотр образовательных целей и методик, включение в учебный процесс практик, направленных на развитие эмпатии, чувства ответственности, справедливости и других добродетелей.

Таким образом, этика добродетели, восходящая к Аристотелю, демонстрирует свою силу как альтернатива формальным моральным системам. Она возвращает в центр внимания живого человека с его уникальным внутренним миром, устоявшимися привычками и стремлением к счастью, как ключевой цели. Главное её достоинство в том, что эта этическая модель позволяет преодолеть разрыв между отвлечёнными моральными правилами и конкретной ситуацией, перенося акцент на качественные характеристики действующего лица [5, с. 56]. Особую ценность здесь представляет роль фроне́зиса – той самой практической мудрости, которая даёт возможность принимать нравственно выверенные решения в условиях единичности и неповторимости жизненных обстоятельств. Дальнейшие исследования в таких

сферах, как экология, образование и корпоративное управление должны быть связаны с углублённым изучением аспектов этики добродетели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Санжениаков А. А. Метафизика Аристотеля как основа его этики // *Этическая мысль*. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 66–77.
2. Седелева А. О. *Этика Аристотеля // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований. Материалы конф.* – Оренбург, 2019. – С. 818–821.
3. Санжениаков А. А. *Этика Аристотеля как первая философия // Сибирский философский журнал*. – 2018. – Т. 16. – № 4. – С. 267–275.
4. Мельников С. *Этика Аристотеля // Философская антропология*. – 2023. – Т. 9. – № 2. – С. 250–266.
5. Платонов Р. С. *Эпистемические основания этики Аристотеля // Этическая мысль*. – 2022. – Т. 22. – № 2. – С. 48–61.

REFERENCE

1. Sanzhenakov A. A. *Aristotle's Metaphysics as the Basis of His Ethics // Ethical Thought*. – 2018. – Vol. 18. – No. 1. – Pp. 66–77.
2. Sedenova A. O. *Aristotle's Ethics // Socio-humanitarian innovations: strategies of fundamental and applied scientific research. Conference materials*. – 2019. – Pp. 818–821.
3. Sanzhenakov A. A. *Aristotle's Ethics as the First Philosophy // Siberian Philosophical Journal*. – 2018. – Vol. 16. – No. 4. – Pp. 267–275.
4. Melnikov S. *Aristotle's Ethics // Philosophical Anthropology*. – 2023. – Vol. 9. – No. 2. – Pp. 250–266.
5. Platonov R. S. *Epistemic Foundations of Aristotle's Ethics // Ethical Thought*. – 2022. – Vol. 22. – No. 2. – Pp. 48–61.

**ЯЗЫК КАК МЕНТАЛЬНЫЙ КОД И СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ**
LANGUAGE AS A MENTAL CODE AND A MEANS OF FORMING VALUE ORIENTATIONS
OF PERSONALITY IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Улыбина С.С., преподаватель
ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Ulybina S.S., teacher
Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: Статья посвящена анализу языка как ментального кода и рассмотрению его роли в формировании ценностных ориентиров обучающихся в системе среднего профессионального образования. Опираясь на достижения когнитивной лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии, язык рассматривается как средство концептуализации мира, аккумуляции коллективного опыта и культурных норм, а также как механизм трансляции и переработки ценностей.

Abstract: The article is devoted to the analysis of language as a mental code and an examination of its role in shaping the value orientations of students in the system of secondary vocational education. Drawing on achievements in cognitive linguistics, psycholinguistics, and linguoculturology, language is considered as a means of conceptualizing the world, accumulating collective experience and cultural norms, as well as a mechanism for transmitting and processing values.

Ключевые слова: язык как ментальный код; языковая личность; ценностные ориентации; когнитивная лингвистика; лингвокультурология.

Keywords: language as a mental code; linguistic personality; value orientations; cognitive linguistics; linguoculturology.

Проблема формирования ценностных ориентиров личности в условиях трансформации российского общества и образовательной системы обретает особую актуальность, поскольку именно система образования выступает ключевым институтом социализации и культурной передачи. В современном гуманитарном знании усиливается понимание того, что язык не только фиксирует, но и конструирует социальную реальность, задавая рамки осмысления мира и самоидентификации личности. В этой связи рассмотрение языка как ментального кода, структурирующего когнитивное и ценностное пространство субъекта, позволяет по-новому оценить воспитательный потенциал языковых дисциплин в колледжах и вузах.

Когнитивная лингвистика трактует язык как механизм познания, обеспечивающий концептуализацию и категоризацию опыта и дающий доступ к структурам сознания. В работах Е.С. Кубряковой подчёркивается, что язык представляет собой инструмент

формирования и передачи значения и фиксирует «естественные» структуры опыта, осмысления и оценивания мира, разделяемые членами языкового сообщества [2, с. 67]. Когнитивные лингвисты рассматривают семантику как форму концептуализации и связывают языковые формы с когнитивными процессами, такими как категоризация, концептуальное метафоризирование и построение ментальных моделей. Психолингвистическая традиция, восходящая к Л.С. Выготскому, предлагает рассматривать слово как «живое единство звука и значения», в котором спаяны мысль и аффективно-волевая сфера личности [1, с. 56]. Внутренняя сторона слова, его значение, интерпретируется как минимальная единица речевого мышления, обеспечивающая переход от индивидуального опыта к социально разделяемым значениям. Это позволяет понимать язык одновременно как средство индивидуального мышления и как социальный код, задающий рамки интерпретации действительности.

Лингвокультурология развивает представление о языке как культурном и ценностном коде нации, в котором кумулируется исторический опыт, фиксируются культурные сценарии и транслируются ценностные доминанты. В.А. Маслова считает, что языковая картина мира организована вокруг культурно значимых концептов и символов, а единицы языка несут устойчивые ценностные коннотации, задающие оценочное отношение к явлениям действительности [4, с. 56]. Таким образом, язык выполняет функцию аксиологического фильтра, структурируя восприятие мира и задавая «ценностно-смысловое пространство» личности.

Концепция языковой личности Ю.Н. Караулова фокусирует внимание на совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие текстов разной степени сложности и ценностной насыщенности [6, с. 95]. Языковая личность понимается как иерархическая структура, включающая вербально-семантический, тезаурусный и мотивационно-прагматический уровни, где последний непосредственно связан с ценностными ориентациями и идеалами субъекта. В современных исследованиях русской языковой личности акцентируется связь национально-специфических ценностей с особенностями языковой картины мира. Исследования ценностных ориентаций студентов демонстрируют устойчивые различия в приоритетах знания, профессиональной самореализации, семейных и гражданских ценностей.

Понятие ментального кода в современной когнитивной науке связывается с внутренними представлениями и операциями, посредством которых субъект перерабатывает, хранит и извлекает информацию. Язык в этой перспективе рассматривается как один из ключевых ментальных кодов, то есть как система знаков, позволяющая дискретизировать, структурировать и символически переоформлять опыт, делая его доступным для сознания и коммуникации. В отличие от других знаковых систем, естественный язык обладает высокой степенью абстрактности, рефлексивности и универсальности, что обуславливает его центральную роль в организации когнитивной и ценностной сфер. С позиции когнитивной лингвистики языковое значение трактуется как результат концептуализации опыта, а не как «объективная» логическая сущность. Концепты, закреплённые в лексике и грамматике, образуют сеть, структурирующую знания и задающую «концептуальный рисунок» мира, на основе которого человек мыслит и оценивает реальность. Метафорические и метонимические

переносы, описанные в когнитивной семантике, служат механизмами формирования новых смыслов и ценностных акцентуаций, в том числе в образовательном дискурсе [5, с. 74].

Лингвокультурологический дискурс дополняет данное видение, интерпретируя язык как культурный код, в котором кодируется исторический опыт, нормы, ценности и символы определённого сообщества. Фразеологизмы, пословицы, культурно маркированные метафоры и символы являются носителями устойчивых ценностных коннотаций, формирующих «ценностно-смысловое пространство» языка и задающих базовые координаты моральной и мировоззренческой ориентации личности. Освоение языка, таким образом, предполагает не только овладение грамматическими и лексическими структурами, но и включение в систему коллективных ценностей и норм.

Концепция языковой личности позволяет интегрировать когнитивный и аксиологический аспекты ментального кода. В структурной модели Ю.Н. Караулова мотивационно-прагматический уровень, включающий ценности, установки и идеалы, определяет выбор речевых стратегий, жанров и оценочных средств [6, с. 89]. Языковая личность проявляет себя в индивидуальном распределении ценностных акцентов, предпочтении одних лексических и синтаксических конструкций другим, в характере интерпретации культурных текстов. В этом смысле язык как ментальный код является как «общим знаменателем» культурного опыта, так и пространством индивидуальной вариативности и творческой переработки ценностей.

В работах, анализирующих формирование ценностных ориентаций на уроках русского языка и литературы, а также иностранных языков, подчёркивается, что включение в учебный процесс текстов, использующих общечеловеческие и национальные ценности, а также организация диалогических форм обсуждения способствует развитию нравственно-ценностной сферы школьников. Авторы отмечают, что лингвокультурологический подход, ориентированный на осмысление культурных кодов, символов и ценностных смыслов, повышает воспитательный потенциал языковых дисциплин.

В ряде университетов проводился эксперимент по исследованию ценностных ориентаций студентов. Все выводы, сделанные в ходе эксперимента, показаны в таблице 1.

Таблица 1. Характеристика некоторых исследований ценностных ориентаций студентов

Исследование	Выборка	Образовательный контекст	Методика ценностей	Ключевые результаты
Дунбинский, Кашпур, Хрущева (2024)	Студенты славянских университетов (7 стран)	Университеты России, Беларуси, Украины, Польши, Болгарии, Чехии, Сербии	Различные опросники ценностных ориентаций	Выявлены различия в приоритете ценности знания и профессиональной самореализации между странами
Savchenkov (2020)	213 первокурсников педагогического университета	Педагогический вуз, подготовка будущих учителей	Опросники ценностных ориентаций студентов	Ориентация на ценности, приоритетные для педагогической

				деятельности; трансформация ценностей в ходе обучения
Исследования в ведомственных вузах ФСИН	Студенты гражданских вузов и курсанты ведомственных вузов	Гражданские и ведомственные образовательные организации	Методики диагностики ценностных ориентаций	Различия в приоритете ценностей безопасности, конформности, традиции и открытости к изменениям
Сравнительные исследования студентов славянских стран	Студенты университетов различных славянских государств	Национальные системы высшего образования	Различные шкалы ценностей	Различия в значимости гражданских и культурных ценностей, при устойчивом приоритете образования и профессионального успеха

В таблице 1 представлены основные характеристики ряда эмпирических исследований, демонстрирующих многообразие подходов к изучению ценностных ориентаций студентов и позволяющих выявить общие тенденции и различия в зависимости от образовательного контекста. Количественные данные о размерах выборок, применяемых методиках и выявленных профилях ценностей задают эмпирическую основу для дальнейшего анализа роли языка как ментального кода.

Интерпретация полученных теоретических и эмпирических результатов позволяет выделить ряд аспектов, важных для понимания языка как ментального кода и средства формирования ценностных ориентиров в образовательном процессе. Во-первых, язык задаёт структуру ментальных репрезентаций, в том числе ценностных, через систему концептов, метафор и культурных символов, осваиваемых обучающимся в процессе речевой деятельности и взаимодействия с образовательными текстами. Во-вторых, эмпирические данные о различиях в ценностных ориентациях студентов разных образовательных контекстов демонстрируют влияние институциональных языковых норм и коммуникативных режимов на конфигурацию ценностей.

Таким образом, рассмотрение языка как ментального кода, объединяющего когнитивные и коммуникативные функции, позволяет по-новому оценить его роль в формировании ценностных ориентиров личности в образовательном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.

2. Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и её роли в современном языкознании // Вопросы языкознания. – 2004. – № 3. – С. 3–17.
3. Когнитивная лингвистика: хрестоматия / под ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Русские словари, 2007. – 512 с.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
5. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 288 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.

REFERENCES

1. Vygotsky L. S. Thinking and Speech. – М.: Labirint, 1999. – 352 p.
2. Kubryakova E. S. On Cognitive Linguistics and Its Role in Modern Linguistics // Voprosyazykoznanija. – 2004. – No. 3. – P. 3–17.
3. Cognitive Linguistics: Reader / ed. by E. S. Kubryakova. – М.: Russkieslovari, 2007. – 512 p.
4. Maslova V. A. Linguoculturology: Textbook for Students of Higher Education Institutions. – М.: Akademiya, 2001. – 208 p.
5. Alefirenko N. F. Linguoculturology. Value-Semantic Space of Language: Textbook. – М.: Flinta; Nauka, 2010. – 288 p.
6. Karaulov Yu. N. Russian Language and Linguistic Personality. – 7th ed. – М.: LKI, 2010. – 264 p.

**МАТЕРЩИНА КАК СИМПТОМАТИКА СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО КРИЗИСА**
PROFANITY AS A SYMPTOM OF THE CONTEMPORARY
RUSSIAN CRISIS

Квасов О.Н., доктор исторических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Kvasov O.N., Doctor of Historical Sciences, associate professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: В тезисах рассматривается проблема обширного использования различными слоями российского общества ненормативной лексики. Анализируются ряд исторических, социокультурных, социобиологических и прочих факторов этого. Констатируется вывод о культурном и социальном кризисе общества, даются рекомендации исправления ситуации.

Abstract: This article examines the pervasive use of obscene lexicon (mat) across various strata of contemporary Russian society. The analysis encompasses a range of historical, sociocultural, sociobiological, and related factors contributing to this phenomenon. The author posits that the prevalence of profanity serves as an indicator of a profound cultural and social crisis. The article concludes with a set of recommendations aimed at rectifying the current situation.

Ключевые слова: матерщина, ругательная лексика, обценная лексика, непристойные выражения, общественный кризис

Keywords: swearing, abusive language, obscene vocabulary, younger generation, social crisis.

Системный излом, в котором на протяжении 40 лет находится Россия, не мог пагубно не отразиться на ценностном мире нашей культуры. Отказ от советских стереотипов, копирование западных приоритетов, затем стремительная их переоценка с дилеммой евразийства или традиционализма породили ценностную дезориентацию у значительной части общества, в первую очередь молодёжи. Размывание культурных ориентиров и границ сопровождается глубоким социальным кризисом, что ещё более усугубляет последствия. Творческий кризис целых отраслей и видов российского искусства (кино, музыка, архитектура, литература и пр.), сопровождается общим снижением уровня образования и культуры населения. Разрушительно и симптоматично это отразилось на русском языке и речи наших сограждан. Помимо огромного количества англицизмов и лексического обеднения языка, наблюдается повальное засорение обиходной речи «уголовной» и нецензурной лексикой.

Не целесообразно искать истоки мата в зловредном наследии российской истории, в монгольском завоевании, тюркском или кипчакском влиянии на русский язык. Этимология русских матерных слов демонстрирует общеславянское родство и определённую связь с русской языческой культурой и традицией [3]. Присутствие ненормативной лексики фиксируется в древней Руси, по крайней мере, найдены берестяные грамоты с матерной лексикой [1]. Однако это доказывает только то, что грубость и бескультурье было всегда, так же, как и уголовные преступления. При этом воровство, тем более грабёж и убийство всегда пресекались и наказывались. Совсем иное мы наблюдаем по отношению к деградации современного русского языка и механизмов общественного контроля. В обывательской речи, с экранов телевизоров, со спортивных площадок, в молодёжной среде массово и открыто звучит матерщина. И это трагедия русской культуры и глубокий кризис современного общества, которые необходимо понимать и всеми возможными способами исправлять.

Очевидно, что национальный язык – это живая динамическая часть общества, такая же как экономика, политика и пр. Не вдаваясь в дискуссии о первичности, согласимся с утверждением, что на развитие языка влияет целый комплекс исторических, социокультурных, социобиологических и прочих факторов. К социокультурным причинам этого непосредственно относятся проблемы современного российского общества.

Основная причина связана с общественным кризисом, переоценкой советских ценностей и советского новояза, наступившего после развала СССР [2]. Эта ценностная дезориентация породила временный культурный и ценностный вакуум, который стремительно заняла мистика, оккультизм, «низкопоклонство перед Западом», легковесные майстримовские ориентиры и, в наибольшей степени, уголовщина. Огромное количество слов и понятий криминальной субкультуры заполонило разговорный язык и медийное пространство [5]. Агрессивная экспрессия, претензия на свободу и антиофициозная направленность придают уголовному жаргону высокую распространённость в маргинальных и подростковых группах, что объясняется социальной спецификой этих сообществ, построенных на агрессивной конкуренции. Как следствие, востребованность и популярность получают культурные агенты обслуживающие эти запросы от детективов, «стрелялок», похабного песенного репертуара групп «Сектор Газа» и «Ленинград» до движения «Арестантское уголовное единство».

Характерной и главной особенностью матерной лексики является глумление и осквернение высших общественных ценностей: материнство, любовь, отношение полов, дружба, личностный статус. При этом мат характеризует эти культурные ориентиры предельно уничижительно и агрессивно. Массовое употребление обценной лексики, таким образом, диагностирует национальный кризис ценностей и углубление общественных конфликтов. При этом использование мата является нормой именно в конфликтных социумах – криминал, девиации, маргиналы. Механизмы социального контроля (осуждение, устные замечания, стыд, совесть), которые традиционно пресекают в обществе такие прецеденты, не используются под страхом оскорбления или даже хулиганской расправы. Поэтому, только в сохраняющих традиционные общественные отношения российских регионах и областях (к примеру, Кавказ) пока ещё невозможно услышать обиходный мат, а редко встречающиеся случаи категорично пресекается.

В попытке дать рациональное обоснование широкому распространению мата, специалисты делают большой акцент на многочисленных социально-психологических факторах этого. В первую очередь выделяют стремление при помощи мата привлечь и удержать внимание аудитории. Эпатажные слова и агрессивные действия, лежащие в основе непристойных выражений, этому всемерно способствуют. По способу «эпатажной броскости» пошла в своём развитии фактически вся постсоветская эстрада и её многочисленные проявления (кэвээновщина, петросяновщина, Камеди-клуб и прочее), столь же востребованной криминальная вычурность является в рекламе и брендинге, от названия компании «ёбидоёби» до хамских слоганов BurgerKing. Естественным и поступательным этапом развития такого «творчества» в кино, спорте, шоу-бизнесе стало активное использование авторами и режиссёрами открытой обценной лексики, обильное включение в текст «запикивания» мата, «чтение слов по губам» (спортивные мероприятия, особенно футбольные матчи) или использование некоторых «декриминализованных» слов, тем самым заставляя нас мысленно произносить эту грязь. Не умея передать высокие переживания художественными средствами, авторы опускаются до вульгаризации, подменяя чувства грубыми эмоциями и страстями.

Помимо этого, очевидно, что особенности современного «клипового мышления» молодёжи ещё более способствуют распространению мата, т.к. это упрощает язык до эмоционально-знаковых символов, сводя его информационный потенциал до сигнальной системы. Это усугубляет и неумение передать информацию (высказать суть, мнение), имеющимися средствами языкознания, в чём уже проявляется низкий культурный уровень человека и аудитории. Очевидно, что массовое употребление мата у молодёжи является следствием нашей образовательной системы. Пресловутое ЕГЭ убило всё живое в дисциплинах русского языка и литературы, ориентируя тех, кто собирается получить хорошие баллы по этим дисциплинам на необходимое освоение заготовленного шаблона, а для остальной массы учащихся мертвячий тест. Умения выразить свои мысли, развёрнуто и стройно, ни один экзамен не требует! Уровень распространения мата в последнее время стал настолько высоким, а общественное отношение к нему толерантным, что многие молодые и маргинальные люди, матерные слова стали использовать как слова-паразиты и слова-связки вместо традиционных терминов («это», «значит», «вот», «хрен», «блин»).

Употреблению и широкому распространению матерщины способствуют лексические особенности русского языка, его «контекстуальная» структура. Огромное разнообразие синонимического ряда и лексических значений русского языка не только обогащают возможности говорящего, но и заставляют слушающего помимо анализа информативной части речи, ещё и чувствовать её суть, «быть в теме», интуитивно понимать или догадываться о смысле разговора, понимать подтекст. В социальных группах особого характера (подростки, маргиналы, профессиональные группы – военнослужащие, строители, моряки) контекст, помноженный на стремление повысить скорость передачи информации, приводит к использованию мата как субкультурной или профессиональной сигнальной системы, в которой негативная эмоциональность мата стирается повышенной частотой употребления слов (становится обыденной). Большую известность приобрела байка о повышении скорости

передачи информации в русской армии за счёт использования мата. Опыт реальных боевых действий эту байку опровергает.

Зачастую, объясняя использование мата, оппонент самодовольно отмечает, что во всех языках мира есть обценная лексика и ничего особенного русский мат не несёт. Однако необходимо учитывать, что в иностранных языках преимущественно критическому оцениванию подвергаются физические или низкие социальные критерии персоны (уничжающее оценивание). В русском языке эта «традиционная форма» уничижения не криминализована, хотя и не приветствуется, а в основе мата акцент делается именно на оскорбление личного достоинства (честь, статус). Симптоматично, но неоднократно уже замечено, особенно в странах ближнего зарубежья, что иностранцы стали использовать в своей речи слова русского мата, сохраняя его вызывающую броскость, но не воспринимая смысл за языковым незнанием.

Давно известно, что любая пошлость и хамство апеллируют к авторитетам. Так и матерящийся ссылается на пример великих людей, оправдывается подражанием, мнит себя достойным и уподобляет гениям, в творчестве которых подобные «творения» отыскать возможно. Однако, стоит учитывать, что ни А.С. Пушкин, ни С.А. Есенин, ни И.А. Бунин, ни В.С. Высоцкий такие свои «творения» не включали в собрание сочинений, хорошо понимая их маргинальный характер.

Исходя из известного гегелевского утверждения, что всё действительное разумно, можно предположить, что при определённых обстоятельствах и мат выполняет конструктивную роль. И это роль защитного психосоматического механизма вытеснения, что непосредственно связано с огромными травматическими и физическими переживаниями и стремлением их облегчить. Именно эти случаи использования мата многочисленно фиксируются в ходе боевых действий или при болевом пороге. Профессор-литературовед, участник Великой войны П.А. Николаев, так объяснял действенность этого мата для солдат: «... После каждой такой атаки во взводе погибала половина. И они выкрикивали мат. Они спасались этим, чтобы не сойти с ума. Есть мат, который священен» [3, с. 184]. О таком мате высказался и филолог Ю.М. Лотман: «Замысловатый, отборный мат – одно из важнейших средств, помогающих адаптироваться в сверхсложных условиях. Он имеет бесспорные признаки художественного творчества и вносит в быт игровой элемент, который психологически чрезвычайно облегчает переживание сверхтяжелых обстоятельств» [4, с. 14]. Действенность такого механизма прямо пропорциональна частоте употребления.

Современное обилие матерщины, её использование молодёжью приобрело статус «ценностного порога», пограничного рубежа между общественным «можно» и «нельзя». В рамках пресловутого окна Овертона, матерщинный дискурс и общественная толерантность к нему расширили границы социальной агрессии настолько, что следующая стадия допустимого обществом уничижения можно предположить уже будет с элементами физического воздействия, а вербальная грязь, бескультурие, хамство, публичное испражнение станет нормой и порядком вещей. Парадоксально, что даже президент В.В. Путин в мате глубокомысленно обнаружил только «часть нашего языка», хотя как раз таки должен был указать на то, что это языковые формы непристойности, антипод образования и воспитания. Очевидно, что чем больше антикультуры, тем меньше добра, меньше творческого

пространства, человек вместо того, чтобы звучать гордо, превращается в «членистоногое» существо.

По-моему, необходимо в кратчайшие сроки, во-первых, изменить положение КоАП РФ ст. 20.1 в определении «мелкого хулиганства» как «нарушения общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах», выделив формулировку «любое публичное употребление мата в общественных местах» как одно из проявлений мелкого хулиганства. Во-вторых, ввести административную ответственность за употребление и использование мата в любых коммуникативных ресурсах и каналах (теле-, радио-, сетевых ресурсах). В-третьих, проявлять нулевую толерантность и повышенную общественную нетерпимость к случаям употребления мата. В-четвёртых, преподавателям вести постоянную разъяснительную работу среди молодёжи по недопущению употребления мата. В-пятых, привлекать общественные организации (церковь, патриотические клубы, молодёжное движение) для создания культурных продуктов (листовки, плакаты, видеоролики) разъясняющих пагубность мата. В-шестых, в образовательной и воспитательной сфере всемерно развивать умение выражать свои мысли и чувства. Предлагать задания на развитие коммуникативных и лексических навыков (доклады, обсуждения, сочинения и пр.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // Вопросы языкознания. – 2006. – № 3. – С. 3–13.
2. Квасов О. Н. Русский язык как жертва революционных потрясений России // Интернационализация современного российского образования: материалы Международной научно-практической конференции. – Воронеж: ВГТА, 2010. – С. 107–109.
3. Ковалев Г. Ф. Русский мат как часть национального достоинства // Российский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10. – № 3. – С. 175–196.
4. Лотман Ю. М. Не-мемуары // Лотмановский сборник. – М., ИЦ-Гарант, 1995. – Вып. 1. – 739 с.
5. Снегов С. А. Язык, который ненавидит. – М., Проспект, 1992. – 224 с.

REFERENCES

1. Zaliznyak A. A., Yanin V. L. Birch bark letters from the Novgorod excavations in 2005 // Questions of linguistics. – 2006. – № 3. – Pp. 3–13.
2. Kvasov O. N. The Russian language as a victim of Russia's Revolutionary Upheavals // Internationalization of modern Russian education: proceedings of the International Scientific and Practical Conference. – Voronezh: VGTA, 2010. – Pp. 107–109.
3. Kovalev G. F. Russian mat as a part of national dignity // Russian Humanitarian Journal. – 2021. – Т. 10. – № 3. – Pp. 175–196.
4. Lotman Y. M. Non-memoirs // Lotman collection. – М., IC-Garant, 1995. – №. 1. – 739 p.
5. Snegov S. A. The language that hates. – М., Prospect, 1992. – 224 p.

БРЕМЯ ИМПЕРИИ И ПЕРЕКЛИЧКА ЭПОХ
THE BURDEN OF EMPIRE AND THE ROLL CALL OF THE EPOCHS

Чучупал В.В., старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет имени
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Chuchupal V.V., Senior Lecturer,

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В статье рассматриваются события начала Первой мировой войны. Подчеркивается схожесть происшедших тогда событий и современности, даётся анализ преимуществ и рисков поддержания имперского статуса России.

Abstract: This article examines the events of the beginning of World War I. It highlights the similarities between the events of that time and the present. It analyzes the advantages and risks of maintaining Russia's imperial status.

Ключевые слова: война, империя, агрессия, международная напряжённость, специальная военная операция.

Keywords: war, empire, aggression, international tension, special military operation.

Первая мировая война, или Великая война, длившаяся 4 года 3 месяца и 10 дней, явилась переломным моментом в судьбе не только России, но и всей человеческой цивилизации. В ней приняло участие 38 государств, расположенных на всех континентах планеты, с населением свыше 1,5 млрд. человек. В войска были мобилизованы 65 млн. человек, из которых 10 млн. осталось на полях сражений, еще более 20 млн. было ранено, отравлено газами и покалечено. За годы войны погибло около 7 млн. ни в чем не повинных мирных жителей.

Непосредственным поводом к войне послужило убийство в г. Сараево 28 июня 1914 г. австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда сербским студентом Гаврилой Принципом, членом тайной организации «Млада Босна», боровшейся за объединение всех южнославянских народов в одно государство. Сербские власти формально не были причастны к заговору, но не осудили убийство и даже не выразили соболезнования Габсбургам. Последние по договорённости с Германией, 10 (23) июля предъявили Сербии заведомо неприемлемый ультиматум., а когда истёк его срок, 15 (28) июля объявили ей войну и сразу же провели артиллерийский обстрел Белграда. После нападения на Сербию, выполняя негласные союзнические обязательства, Российская империя 17 (30) июля объявила всеобщую мобилизацию.

Германия на следующий день потребовала от России прекратить мобилизацию. Не получив ответа на ультиматум, Германия 19 июля (1 августа) объявила войну России, а 21 июля (3 августа) – Франции и Бельгии, отвергнувшей ультиматум о пропуске германских войск

через свою территорию. Великобритания потребовала от Германии сохранения нейтралитета Бельгии, но, получив отказ, 22 июля (4 августа) вместе со своими доминионами объявила войну Германии. 24 июля (6 августа) Австро-Венгрия объявила войну Российской империи.

Мотивы, побудившие крупные европейские державы начать масштабную войну так или иначе, связаны с их стремлением к геополитической и экономической гегемонии на континенте. Но какие цели ставила перед собой Россия, ввязываясь в это военное предприятие? На этот вопрос нет однозначного ответа. До сих пор не утихают споры о том, имела ли Россия шанс не ввязаться в войну, оставив, скажем, Сербию без поддержки? Или все равно была бы втянута в конфликт самым ходом событий или волею воюющих держав?

Для абсолютного большинства населения Российской империи война стала полнейшей неожиданностью и расценивалась как грандиозное стихийное бедствие и Божья кара за людские грехи. Из Высочайшего Манифеста о вступлении России в войну, подписанного Николаем II 20 июля (2 августа) 1914 г. народ узнал, что на родину напали Германия и Австро-Венгрия и нужно защищать свою землю и веру от врага, а также помочь «единокровным и единоверным» братьям-сербам. «Следуя историческим своим заветам, – говорилось в Манифесте, – Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для Державного государства требования» [1].

Кроме «братских чувств», поводом к объявлению войны стало и то, что «... ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение её среди Великих Державе». И в заключении обществу предлагалось: «В грозный час испытания да будут забыты, внутренние распри. Да укрепится ещё теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага».

Было ли ошибкой России борьба за «обиженную» Сербию в 1914 г., даже без оглядки на будущее? Стоило ли действительно жертвовать жизнями более миллиона молодых русских мужчин ради «обиженной» Сербии, даже в случае победы России в Великой войне. Сложный вопрос.

Влиятельная часть политической элиты России находилась в то время под влиянием идей «панславизма», объединения всех славянских народов под властью русского царя, восседавшего на престоле «Третьего Рима». И здесь важнейшая роль отводилась Сербии, как форпосту православия и российского влияния на Балканах и в Европе в целом. Панслависты грезили вековой мечтой: водрузить православный крест над Святой Софией в Константинополе и наконец-то получить контроль над Босфором и Дарданеллами. Это был не только «геополитический ход», но ещё и национальная идея, идущая со времён князя Игоря. В тот момент панславизм с его лозунгом защиты православных братьев был мощнейшей мобилизующей силой.

Все это согласовывалось с принципом великодержавности, или, как говорилось в Манифесте со стремлением «...оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди Великих Державе». Российская власть не могла допустить сокрушения Сербии без огромного ущерба для своего авторитета как в международном сообществе, так и внутри

страны. Она дорожила великодержавностью как главным признаком империи. Эта великодержавность может сохраняться и при смене государственного устройства и общественно-политического строя, недаром многие считают, что СССР был реинкарнацией Российской империи, а нынешняя Россия унаследовала постимперский принцип и готова его охранять.

Боязнь царского правительства потерять престиж и влияние в мире была вполне обоснованной. Ни для кого не было секретом, что Германия в конечном счёте хотела отбросить Россию на восток, отсечь Прибалтику, Украину, сделать её зависимой аграрной периферией, лишить её статуса великой державы, превратить в "Московию». План начальника генштаба немецкой армии в 1891-1905 гг. Шлиффена предусматривал быстрый разгром Франции наступлением через Бельгию, чтобы обойти основные французские силы, прежде чем «неповоротливая» Россия мобилизует свою армию. Затем следовало быстро перебросить войска и сокрушить Россию. Как выразился Вильгельм II, «завтрак у нас будет в Париже, а обед – в Санкт-Петербурге. Россия же, будучи великой державой, не могла ни отказаться от роли покровительницы славян, ни позволить превратить себя в сырьевой придаток, ни отказаться от геополитических амбиций. Так она оказалась в стратегической ловушке.

Могли ли о «единая вера», «кровь» и «братские чувства русского народа к славянам» воодушевить идущие на фронт полки, вчерашних крестьян, одетых в солдатские шинели? Могли, она очень непродолжительное время. В начале войны в российском обществе преобладали патриотические настроения: многие поддерживали вступление в конфликт ради защиты сербов и славянских народов на Балканах. Война рассматривалась как справедливое дело, временно сплотившее власть и народ. Окружение Николая II отмечало, что царь в те дни ощущал такое единение с народом, какого не было за все предыдущие. Патриотическая эйфория оказались фактором, во многом предопределившим вступление России в войну. Однако эти настроения существовали лишь в первые недели или месяцы войны, со временем оптимизм исчез из-за нехватки продовольствия, повышения цен, роста числа раненых и погибших. Это вызвало разочарование, оппозиционные силы начали требовать смены руководства страны, что в конечном итоге способствовало революционным событиям. Как вспоминал позже, основываясь на собственном опыте общения с солдатами, генерал А.А. Брусилов, «кто такие сербы, не знал почти никто», а уж почему немцы из-за Сербии вздумали воевать, «было совершенно непонятно». Вчерашние крестьяне, составлявшие более 80% российской армии, были уверены, что «аннексия» и «контрибуция» это какие-то города [2].

Не оправдались надежды и на единение царя и народа, солдат в окопе думал о выживании, а политики в столице рассуждал о том, как присоединить Константинополь, Белград или Армению. Эта чудовищная диспропорция между целями и средствами, между жизнями людей и кабинетными проектами, в конечном итоге и взорвала империю. Российская элита не смогла выступить в качестве цементирующего состава для общества. И ситуацией воспользовались отдельные политические силы, которые в итоге стали организаторами Февральской революции, что только ускорило центробежные процессы, приведшие к гражданской войне.

Сегодня просматривается целый ряд важных исторических аналогий между современным политическим положением и тем, что было более 100 лет назад. «В сущности, –

прямо утверждает исследователь Станислав Епифанцев, – ситуация в России сегодня во многом схожа с той, которая была в России сто лет назад. Да и исторические недоброжелатели все те же» [3]. Действительно, если подумать, то все пункты царского Манифеста от 20 июля 1914 г. присутствуют и сегодня – это и «обиженная страна», за которую надо «вступить» (Восточная Украина), и стремление России подтвердить свою субъектности среди великих держав, и желание властей достичь единения и сплочённости общества. Как и век назад, Россия вынуждена решать в новых условиях извечную для себя задачу: как сохранить своё лицо и отстоять свои национальные интересы пока ситуация в мире не вышла из-под контроля.

В настоящее время имперскостью, т.е. разрядом великой державы, несомненно, обладают США, Китай и вернувшая себе этот статус Россия, который она отстаивает в жестокой борьбе с коллективным Западом. Некоторые аналитики считают, что война в Украине не была бы возможна без имперского сознания россиян, которые смотрят на мир через призму былого или грядущего величия родной империи. В реальности Россия вновь поставлена перед угрозой самого своего существования. Высказывания и планы западных политиков и идеологов не оставляют в этом никаких сомнений и прекрасно показывают реальный уровень угроз. Никуда не уйти от того, что России необходимо быть сильной и сплочённой для того, чтобы отстоять исторические завоевания русской цивилизации. Ведь не один и не два англо-саксонских политика открытым текстом заявляли, что Россия должна поделиться своими богатствами и землями. Не нужно забывать, что сто лет назад это именно Германия объявила войну России, а не наоборот! Объявила, претендуя на восточные земли.

Новая геополитическая напряжённость и региональные конфликты также образуют параллели между ситуацией 1914 г. и современностью. Глобальная нестабильность, которая складывается сегодня из целого набора весьма тревожных тенденций, с каждым годом объективно усиливается. Первой мировой войне предшествовала серия, выражаясь современным языком, региональных и локальных конфликтов, в которых были задействованы интересы великих держав. Будущие главные действующие лица всемирной бойни напрямую не участвовали, но незримо или даже явно присутствовали за кулисами разворачивавшихся событий. Речь прежде всего идёт о балканских войнах. Относительно быстрый выход из упомянутых региональных конфликтов породил у правящих верхушек держав Антанты и Тройственного союза убеждённость в том, что ситуация находится под полным контролем и миру ничего серьёзного не угрожает.

Сегодня также подспудно происходит привыкание к войне, все больше и больше воспринимаемую как некое приложение к большой политике, в которую играют гроссмейстеры своего дела, что-то вроде заводной игрушки, которую можно включить, а потом выключить. Генсек НАТО Марк Рютте, не стесняясь, в открытую заявляет, что не позднее 2030 г. Запад начнёт полномасштабную «горячую» войну с Россией (якобы в порядке «самообороны»). Настроения в современной Европе все больше напоминают те, которые царили перед Первой мировой войной, заявил вице-премьер Сербии Александр Вулин. «В Европе сейчас настроения, напоминающие те, что были перед Первой мировой. Перед каждой мировой войной появляется некая фобия – тогда это была сербофобия, перед второй мировой – антисемитизм, сейчас – русофобия», – сказал он» [4].

Как показывает опыт истории, взаимная неприязнь, нетерпимость, отсутствие должного чувства ответственности, головокружение от вседозволенности и мнимого ощущения всемогущества, личная амбициозность правящих элит зачастую перевешивают доводы здравого смысла и даже естественное чувство страха. Канун первой мировой войны – наглядное тому подтверждение.

Несправедливые условия мира после Первой мировой войны заложили почву для Второй мировой. В современной политике это служит предостережением о том, что игнорирование интересов проигравших сторон ведёт к реваншизму. Была холодная война, которая, безусловно, и у нас, и на Западе воспринималась как третья мировая. Произошёл не просто некий абстрактный «развал Советского Союза», а поражение в войне, Советский союз её проиграл, проиграл вчистую. Результатом этого поражения, как и результатом поражения в любой большой войне, коллективное чувство унижения, стыда и антизападных претензий за бескровное поражение («величайшую геополитическую трагедию XX века», говоря словами В.В. Путина). Политика национального достоинства это то, что все ждали. Быть может, не до конца ещё стряхнут пепел прошлых унижений и предательств, быть может в обществе ещё достаточно любителей разменять интересы страны и народа на потребительское благополучие, но, тем не менее факт, что патриотизм в России на подъёме. Несмотря на сильнейшее давление Запада, россияне сплотились, и это усиливает сходство с кануном первой мировой войны.

Аналитики обращают внимание и на такую параллель как использование в первой мировой войне новых видов оружия танки, авиация, пулемёты, заграждения из колючей проволоки, что сделало войну позиционной и затяжной. Начиная с первой мировой новые технологии делали пребывание солдата на открытой местности равносильным гибели или тяжкому увечью: бойцы выбираются из окопа – и тут дальнобойная тяжёлая артиллерия стреляет навесным огнём, пулемёт делает 600 выстрелов в минуту – меняется ситуация на поле боя.

Эта проблема, возникшая именно в первую мировую за счёт новых технологий, актуальна и сегодня при проведении СВО, где в основном упор делается как на воздушные средства разведки и поражения, так и на наземные. Эта трансформация изменила саму логику фронта. Пространства между позициями расширяются, формируя так называемую «серую зону», где невозможно закрепиться без устойчивой логистики. Но именно логистика становится слабым звеном – прежде всего из-за доминирования беспилотников в «малом небе». За счёт дронов увеличивается так называемая серая зона, где невозможно понять, чья это территория. При превосходстве противника в малом небе невозможно обеспечить логистику, потому что вся логистика либо с помощью бойцов, либо с помощью беспилотников. При таком плотном огне солдат просто не может прожить достаточно, чтобы дойти до противника и нанести ему ущерб, именно поэтому захлёбываются контрнаступления. Поэтому, как ни удивительно, что политологи пишут о возвращении к первой мировой. Смотришь на фотографии с фронта, – пишет один из военкоров, – и не понимаешь, где ничья земля между окопами противников, ставишь рядом фотографию времён Первой мировой и не понимаешь, где какая. Так обнаруживается визуальное сходство между позиционной войной начала XX века и современными конфликтами, где артиллерийские обстрелы и окопы создают

идентичный «лунный пейзаж» ничьей земли. Это указывает на возвращение к тактике изматывания и окопному противостоянию, напоминающему первую мировую войну.

«Надо знать прошлое, чтобы понимать настоящее и предвидеть будущее», – предупреждал В.Г. Белинский [6]. И если не извлечь уроки из исторического прошлого, то итог сегодня может быть плачевный для страны и народа. Следует ещё раз напомнить, что сто лет назад никто из серьёзных политиков не верил в саму возможность мировой войны, но она разразилась, перевернув все устои того мира и навязав ему свою логику. Тот урок не должен остаться уделом лишь историков. Ситуация не изменится, пока власти России наконец не осознают, что величие государства состоит не в его огромной территории и военно-политическом влиянии в мире, а в обеспечении для всех россиян высокого жизненного уровня, соответствующего нашим огромным природным и людским богатствам. Ведь жизнь каждому из нас даётся только один раз, хочется провести её достойно, не страдая от комплексов и «детской болезни» имперскости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный исторический архив. – Ф.1329. – Оп.1. – Д. 1005. – Л.250–250об.
2. Брусилов А.А. Воспоминания. – М., Воениздат, 1963. – С.204.
3. Епифанцев С. Уроки Первой мировой войны и современная Россия / Портал Русский век и современная Россия. – URL: https://ruvek.mid.ru/publications/uroki_pervoy_mirovoy_voyny_i_sovremennaya_rossiya_9359/ (дата обращения: 20.04.2026 г.).
4. Семко А. Вулин: «Настроения в Европе напоминают атмосферу перед Первой мировой войной» // Аргументы и факты. Федеральный выпуск. – 14 июля 2024.
5. Широгородов С. Образ Первой мировой войны в кино. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1ZUEZblWnSA> (дата обращения: 20.04.2026 г.).
6. Белинский В. Г. Письма (1841-1848) // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. – Том XII. – М., 1956. – 259 с.

REFERENCES

1. Russian State Historical Archive. – F. 1329. – Op. 1. – D. 1005. – L. 250–250ob.
2. Brusilov A. A. Memoirs. – M., Voenizdat, 1963. – P. 204.
3. Epifantsev S. The Lessons of World War I and Modern Russia / Portal "Russian Century and Modern Russia". – URL: https://ruvek.mid.ru/publications/uroki_pervoy_mirovoy_voyny_i_sovremennaya_rossiya_9359/ (date of application: 04/20/2026)
4. Semko A. Vulin: «The Sentiment in Europe Reminiscent of the Atmosphere Before World War I» // Arguments and Facts. Federal Edition. – 14 July 2024.
5. Shirogorova S. The Image of the First World War in Cinema. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1ZUEZblWnSA> (date of application: 04/20/2026)
6. Belinsky V. G. Letters (1841-1848) // Belinsky V. G. Complete Works. – Volume XII. – Moscow, 1956. – 259p.

ОСНОВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ МИРОВОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ THE MAIN TOOLS OF THE WORLD HYBRID WAR

Ксенофонт В.А., кандидат философских наук, доцент
УО «Военная академия Республики Беларусь», Минск, Беларусь

Ksenofontov V.A., PhD (Philosophy), Associate Professor
Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Аннотация: В условиях нарастания невоенного и военного насилия в международных отношениях приоритетное внимание уделяется системе национальной безопасности. Мировая гибридная война является фактором социального бытия человечества. Показаны сущность и особенности основных инструментов мировой гибридной войны. Сделан вывод о важности научного понимания геополитики, формирования мировоззренческого суверенитета, уточнения приоритетов развития военной сферы национальной безопасности.

Abstract: With both non-military and military violence escalating in international relations, priority attention is being given to the national security system. Global hybrid warfare is a factor in the social fabric of humanity. The nature and characteristics of the main instruments of global hybrid warfare are demonstrated. A conclusion is drawn regarding the importance of a scientific understanding of geopolitics, the development of ideological sovereignty, and the clarification of priorities for the development of the military sphere of national security.

Ключевые слова: Союзное государство, международные отношения, геополитика, мировая гибридная война, информационная война, прокси-война, «цветная революция», национальная безопасность, мировоззренческий суверенитет.

Keywords: Union state, international relations, geopolitics, global hybrid war, information war, proxy war, «color revolution», national security, ideological sovereignty.

Проблема обеспечения национальной безопасности (НБ), исключения из социального бытия больших и малых военных конфликтов стала особенно актуальной. Современные тенденции развития военного насилия в мире становятся угрозой существованию всего человечества. В текущем столетии на планете не было ни одного дня без военного насилия, в настоящее время ведется свыше 50 «горячих» военных конфликтов, а четверть населения планеты проживает либо в зонах военных конфликтов, либо рядом с ними. Кроме того, насилие как невоенное, так и военное постоянно модифицируется, «гибридизируется», включает инновационные способы слома воли противоположной стороны и ее подчинения стране-агрессору. Безусловно, важнейшей целью всех социальных наук должно быть обеспечение мирных условий развития социума и обеспечение НБ. Не постигнув знаний геополитики, сущности и содержания современного военного конфликта, достижение такой цели становится проблематичным. Поэтому, руководствуясь диалектической методологией,

для обеспечения мирных условий развития социума важно понимать формы, содержание и технологии современной войны. Такой подход позволит выстроить защитные механизмы от насильственных действий социальной системе (государству).

Для достижения политических целей в современном военном конфликте предполагается применение не только военной силы и средств, но и комплекс невоенных средств, форм и способов. В нынешних условиях соотношение невоенных и военных мер ведения военных операций определяется как 75% к 25% [9, с. 317]. Анализ военного насилия и его крайней формы войны является необходимым условием развития системы НБ. Без философского осмысления законов современной войны, принципов и технологий её ведения достижение военной безопасности как ключевой компоненты НБ не научно. Особое значение приобретает понимание философии мировой гибридной войны (МГВ) как нового военного мировоззрения [2, с. 7].

По мнению А.А. Бартоша, под МГВ понимается «многомерный междивизиационный военный конфликт, в ходе которого стороны прибегают к целенаправленному адаптивному применению как военно-силовых, так и несиловых форм и способов противоборства, включая экономическое удушение противника, развязывание войн чужими руками, использование подрывных информационно-психологических и кибертехнологий» [2, с. 56]. В широком понимании её смысл заключается «в борьбе за влияние и доступ к ресурсам в Большой Евразии, на Большом Среднем Востоке, в Африке и Латинской Америке – в противовес конкуренции за технологическое лидерство между Западом и Востоком в предыдущие годы» [2, с. 56]. В рамках противоборства с Россией и Китаем МГВ – это основной инструмент хаотизации Большой Евразии. В узком понимании смысл МГВ, ведущейся США и их союзниками – ликвидация российской государственности, дробление страны на части и перевод их под внешнее управление. Эта деструктивная стратегия непосредственно касается и Союзного государства. Следовательно, понимание стратегии и инструментов МГВ является жизненно необходимым условием обеспечения безопасности Беларуси и России. Как отмечает аналитик А.А. Бартош: «Стратегия МГВ включает в себя искусство комбинировать подготовку к войне и последовательное воздействие на административно-политическую, финансово-экономическую, военную и культурно-мировоззренческую сферы противника для достижения цели войны. Стратегия решает вопросы, связанные с использованием для победы над врагом как вооружённых сил, так и всех ресурсов страны» [2, с. 7].

Отметим, что МГВ относится к неклассическому типу военного насилия, в котором военная сила не является основным средством подавления и подчинения воли противоположной стороны. Военная сила не исключается из противоборства, а выступает своеобразной страховкой достижения целей насилия. *Основными инструментами МГВ* выступают: информационно-психологическая (когнитивная) и прокси-война, технологии «цветных революций» при одновременном системном воздействии на экономику противника [2, с. 185]. *Стратегия МГВ* преследует цель – оккупация ментального пространства противника, его изоляция, истощение и развал государства путём нанесения ему поражения во всех сферах – административно-политической, идеологической, экономической, военной и дипломатической. В определённой степени можно сравнить стратегию МГВ со стратегией *системной войны*, которая была разработана американскими аналитиками в прошлом веке для

борьбы с СССР в «холодной войне», когда государство противника представляло собой сложную систему, а «воздействие» осуществлялось по наиболее уязвимым элементам системы для её разрушения. Это очередной виток диалектической спирали межгосударственного противоборства применительно к ведущейся геополитической борьбе.

Кратко покажем основные инструменты МГВ. *Информационная сфера* и непримиримая борьба в ней социальных субъектов – это объективная реальность современности. В социальной сфере в XXI веке окончательно сформировалось новое явление, определяемое термином «информационное противоборство», ведущееся в информационном пространстве. В данном контексте обычно употребляются понятия «информационная война», «информационная борьба», «психологическая война», «когнитивная война», «консциентальная война» и ряд других.

Применительно к международным военно-политическим отношениям информационное противоборство становится важнейшим компонентом достижения стратегических целей в геополитическом противостоянии. В терминологии НАТО обычно используется термин «когнитивная война», которая ведётся против Союзного государства. На наш взгляд, более точно охарактеризовать содержание противоборства в информационной сфере позволяет ментальная война [6].

Деструктивное информационно-психологическое воздействие на личность, общество и государство постоянно совершенствуется, вырабатываются новые механизмы манипулирования массовым сознанием. Закономерно, что информация сегодня обладает свойствами оружия, а результаты её применения часто сравнимы с результатами военных конфликтов. Используется термин «информационное оружие», под которым, по мнению В.К. Новикова, понимается «совокупность информационных средств, технологий и веществ, а также специальных способов (методов), для скрытого (по возможности) насильственного воздействия на информационно-технические и информационно-психологические объекты противника (противоборствующей стороны) с целью достижения поставленных целей и решения задач информационной войны» [8, с. 68]. Информационное противоборство включает две составляющие: информационно-техническую и информационно-психологическую. Ведётся между государствами не только в военное время, но и в мирное, ведётся явно и скрытно в защиту собственных интересов, за зоны политического влияния, за рынки сбыта, за спорную территорию, за укрепление оборонной сферы.

Особый статус информационного противоборства в том, что *информация* – основа власти, подчинения и управления. Управление информационными ресурсами – решающий фактор завоевания, сохранения и удержания власти. Следовательно, эффективность работы всех подсистем НБ государства зависит от знания законов современной информационной войны и рационального управления информационными ресурсами, обеспечения собственной информационной безопасности.

Информационная война выступает важной компонентой не только МГВ, но и «цветной революции», представляя собой способ воздействия на информационное пространство противостоящей стороны для достижения стратегических целей за счёт хаотизации ключевых сфер деятельности социума: административно-государственного (политического) управления, культурно-мировоззренческой, социально-экономической. Главное внимание в

информационной войне уделяется разрушению философской и методологической культуры в обществе государства-противника, оккупации его ментального пространства, разрушению системы национальных ценностей и интересов, внедрению ложных смыслов социального бытия. Закономерно, что на государственном уровне принята Концепция информационной безопасности Республики Беларусь.

Тип *прокси-войны* имеет достаточно широкое распространение в военно-политической сфере. Термин *проху* означает «полномочие», «доверенность», «представитель». В условиях существования ядерного оружия мировые лидеры предпочитают противоборствовать не напрямую, а по доверенности через своих агентов [3, с. 11]. Данный тип конфликта точно определяет А.А. Бартош, который пишет, что прокси-война – это «международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь своих собственных целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьей страны под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в этой третьей стране» [3, с. 61].

Прокси-война занимает особое место в деятельности консолидированного Запада, которая направлена на разрушение и раздел России, а в перспективе и Китая. С военно-стратегической точки зрения данный тип насилия касается и Беларуси как составной части Союзного государства. Дело в том, что США и их союзники по НАТО не стремятся к прямому военному противоборству против неугодных им государств, поэтому в западных стратегиях ставка делается на опосредованную войну, позволяющую продвигать интересы как самих США, так и их партнёров «чужими руками». Прокси-война способствует истощению геополитического противника, создаёт ему не только комплекс внутренних, но и массу внешних проблем, подрывает его авторитет на международной арене. Развитию форм и способов противоборства, которые базируются на стратегии МГВ и её инструментов [2, с. 7] способствуют современные тенденции мировой политики. Специальная военная операция является явным примером прокси-войны. Методологические основы прокси-войны раскрыты в одноимённой монографии А.А. Бартоша [3]. *Смысл прокси-войны* заключается в попытке достичь заинтересованным государством собственных стратегических целей посредством провоцирования и поддержки военных действий между двумя и более сторонами на территории страны-жертвы. Конечная цель этой войны может быть разной и включать: 1) ослабление и разрушение государства-жертвы с последующим его переводом в целом или части под внешнее управление; 2) создание существенной, нередко, экзистенциальной угрозы третьему государству, чья безопасность, экономика и политика в значительной мере зависят от стабильности страны-жертвы прокси-войны и развитием с ней дружеских партнерских или союзнических отношений [3, с. 86].

В перспективе роль и частота использования гибридных и прокси-войн будут возрастать при непрерывном ведении ментальной войны и экономическом воздействии на Союзное государство, Китай объединённого Запада при сохранении в нем лидирующей роли США. Стратегия НБ США, принятая в ноябре 2025 года тому явное подтверждение.

«Цветные революции» стали одной из глобальных проблем современности. «Цветная революция» или «бархатная революция» является сетцентрической операцией, цель которой – смещение существующих политических режимов в той или иной стране [1, с. 44]. В её основе лежат методы «ненасильственной борьбы», разработанные Дж. Шарпом в 1980-х гг. (это

американский продукт, одна из сетевых технологий). Идея «цветной революции» заключается в получении полного контроля над государством и его территорией, по возможности, без использования вооружённого насилия. Это достигается на основании применения «softpower», так называемой «мягкой силы» [1, с. 45].

США сегодня используют новейшую сетевую технологию контроля и управления международным сообществом. В «сетевых войнах» результат достигается с помощью «социальных сетей», с помощью самого общества, в котором выделяется сегмент, где определенным образом формируется общественное мнение, направленное против действующего режима. За «цветной революцией», в случае её неуспеха или полууспеха, следуют попытки использования более жёстких сценариев, которые, в конечном счете, в зависимости от срочности, могут закончиться силовыми операциями. Если десувверинизация государства не состоялась или оказалась смазанной по достигнутому эффекту, это значит, что это проба сил перед предстоящим более жёстким сценарием, финал которого при любом раскладе известен.

Как отмечают эксперты, главными целями победы над государством – геополитическим противником путём применения внутреннего переворота являются: ослабление государства – конкурента; смена политического курса с национально ориентированного на прозападный; взятие под контроль ресурсов государства с применением технологии «управляемого хаоса» [4, с. 8].

В геополитическом противоборстве активно используются стратегии непрямых действий и «мягкой силы», а их инструментом выступают «цветные революции», которые осуществляются поэтапно:

в *первую* очередь, дестабилизируется социально-политическая и экономическая система, путём создания масштабного системного кризиса и погружения её в состояние «управляемого хаоса», что делает правящую элиту враждебной страны и связанный с ней политический режим уязвимым для внешнего давления; создаётся подконтрольный внешним силам «центр влияния» в лице оппозиции, наращиваемый противодействию правящему режиму вплоть до вооружённой борьбы;

на *втором* этапе главное направление геополитического воздействия агрессора заключается в создании условий «управляемого хаоса» внутри трансформируемой государственной системы с целью формирования аттрактора, представляющего собой оппозиционный центр, способный взять на себя управление страной при смене власти;

на *третьем* этапе геополитического наступления агрессор сосредотачивает усилия на формировании новой государственной системы в стране-жертве с опорой на оппозиционные политические силы как основы будущего государственного устройства;

на *четвёртом* этапе геополитического захвата территории агрессор решает задачу упрочения государственных институтов подконтрольной страны за счёт формирования, обучения, оснащения силовых и административных структур государства-жертвы. В результате страна оказывается под контролем «внешних системных связей», обеспечивающих ее включение на правах подчинённого элемента в экономическую, финансовую, политическую, военную, научно-техническую и информационно-культурную сферы агрессора и находящихся под его влиянием международных организаций. Общая

результативность воздействия значительно выше, нежели при прямом межгосударственном противоборстве [10, с. 50].

Таким образом, «цветная революция» – это процесс подготовки и смены правящего режима государства посредством ненасильственных выступлений граждан при поддержке и в интересах оппозиционных доморощенных элит, а также внешнего международного актора. Он направлен на создание иллюзии легитимности решений и действий, принятых под давлением толп и маскирующих силовую нелегальную деятельность иностранных резидентов, а также предательство национальных интересов внутригосударственными элитарными группами [1, с. 119]. Подчеркнём, что «цветные революции» инициируются в тех регионах, которые попадают в сферу влияния ведущих геополитических игроков.

Таким образом, в условиях нарастания насильственных практик в международных отношениях, изменения военно-политической и военно-стратегической обстановки в целях обеспечения НБ важно уяснить современные и перспективные способы невоенного и военного насилия на социальные системы, являющиеся инструментом непрекращающейся геополитической борьбы [1]. Решение проблемы защиты от МГВ и её составляющих требует адаптации систем НБ и её военной компоненты к вызовам и угрозам нового типа. Существенный потенциал обеспечения НБ кроется в формировании научного знания о современной геополитике и технологиях (инструментах) контроля различных типов пространства. Важным представляется формирование ментальной безопасности и мировоззренческого суверенитета на основе нового качества социально-гуманитарного образования, отвечающего национальным традициям, ценностям и интересам.

Исходя из научного понимания перспектив геополитической борьбы, военного и других типов насилия как её инструмента, стоит уточнить приоритеты развития системы НБ, военной организации государства и её основного компонента – Вооружённых Сил. В интересах военно-политической практики важно осуществить своеобразный синтез существующих (возможных) типов военных конфликтов в единую Концепцию и на этой основе выстраивать системное противодействие им.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненков В. И., Баранов С. Н., Моисеев В. Ф., Хархалуп С. С. Сетевые аспекты геополитические и военно-политические аспекты современности; под общ. ред. проф. В. И. Анненкова. – М.: РУСАВИА, 2013. – 496 с.
2. Бартош А. А. Мировая гибридная война. – М.: Горячая линия – Телеком, 2023. – 544 с.
3. Бартош А. А. Прокси-война. – М.: Горячая линия – Телеком, 2023. – 256 с.
4. Брычков А. С., Никоноров, Г. А. Цветные революции в России: возможность и действительность // Вестник АВН. – 2017. – № 3. – С. 4–9.
5. Ильницкий А. М. Стратегия гегемона – стратегия войны // Военная мысль. – 2023. – № 6. – С. 18–36.
6. Ксенофонтов В. А. Ментальная безопасность государства // Труды БГТУ. – Сер. 6. – История, философия. – 2022. – № 2 (263). – С. 108–113.
7. Наумов А. О. «Цветные революции». – М.: «Кучково поле», 2023. – 496 с.

8. Новиков В. К. «Дранг нах Остен» – сценарии информационных войн в действии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Горячая линия – Телеком, 2021. – 344 с.
9. Прологомены когнитивной безопасности: коллект. моногр. Под ред. И. Ф. Кефели. – СПб.: ИД «Петрополис», 2023. – 488 с.
10. Ремарчук В. Н. Разрушение современной государственности посредством «социальных технологий» // Вестник АВН. – 2017. – № 2. – С. 46–51.

REFERENCES

1. Annenkov V. I., Baranov S. N., Moiseev V. F., Kharkhalup S. S. Network-centrism: geopolitical and military-political aspects of modernity; edited by prof. V. I. Annenkov. – М.: RUSAVIA. 2013. – 496 p.
2. Bartosh A. A. World hybrid war. – М.: Goryachayaliniya – Telecom, 2023. – 544 p.
3. Bartosh A. A. Proxy war. – М.: Goryachayaliniya – Telecom, 2023. – 256 p.
4. Brychkov A. S., Nikonorov G. A. Color revolutions in Russia: possibility and reality // Vestnik AVN. – 2017. – No. 3. – Pp. 4–9.
5. Ilnitsky A. M. Hegemon's strategy – war strategy // Military thought. – 2023. – No. 6. – Pp. 18–36.
6. Ksenofontov V. A. Mental security of the state // Proceedings of BSTU. Series 6, History, Philosophy. – 2022. – No. 2 (263). – Pp. 108–113.
7. Naumov A. O. «Color revolutions». – М.: «Kuchkovo pole», 2023. – 496 p.
8. Novikov V. K. «Drang nach Osten» – Scenarios of information wars in action. – 2nd ed., revised and enlarged. – М.: Goryachayaliniya – Telecom, 2021. – 344p.
9. Prolegomena to cognitive security: collected monograph. Ed. by I. F. Kefeli. – St. Petersburg: ID «Petropolis», 2023. – 488 p.
10. Remarchuk V. N. Destruction of modern statehood through «social technologies» // Vestnik AVN. – 2017. – No. 2. – Pp. 46–51.

**КОНСТРУИРОВАНИЕ НАРРАТИВА «ВНУТРЕННЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ»: АНАЛИЗ
СЕПАРАТИСТСКИХ ПРОЕКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ**
CONSTRUCTING THE NARRATIVE OF «INTERNAL COLONIZATION»: AN ANALYSIS
OF SEPARATIST PROJECTS IN CENTRAL RUSSIA

Сергеев С.С., аспирант

ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Sergeev S.S., postgraduate student

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: Среди актуальных угроз современного российского общества выделяется проблема сепаратизма, обозначаемая иностранными акторами термином «деколонизация». В рамках статьи проводится анализ проектов, работающих в ЦФО: основные площадки, методы работы, спикеры и связи с другими движениями. В завершение даётся оценка деятельности и угроз со стороны «деколонизаторов».

Abstract: Among the current threats to modern Russian society, the problem of separatism stands out, which is referred to by foreign actors as "decolonization." This article analyzes projects operating in the Central Federal District, including their main platforms, methods, speakers, and connections with other movements. Finally, it provides an assessment of the activities and threats posed by the "decolonizers."

Ключевые слова: ЦФО, Москва, «деколонизация», сепаратизм.

Keywords: Central Federal District, Moscow, "decolonization", separatism.

На протяжении многих веков на территории современных Московской, Тверской, Ярославской, Костромской, Ивановской, Владимирской, Рязанской, Калужской, Брянской, Орловской, Курской областей кристаллизовалась великорусская (русская) культура и идентичность.

Этот факт сформировал особое восприятие ЦФО как духовного ядра России с важнейшими символическими объектами и местами. В ЦФО зарегистрировано 41 030 недвижимых объектов культурного наследия, что составляет около 27% культурного наследия России [9]. Центральный федеральный округ является лидером по количеству православных обителей – здесь расположено более 30% всех российских святых мест, включая знаменитую Троице-Сергиеву лавру в Сергиевом Посаде.

Стержневую роль округа подтверждают и социально-экономические показатели. В ЦФО проживает 40 миллионов человек или около 36,5% населения страны [12]. Крупнейшими городами округа являются Москва, Воронеж, Ярославль, Рязань и Липецк.

Округ осуществляет значительный вклад в экономику Российской Федерации. Около 35% всего ВВП страны производится в ЦФО. Экономическими лидерами ЦФО являются

Москва и Московская область. Их доля в структуре ВРП ЦФО составляет около 73,7% [10]. Доля обрабатывающего производства составляет 35,3%, производство и распределение газа, воды и электроэнергии – 31,2%, объем продукции сельского хозяйства – 25% [10].

Центральный федеральный округ формирует этническое ядро России. ЦФО является самым этнически однородным федеральным округом России. Доля русского населения максимальна во всех областях. Средневзвешенная доля русских от всех указавших национальность составляет 94,2%. Регионами с наиболее выраженной этнической однородностью являются Брянская и Орловская области, где доля русского населения составляет 96-98%.

Отдельно выделим статус ЦФО как административного центра страны. Именно здесь находятся основные федеральные органы власти - Президент, Правительство, Федеральное Собрание и т.д. Уникальной особенностью ЦФО является однородность административно-территориального устройства (округ состоит исключительно из областей и одного города федерального значения) и максимальная плотность федеральных институтов.

Совокупность вышеобозначенных фактов предопределила статус ЦФО как основного объекта для атак со стороны «деколонизаторов». Главной мишенью символической демонизации стала Москва, которая в сепаратистских нарративах превратилась в персонализированный образ «центра», реализующего эксплуататорскую политику в регионах.

После 2022 г. стали возникать сепаратистские проекты, направленные на области ЦФО. Большинство из них маргинальны, однако в сочетании с элементами региональной идентичности, общим оппозиционным нарративом и поддержкой из-за рубежа они могут масштабировать свою аудиторию.

В качестве ведущего метода работы «деколонизаторы» избрали культивирование региональной идентичности. Особый упор делается на Смоленскую, Курскую, Брянскую и Белгородскую области.

Отметим, что в Центральном федеральном округе нарратив деколонизации представлен слабее, чем в национальных республиках Поволжья, Кавказа, СЗФО или Дальнего Востока. Основной фокус движения сосредотачивается на жителях Москвы и крупных областных центров. В свою очередь, этническая гомогенность регионов делает требование собственного независимого государства крайне непопулярным лозунгом, из-за чего основной упор делается на продвижение идеи о том, что области ЦФО сами являются колонизированными Москвой регионами. В связи с этим реальное число субъектов, продвигающих сепаратистские нарративы в Центральном федеральном округе, не сводится к отдельным регионалистским проектам.

Регионалистские движения ЦФО

Наиболее успешные сепаратистские проекты в Центральном федеральном округе охватывают Смоленскую, Курскую, Брянскую и Белгородскую области. И если в Смоленской области конструируется образ «Смоленской республики» как независимого государства или потенциальной части будущей «свободной Беларуси», то на территории Курской, Брянской и Белгородской областей планируется создание государства «Северия»**.

Проект «Северия»

Согласно формируемому мифу, жители современных Курской, Брянской и Белгородской областей являются потомками северюков – древнеславянского коренного народа, старше на века, чем вятичи (так как вятичи были частью северского народа), а также потомками древнего восточнославянского племени северян, одного из племенных союзов Древней Руси. Их земли располагались в бассейнах рек Десны, Сейма и Сулы – на территории современных Украины и России. Центром северян в ранний период был Чернигов, который стал одним из важнейших политических и культурных центров Руси.

Среди основных каналов проекта выделим: «Движение Северский край»**, «Стародубская земля Северии (Брянск)»**, «История Северского края»**, Политическая партия «Свобода Нации Северии»**.

Лидером движения является Власов Дмитрий Александрович* – участник боевых действий в рядах ВСУ, создатель и популяризатор ряда общественно-информационных проектов. С мая по июль 2024 г. он проходил курсы в Университете свободных народов. Запущенный в ноябре 2023 г. по инициативе организации украинских националистов, «университет» стал местом изучения сепаратистского опыта и подготовки российских «деколонизаторов».

Проект «Смоленская республика»

В отличие от абсолютно искусственного проекта «Северии»**, смоленский сепаратизм имеет длительную интеллектуальную и историческую традицию, уходящую корнями ко временам Великого Княжества Литовского и к научным изысканиям конца XIX – начала XX в.

На сегодняшний день проект представлен рядом академических и медийных персон, сетью каналов в социальных сетях, радиостанцией, YouTube-каналом** и каналом в ТикТок**.

Ведущими ресурсами смоленских сепаратистов являются «Беларуская Смаленшчына»**, «Смоленская Республика (СмаленскаяРэспубліка)»**, «Харун Вадим Сидоров»** и YouTube-канал «Беларуская Смоленщина!»** с суммарной аудиторией около 8,5 тыс. человек.

Медийными лидерами движения можно назвать Владислава Живицу* – бывшего депутата Смоленской областной думы. В 2022 г. он осудил СВО и бежал в Польшу, откуда транслировал сепаратистский нарратив о существовании «балтославянской нации», занимался организаторской работой (в частности, в рамках «Смоленского республиканского комитета»**), а также поддерживал создание «Псковского республиканского центра (ПРЦ)»**. Вторым лидером является Вадим (Харун) Сидоров* – выходец из русско-армянской семьи, бежавшей из Азербайджана. Изначально Сидоров* примкнул к русским националистам, позднее принял ислам и в настоящее время занимается смоленским регионализмом, участвуя в форумах «Свободных государств Пост-России»** и занимаясь активной медийной деятельностью.

Ещё одним лицом смоленского сепаратизма является Алексей Александрович Барановский* – представитель «Смоленского республиканского центра» и пресс-секретарь политического крыла неонацистской группировки «Легион Свобода России»**.

Медийные проводники

Особенности «деколонизаторского» дискурса в ЦФО, когда, с одной стороны, на области округа возлагают ответственность за колониализм, а с другой – стремятся навязать роль первой «жертвы» Москвы, формируют большое количество проводников их смыслов.

Так, оппозиционные издания Meduza**, «Новая Газета Европа»***, «SOTA»*** публиковали материалы о необходимости перераспределения власти внутри Федерации и принятия ответственности за колониальную политику. Пересекаются указанные издания с сепаратистами и по матрице терминов: «империя», «колониализм», «Баймакское дело», «деколонизация» и др. Они же зачастую освещают деятельность сепаратистских площадок. Например, «SOTA»*** посвятила ряд публикаций деятельности сепаратистской комиссии в ПАСЕ, а «Новая Газета Европа»*** предоставляла площадку для выступлений сепаратистам.

Параллельно с этим все «деколонизаторские» проекты закономерно транслируют русофобские мифы и демонизируют Москву. «О Смоленске начинают говорить не как о рядовом регионе РФ, а как о сердце утраченной европейской цивилизации, которую Москва старалась стереть из памяти». Текст такого содержания опубликовал «Антиимперский блок народов». «Дотации» же являются основным рычагом зависимости колоний от московской (русской) метрополии. «В этом положение нацреспублик и так называемых „русских“ регионов одинаково», – пишет «Форум свободных народов Пост-России»**. «Эту империю точнее было бы называть не „русской“, а московской, поскольку именно в Москве сосредоточены все рычаги власти», – пишет «деколонизаторский» портал, ориентированный на сепаратистские проекты Северо-Запада России [7].

Таким образом, помимо самих регионалистских движений, на ЦФО воздействуют и «медийные проводники», прямо или косвенно продвигающие их идеологемы.

Поддержка из-за рубежа

Значение иностранной поддержки для развития указанных проектов сложно переоценить. Маргинальное положение лишает их практически любой возможности пополнения кадрами и ресурсами с территории России. Основной рекрутинг происходит среди эмигрантов. За границей же проходит институционализация движения. Например, уже упоминавшееся радио «Свободный Смоленск»** и YouTube-канал «Беларуская Смоленщина!»** ведут свою работу из Польши.

Участники движения регулярно посещают форумы свободных государств Пост-России**. Так, Вадим (Харун)* Сидоров принимал участие в качестве спикера или слушателя в 15 встречах указанной структуры, а также посещал Европарламент в рамках деятельности ФНП. Аналогичную активность мы можем увидеть у Владислава Живицы*.

Кроме того, указанным деятелям регулярно предоставляются площадки для выступлений в европейских СМИ (NGE, Idel.Realii**, Carnegie, RFE/RL, ABN, Polskie Radio) и академических изданиях.

Отдельное внимание стоит уделить «Университету свободных народов»**, запущенного в ноябре 2023 г. по инициативе организации украинских националистов. Ядром преподавательского состава являются украинские специалисты в области исследований сепаратистских движений, юристы, политологи, экономисты, медиаэксперты. На данный момент известно, что обучение там проходил Власов Д.А.* [11].

Ключевыми конструктами в сепаратистской идеологии выступают мотивы «имперского центра», «внутренней колонизации» и «узурпации ресурсов». Согласно данной логике, административное и экономическое преобладание Москвы подаётся как механизм изъятия ресурсов в пользу столичного региона [4]. При этом даже преимущественно русские области ЦФО (Воронежская, Курская, Рязанская и др.) описываются как «колонизированные территории», чья политическая субъектность ограничивается централизованным управлением [8]. Особое внимание уделяется попыткам возложить на ЦФО ответственность за системные проблемы страны от демографического неравенства до инфраструктурных перекосов.

Историческая роль центра переформатируется и вместо «собирателя земель» центральные регионы превращаются в «эксплуататора» и «источник напряжения». Такая риторика активно тиражируется в зарубежных медиа и на интеллектуальных площадках: на портале region.expert, на YouTube-канале «После империи», в изданиях Meduza*** и «Новая газета Европа»***.

Важно отметить, что данные нарративы не опираются на широкую внутреннюю поддержку. Их аудитория ограничивается кругом читателей СМИ, а институционализация происходит в эмигрантской среде. Внутри страны идеи «деимпериализации» и «Московской республики» не имеют устойчивой организационной базы.

Отдельно отметим, что попытка «перекодировать» русское население ЦФО в смолян, рязанцев и северян на основе мельчайших этнографических различий и предвзятой интерпретации событий прошлого является классическим методом, отработанным на Украине и активно реализуемым не только в ЦФО, но и в СЗФО.

Основными каналами распространения деколонизаторских нарративов в Центральном федеральном округе являются мессенджер Telegram, видеохостинг YouTube и оппозиционные сетевые медиа, функционирующие преимущественно за пределами РФ. Интеграция этих платформ строится на использовании локальных информационных поводов и урбанистических конфликтов, которые интерпретируются через тезисы о «внутренней колонизации». Ключевую роль в трансляции данных смыслов играют «медийные проводники» – издания Meduza***, «Новая газета Европа»***, портал region.expert, проекты «После империи»** и «Свободная Смоленщина»**.

Их медийная работа предполагает адаптацию идеологии под восприятие неспециализированной публики. Стремясь повысить актуальность своего контента, сепаратисты освещают проблемы общественного транспорта, РЖД и областной инфраструктуры [2].

«Деколонизаторы» стремятся политизировать существующие социо-экономические проблемы, что снижает порог критического восприятия информации. Активно используются геймифицированные форматы и псевдоисторические реконструкции, призванные легитимировать требования автономии. Организационная поддержка обеспечивается внешними площадками – «Университетом свободных народов» и «форумами свободных государств Пост-России»** [6].

Вместе с тем, у обозначенных проектов отсутствует единая стратегия или общие темы для отработки, при этом их активность носит стабильный характер.

Так, передача «Говорит Смоленск»** ведёт регулярные трансляции с приглашёнными экспертами (Павел Мезерный*, Алексей Барановский*, Павел Богданов* и др.), а сами сепаратисты ЦФО регулярно выступают на сторонних площадках [6]. Сама информационная работа носит характер регулярной реакции на происходящие в регионах события. Например, «Радио Свободный Смоленск»** активно комментировало празднования Дня единения России и Беларуси, интерпретируя происходящее с точки зрения собственного мировоззрения [3].

Активную реакцию вызвал факт внесения председателя «Смоленского республиканского центра»** Владислава Живицы* в список террористов и экстремистов, что интерпретировалось как репрессии со стороны «Москвы» [1].

Важным инфоповодом, укрепившим позиции «деколонизаторов», стала ситуация с забоем скота в Сибири в начале 2026 года. На события отреагировали все наиболее крупные информационные ресурсы «деколонизаторов». Так, лидер башкирских националистов Руслан Габбасов* призвал жителей Новосибирской области к массовым беспорядкам и вооружённому сопротивлению. Отметим, что сам Башкортостан подвергся информационной атаке со стороны ряда сепаратистских ресурсов, распространявших фейки о реализации в республике карантинных мер. Аналогичным информационным атакам со стороны сепаратистов подверглись Республика Якутия и Чувашия.

Уничтожение скота в Новосибирской области и на Алтае интерпретируется как проявление колониального отношения Москвы к регионам.

На данный момент можно констатировать, что имеющиеся регионалистские проекты не обладают достаточным влиянием для дестабилизации ЦФО. Их аудитория ограничена, а сами проекты не генерируют повестку, а ограничиваются реакцией на происходящие события.

Наибольшую угрозу регионалисты могут представлять в случае интенсификации поддержки из-за рубежа и/или реальной заинтересованности со стороны иностранных разведок. Например, указанные проекты могут намеренно раскручиваться СБУ перед вторжением в регион, чтобы сформировать группу лояльных активистов или завербовать добровольных помощников для разведывательной и диверсионной работы.

Несмотря на ограниченный потенциал регионалистов ЦФО, сформированный крупными оппозиционными и «деколонизаторскими» ресурсами миф, в основе которого лежит идея о колонизаторской сущности «Москвы», находит свою аудиторию. Наибольшего эффекта он достигает в сочетании с политизацией социально-экономических проблем.

*лицо, внесённое Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов.

**Организация признана террористической и запрещена в РФ.

*** признан(а) нежелательной организацией в РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В перечень террористов и экстремистов внесли уроженца Бурятии // Телеграмм канал «Люди Байкала». – URL: https://t.me/Baikal_People/13349 (дата обращения: 01.04.2026).
2. В смоленских соцсетях обсуждают очередной инцидент в общественном транспорте // Телеграмм канал «Смоленская Республика (СмаленскаяРэспубліка)». – URL:

<https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Ft.me%2Fsmalandia%2F2476&utf=1> (дата обращения: 01.04.2026).

3. «Единение» под конвоем: почему настоящий праздник Смоленска еще впереди // Радио Свободный Смоленск. – URL: <https://t.me/smalandia/2510> (дата обращения: 01.04.2026).

4. За лесом от Киева, или Великороссия // Регион. Эксперт. – URL: <https://region.expert/velikorossia/> (дата обращения: 01.04.2026).

5. Ингрия будет свободной // Телеграмм канал «Смоленская Республика». – URL: <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Ft.me%2Fsmalandia%2F2508&utf=1> (дата обращения: 01.04.2026).

6. На канале «Беларуская Смоленщина» поговорили с Артёмом Тарасовым – уроженцем Пскова и основателем Псковского республиканского центра // Телеграмм канал «Антиимперский Блок Народов». – URL: https://t.me/ABN_Freedom_for_Nations/16236 (дата обращения: 01.04.2026).

7. Не «русские против нерусских», а регионализм против империи // Регион. Эксперт. – URL: <https://region.expert/contract/> (дата обращения: 01.04.2026).

8. Не «русские против нерусских», а регионализм против империи // Регион. Эксперт. – URL: <https://region.expert/contract/> (дата обращения: 01.04.2026).

9. Николай Чернышев: о работе по сохранению памятников в регионах на примере ЦФО, сотрудничестве органов госохраны с АУИПИК и зарубежной модели сохранения наследия // Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры. – URL: <https://auipik.ru/news/nikolaj-chernyshev-o-rabote-po-soxraneniyu-pamyatnikov-v-regionax-na-primere-cfo-sotrudnichestve-organov-gosoxrany-s-auipik-i-zarubezhnoj-modeli-soxraneniya-naslediya/> (дата обращения: 01.04.2026).

10. Обзор: Центральный федеральный округ // Данные Московской области. – URL: <https://mosregdata.ru/article/obzor-cfo> (дата обращения: 01.04.2026).

11. Публичный Представитель Северского Края // Свобода Нации Северии. – URL: <https://svoboda-natio-severia.jimdofree.com/%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%80-%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%B8/> (дата обращения: 01.04.2026).

12. Центральный ФО // Деловая Россия. – URL: <https://deloros.ru/regiony/tsentralnyy/> (дата обращения: 01.04.2026).

REFERENCES

1. A native of Buryatia was added to the list of terrorists and extremists // Telegram channel "People of Baikal". – URL: https://t.me/Baikal_People/13349 (date of access: 01.04.2026).

2. Another incident in public transport is being discussed in Smolensk social networks // Telegram Channel Smolenskaya Respublika (Smolenskaya Republic). – URL: <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Ft.me%2Fsmalandia%2F2476&utf=1> (date of access: 01.04.2026).

3. "Unity" under escort: why the real holiday of Smolensk is still ahead // Radio Svobodny Smolensk. – URL: <https://t.me/smalandia/2510> (date of access: 1.04.2026). – Text: electronic.

4. Beyond the forest from Kiev, or Great Russia // Region. The expert. – URL: <https://region.expert/velikorossia/> (date of access: 01.04.2026).
5. Ingria will be free // Telegram channel "Smolenskaya Respublika". – URL: <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Ft.me%2Fsmalandia%2F2508&utf=1> (date of access: 01.04.2026).
6. On the BelarusskayaSmolenshina channel, we talked with Artyom Tarasov, a native of Pskov and the founder of the Pskov Republican Center // Telegram channel "Anti-Imperial Block of Peoples". – URL: https://t.me/ABN_Freedom_for_Nations/16236 (date of access: 01.04.2026).
7. Not "Russians against non-Russians", but regionalism against empire // Region. The expert. – URL: <https://region.expert/contract/> (date of access: 01.04.2026).
8. Not "Russians against non-Russians", but regionalism against empire // Region. The expert. – URL: <https://region.expert/contract/> (date of access: 01.04.2026).
9. Nikolay Chernyshev: on the work on the preservation of monuments in the regions on the example of the Central Federal District, the cooperation of state security agencies with the AIPIC and the foreign model of heritage conservation // Agency for the Management and Use of Historical and Cultural Monuments. – URL: <https://auiplik.ru/news/nikolaj-chernyshev-o-rabote-po-soxraneniyu-pamyatnikov-v-regionax-na-primere-cfo-sotrudnichestve-organov-gosoxrany-s-auiplik-i-zarubezhnoj-modeli-soxraneniya-naslediya/> (date of access: 01.04.2026).
10. Overview: Central Federal District // Data of the Moscow region. – URL: <https://mosregdata.ru/article/obzor-cfo> (date of access: 01.04.2026).
11. Public Representative OfThe Seversky Region // Freedom of the Nation of Seversky. – URL: <https://svoboda-natio-severia.jimdofree.com/%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%80-%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%B8/> (date of access: 01.04.2026).
12. Central Federal District // Business Russia. – URL: <https://deloros.ru/regiony/tsentralnyy/> (date of access: 01.04.2026).

**К ВОПРОСУ О ДЕСТРУКТИВНОСТИ КАК ЧЕРТЕ ЛИЧНОСТИ. ВЗГЛЯД
ЧЕРЕЗ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКУЮ ПРИЗМУ НА ГЛУБИННЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ФЕНОМЕНА АГРЕССИИ**

**ON THE QUESTION OF DESTRUCTIVENESS AS A PERSONALITY TRAIT. A
PSYCHOANALYTIC LOOK AT THE DEEP MECHANISMS OF
THE PHENOMENON OF AGRESSION**

Семьнина Е.В., преподаватель

Semynina E.V., teacher

Удодова А.С., студент

Udodova A.S., student

ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: в нашей статье рассматривается такой важный аффект, как агрессия, проявляющаяся в деструктивных влечениях человека, в чертах личности. Прежде всего, внимание направлено на само понятие агрессии. Через призму разных психологических направлений рассмотрены различные взгляды известных психологов, занимающихся исследованием данного феномена. Разграничены понятия агрессии, агрессивности, злости (как эмоции), ненависти. Рассмотрены категории агрессии, причины, внимание направлено как на психологические, так и на биологические (нейрофизиологические исследования). Особое внимание уделено исследованию аффекта через призму психоаналитического дискурса.

Abstract: this article examines the important affect of aggression, which manifests itself in destructive human drives and personality traits. Focus is primarily on the concept of aggression itself. Through the lens of various psychological approaches, the various views of renowned psychologists studying this phenomenon are examined. The concepts of aggression, aggressiveness, anger (as an emotion), and hatred are distinguished. The categories and causes of aggression are examined, focusing on both psychological and biological (neurophysiological) research. Particular attention is paid to the study of affect through the lens of psychoanalytic discourse.

Ключевые слова: аффект агрессии, деструктивность как черта личности, категории агрессии, социальные причины насилия, модель поведения, деструктивные импульсы субъекта, психоаналитическая теория, дегуманизация, врождённая сила влечения.

Keywords: affect of aggression, destructiveness as a personality trait, categories of aggression, social causes of violence, behavior model, destructive impulses of the subject, psychoanalytic theory, dehumanization, innate force of attraction.

Реалии современного мира диктуют нам свои условия, в которых человеку, находящемуся в постоянном стрессе, тревоге и неизвестности, приходится искать опору

внутри себя, чтобы справиться с ощущением небезопасности внешнего мира. Опора внутри себя, – возникает вопрос: о каких качествах, способностях можем мы говорить? Если «мир небезопасен, агрессивен», как избежать так называемого феномена «заражения», о котором З. Фрейд говорил в работе «Массовая психология и анализ Я», и не пойти за массами, окунувшись с головой в аффект агрессивности [8, с. 69]. «Масса производит на индивида впечатление неограниченной силы и непобедимой опасности. Она на одно мгновение становится на место всего человеческого общества, являющегося носителем авторитета, чьих наказаний боятся, в угоду которому накладывают на себя столько задержек. Иногда опасно находиться в противоречии с ней и, наоборот, безопасно следовать окружающим примерам и, если нужно, то даже «выть по-волчьи» [8, с. 80].

Итак, агрессия.

Прежде чем использовать какое-либо определение, стоит внести ясность в суть его значения. Для этого рассмотрим интерпретации авторов разных психологических направлений и сведём понятие агрессии к единому знаменателю, насколько это возможно.

Известный психолог Альберт Басс рассматривал агрессию как любое поведение, содержащее угрозу или приносящее вред (ущерб) другому [1]. Определение Басса подчёркивает поведенческий уровень – то, что можно наблюдать и измерить.

Леонард Берковитц, в свою очередь, считал, что для того, чтобы действия характеризовались как агрессивные, они должны содержать в себе намерение обиды или оскорбления, а не просто приводить к таким последствиям [2]. Берковитц акцентирует на намерении, делает разграничение важным для права и морали: умысел отличает преднамеренные акты от последствий случайного поведения. В психологии это важно для понимания, например, мести (умышленная) и импульсивного всплеска ярости.

По Зильманну агрессия есть попытка нанесения другим телесных или физических повреждений [3, с. 6]. Это определение направлено на физическую агрессию, но многие современные исследования подчёркивают значимость невербальной и реляционной агрессии (буллинг, социальная изоляция), которые по Зильманну формулировке выпадут из поля внимания.

Агрессия – деструктивное поведение, противоречащее нормам (правилам) сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевлённым и неодушевлённым), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт [5, с. 16].

Агрессию стоит рассматривать как модель поведения, а не как негативную эмоцию, мотив или установку. Эти факторы могут присутствовать, но не являются обязательными сопровождающими агрессивных актов.

Итак, важным моментом в агрессивном поведении является его намеренность. Эмоция «злость» и агрессивный акт – разные уровни. Человек может испытывать злость, но не действовать агрессивно, и наоборот, агрессивный акт может совершаться «механически», без явной переживаемой злости.

Ненависть не всегда является патологической: в качестве ответа на объективную, реальную опасность физического или психологического разрушения, угрозу выживания себя или тех, кого человек любит, она может быть нормальной производной ярости, направленной

на устранение этой опасности. Но бессознательные мотивации обычно вторгаются в данный процесс и приводят к усилению ненависти, как в случае желания мести [4, с. 37].

Помимо оскорблений действием, такие проявления, как выставление кого-либо в невыгодном свете, очернение или публичное осмеяние, лишение чего-либо необходимого и даже отказ в любви и нежности могут при определённых обстоятельствах быть названы агрессивными. В семьях и школах реляционная агрессия часто травмирует дольше и глубже, чем одиночные физические эпизоды, она направлена на разрушение социальных связей и статуса человека.

А. Басс определял следующие концептуальные рамки (три шкалы) – агрессия может быть: физическая – вербальная, активная – пассивная, прямая – непрямая.

ТИП АГРЕССИИ	ПРИМЕРЫ
Физическая—активная—прямая	Нанесение другому человеку ударов холодным оружием, избиение или ранение при помощи огнестрельного оружия.
Физическая—активная—непрямая	Закладка мин-ловушек; сговор с наемным убийцей с целью уничтожения врага.
Физическая—пассивная—прямая	Стремление физически не позволить другому человеку достичь желаемой цели или заняться желаемой деятельностью (например, сидячая демонстрация).
Физическая—пассивная—непрямая	Отказ от выполнения необходимых задач (например, отказ освободить территорию во время сидячей демонстрации).
Вербальная—активная—прямая	Словесное оскорбление или унижение другого человека.
Вербальная—активная—непрямая	Распространение злой клеветы или сплетен о другом человеке.
Вербальная—пассивная—прямая	Отказ разговаривать с другим человеком, отвечать на его вопросы и т. д.
Вербальная—пассивная—непрямая	Отказ дать определенные словесные пояснения или объяснения (например, отказ высказаться в защиту человека, которого незаслуженно критикуют).

Рисунок 1 – Категории агрессии по Бассу [1].

Эрих Фромм различал:

- доброкачественную агрессию (реактивную, связанную с животным началом);
- злокачественную агрессию (специфически человеческую, самоцельную).

«Доброкачественная» служит самозащите, достижению целей (подобно защитному гневу), «злокачественная» – агрессия ради агрессии (наслаждение властью, унижением). Фромм поднимает этический вопрос: когда агрессия перестаёт быть адаптивной.

А Р. Уэлдер отрицал связь агрессии с влечениями, считая её вторичной по отношению к фрустрации. Он акцентирует причинно-следственный путь «внешняя фрустрация – агрессия», противопоставляя теориям, где агрессия – внутренний инстинкт. Это важно для интерпретации социальных причин насилия (бедность, лишения).

Среди причин возникновения агрессии определяю такие, как:

- врождённые побуждения и задатки;
- потребности, активируемые внешними стимулами;

- познавательные и эмоциональные процессы;
- актуальные социальные условия в сочетании с предшествующим научением.

Нейрофизиологические исследования показывают, что агрессивность контролируется разными участками мозга: стимуляция одних зон (латеральный гипоталамус, центральное серое вещество) усиливает гнев и агрессивное поведение, тогда как раздражение других препятствует их возникновению [9, с. 101].

Перечислены факторы на разных уровнях – биологическом, психическом и социокультурном. Важно рассматривать их как взаимодействующие – ни один фактор не действует в изоляции.

Обратимся к психоаналитическим взглядам на деструктивные импульсы субъекта.

Агрессия представляет собой одну из фундаментальных психических сил, изучаемых в психоанализе. Это сложное явление, включающее как деструктивные, так и конструктивные аспекты человеческой психики.

С клинической точки зрения основное аффективное состояние, запускающее агрессию в переносе, – ярость. Раздражение – слабо выраженный агрессивный аффект, сигнализирующий о потенциале реакций ярости и в хронической форме проявляющийся как раздражительность. Злость интенсивнее раздражения, но более дифференцирована по когнитивному содержанию и объектным отношениям [7, с. 10].

Теоретические основы в психоаналитическом дискурсе опираются прежде всего на положения, разработанные «отцом психоанализа» З. Фрейдом.

Он рассматривал агрессию как врожденную силу влечения, наряду с либидо и выделял два основных вида влечений:

- Эрос (влечение (к) жизни).
- Танатос (влечение (к) смерти), где агрессия является проявлением танатоса, направленного вовне.

«Мы исходили из коренной противоположности между влечениями к жизни и смерти. Сама любовь к объекту показывает нам другую такую же полярность между любовью (нежностью) и ненавистью (агрессивностью)» [6, с. 22].

Фрейд использовал концепт танатоса как гипотетическую тенденцию к возврату, в этом ключе агрессия – дегенерация связей и направленное разрушение (иногда – защищающее себя от внутреннего распада). Современные интерпретации часто воспринимают танатос как метафору для процессов самодеструкции и отчуждения.

Мелани Кляйн также внесла значительный вклад в понимание ранней детской агрессии. Она выделила: Позицию параноидно-шизоидную и Позицию депрессивную.

Кляйн утверждала, что агрессия является неотъемлемой частью психического развития и присутствует с самого рождения. В параноидно-шизоидной позиции младенец делит объекты на «хорошие» и «плохие», направляя агрессивность на «плохой» объект. В депрессивной позиции происходит осознание единства объекта и переживание вины, что приводит к стремлению к репарации. Это объясняет, почему ранние фазы развития формируют способности к интеграции агрессии.

Уилфред Бион рассматривал агрессию как важный элемент психического роста. По его мнению, агрессивные импульсы способствуют: обработке опыта, формированию мышления и развитию психики.

Жак Лакан анализировал агрессию через призму психоаналитической теории желания. Он подчёркивал, что агрессивные проявления тесно связаны с Желанием, Отказом и Символическим порядком. Агрессия может возникать в местах разрыва между желанием индивида и теми символическими возможностями, которые даёт общество. Агрессивный акт – попытка вновь занять место в символическом поле другого.

А.И. Куликов, (психоаналитик, психиатр) в докладе «Очарование зла» рассматривает деструктивность из понятий культуры. «Добро и зло – это понятие культуры. Репрезентация абсолютного зла, где функция дезобъектализации, то есть уничтожение субъективности любого объекта, является отражением влечения к смерти. Там, где мы говорим о страстных чувствах, эмоциональности подключается компонент либидо, эротический компонент. Ключевая мысль – «зло» конструируется культурно. Дезобъектализация (обращение человека в «враг-вещь») служит идеологической и эмоциональной подложкой для оправдания насилия.

Влечение к смерти – это распад связей, и для того, чтобы этот внутренний распад, внутренняя атака влечений на самих себя нас не разрушила окончательно, часть этих влечений выводится вовне (так же, как внутренние продукты процессов жизнедеятельности мы выводим из себя).

Метафора «выведения» влечений наружу – объясняет, почему агрессия может быть функцией самосохранения: направляя разрушительную энергию на внешний объект, субъект удерживает внутренний распад под контролем. Это помогает понять парадокс: агрессия как защита от самоуничтожения.

Анна Фрейд обнаружила, что описанное Фрейдом адаптивное поведение может использоваться – и часто используется – с целью защиты и представляет собой один из важнейших защитных механизмов. Она назвала его защитным механизмом «идентификации с агрессором» [10, с. 36].

Андрэ Гринн говорит о том, что «насилие прежде всего рождается из чувства беспомощности, из безнадежности и отчаяния, и мы оказываемся перед парадоксом: чтобы уничтожить отчаяние и чувство безнадежности, нам следовало бы уничтожить себя. В конфликте эти чувства отчаяния, ненависти, беспомощности притягиваются в противоположном направлении, наоборот, желанием выжить, желанием реагировать, которое ведёт в этот момент к проявлению агрессии, агрессии на другого».

Акцент на парадоксе – агрессия как реакция на экзистенциальную угрозу. Чувство бессилия побуждает к действию. Акт агрессии направлен не просто на другого, а на восстановление ощущения контроля и существования субъекта.

Здесь начинают раскрываться такие понятия как Объектализация и дезобъектализация. Объект, который важен для субъекта важен из-за того, что он обладает чем-то единственным, уникальным, незаменимым – это объект для инвестиций. Именно это делает его важным, уникальным и незаменимым. Когда происходит обесценивание объекта – это уже означает что этот объект стоит другого он чередующийся он заменяемый. Эти конфликты не разрешимы.

Дезобъектализация – психологическое превращение человека в «вещь», лишённую внутренней жизни. Механизм часто сопровождается деперсонализацией и дегуманизацией в межгрупповых конфликтах. Примеры: военная пропаганда («враг – не человек»), бытовые ситуации унижения (систематическое «стирание» личности партнёра).

В психоаналитической теории выделяются следующие механизмы формирования агрессивного поведения:

- проекция агрессивных импульсов,
- интроекция деструктивных объектов,
- смещение агрессии,
- сублимация агрессивных импульсов.

«Аффекты, которые мы наблюдаем в психоаналитической ситуации, не только всегда обладают когнитивным содержанием, но – и это, я думаю, ключевая находка – всегда также имеют аспект объектных отношений; т.е. они выражают отношение между аспектом 'Я' пациента и аспектом той или иной из объект-репрезентаций» [4, с. 22].

Если обратиться к представителям такого направления в психоанализе, как ориентированных на объектные отношения, интересна мысль Д.С. Рождественского, который склоняется к пониманию агрессии как энергетического катексиса действия, направленного на преобразование. Эта позиция перекликается с взглядами Шпица и Д. Винникотта.

Термин «катексис» означает направленность либидо/энергии на объект или действие. Видение агрессии как катексиса подчёркивает не только разрушительный, но и трансформирующий потенциал – агрессия может ломать старое, чтобы создать новое.

Здесь можно выделить такие ключевые тезисы, как:

1. Любая попытка преобразования носит агрессивный характер.
2. Агрессия – это энергетическая мера, а не обязательно деструктивный импульс.
3. В межличностных отношениях агрессия направлена на изменение динамики взаимодействия.

Восприятие агрессии как «избыточной» субъективно: то, что кажется чрезмерным одному, для другого может быть оправданным.

Итак, различные исследователи предлагали свои интерпретации по этому вопросу:

- З. Фрейд (итоговое мнение) – агрессия как первичный позыв;
- Д. Стерн – вторичная реакция на фрустрацию;
- Р. Фейрберн – ответ на угрозу Я как ядра личности;
- Х. Когут – производная нарциссической уязвимости;
- Д. Винникотт – «жизненный аппетит», способ освоения реальности;
- Р. Шпиц – энергетическая мера действия.

Перечисленные позиции не взаимоисключающие – они представляют разные уровни объяснения: биологический, интрапсихический, реляционный и культурный.

Для исследования деструктивности как черты личности важно разделять:

- 1) предрасположенность (черта),
- 2) триггерные обстоятельства (ситуация),
- 3) способы выражения (форма агрессии),
- 4) последствия (социальные и психические).

Агрессия является сложным психоаналитическим феноменом, требующим глубокого понимания её природы и механизмов формирования. Эффективная работа с агрессией предполагает комплексный подход, учитывающий как теоретические основы психоанализа, так и практические техники работы с данным феноменом. Понимание агрессии с позиции психоаналитической теории позволяет не только лучше осознать природу данного явления, но и разработать эффективные стратегии работы с агрессивными проявлениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басс А. Г. Психология агрессии // Вопросы психологии. – 1967.– № 3.– 307 с.
2. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль: лучший в мире учебник по психологии агрессии. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 510 с.
3. Зильманн Д. Враждебность и агрессия, 2006. – С. 223.
4. Кернберг О. Ф. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. – М.: Изд-во Класс, 1998. – 360 с.
5. Психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – М.: Прайм-Еврознак, 2003. – 672 с.
6. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. – М.: Фоли, 2013. – 110 с.
7. Фрейд З., Зиммель Г. Анатомия ненависти. Человек как враг. – М.: Родина, 2023. – 239 с.
8. Фрейд З. Вопрос общества и происхождение религии // Психология масс и Анализ Я. – М.: ООО «Фирма СТД», 2007. – 606 с.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Издательство АСТ, 2009. – 803 с.
10. Шпиц Р.А. Психоанализ раннего детского возраста. – М.: Канон, Реабилитация, 2015. – 159 с.

REFERENCES

1. Bass A. G. Psychology of Aggression // Voprosy psikhologii. – 1967. – No. 3. – 307 p.
2. Berkowitz L. Aggression: Causes, Consequences, and Control: The World's Best Textbook on the Psychology of Aggression. – St. Petersburg: Prime-EVROZNAK, 2007. – 510 c.
3. Zillmann D. Hostility and Aggression, 2006. – P. 223.
4. Kernberg O. F. Aggression in Personality Disorders and Perversions – M.: Klass Publishing House, 1998. – 360 p.
5. Psychological Dictionary / Ed. V. P. Zinchenko, B. G. Meshcheryakov. – M.: Prime-Euroznak, 2003. – 672 p.
6. Freud Z. Beyond the Pleasure Principle. – M.: Foley, 2013. – 110 p.
7. Freud Z., Simmel G. The Anatomy of Hatred. Man as an Enemy. – M.: Rodina Publishing House, 2023. – 239 p.
8. Freud Z. The Question of Society and the Origin of Religion // Mass Psychology and Analysis of the Self. – M.: Firma STD, 2007. – 606 p.
9. Fromm E. The Anatomy of Human Destructiveness. – M.: ACT Publishing House, 2009. – 803 p.
10. Spitz R. A. Psychoanalysis of Early Childhood. – M.: Canon, Rehabilitation, 2015. – 159 p.

**АРХЕТИП ТЕНИ И ЕГО РАЗВИТИЕ ПРИМЕНИТЕЛЬНО
К ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКАМ**
THE SHADOW ARCHETYPE AND ITS DEVELOPMENT IN RELATION
TO PSYCHOTHERAPEUTIC AND EDUCATIONAL PRACTICES

Кандыбина Е.Л., кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Kandybina E.L., Candidate of Filological Sciences, Associate Professor
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: В статье автор проводит строгий научный анализ, касающийся условий организации и осуществления терапевтической деятельности. Несмотря на заявленную проблематику совмещения психотерапевтических и просветительских идей, последние рассматриваются в их неразрывной связи с концепцией К.Г. Юнга. Выше обозначенные предикаты человеческого существования мыслятся в аспекте противопоставления таких юнгианских понятий как «самость» и «тень», из чего можно сделать весьма обоснованный вывод о том, что как терапия в отдельности, так и организация психотерапевтических мероприятий в высшей школе – это два неотъемлемых процесса индивидуации современного человека.

Abstract: In the article, the author conducts a rigorous scientific analysis concerning the techniques of organization and implementation of psychotherapeutic activities, considering the latter in parallel with educational and self-educational functions. The author sees this process as a synthesis of scientific studies taken from the Jungian branch of sand psychotherapy in their combination with various academic intellectual traditions of the West and East. The above-mentioned predicates of human existence are thought of in terms of contrasting such Jungian concepts as "self" and "shadow", from which we can make a very reasonable conclusion that both psychotherapy separately and the organization of psychotherapeutic events in higher education are two integral processes of individualization of a modern person connected to a rather serious academic traditions of modern society.

Ключевые слова: смысл бытия, терапия, образовательный процесс, юнгианская психология, тень, самость, психотерапия.

Keywords: the meaning of being, psychotherapy, educational process, Jungian psychology, shadow, self, psychotherapy.

На сегодняшний день остро встаёт вопрос о том, какие пути возможны в процессе работы над психологическими проблемами. В данной статье мы будем рассматривать пути разрешения психологических проблем в контексте юнгианской песочной терапии. Для этой

цели следует раскрыть смысл таких понятий как **«архетип»** и **«самость»**, которые позволяют наиболее полно понять, как же устроена и сама терапия, и сам образовательный процесс в том числе. Вот что по этому поводу пишет основатель аналитической психологии К.Г. Юнг: **«архетип в себе <...> есть невообразимый фактор, некая предрасположенность, которая в какой-то момент развития человеческого духа начинает действовать и располагать содержание сознания в определённые узоры»** [5, с. 257]. А так же: **«психологическая самость определяется как психическая целостность индивидуума. Символом самости может стать все, что человек полагает более целостным нежели он сам. Поэтому символ самости далеко не всегда обладает именно такой целостностью, какая предусматривается психологическим определением»** [5, с. 271].

Следует отметить тот факт, что **«современный человек живёт под гнётом массовой культуры, которая ориентирована на безликость, косность мышления, бессознательность»** [1, с. 5]. При этом, **«в антропологии Юнга, человек – становящееся, развивающееся существо, проходящее в течение жизни определённые «уроки», усваивая которые он, наконец, получает возможность стать самим собой, обретая собственную индивидуальность»** [4, с. 3].

Архетип **«Тени»** – один из ключевых конструкторов в системе К.Г. Юнга. Это бессознательная часть психики, которая аккумулирует подавленные, отвергаемые, не признаваемые человеком черты характера, эмоции, мотивы. В тень уходит всё, что не соответствует сознательному представлению о себе, расходится с социальными нормами. Следует отметить, что тень содержит и положительные качества личности, которые могут быть присвоены в процессе индивидуации. Именно поэтому взаимодействие с тенью, как правило, насыщает энергией.

Тень может проявляться как в коллективном бессознательном (общем для всего человечества психическом наследии), так и в индивидуальном бессознательном каждого человека. По мнению Юнга, тень формируется в процессе развития личности. Индивид приходит в мир бессознательным, но по мере его развития формируется и укрепляется сфера сознания и от него отделяются две части: Персона, социальная маска, именно её он демонстрирует миру, и Тень, то есть всё, что не принимается и отвергается сознанием. Но К.Г. Юнг утверждал, что Тень – это природное свойство личности. Он полагал, что тем, «менее осознана тень, тем она сильнее и плотнее». По мере развития личности в процессе терапии человек может осознавать и интегрировать части своей тени.

Песочная терапия является одним из методов работы с тенью. В процессе создания песочных композиций клиент может неосознанно воплощать теневые элементы своей личности через выбор фигур, работы с песочным пространством, выбор цветовой гаммы. Например, использование **«страшных»** фигур (чудовищ, отрицательных персонажей), агрессивных образов, закапывание фигурок в песок или их отгораживание от других фигур может указывать на не принимаемые аспекты личности, цветовая гамма (чёрный песок, тёмные оттенки) может также указывать на присутствие тени.

В песочной терапии возможны следующие варианты работы с тенью: 1) осознание, которое заключается в помощи клиенту увидеть подавленные части себя, 2) включение теневых аспектов в целостный образ **«Эго»**, преодолевая расщепление, 3) уменьшение

напряжения, вызванного обнаружением неприемлемых эмоций и личностных черт, 4) обучение клиента принимать себя во всех аспектах своей личности.

Для проведения глубокой работы с тенью необходимо создание безопасного пространства: клиент должен чувствовать, что он может демонстрировать любые стороны своей личности и не встретит осуждения. Психолог-терапевт должен быть осознанным в контексте своей тени и своих проекций.

Относительно же образовательной деятельности следует заметить, что существует возможность отобразить феномен образования в целом как расширение сферы интимности» [3, с. 89], что с юнгианских позиций может быть обозначено через такие понятия как «**тень**» и «**самость**». Интересно в этом отношении замечание А.А. Гришина о том, что «расширение сферы интимности до уровня коллективного сознания намного опаснее – и является антипсихопрофилактическим мероприятием» [3, с. 95], поскольку «**коллективное бессознательное**» проникало в сознание человека и тень от последнего не была связана с тенью «**индивидуального бессознательного**».

Замечанию также подлежит и следующее: «система высшего российского образования весьма консервативна к философскому мировоззрению» [3, с. 53] и к мировоззрению психологическому, из чего можно сделать вывод о том, что юнгианская модель, может быть, всё-таки применена в его онтологических рамках.

При этом необходимо отметить и то, что такие понятия как «тень» и «архетип» могут быть соотнесены с высшими чувствами в психологии. Так, например, «современные информационные медиа декодируют утончённые высшие чувства обучающихся и не позволяют нервной и сенсорной системам у последних формироваться в надлежащем качестве» [2, с. 44]. Иными словами, с одной стороны, **конstellация разного рода архетипов не осуществляется** в должном качестве, как и, с другой стороны, **тень** полностью или частично **не осознаётся**. «Разнообразить лекционные и семинарские занятия [!] эксплицированием понятий в предметных рамках выражения высших чувств можно также и вне фиксации на самих высших чувствах» [2, с. 46], что позволяет более детально прорабатывать осознанность в отношении своей собственной тени. А, например, «утрата индивидуальности обучающихся в ходе учебного процесса» [4, с. 90] и является вместе с тем с психологической точки зрения и **утратой тени**.

И кроме всего прочего нужно понимать, что уверенный взгляд в будущее с психологической точки зрения невозможен без личностно-индивидуального анализа собственной тени.

Таким образом, работа с тенью в терапевтическом и образовательном пространствах – это деликатный процесс, требующий от психолога и педагога профессионализма и понимания механизмов бессознательного. Ключевым фактором успеха является создание атмосферы принятия и безопасности, которая позволяет клиенту или студенту раскрывать и интегрировать скрытые аспекты своей личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко О.А. Модель личности в философско-антропологической концепции К.Г. Юнга: Дис. ... кандидата философских наук. – Орёл, 2010. – 158 с.

2. Гришин А.А. Декодификация утончённых высших чувств в современных медиа и деконструкция пошлости в современном образовательном процессе // Духовно-нравственное образование и патриотическое воспитание: традиции и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 20 апреля 2023 года / Отв. редактор О.Н. Квасов. – Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, 2023. – С. 38–50.

3. Гришин А.А. Феномен отчуждения образовательного процесса в экспонентах социального насилия // Экспоненты социальной агрессии: общегуманитарные дискурсы : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 21 апреля 2022 года / Отв. редактор О.Н. Квасов. – Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, 2022. – С. 87–95.

4. Петрикеева И.А. Антропологические идеи К. Г. Юнга и современное образование: Дис. ... кандидата философских наук. – Екатеринбург, 1999. – 161 с.

5. Юнг К.Г. Психология западной религии / перевод с немецкого В. Желнинова. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – 352 с.

REFERENCES

1. Boyko O. A. The personality model in the philosophical and anthropological concept of K. G. Jung: Dis. ... Candidate of Philosophical Sciences. – Orel, 2010. 158 p.

2. Grishin A.A. Decodification of refined higher feelings in modern media and deconstruction of vulgarity in the modern educational process // Spiritual and moral education and patriotic upbringing: traditions and prospects: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, April 20, 2023 / Editor O.N. Kvasov. –Voronezh: Voronezh State Forestry Engineering University named after G.F. Morozov, 2023. – Pp. 38–50.

3. Grishin A.A. The phenomenon of alienation of the educational process in the exponents of social violence // Exponents of social aggression: general humanitarian discourses: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, April 21, 2022 / Editor O.N. Kvasov. – Voronezh: Voronezh State Forestry Engineering University named after G.F. Morozov, 2022. – Pp. 87–95.

4. Petrikeeveva I.A. Anthropological ideas of K. G. Jung and modern education: Dis. ... candidate of philosophical sciences. – Yekaterinburg, 1999. – 161 p.

5. Jung K. G. Psychology of Western religion / translated from German by V. Zhelninov. – Moscow: AST Publishing House, 2023. – 352 p.

**ЭСТЕТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА ДУХА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ
И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСКУССТВА И ДИЗАЙНА В ДУХОВНОМ
РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА**

**AESTHETIC ARCHITECTURE OF THE SPIRIT: ONTOLOGICAL AND
AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF ART AND DESIGN IN THE SPIRITUAL
DEVELOPMENT OF THE INDIVIDUAL AND SOCIETY**

Руссу А.В., кандидат технических наук,
доцент

Киселева А.В., кандидат технических
наук, доцент

Медведев И.Н., кандидат технических
наук, доцент

Шацких В.А., ассистент

ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет имени
Г.Ф. Морозова, Воронеж, Россия

Russu A.V., Candidate of Technical Sciences,
associate professor

Kiseleva A.V., Candidate of Technical
Sciences, associate professor

Medvedev I.N., Candidate of Technical
Sciences, associate professor

Shatskikh V.A., assistant

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В условиях цифровой трансформации и секуляризации современного общества появилась необходимость переосмысления онтологического статуса искусства и дизайна как инструментов духовного становления личности. В статье применяется философско-герменевтический анализ и концептуальное моделирование для выявления аксиологических механизмов эстетического опыта. Доказывается, что удовлетворение эстетических потребностей и участие в со-творческих практиках помогают формировать переживания, которые компенсируют фрагментацию сознания в сверхинформационной среде. Результаты исследования обосновывают интеграцию искусства в образовательные стандарты как императив сохранения экзистенциальной подлинности и традиционных смыслов.

Abstract: In the context of digital transformation and secularization of modern society, there is an urgent need to rethink the ontological status of art and design as instruments of spiritual formation of the individual. The article applies philosophical-hermeneutic analysis and conceptual modeling to identify the axiological mechanisms of aesthetic experience. It is proven that satisfying aesthetic needs and participating in co-creative practices generate transformative experiences that compensate for the fragmentation of consciousness in a hyper-informational environment. The research results substantiate the integration of art into educational standards as an imperative for preserving existential authenticity and traditional meanings.

Ключевые слова: эстетический опыт; духовное развитие; преобразующие переживания; философия образования; нейроэстетика; совместное проектирование; традиционные ценности.

Keywords: aesthetic experience; spiritual development; transformative experiences; philosophy of education; neuroaesthetics; participatory design; traditional values.

Сегодня мы можем наблюдать стремительное расширение влияния технократизации и цифровизации в образовании. Складывается ситуация, когда в повседневности философская рефлексия постепенно смещается от вопроса «как научить» к запросу «кем стать». То есть современная среда высоких технологий, которая по сути своей обладает колоссальным просветительским потенциалом, в тоже время таит в себе опасность низведения человеческой личности до механизма или некоего функционального узла в информационной сети. И в этом контексте можно отметить наличие сильной диспропорции между технологическим прогрессом и духовно-нравственным развитием. Все это находит проявление в кризисе смыслов, в утрате культурной памяти и даже дегуманизации образовательного дискурса. Поэтому искусство и дизайн перестают быть исключительно сферой досуга или некоего утилитарного оформления. Проблема исследования, с одной стороны, заключается в противоречии между необходимостью сохранения человечности на современном этапе, а с другой стороны, в недостаточной разработанности соответствующих философско-педагогических моделей, которые были бы способны эффективно включить эстетический опыт в процессы духовно-нравственного воспитания. Поэтому Цель исследования заключается в выявлении и обосновании в контексте современных образовательных вызовов влияния искусства и дизайна на духовно-нравственное развитие индивида, семьи и общества. Рабочий тезис исследования состоит в том, что только через объединение и взаимодополнение отечественной педагогики с практиками совместного творчества можно сохранить духовную целостность и нравственную автономию человека. И само искусство при этом является не объектом потребления, а важным звеном в диалоге и служении.

Методологическую основу исследования составили философский анализ, сравнительно-исторический метод, герменевтика педагогических и художественных практик, а также концептуальное моделирование. Выбор данного подхода обусловлен необходимостью преодоления узкоспециализированного запроса к образованию, потому что объектом исследования является развитие человека в его целостности. В качестве теоретико-философского базиса использованы концепции эстетического воспитания Ф. Шиллера, теория катарсиса Л.С. Выготского и современные исследования в области нейроэстетики и дизайна. Критериями оценки духовной эффективности художественных и дизайнерских практик выступают степень интеграции эстетического опыта в самоощущение субъекта, способность к эмпатии, устойчивость экзистенциальных ориентиров и формирование социальных практик.

В современной философской парадигме духовное развитие понимается как процесс восхождения от фрагментированных состояний к целостности и даже трансцендентности. Искусство в этом случае является автономным нематериальным миром, который создан силой человеческой мысли и даёт безграничный простор для поиска и самоопределения [1]. Центральным механизмом такого воздействия является глубокое эстетическое облагораживание. Согласно Л.С. Выготскому, трагическое в искусстве изображается не ради аффекта, а для достижения внутренней упорядоченности и импульса к преодолению деструктивности [2]. Погружение в искусство представляет собой особую культурную

практика преодоления безысходности, которая позволяет актуализировать чувства и смыслы. Однако в условиях цифровизации традиционное погружение в мир искусства часто заменяется поверхностным эмоциональным потреблением контента. Как ответ на это современная философия эстетики выдвигает концепцию преобразующих переживаний. Преобразующее переживание можно определить как особый уникальный опыт, который приводит к долгосрочным изменениям мировоззрения индивида. Механизм преобразующих переживаний основан на неопределенности произведений и их эмоциональной сложности. Искусство помогает преодолеть барьеры и шаблоны мышления, побуждая зрителя или слушателя перейти от состояния замешательства к глубокой рефлексии и позитивной трансформации. Есть эмпирические данные, которые подтверждают, что взаимодействие с искусством не только снижает уровень кортизола, но повышает субъективное благополучие и даже стимулирует абстрактное мышление [3]. Таким образом, ценность искусства заключается в его способности служить уникальным источником знания, недоступным рациональному анализу. Искусство, предлагая новые способы познания мира, повышает ценность духовной борьбы, расширяя границы эмпатии и сострадания [4]. Ф. Шиллер в «Письмах об эстетическом воспитании человека» сделал обоснование того, что именно игровое побуждение, синтезирующее чувственное и формальное, является путём к истинной эстетической свободе и нравственной гармонии [5]. В цифровой среде, где, как известно, преобладают алгоритмы, необходимо намеренное внедрение эстетически сложных, неоднозначных образов, в чем-то даже провоцирующих внутренний диалог. Но ни в коем случае не пассивное потребление. И дизайн среды позволяет выполнить пространственное воплощение этих философских принципов. Пространство в этом случае перестаёт быть лишь нейтральным фоном. Оно становится вполне активным участником духовного процесса. А, например, в семейном контексте дизайн интерьера и организация пространства, благодаря таким предметам как простой обеденный стол или семейный архив, создают особый контекст для сближения и даже в чем-то для сакрализации повседневности [3]. Именно семейные традиции, которые подкреплены эстетически проработанной средой, являются движущей силой семейной культуры. А это также способствует формированию коллективной памяти и чувства принадлежности к общей цели. Такое совместное творчество в семье снижает стресс и укрепляет связи между поколениями [6]. На макросоциальном уровне искусство и дизайн развиваются в формы социального служения и духовной практики. Социальный дизайн создаёт атмосферу доверия и сплочённости, превращая общественные пространства в «клей» общины. Этот процесс становится формой со-творчества для переосмысливания конфликта в диалог, а напряжения – в совместное исследование. То есть искусство проявляется как инструмент исцеления и преодоления предрассудков. Таким образом, совместное проектирование трансформируется в новую форму социальной духовности, основанной на эмпатии и ответственности, что подтверждается исследованиями о снижении уровня стресса для практик парного слушания [3]. Поэтому формирование ценностно-смысловой модели воспитания в современных условиях требует перехода от передачи готовых знаний к созданию эстетически и этически насыщенных сред, где субъекты учатся осмысливать реальность посредством творческого акта. Потому что по своей природе искусство не даёт готовых

ответов, однако формирует способность вопрошать, а это является основой для духовно-нравственной зрелости [4].

В эпоху искусственного интеллекта и сверх насыщения информацией сохранение «человечности» следует искать не через отказ от технологий, а через их эстетическое и аксиологическое одухотворение. Эстетические сопереживания и практики со-творчества компенсируют влияние алгоритмизации на сознание и возвращают субъекту онтологическую глубину, а также способности как к эмпатии, так и нравственному выбору. Искусство и дизайн становятся не формальным или декоративным дополнением к образованию, а его ценностным ядром, которое обеспечивает внутренне единство между просвещением, воспитанием и духовным поиском. Разработка этических кодексов цифровой педагогики обязательно должна включать модули по эстетическому воспитанию, совместному проектированию школьных сред и внедрению арт-практик для духовно-психологической поддержки учащихся. Особенно важно уделить внимание созданию межпоколенческих эстетических пространств в образовательных учреждениях и общественных центрах. Это поможет укреплению социокультурной идентичности и передачи традиционных ценностей в формате, который наиболее приемлем для цифрового поколения. Однако внедрение эстетико-духовных практик в массовую образовательную систему, как правило, сталкивается с рисками бюрократизации и формализации, либо сводится к утилитарным навыкам так называемых «мягких компетенций». И методы оценки духовного воздействия требуют особо осторожного подхода в интерпретации, чтобы не создать ложное упрощение феномена трансценденции как набора физиологических маркеров. Кроме того, культурное разнообразие при восприятии искусства требует адаптировать модели под локальные образовательные контексты с учётом сохранения универсального аксиологического ядра.

Проведённый анализ подтверждает тезис о том, что искусство и дизайн выступают фундаментальными онтологическими и аксиологическими основаниями духовного развития человека в условиях современных цивилизационных вызовов. Что позволяет отойти от привычки фрагментированного потребления информации и создаёт условия для бытийной целостности, нравственной автономии и способности к эмпатическому диалогу. На уровне семьи эстетически организованная среда позволяют укрепить межпоколенческие связи. На уровне общества социальный и совместный дизайн преобразуются в практику социального служения и этического со-творчества, предлагая ценностные решения по справедливому устройству мира. Масштабирование концептуальных наработок в образовательную практику потребует подготовки дизайнеров новых решений и подходов, чтобы выступать медиаторами между традицией, технологией и духовными исканиями молодого поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wright A. Spirituality and Education / A. Wright. – 2nd ed. – London: Routledge, 2000. – 168 p.
2. Ермолаева М. В., Лубовский Д. В. Виды катарсиса при восприятии произведений живописи // Культурно-историческая психология. – 2019. – Т. 15. – № 3. – С. 125–132.

3. Pizzolante M., Pelowski M., Demmer T. R., Bartolotta S., Sarcinella E. D., Gaggioli A., Chirico A. Aesthetic experiences and their transformative power: a systematic review // *Frontiers in Psychology*. – 2024. – Vol. 15.

4. Yang S. A., An S. H., Kim C. H., Kim M. S. An Analysis of John Bowlby's Mourning Stages in Family Art Therapy as a Way to Help the Family Mourning Process // *Journal of Hospice and Palliative Care*. – 2023. – Vol. 26– No. 2. – Pp. 27–41.

5. Turner J., Green R. *Alternative Futures: Who Decides? A Story of Lived Experiences Told Through Art*. – Edinburgh: University of Edinburgh, 2024. – 20 p.

6. Hassan M. *The Fibres of Our Being: A Visual Artefact of Community-Engaged Visual Arts in St. James Town // Facilitating Visual Socialities* / ed. by C. Burkholder, J. Schwab-Cartas, F. Aladejebi. – Cham: Palgrave Macmillan, 2023. – Pp. 35–52.

REFERENCES

1. Wright A. *Spirituality and Education*. – 2nd ed. – London: Routledge, 2000. – 168 p.

2. Ermolaeva M. V., Lubovskiy D. V. Vidy katarsisa pri vospriyatii proizvedeniy zhivopisi // *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. – 2019. – Vol. 15. – No. 3. – Pp. 125–132.

3. Pizzolante M., Pelowski M., Demmer T. R., Bartolotta S., Sarcinella E. D., Gaggioli A., Chirico A. Aesthetic experiences and their transformative power: a systematic review // *Frontiers in Psychology*. – 2024. – Vol. 15.

4. Yang S.A., An S. H., Kim C. H., Kim M. S. An Analysis of John Bowlby's Mourning Stages in Family Art Therapy as a Way to Help the Family Mourning Process // *Journal of Hospice and Palliative Care*. – 2023. – Vol. 26. – No. 2. – Pp. 27–41.

5. Turner J., Green R. *Alternative Futures: Who Decides? A Story of Lived Experiences Told Through Art*. – Edinburgh: University of Edinburgh, 2024. – 20 p.

6. Hassan M. *The Fibres of Our Being: A Visual Artefact of Community-Engaged Visual Arts in St. James Town / M. Hassan // Facilitating Visual Socialities* / ed. by C. Burkholder, J. Schwab-Cartas, F. Aladejebi. – Cham: Palgrave Macmillan, 2023. – Pp. 35–52.

**ВКЛАД АРХИТЕКТОРА А.В. МИРОНОВА В ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ПОСЛЕВОЕННОГО ВОРОНЕЖА**

**ARCHITECT A.V. MIRONOV'S CONTRIBUTION TO THE RECOVERY
AND DEVELOPMENT OF POST-WAR VORONEZH**

Пивоварова Ю.И., кандидат
культурологии, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Pivovarova Yu.I., candidate of Cultural
Studies, Senior lecturer
Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В статье идёт речь о возрождении архитектурного облика города Воронежа после Великой Отечественной войны. Анализируется деятельность выдающегося воронежского архитектора Александра Васильевича Миронова, который внёс огромный вклад в восстановление нашего города и сохранение его историко-культурного наследия.

Abstract: The article discusses the revival of the architectural appearance of the city of Voronezh after the Great Patriotic War. It analyzes the work of prominent Voronezh architect Alexander Vasilyevich Mironov who made a significant contribution to the restoration of our city and the preservation of its historical and cultural heritage.

Ключевые слова: Воронеж, архитектура, восстановление, развитие, А.В. Миронов.

Keywords: Voronezh, architecture, reconstruction, development, A.V. Mironov.

В годы Великой Отечественной войны г. Воронеж сильно пострадал. Примерно 95% жилого фонда оказалось непригодным к использованию. В тяжёлом положении находились объекты культурного значения. Несмотря на множество трудностей, наши архитекторы помимо строительства новых зданий спасли от разрушения несколько сотен памятников истории и культуры.

Профессором архитектуры Г.А. Чесноковым [12, с. 263-267] выделяется три этапа восстановления Воронежа. Первый этап начался в 1943 г. – время, когда возрождали здания, от которых остались лишь выгоревшие короба. Второй этап – конец 40-х гг. ознаменовал собой массовое строительство крупных жилых кварталов с типовыми двухэтажными домами. И третий этап, начавшийся в 50-е гг., представлял собой дальнейшее развитие центра Воронежа с застройкой разными общественными и жилыми многоэтажными домами.

За время реставрационных работ архитектурных сооружений Воронежа, целый ряд из них претерпел разного рода метаморфозы. Изменению подверглись фасады и их декоративные элементы, а также внутренние помещения. У такой необходимости были свои причины: после освобождения города от оккупации народ массово стал возвращаться в родные места, в силу

чего вопрос с жильём встал остро. Первоочередной задачей было увеличение объёмов застройки и обеспечение советского народа кровом.

Не стоит забывать и о стилистических преобразованиях, начатых ещё в 30-е гг., но развернувшихся с небывалой силой в послевоенные годы. В моде оказался «сталинский ампир» (или «советский неоклассицизм»). Этот стиль был призван продемонстрировать всему миру во всем своём могуществе и великолепии страну, победившую фашизм. Добавим, что само внедрение «метода социалистического реализма» в архитектуру оказалось трудоёмкой задачей в силу расплывчатости требований и неоднозначности трактовок положений последнего [11, с. 26].

Архитекторы А.В. Миронов, Н.В. Троицкий, И.В. Ткаченко, П.П. Штеллер, В.В. Лебедев, Г.А. Тиме, В.В. Савостьянов, Б.Н. Зотов, И.Н. Маковецкий, Н.Я. Неведров, Г.В. Здебчинский, Н.В. Александров, В.П. Глотов, а также инженеры Л.А. Волков, В.С. Семенов и др. – эти талантливые специалисты приложили немалые усилия по возрождению города, сражаясь за «жизнь» каждого объекта. Руководил процессом приглашённый из Москвы весной 1944 г. академик архитектуры Л.В. Руднев.

В ходе исследования творческих работ воронежских зодчих, а также отзывов архитекторов и историков-краеведов, было решено, что именно А.В. Миронов внёс наиболее значительный вклад в восстановление Воронежа. Академик Л.В. Руднев признавал именно Александра Васильевича своим соавтором [2, с. 12]. Н.В. Троицкий считал его «ведущим воронежским архитектором» и «первоклассным специалистом», который вложил много труда, знаний и художественного такта в свои работы [3, л. 70-71]. Среди документов Н.В. Троицкого есть письмо к ректору института с просьбой премировать А.В. Миронова по случаю 25-летия освобождения Воронежа, в «восстановлении и развитии которого он <Миронов А.В.> принимал основополагающее участие» [4, л. 26].

29 июня 1941 г., сразу после начала войны, А.В. Миронов был командирован на Урал для проектирования там авиационных сооружений [7, л. 1]. После освобождения Воронежа от захватчиков по вызову Воронежского облисполкома в августе 1943 г. вернулся назад, заняв должность главного архитектора треста «Облпроект». Недостаток квалифицированных кадров затягивал весь восстановительный процесс, в силу чего «областной отдел по п/д архитектуры настоял перед Облисполкомом на переводе высококвалифицированного архитектора А.В. Миронова из "Облпроекта" в Архитектурную мастерскую при Управлении главного архитектора г. Воронежа» [8, л. 23]. Так Александр Васильевич стал начальником и творческим руководителем этой мастерской и начал вести проектные работы по реанимированию города.

Он подошёл к своей работе очень ответственно, умело сочетая указания руководства и художественную специфику того или иного сооружения, не в ущерб друг другу. В «Годовом отчёте отдела по делам архитектуры за 1946 год» при подведении итогов работы гражданских проектных организаций высокую оценку получила Мастерская при управлении главного архитектора: «Несмотря на относительную молодость этой организации она сумела укомплектоваться опытными кадрами архитекторов, инженеров и занять ведущее положение в городе. Во главе этой мастерской стоит один из лучших архитекторов города Воронежа – А.В. Миронов» [9, л. 79].

При изучении «Списка творческих работ архитектора А.В. Миронова» [6, л. 15-19] за двадцатилетний период, было выявлено разнообразие авторских проектов: жилые и административные здания, учебные заведения, заводы, парки, кафе и др. Основная часть таких работ приходится на послевоенный период.

Далее будут перечислены наиболее известные сооружения: университет Марксизма-Ленинизма (ул. Пушкинская); Дом книги (пр. Революции); бывшая гостиница «Воронеж» (пл. Ленина); Дом Советов (пл. Ленина); универмаг № 4 (ул. Пушкинская); главный корпус медицинского вуза (ул. Студенческая); авиационный техникум (ул. Плехановская); здание лесотехнического института (ул. Тимирязева); педагогический институт (ул. Ленина); комплекс жилых зданий по ул. Героев Стратосферы. А также выполнены следующие проекты: реконструкции города в соавторстве с Л.В. Рудневым, проспекта Революции, улицы Мира (в соавторстве с Л.В. Рудневым), улицы Плехановской, улицы Кирова; проекты застройки Левобережного района, жилой зоны и парка завода синтетического каучука им. С.М. Кирова (СК-2); жилые дома вагоноремонтного завода им. Э. Тельмана, тепловозоремонтного завода им. Ф.Э. Дзержинского, завода сельскохозяйственного машиностроения, машиностроительного завода им. В.И. Ленина; генеральный план развития жилой зоны лесотехнического института; проект восстановления и реконструкции стадиона «Динамо»; архитектурное оформление Чернавского железобетонного моста через реку Воронеж.

Ещё отметим выполненный Александром Васильевичем проект чугунной ограды и входа (художественное литье) в Первомайский сад, которая стала, по словам Н.В. Троицкого, «своеобразным символом разгрома врага» [5, л. 9].

Список этот неполный, поскольку были и временные сооружения, например, весьма оригинальное летнее кафе «Красный мак» на пл. Никитина, и те, что построены другими зодчими, но впоследствии возрождены под руководством А.В. Миронова. Далее будет дана характеристика некоторым сооружениям.

Городская больница им. К.В. Федяевского №2 (пр. Революции, 12). Этот больничный комплекс также пострадал в войну и решено было его восстановить – город нуждался в зданиях медицинского профиля. За разработку проекта взялись на конкурсной основе местные архитекторы. Победил А.В. Миронов: его вариант был удостоен высшей премии. Главный корпус принял первых больных в 1952 г. Именно тогда он украсился шестиколонным портиком [1, с. 53].

Казенная палата (пр. Революции, 21) возведена по проекту Джакомо Кваренги архитектором И.И. Волковым в XVIII в. в стиле классицизм. После освобождения города существовал острый дефицит жилых помещений и требовалось расширение масштабов стройки. Александр Васильевич принял это во внимание, предложив прибавить дому два этажа. Так и было сделано. Прежний карниз не стали убирать, и теперь он смотрится как оригинальный элемент фасадного декора. По выражению местных краеведов, «став четырехэтажным, дом приобрёл монументальность, соразмерность окружающей застройке, его пропорции не только не нарушились, а, пожалуй облагородились» [1, с. 99]. Зодчий постарался на славу и смог учесть две задачи: сохранить стилистическую особенность Казённой палаты и увеличить её площадь.

Дом №26/28 на пр. Революции. Воронежским фанатом стиля конструктивизм был архитектор Александр Иванович Попов-Шаман. Он спроектировал для главной улицы города многоквартирный дом, строительство которого завершилось в 1931 г. Лишённое всякой эстетики, сооружение получилось некомфортным из-за узких лестниц и неудачной планировки. По словам Г.А. Чеснокова, «в угоду модному течению автор пожертвовал как функциональной логикой, так и здравым смыслом» [12, с. 204]. Но войну это здание пережило, потому что было наполнено железобетоном. При его восстановлении в 1948-1949 гг. Александр Васильевич Миронов многое переделал на свой манер: немного уменьшил арку, удлинил корпус, сгладил угловатость стен, убрал террасы и исправил насколько было возможным внутреннюю планировку, а также добавил зданию неоклассицистические черты.

Гостиница «Воронеж» (пл. Ленина). Это здание отличается от предыдущих тем, что оно изначально построено и впоследствии восстановлено по проекту А.В. Миронова. Это сооружение, выдержанное в стиле «сталинский ампи́р», является доминантой площади Ленина. На углу находится башня в несколько ярусов с часами. По бокам двух протяжённых фасадов гостиницы расположены портики с полуколоннами (со 2-го по 4-ый этаж), капители которых напоминают коринфский ордер. Древняя символика – листья аканта, волюты – гармонично соединяются с советскими колосьями, серпом и молотом. Более того, это здание обладает исторической ценностью. Именно здесь генерал И.Д. Черняховский и солдаты 60-й армии водрузили красный флаг в День освобождения города от оккупантов [10, с. 203].

К восстановлению Воронежа приступили сразу после его полного освобождения от оккупантов. То было время тяжёлого и самоотверженного труда. Важную роль в преобразении города сыграли простые воронежцы, строители, инженеры, архитекторы. Квалифицированные специалисты из столицы и провинции объединились и подняли из руин старинный русский город. Всю свою творческую и созидательную энергию они направили на служение своей стране и её народу.

Александр Васильевич Миронов внёс наиболее весомый вклад в возрождение и развитие нашего города. Его творческие работы всегда отличались оригинальностью, новаторством и законченностью композиции, а потому он – значимая фигура воронежского зодчества советского периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акинъшин А. Н., Ласунский О. Г. Записки старого пешехода: прогулка по Большой Дворянской – проспекту Революции. – Воронеж: Правдивцев и Ко, 2002. – 352 с.
2. Барсуков Е. М. Моцарт и Сальери воронежской архитектуры // Строительство и недвижимость в Воронежском регионе. – Воронеж, 2022. – № 34–35. – С. 12.
3. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). – Ф. Р-3138. – Оп. 2. – Д. 23.
4. ГАВО. – Ф. Р-3138. – Оп. 2. – Д. 24.
5. ГАВО. – Ф. Р-3138. – Оп. 2. – Д. 5.
6. ГАВО. – Ф. Р-1660. – Оп. 1. – Д. 1.
7. ГАВО. – Ф. Р-1660. – Оп. 1. – Д. 2.
8. ГАВО. – Ф. 731. – Оп. 1. – Д. 16.
9. ГАВО. – Ф. 731. – Оп. 1. – Д. 24.

10. Загоровский В. П. Воронеж: Историческая хроника. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1989. – 255 с.
11. Пивоварова Ю. И. Социалистический реализм в интерпретации воронежских архитекторов // Архитектурные исследования: ВГТУ. – № 2 (42). – Воронеж, 2025. – С. 22–28.
12. Чесноков Г. А. Архитектура Воронежа: история и современность. – Воронеж: Изд-во ВГАСУ, 1999. – 396 с.

REFERENCES

1. Akinshin A. N. and Lasunsky O. G. Notes of an Old Pedestrian: A Walk Along BolshayaDvoryanskaya. – Revolution Avenue. – Voronezh: Pravdivtsevand Co, 2002. – 352 p.
2. Barsukov E. M. Mozart and Salieri of Voronezh Architecture. Construction and Real Estate in Voronezh Region. – Voronezh, 2022. – No. 34–35. – P. 12.
3. The State Archive of the Voronezh Region (GAVO). – F. R-3138. – Op. 2. – D. 23.
4. GAVO. – F. R-3138. – Op. 2. – D. 24.
5. GAVO. – F. R-3138. – Op. 2. – D. 5.
6. GAVO. – F. R-1660. – Op. 1. – D. 1.
7. GAVO. – F. R-1660. – Op. 1. – D. 2.
8. GAVO. – F. 731. – Op. 1. – D. 16.
9. GAVO. – F. 731. – Op. 1. – D. 24.
10. Zagorovsky V. P. Voronezh: Historical Chronicle. – Voronezh: Central Black Earth Book Publishing House, 1989. – 255 p.
11. Pivovarova Yu. I. Socialist Realism as Interpreted by Voronezh Architects // Architectural Research: VSTU. – No. 2 (42). – Voronezh, 2025. – Pp. 22–28.
12. Chesnokov G. A. Architecture of Voronezh: History and Modernity. – Voronezh: VSUACE Publishing House, 1999. – 396 p.

**ТОВАРИЩ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОСТРОГОЖСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА ПАВЕЛ
АЛЕКСАНДРОВИЧ ХОВЕН (1838–1908): СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ
COMRADE CHAIRMAN OF THE OSTROGOZHISKY DISTRICT COURT, PAVEL
ALEKSANDROVICH HOVEN (1838–1908): BIOGRAPHICAL PAGES**

Подлесных С.Н., кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Podlesnykh S.N., Candidate of Law, Associate Professor
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: в настоящей статье на основе архивных материалов, источников личного происхождения, статистических и справочных материалов анализируется биография второго по счёту товарища председателя Острогожского окружного суда Павла Александровича Ховена. Прослеживается карьерный путь П.А. Ховена, приводятся биографические данные членов его семьи. Делается вывод о вертикальной карьерной динамике П.А. Ховена.

Abstract: This article analyzes the biography of Pavel Aleksandrovich Khoven, the second-in-command of the Ostrogozhsky District Court, based on archival materials, personal sources, statistical data, and reference materials. The article traces Khoven's career path and provides biographical information about his family members. The article concludes that Khoven's career was characterized by a vertical upward trajectory.

Ключевые слова: П.А. Ховен, судейский корпус, окружной суд, Острогожск, карьерная динамика, Воронежская губерния, Российская империя.

Keywords: Pavel Aleksandrovich Khoven, judicial corps, district court, Ostrogozhsk, career dynamics, Voronezh province, Russian Empire.

Павел Александрович Ховен родился в 1838 г. и происходил из потомственных дворян. Являлся выпускником юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (окончил его со званием действительного студента) [8, л. 2 об.].

13 октября 1862 г. управляющий акцизными сборами Смоленской губернии назначил П.А. Ховена по собственному прошению на должность старшего помощника акцизного надзирателя 5-го округа. 7 ноября 1862 г. по распоряжению того же управляющего Ховен был перемещён на ту же должность в 4-й округ. Указом Правительствующего Сената от 23 августа 1865 г. № 288 утверждён губернским секретарём со старшинством. 2 июня 1866 г. был произведён в коллежские секретари со старшинством [8, л. 2 об.].

Приказом по ведомству министерства юстиции 23 июля 1868 г. № 45 П.А. Ховен был переведён исправлять должность судебного следователя в Нижегородской губернии [8, л. 2 об.]. Однако в Нижегородской губернии Ховен прослужил всего полгода.

5 января 1869 г. по прошению П.А. Ховен был определён младшим помощником во II-е отделение V-го департамента Правительствующего Сената [8, л. 2 об.]. V-й департамент был высшим апелляционным судом по уголовным делам. По ордеру обер-прокурора II-го отдела V-го департамента Правительствующего Сената исправлял должность секретаря с 20 августа 1869 г. по 1 февраля 1870 г. Указом Правительствующего Сената от 5 марта 1870 г. произведён в титулярные советники со старшинством [8, л. 3 об.].

Высочайшим приказом от 16 апреля 1870 г. П.А. Ховен был назначен старшим нотариусом Орловского окружного суда [8, л. 3 об.], пробыв в данной должности один год.

Наконец, в 1871 г. П.А. Ховен был назначен на свою первую судебскую должность. Высочайшим приказом от 8 апреля 1871 г. № 11 он был назначен членом Тамбовского окружного суда. Таким образом, судебский стаж у П.А. Ховена начинался 8 апреля 1871 г. [8, л. 3 об.].

В 1879 г. семья Ховенов переезжает в Воронежскую губернию, как оказалось, на последнее место службы Павла Александровича. Высочайшим приказом № 15 от 1 апреля 1879 г. П.А. Ховен был назначен на должность товарища председателя Острогожского окружного суда [8, л. 3 об.]. В 1879 г. этот окружной суд возглавлял Валериан Николаевич Бестужев-Рюмин, родной брат известного русского историка Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. В.Н. Бестужев-Рюмин председательствовал в Острогожске с 1876 г. до своей смерти в 1891 г. [3, с. 335].

Острогожский окружной суд торжественно был открыт 28 ноября 1867 г. Практическую работу в соответствии с уставами от 20 ноября 1864 г. суд начал с 15 декабря 1867 г. [12].

Суд в Острогожске был причислен к 4-му разряду, а его юрисдикция распространялась на Павловский, Острогожский, Бирюченский, Валуйский, Богучарский уезды Воронежской губернии [6, с. 6]. Таким образом, судебский штат данного суда состоял из председателя суда и трёх членов суда, отсутствовала должность товарища председателя окружного суда. Однако законом от 20 января 1876 г. Высочайше было утверждено мнение Государственного совета «Об увеличении штатов некоторых окружных судов и учреждении окружного суда в городе Лубнах» [7]. В соответствии с названным нормативным актом в Острогожском окружном суде появилась должность товарища председателя суда.

Первым должностью товарища председателя Острогожского окружного суда в 1876 г. занял коллежский асессор Борис Александрович Арапов [1, с. 314]. Вторым по счёту товарищем председателя Острогожского окружного суда был титулярный советник Павел Александрович Ховен [2, с. 334].

Высочайшим приказом № 2 от 1 января 1889 г. П.А. Ховен был произведён за выслугу лет в статские советники [8, л. 4 об.].

За «отличие усердной и ревностной службы» П.А. Ховен имел следующие государственные награды (по состоянию на 1894 г.):

- орден Святого Станислава II степени – 1877 г.;
- орден Святой Анны II степени – 1883 г.;
- орден Святого Владимира IV степени – 1892 г. [8, л. 3 об. – 4 об.].

Как второе по старшинству должностное лицо в Острогожском окружном суде, надо полагать, что П.А. Ховен неплохо исполнял свои обязанности. Так, например, в 1881 г. Острогожский окружной суд ревизовал сенатор И.И. Шамшин. Было отмечено, что «правосудие отправляется правильно», проблемы возникают только с организацией работы присяжных заседателей [9, л. 24].

На 1894 г. Ховен имел годовое содержание в размере 3 500 руб. (жалованье – 2 000 руб., столовые – 750 руб., квартирные – 750 руб.) [8, л. 2 об.]. Это ровно столько, сколько было установлено временными штатами судебных установлений в округе Харьковской судебной палаты 10 января 1867 г. [6, с. 6]. Таким образом, денежное содержание судей новых судебных учреждений как минимум не повышалось почти тридцать лет.

Павел Александрович Ховен был женат на Людмиле Ивановне Воиновой [8, л. 3]. Брак был заключён в Санкт-Петербурге 15 сентября 1861 г., о чем имелась запись в метрической книге церкви Святой Великомученицы Екатерины, что при Императорской академии художеств [8, л. 8 об.]. Отец Людмилы Ивановны, надворный советник Иван Александрович Воинов, был русским художником, в 1848 г. получил звание академика [11, с. 41].

В браке у Павла и Людмилы Ховен родились дети:

- Зинаида (19 октября 1863 – 1924), вышла замуж за Е.А. Белявского, их дети – Ксения, Анна (Нина), Борис, Людмила;

- Мария (21 июня 1866 – 1943), дважды была замужем (1-й муж – Лисняк, 2-й муж – К. Жовнеровский), дети – Николай, Ипполит, Константин, Вера;

- Платон (16 марта 1872 – до 1917 г.), учился на юридическом факультете Московского университета;

- Анна (1 февраля 1873 – после 1894 г.), умерла в молодости [8, л. 3, 7; 10].

Воспоминания о семье П.А. Ховена оставила в своих записях Анна (Нина) Евгеньевна Белявская, которая приходилась внучкой Павлу Александровичу и Людмиле Ивановне. Мать Нины Евгеньевны, Зинаида Павловна, в 1882 г. вышла замуж за военного Евгения Андреевича Белявского. Официально их дочь была записана Анной, но в семье её звали Ниной [14, с. 236].

Записи Н.Е. Белявской и документы семейного архива стали доступны для исследователей после их опубликования внучкой Ниной Евгеньевны – Натальей Михайловной Михайловой, которая является автором сайта «Домашний архив» [10].

Дневники были написаны Н.Е. Белявской в 1904-1917 гг., а воспоминания – в 1956 г., когда ей было уже 74 года. В дневнике есть интересные подробности о семье Ховенов. Например, о Платоне Павловиче есть запись за 1882 г. Было записано – «противный мальчишка», изводил до слез свою старшую сестру Зинаиду. Нина Евгеньевна в своих записях приводила много дат из семейной истории [10].

Интересные воспоминания об Острогожске и известных людях этого города пореформенного времени оставил государственный и общественный деятель, генеалог и мемуарист Л.М. Савелов. В частности, он писал: «С окружным судом мы мало имели сношений и бывали только у товарища председателя Павла Александровича Ховена, между прочим ярого противника дворянства, но изменившего свой взгляд с момента производства в действительные статские советники, когда он сейчас же записался в родословную книгу. Его жена, Людмила Ивановна, была довольно заносчивая дама и не знала, на какую ногу ступить,

но в последствии мы её встречали в Москве, после смерти Павла Александровича, там она уже не имела этого гордого вида, а превратилась в обыкновенную вдову-чиновницу, от чего только выиграла, у них была дочь, сошедшая с ума, и сын весьма неудачный, подвизавшийся в Москве на роли Альфонса» [13, с. 18-19].

Очевидно, в своих воспоминаниях Л.М. Савелов, когда пишет о сошедшей с ума дочери Ховенов, имеет ввиду Анну, которая не была замужем, умерла в молодости.

1 декабря 1894 г. П.А. Ховен подавал прошение в Воронежское дворянское депутатское собрание о внесении его с семейством в третью часть родословной книги дворян Воронежской губернии. 11 декабря 1894 г. прошение было удовлетворено [8, л. 17].

Павел Александрович Ховен умер в Острогожске 22 сентября 1908 г. в чине действительного статского советника [5; 15, с. 103]. После него должность товарища председателя Острогожского окружного суда занял коллежский секретарь Гулькевич [4, с. 393].

Таким образом, в рамках Воронежской губернии пореформенной эпохи П.А. Ховен был одним из судей, который дольше всех занимал одну должность в одном окружном суде. Товарищем председателя Острогожского окружного суда Ховен прослужил более 29 лет. Всего за время службы Павел Александрович сменил шесть губерний (Смоленская, Нижегородская, Санкт-Петербургская, Орловская, Тамбовская, Воронежская). Для служебной биографии П.А. Ховена была характерна вертикальная карьерная динамика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1876 год. – Ч. 1. – СПб.: Типография Правит. Сената, 1876. – 428 с.

2. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1880 год. – Ч. 1. – СПб.: Типография Правит. Сената, 1880. – 436 с.

3. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1891 год. – СПб.: Типография Правит. Сената, 1891. – 768 с.

4. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1909 год. – СПб.: Типография Правит. Сената, 1909. – 1257 с.

5. Воронежский телеграф. – 1908, 25 сент. – № 212.

6. Высочайше утверждённое, 10 января 1867 года, временное расписание окружных судов по округу Харьковской судебной палаты от 10 января 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание II. Т. XLII. Отд. II. К № 44094. – СПб.: Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1871. – С. 5–7.

7. Высочайше утверждённое мнение Государственного совета «Об увеличении штатов некоторых окружных судов и учреждении окружного суда в городе Лубнах» от 20 января 1876 г. // ПСЗРИ. Собрание II. Т. LI. Отд. I. № 55491. – СПб.: Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1878. – С. 43–44.

8. Государственный архив Воронежской области. – Ф. И-29. – Оп. 143. – Д. 18.
9. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 564. – Оп. 1. – Д. 528.
10. Дневник и воспоминания Н. Е. Белявской. – URL: <https://www.domarchive.ru/chronica/tom1/280> (дата обращения: 23.03.2026).
11. Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764-1914. – Часть 2. – биографическая. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1915. – 454 с.
12. От Острогожского окружного суда // Воронежские губернские ведомости. – 1867. – № 94. – С. 410.
13. Савелов Л. М. Из воспоминаний. 1892–1903. – Воронеж: Петровский сквер, 1996. – 121 с.
14. Федотова А. Ю. Молодая женщина начала XX в. во внутрисемейных отношениях (на примере воспоминаний и дневника Нины Белявской) // Домашняя повседневность населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 07–09 апреля 2022 г. / Отв. редактор В. А. Веремченко. – Том 2. – СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2022. – С. 235–239.
15. Ховен П. А., тов. пред. Острогож. окружного суда, д.с.с., умер 22.9.1908 // Острогожский календарь на 1909 г. – Острогожск, 1908. – С. 103.

REFERENCES

1. Calendar address. General painting of the heads and other officials of all departments in the Russian Empire in 1876. – Part 1. – SPg.: Printing House Ed. The Senate, 1876. – 428 p.
2. Calendar address. General painting of the heads and other officials of all departments in the Russian Empire in 1880. – Part 1. – SPg.: Printing House Ed. The Senate, 1880. – 436 p.
3. Calendar address. General painting of the heads and other officials of all departments in the Russian Empire in 1891. – SPg.: Printing House Edit. Senate, 1891. – 768 p.
4. Calendar address. General painting of the heads and other officials of all departments in the Russian Empire in 1909. – SPg.: Printing House Edit. Senate, 1909. – 1257 p.
5. Voronezh Telegraph. – 1908, September 25. – No. 212.
6. The most highly approved, January 10, 1867, the provisional schedule of district courts for the district of the Kharkov Judicial Chamber dated January 10, 1867 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection II. Vol. XLII. Ed. II. To No. 44094. – St. Petersburg: Type. II ed. S.E.I.V.K., 1871. – Pp. 5–7.
7. The highly approved opinion of the State Council "On the increase in the staff of some district courts and the establishment of a district court in the city of Lubni" dated January 20, 1876 // PSZRI. Collection II. Vol. LI. Ed. I. No. 55491. – SPg.: Type. II ed. S.E.I.V.K., 1878. – Pp. 43–44.
8. The State Archive of the Voronezh region. – F. I-29. – Op. 143. – D. 18.
9. The State Archive Of the Russian Federation. – F. 564. – Op. 1. – D. 528.
10. Diary and memoirs of N. E. Belyavskaya. – URL: <https://www.domarchive.ru/chronica/tom1/280> (date of request: 03/23/2026).

11. Kondakov S. N. Jubilee Directory of the Imperial Academy of Arts, 1764-1914. Part 2 is biographical. – SPg.: Partnership of R. Golike and A. Wilborg, 1915. – 454 p.
12. From the Ostrogozhsky District Court // Voronezh Provincial Gazette. – 1867. – No. 94. – P. 410.
13. Savelov L. M. From memoirs. 1892-1903. – Voronezh: Petrovsky Square, 1996. 121 p.
14. Fedotova A. Y. A young woman of the early 20th century in intra-family relations (on the example of Nina Belyavskaya's memoirs and diary) // Everyday life of the Russian population: history and modernity: Proceedings of the international scientific conference.– SPg., April 07-09, 2022 / Editor-in-chief V.A. Veremenko. – Volume 2. – SPg.: A.S. Pushkin Leningrad State University, 2022. Pp. 235–239.
15. Khoven P. A., Comrade Chairman. Ostrogozh. of the District court, D.S.S., died on 22.9.1908 // Ostrogozhsky calendar for 1909 – Ostrogozhsk, 1908. – P. 103.

DOI:10.58168/ENEUM2026_176-181

УДК 94(470) «1917/1918»

**Е.В. ПЛОТНИКОВ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ И ОРГАНИЗАТОР
КРАСНОЙ ГВАРДИИ В НОВОХОПЁРСКОМ УЕЗДЕ (1917-1918 ГГ.)**

**E. V. PLOTNIKOV AS A POLITICIAN AND AN ORGANIZER OF THE RED GUARD
IN NOVOKHOPYORSKY UYEZD (1917-1918)**

Товстопят К.И., аспирант
ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Tovstopyat K. I., postgraduate student
Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: Данные тезисы посвящены исследованию биографии одного из видных деятелей красногвардейского движения в Новохопёрском уезде Е.В. Плотникова. Исследуются деятельность данного исторического деятеля в период Февральской революции и периода февраля-октября 1917 г., его участие в октябрьских событиях в Новохопёрском уезде, а также его деятельность по формированию и укреплению новохопёрской Красной гвардии в период с октября 1917 по конец 1918 г. Данное исследование выполнено в рамках направления, связанного с изучением политического и военного лидерства в период Революции и Гражданской войны в России на провинциальном и местном уровнях. Методология данной работы основана на использовании биографического метода, предполагающем соотнесение исторических событий с личностью отдельного человека и установлением его роли в них.

Abstract: the following article is devoted to exercising biography of a prominent political activist in Novokhopyorsky uyezd and a founder of local Red Guard whose name was E. V. Plotnikov. The article deals with his activity during the February Revolution and February-October period, his participation in the October Revolution in Novokhopyorsky uyezd, as well as his contribution to formation and strengthening of the Red Guard in Novokhopyorsk. This article is grounded on exploration of provincial and local political and military leadership during the Revolution and Civil War in Russia. Methodology of this work is based on usage of biographical method that implies necessity to find correlation between historical events and individual person as well as determining his/her role towards them.

Ключевые слова: Революция; Гражданская война; Воронежская губерния; Новохопёрский уезд; Новохопёрск; Красная гвардия; Е. В. Плотников.

Keywords: Revolution; Civil War; Voronezh Governorate; Novokhopyorsky uyezd; Novokhopyorsk; Red Guard; E. V. Plotnikov.

Изучение личностей политических и военных лидеров периода политического кризиса 1917-1922 г. – как фигур общегосударственного масштаба, так и более локальных, занимает важное место в отечественной и зарубежной историографии данного вопроса. Количество

работ по подобной проблематике весьма велико, а их тематика весьма разнообразна. Основное внимание при этом, как правило, уделяется именно персоналиям общероссийского масштаба, внёсшим большой вклад в политическую и военную историю России. На уровне местной историографии подобная проблематика проработана менее подробно, хотя и здесь появляется, особенно в последнее время, немалое количество исследований. Биографический подход к изучению событий 1917-1922 гг. в большей степени характерен для отечественной историографии современного периода, в то время как в историографии советского периода большого внимания подобным вопросам не уделялось.

В рамках историографии Гражданской войны в Воронежской губернии, в последнее время вышло несколько работ, выполненных в ключе биографического и просопографического методов. Так, например, можно отметить работы М.Е. Разинькова, который исследовал роль политического вождизма в политических и военно-политических процессах в губерниях Центрального Черноземья в 1917-1918 гг. По его замечанию, в политический кризис 1917 г., в частности октябрьские события, в Центральном Черноземье, был временем значительного распространения вождистского (или, если использовать принятую в политологии терминологию – харизматического) типа политического лидерства, в что способствовало выдвиганию на первый план политиков, которые могли устанавливать власть ультимативным образом [4, с. 110]. По мнению данного исследователя, вопреки положениям советской историографии, связанным с объективным характером октябрьского переворота, в Воронежской губернии Октябрьская революция (в первую очередь) направлялась и осуществлялась отдельными политическими деятелями, которые устанавливали новый политический порядок своей волей [5, с. 1455]. Таким образом, по его мнению, политический процесс в губернии (и шире – Центрально-Чернозёмном регионе) зависел в этот период не от объективных факторов, а от действий отдельных личностей с определённым политическим характером и их политических ценностей, которые часто находились между собой в противоречивых отношениях.

Развитие красногвардейского движения в Воронежской губернии, в целом, находилось в той же логике, что и развитие всего политического процесса. Его формирование в уездах губернии было непосредственно связано с выдвиганием на первый план военно-политических лидеров, которые становились во главе создававшихся иррегулярных военизированных отрядов, которые и получили название красногвардейских. Можно сказать, что существовало два основных пути образования таких отрядов: локальный (когда отряд Красной гвардии формировался вокруг какой-либо территории, например, уезда, волости или города) и персональный (когда отряд формировался вокруг каких-либо харизматических личностей, способных сплотить вокруг себя людей). Локальный и персональный характер формирования красногвардейских отрядов делал красногвардейское движение децентрализованным. В Воронежской губернии наиболее известными примерами отрядов, имевших в качестве основания своего формирования локальный и персональный принципы, были соответственно Воронежская боевая рабочая дружина, сформировавшаяся по принципу принадлежности к городу, и богучарский красногвардейский отряд, сложившийся вокруг нескольких личностей, ставших на первом этапе существования отряда его организаторами.

Новохопёрский уезд, хотя и не был эпицентром красногвардейского движения на губернском уровне, представлял собой зону достаточно большой активности подобного рода отрядов из-за своего административно-территориального положения и наличия крупного железнодорожного центра в Поворино [1, Л. 14]. И, как уже было отмечено ранее, формирование отрядов было связано с деятельностью отдельных политических и военных лидеров, которые волевым образом направляли данный процесс. В Новохопёрском уезде одним из таких военных и политических лидеров Красной гвардии в 1917-1918 гг. являлся Е.В. Плотников.

По воспоминаниям участника революционных событий в Новохопёрском уезде Н.Н. Потулова, который в своих воспоминаниях под заглавием «Записки врача», много писал о Плотникове и его действиях по организации политических и военных процессов в уезде, фигура данного деятеля была весьма значимой для уездной истории этого периода. Дореволюционная биография Николая Евгеньевича Плотникова достаточно плохо отражена в источниках. Известно, что он к 1917 г. являлся офицером 214-го запасного полка, который был расквартирован в Новохопёрске [2, Л. 14]. К моменту февральской революции он уже имел социал-демократические взгляды и, возможно, уже участвовал в политической деятельности, по крайней мере Потулов в своих воспоминаниях писал, что тот был опытным революционером, со сложившимся и дальновидным характером, но при этом имел достаточно молодой возраст. Помимо этого, Потулов отмечал симпатии Плотникова к большевизму, имевшиеся уже к началу 1917 г., называя его готовым большевиком в момент, когда слово «большевик» было ещё под запретом [2, Л. 16].

Сразу после Февральской революции Н.Е. Плотников занимался в основном революционно-агитационной работой среди солдат своего полка, не выступая при этом ни с какими радикальными заявлениями или предложениями. Очень быстро он стал одним из наиболее влиятельных агитаторов в Новохопёрске, как среди солдат, так и среди гражданского населения, что, фактически, привело его к скрытому конфликту с местными властями, которые всячески пытались выдвинуть Плотникова из города и отправить его на фронт. Однако, солдаты, находившиеся в городе, среди которых Плотников пользовался значительной популярностью, не позволили исполнить соответствующих распоряжений городского военного руководства и выслать его за пределы уезда. Это, как представляется, свидетельствует о двух моментах: во-первых, о приобретении Плотниковым политического влияния на данную группу населения Новохопёрска; во-вторых, о начале процесса складывания под его руководством Новохопёрского красногвардейского отряда, костяк которого составляли особенно на первом именно местные солдаты, лояльные своим новым лидерам, выдвинувшимся в период первых месяцев после Февральской революции. Формированию отряда способствовал процесс делигитимации официального политического и военного руководства города, а также процесс фрагментации армии, которая всё больше превращалась из единой общегосударственной структуры в совокупность сепарированных друг от друга отрядов [2, Л. 21].

Как отмечал Потулов, вокруг Плотникова постепенно в течение весны 1917 г. сложилась группа последователей и сподвижников, что можно считать ещё одним шагом в процессе формирования новохопёрского красногвардейского движения, хотя деятельность

данной политической группировки была сконцентрирована в сфере агитации. Летом 1917 г. активность данной группы только возрастала и охватывала своей всё большее количество людей, хотя его основной целевой аудиторией оставался 214-й полк, который к тому моменту всё больше представлял собой чисто номинальное образование, раздроблённое на множество частей по политическому признаку [2, Л. 22]. Постепенно число последователей его группы росло за счёт представителей крестьянской молодёжи, наиболее бедной части горожан и, главным образом, солдат, прибывающих с фронта в уезд (как тех, кто приезжал домой, так и тех, кто просто был там проездом, но по тем или иным причинам оставался там на более длительное время), и помимо этого продолжала расширяться его поддержка среди местных солдат. Всё это привело к тому, что к октябрю 1917 г. округ фигуры Плотникова сформировалась обширная политическая и частично военизированная группировка, достаточно многочисленная по своему составу в масштабах как минимум уездного центра. Формирование такой группировки было ещё одним шагом на пути к формированию новохопёрской Красной гвардии [2, Л. 22].

Во время выборов в Учредительное собрание в Новохопёрском уезде группа Плотникова уже открыто называла себя партией «большевиков-коммунистов», хотя ранее сторонники подобных политических идей в Новохопёрском уезде старались не использовать такие формулировки по отношению к себе. К тому времени, к группе Плотникова примкнул ряд иных новохопёрских политических активистов социалистической ориентации, например А. Буханцов. На данных выборах группа под руководством Плотникова получила около 25% голосов в уезде, сильно уступив местным эсерам (почти в два раза), но при этом закрепив за собой статус одной из наиболее влиятельных политических сил. Этот период октября 1917 – января 1918 г. можно считать пиком политической карьеры Е.В. Плотникова, у которого получилось занять одно из центральных мест в уездной политической системе [2, Л. 23].

Политическая роль личности Плотникова определялась в этот период также и его важной ролью в октябрьских событиях в уезде. Нельзя сказать, что данный процесс был обусловлен там единственно личным влиянием данного политического деятеля. Тем не менее конкретное оформление новой политической конфигурации было в том числе и результатом его деятельности. Во время октябрьского переворота в Новохопёрске (хотя там данные события произошли почти на три недели позже, чем в Петрограде и Воронеже, однако для условности будем обозначать их таким образом) Плотников сопровождал группу воронежских большевиков-агитаторов, которые прибыли в Новохопёрский уезд в середине ноября 1917 г. с целью революционной агитации местного населения и особенно наиболее политически активной его части. В целом, переход власти от умеренных социалистов к большевикам и левым эсерам в Новохопёрске произошёл бескровно и без острой политической борьбы, для которой просто отсутствовала почва, в виду крайне низкого уровня политической легитимности первых и, наоборот, высокого уровня поддержки вторых.

После этого, Плотников был назначен председателем вновь образованного совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а также его исполнительного комитета. При участии его в составе исполкома были образованы отделы народного образования и здравоохранения. В целом, современники Плотникова, работавшие тогда с ним, отмечали, что он обладал весьма хорошими управленческими навыками и методически подходил к решению

общественно значимых проблем своего уезда, особенно социальных вопросов и вопросов городского благоустройства [2, с. 22]. Помимо гражданских дел, им на посту председателя уездного совета и исполкома большое внимание уделялось также военным вопросам, особенно вопросу разоружения проходящих вдоль расположенной в уезде железной дороги через основные железнодорожные станции и пополнению таким образом запасов оружия у местного красногвардейского отряда, который к тому времени уже оформился и костяк которого состоял из числа бывших членов его политической группы (главным образом, бывших солдат 214-го полка и местных рабочих) [3, с. 27].

При этом, по своему политическому характеру Е.В. Плотников был, как представляется, скорее прагматиком нежели идейным коммунистом, активно привлекая к решению городских и уездных вопросов представителей практически всех политических партий, включая либеральные. При этом даже после начала систематического притеснения оппозиционных большевикам партий, Плотников достаточно долго сохранял у себя в уезде свободный режим их функционирования и не стремился полностью исключить их и их представителей из политической жизни уезда. Тот же самый Н.Н. Потулов отмечал, что Плотников старался минимально исполнять директивы большевистского руководства об имплементации репрессивных мер по отношению к оппозиции, причём часто делал это под личную ответственность (например, он долгое время фактически покровительствовал местному отделению кадетов, разрешая ему функционировать и иметь прямой контакт с центральными партийными учреждениями, а также лично не допускал арестов и наказаний для оппозиционных политиков, которые обвинялись в ведении «контрреволюционной агитации») [2, с. 32].

Во время летнего наступления белогвардейских частей в Воронежской губернии, Плотников, будучи также председателем уездного Ревкома, продолжал руководить советской гражданской и военной администрацией Новохопёрского уезда, находясь в эвакуации сначала в селе Макарово, а затем в селе Таволжанка в период, когда юг уезда был занят белогвардейцами. Большое внимание им уделялось в этот момент материально-техническому обеспечению местных красногвардейцев, а затем красноармейцев. В целом, значимых событий, связанных с деятельностью Е.В. Плотникова, в данный промежуток времени не было, и он просто исполнял свои текущие обязанности. Единственным примечательным фактом в его биографии во второй половине 1918 г. являлось покушение на него, которое было осуществлено во время налёта казаков на село Красное в конце ноября 1918 г., когда Плотников временно находился там. Несмотря на сложившуюся угрозу его жизни ему, хотя и не без труда, удалось выбраться в соседнее село Калмык и уйти от нападавших [3, с. 22].

Таким образом, фигура Е.В. Плотникова занимает важное место в истории Новохопёрского уезда периода 1917-1918 гг. Как можно было заметить, в нём сочетались как черты политического деятеля и партийного функционера, которым, как представляется, он и был в первую очередь, так и черты организатора новохопёрского красногвардейского движения, которое выросло из тех политических и общественных структур, которые были развиты непосредственно им как их идейным вдохновителем и руководителем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Воронежской области. – Ф. Р-905. – Оп. 1. – Д. 1. (Документы (доклады, отчёты, письма) об участии жителей г. Воронежа в революционных боях за советскую власть).
2. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 561 (Н. Н. Потулов. Записки врача 1917-1927 гг. Воспоминания. Новохопёрский уезд).
3. ГАОПИ ВО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 562 (Воспоминания участников событий Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революции в Новохопёрском уезде. Том 1).
4. Разиньков М. Е. «До сих пор единственной гарантией была охрана конной частью»: конфликт ценностей среди политических вождей в губерниях Центрального Черноземья в июле-сентябре 1917 года // Вестник ВГУ. – Серия: История. Политология. Социология. – 2025. – № 4. – С. 110–116.
5. Разиньков М.Е. «Я был один среди всех...»: краткий триумф авторитарного политического вождизма в губерниях Центрального Черноземья в октябре 1917 – феврале 1918 г. // Вестник Тамбовского университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2025. 30 (6). – С. 1455–1468.

REFERENCES

1. State Archive of Voronezh Oblast'. – F. R-905. – In. 1. – F. 1 (Documents (reports, accounts, letters) on participation of residents of the City of Voronezh at revolutionary struggles for Soviet regime)
2. State Archive of social and political history of Voronezh Oblast' (further – SASPH VO). – F. 5. – In. 1. – F. 561. (N. N. Potulov. The Doctor's papers 1917-1927. Memoirs. Novokhoporsky uyezd).
3. SASPH VO. – F. 5. – In. 1. – F. 562 (Memoirs of the participants of February Bourgeois-Democratic and October Socialistic Revolution in Novokhoporsky uyezd. Vol. 1).
4. Razinkov M. E. «So far the only one guarantee was protection by cavalry regiment»: a conflict of values among political chiefs in the provinces of Central Black Earth in July-September of 1917 // VSU Review. – Series: History. Political Science. Sociology. – 2025. – № 4. – Pp. 110-116.
5. Razinkov M. E. «I was alone among everyone...»: a brief triumph of authoritarian political leadership in the provinces of the Central Black Earth Region in October 1917 – February 1918 // Tambov University Review. – Series: Humanities. – 2025. 30(6). – Pp. 1455–1468.

**РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ
В РАСПРОСТРАНЕНИИ НАУЧНО-АТЕИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
В 1960-1970 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)**

THE ROLE OF THE COMMISSIONER OF THE COUNCIL FOR RELIGIOUS AFFAIRS IN
DISSEMINATING THE SCIENTIFIC WORLDVIEW IN THE 1960s AND 1970s (A CASE
STUDY OF THE VORONEZH REGION)

Черенков И.Ю., преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Cherenkov I.Y., teacher

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: в советское время наука противопоставлялась религии; их синергия не являлась возможной так как достижения учёных абсолютизировались, а духовный опыт предыдущих поколений воспринимался как ложное знание. Формирование научного мировоззрения было возложено на преподавателей, воспитателей, представителей трудовых коллективов, а также на уполномоченных Совета по делам религий. Помимо контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах, уполномоченный был обязан организовывать атеистическое просвещение, которое основывалось на передовой научной мысли.

Abstract: In the Soviet era, science was opposed to religion; their synergy was not possible because the achievements of scientists were absolutized, while the spiritual experience of previous generations was perceived as false knowledge. The formation of a scientific worldview was entrusted to teachers, educators, representatives of labor collectives, as well as to commissioners of the Council for Religious Affairs. In addition to monitoring compliance with legislation on religious cults, the commissioners were obliged to organize atheistic education, which was based on advanced scientific thought.

Ключевые слова: уполномоченный Совета по делам религий, научное мировоззрение, религиозные объединения.

Keywords: commissioner of the Council for Religious Affairs, scientific worldview, religious associations.

В Советском Союзе деятельность религиозных организаций находилась под полным контролем власти, а нелегально функционирующие объединения верующих преследовались законом. Надзор за отправлением культов с 1965 г. осуществлял Совет по делам религий при Совете Министров СССР через сеть уполномоченных, которые находились в регионах и республиках. Чиновники имели широкий перечень полномочий, в том числе и по формированию научно-атеистического мировоззрения. Уполномоченные находились в

ситуации должностной коллизии: с одной стороны, они обязаны были контролировать соблюдение законодательства о культах и придерживаться нейтральной позиции между властью и верующими, а с другой проводить работу по популяризации советской идеологии и борьбе с религией. В силу отмеченного противоречия на местах происходили перегибы либо в сторону чрезмерной лояльности, либо в сторону ущемление прав верующих.

Несмотря на то, что религиозность являлась для советской власти предрассудком, с ней были вынуждены сосуществовать, так как значительная часть граждан верила в сверхъестественное. Борьба с религией со второй половины 1960 гг. велась посредством контроля за соблюдением законодательства о культах и проведения научного просвещения. В силу чего, в законодательство вводились новые нормативно-правовые акты, ограничивающие права верующих [10, с. 137]. В Конституциях СССР 1936 и 1977 гг. всем гражданам разрешалось ведение атеистической пропаганды, а религиозное просвещение не упоминалось. В связи с чем, легальная миссионерская деятельность ограничивалась церковным амвоном.

Атеистическое мировоззрение проистекало из марксистско-ленинской философской мысли, которую воспринимали не как простую концепцию, а как отправную точку для развития науки. В.И. Ленин считал учение К. Маркса «величайшим завоевание научной мысли» [9, с. 44], по его мнению, «хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно стройной научной теорией» [9, с. 44]. Л.Д. Троцкий полагал, что для того, чтобы положить начало действительному, научному знанию, необходимо отказаться от ложного, сверхъестественного. Уничтожить религиозное мировоззрение, по его мнению, можно было с помощью широкого распространения «авиационно-химических способов истребления саранчи» или же электрификации [8, с. 213,215]. Отрыву женщины от религии должны были послужить общественные столовые и ясли [8, с. 213]. Будучи генеральным секретарём партии, Л.И. Брежнев вслед за классиками марксизма считал, что КПСС руководствуется марксистско-ленинской наукой, самой передовой наукой современности [1, с. 124].

Связующим звеном между религиозными организациями области и уполномоченными были комиссии содействия по соблюдению законодательства о культах при исполкомах. Основная задача комиссий заключалась в помощи исполкому в контроле за соблюдением законодательства. В перечень их полномочий не входила организация атеистического просвещения, но зачастую они были в нем задействованы [7, с. 41]. Комиссии работали по разработанному ими плану, который составлялся на год в соответствии с планом уполномоченного Совета по делам религий и конкретной религиозной обстановке в регионе [6, Л. 27].

Необходимо отметить роль Воронежского опорного пункта Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, который занимался исследованием религиозности в регионе. Сотрудники опорного пункта проводили социологические опросы среди граждан, результаты которых передавались уполномоченному. Помимо этого, они участвовали в составлении графиков просветительских мероприятий «на предприятии, в учреждении, школе и даже по месту жительства» [2, Л. 53]. Деятельность опорного пункта была связана с вузами Воронежа. Например, студенты Воронежского государственного

педагогического института результаты своей атеистической практики направляли уполномоченному и в опорный пункт [4, Л. 12-15].

Главным инструментом распространения научного мировоззрения оставались лекции и беседы. Лекторами выступали: уполномоченный Совета по делам религий, представители общества «Знание» и комиссий содействия, педагоги и др. [6, Л. 31, 33; 3, Л. 1-5; 5, Л. 1-5]. В 1957 г. в Воронежской области прочитали 1532 атеистические лекции, в 1962 г. – 6142, а к 1968 г. – уже 9916 лекций [12, с. 517]. Помимо этого, публиковалась информация в периодических изданиях. Например, комиссией содействия контролю за соблюдением законодательства о культах при Железнодорожном райисполкоме велась атеистическая работа в газетах «Кристалл» и «Вагоноремонтник», а также через стенгазеты различных предприятий района [6, Л. 31]. На территории области проводились показы антирелигиозных фильмов [6, Л. 36], а вместо церковных обрядов вводилась альтернатива в виде гражданской обрядности, выраженной в торжественных регистрациях в органах ЗАГС, выписках из родильных домов, гражданском поминании усопших и т.д. [11, с. 115-128].

Подход к изучению религиозных объединений базировался на научных методах. Уполномоченный собирал информацию о верующих, систематизировал её, вёл архив, в котором находились все данные за годы работы Совета по делам религий (и предшествующих ему Советов по делам религиозных культов и русской православной церкви), анализировал факты и отправлял отчёты со своими наблюдениями в Совет по делам религий. Помимо уполномоченного с научной точки зрения к процессу сбора и обработки информации подходил и Воронежский опорный пункт Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, который проводил социологические опросы и интерпретировал результаты. К подобной деятельности привлекали и студентов практикантов, которые составляли отчёты по практике.

В Воронежской области основными проблемами уполномоченного Совета по делам религий являлись администрирования со стороны советской власти, вмешательство священнослужителей в дела исполнительных органов и ревизионных комиссий, незаконные совершения обрядов, в том числе и крещение несовершеннолетних, и нежелание религиозных объединений проходить регистрацию. В рамках решения, перечисленной выше проблематики, чиновник выстраивал свою деятельность по распространению научно-атеистического знания. Им проводились беседы с партийными работниками, выстраивалась просветительская линия, в отношении религиозных граждан, принимались меры по культивации атеистического мировоззрения в учебных заведениях и т.д.

Таким образом можно сделать вывод о том, что уполномоченный являлся активным участником распространения научно-атеистического знания. Ему помогали комиссии содействия соблюдению законодательства о религиозных культах, Воронежский опорный пункт Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС и др. Главным инструментом трансляции научного мировоззрения оставались лекции и беседы. Помимо этого, можно выделить работу с публицистическими изданиями, показом атеистических фильмов и введению гражданской обрядности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брежнев Л. И. Отчётный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV Съезду Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Издательство политической литературы, 1971. – 135 с.
2. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. Р967. – Оп.1. – Д. 204. – Л. 52–61.
3. ГАВО. – Ф. Р967. – Оп. 1. – Д. 212. – Л. 1–5.
4. ГАВО. – Ф. Р967. – Оп. 1. – Д. 218. – Л. 12–15.
5. ГАВО. – Ф. Р967. – Оп. 1. – Д. 221. – Л.1–5.
6. ГАВО. – Ф. Р967. – Оп. 1. – Д. 226. – Л.27–36.
7. ГАВО. – Ф. Р967. – Оп. 1. – Д. 209. – Л.33–45.
8. Из доклада Л. Д. Троцкого на совещании работников «Ленинизм и рабочие клубы» (подпункт Антирелигиозная пропаганда) // Конфессионально политика Советского государства. 1917-1991 гг.: Документы и материалы. – Т.1. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – С. 211–216.
9. Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Изд. 5. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – С. 40–48.
10. Маслова И. И. Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской Православной Церкви (1953-1991 гг.): дисс. ... д. и. н. – М., 2005. – 545 с.
11. Перцев В. А. Обряды и традиции населения Воронежской области в 1960-е – начале 1970-х годов // Воронежский вестник архивиста, 2011. – Вып. 9. – С.115–128.
12. Русская Православная Церковь XX век / Сост.: А. Л. Беглов, О. Ю. Васильева, А. В. Журавский [и др.]. – Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2015. – 800 с.

REFERENS

1. Brezhnev L. I. Report of the Centurial Committee of the CPSU to the XXIV Congress of the Communist Party of the Soviet Union. – М.: Publishing House of Political Literature, 1971. – 135 p.
2. The State Archive of the Voronezh region (hereinafter – GAVO).– F. R967. – Op.1. – D.204. – L.53.
3. GAVO. – F. R967. – Op. 1. – D. 212. – L. 1–5.
4. GAVO. – F. R967. – Op. 1. – D. 218. – L. 12–15.
5. GAVO. – F. R967. – Op. 1. – D. 221. – L. 1–5.
6. GAVO. – F. R967. – Op. 1. – D. 226. – L. 27–36.
7. GAVO. – F. R967. – Op. 1. – D. 209. – L. 33–45.
8. From the report of L. D. Trotsky at the meeting of workers «Leninism and workers» (sub-item Antireligious propaganda)// Confessional policy of the Soviet state. 1917-1991: Documents and Materials. – Vol. 1. – М.: Political Encyclopedia, 2018. – Pp. 211–216.
9. Lenin V. I. Three sources and three components of Marxism // Lenin V. I. Complete Works. – Ed. 5. – Moscow: Publishing House of Political Literature, 1973. – Pp. 40–48.

10. Maslova I. I. The evolution of the religious policy of the Soviet state and the activities of the Russian Orthodox Church (1953–1991). Doc. Sci. thesis. (History). – M., 2005. – 545 p.
11. Pertsev V. A. Rituals and traditions of the population of the Voronezh region in the 1960s – early 1970s // *Voronezh Archivist's Bulletin*, 2011. – Issue 9. – Pp. 115–128.
12. The Russian Orthodox Church of the XX century / Completed by: A. L. Beglov, O. Y. Vasilyeva, A. V. Zhuravsky [and others]. – M.: Sretensky Monastery Publishing House, 2015. – 800 p.

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ВАЛААМ (1920-1939 ГГ.)**RUSSIAN EMIGRATION AND VALAAM (1920-1939)**

Востриков П.В., кандидат исторических наук, преподаватель
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Vostrikov P.V., Candidate of Historical Sciences, teacher
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: После Октябрьской революции древний Спасо-Преображенский Валаамский православный монастырь оказался на территории Финляндии, которая впервые стала независимым государством. Во времена гонений на православие в Советской России, массовых репрессий и закрытия всех монастырей в указанный период, остров Валаам до конца 1930-х гг. оставался центром духовной жизни не только для православных жителей Финляндии, но и популярным туристическим направлением для заинтересованных людей из многих стран. Но главное его значение состоит в сбережении традиций, миссионерской деятельности, поддержке русских эмигрантов, разбросанных по всему миру.

Ключевые слова: Валаамский монастырь, русская эмиграция, русское монашество, православная церковь, финнизация, национальная идентичность.

Abstract: After the October Revolution, the Valaam Orthodox Monastery of the Transfiguration of the Savior found itself in Finland, which had become an independent state for the first time in history. During the persecution of Orthodoxy in Soviet Russia, the mass repressions, and the closure of all monasteries during this period, the island of Valaam remained a spiritual center till the end of the 1930-ies not only for the Orthodox parishioners of Finland, but it also became a popular tourist destination for visitors from many countries. Its main significance, however, lies in the preservation of traditions, missionary work, and support for Russian émigrés scattered throughout the world.

Keywords: Valaam Monastery, Russian emigration, Russian monasticism, Orthodox Church, Finnization, national identity.

После Октябрьской революции согласно Декрета Советской власти о праве наций на самоопределение, Великое Княжество Финляндское, имевшее в составе России широкие права автономии, провозгласило независимость, в результате чего в 1917 г. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь оказался в новой политической реальности, так же как и многие древние русские земли. Бывшие части территории Российской империи с материальными и культурными ценностями признавались теперь «достоянием финского народа». Большевицкое правительство надеялось на мировую революцию, что и в Финляндии произойдёт социалистический переворот, и к власти придут коммунисты. Но в результате

непродолжительной Гражданской войны весной 1918 г. финские «красные» потерпели поражение, и в стране утвердился буржуазно-демократический строй. Граница между Финляндией и Советской Россией прошла по Ладожскому озеру. И с 1918 г. на острове Валаам, имевшем важное стратегическое положение, разместился финский военный гарнизон. На островах архипелага, арендованных у монастыря, установили батарею дальнобойных орудий для защиты границы. въезд частным лицам был воспрещён. Финны решили построить на Валааме мощные береговые батареи, контролировавшие северо-восточную часть озера [16]. Напряжённые отношения между Финляндией и Советской Россией были приведены к некоторому урегулированию в результате подписания Тартуского мирного договора в 1920 г. Впервые за многовековую историю Валаамской обители, этого поистине «монашеского царства» на острове сложилось своего рода двоевластие. Валаамские монахи, никогда не бравшие в руки оружия, невольно превратились в обитателей крупного стратегического военного объекта, деля остров с финскими артиллеристами. Архивариус монастыря монах Иувиан (Красноперов) отмечал ещё в марте 1917 г.: «По случаю падения в России государственной власти в Финляндии началось брожение: были случаи погромов русских школ и избиения русских граждан. Толпа береговых хулиганов собралась идти на Валаам с целью грабежа и погрома, но милосердие Божие отвратило их злое намерение...» [12, с. 16].

Отношения монастыря с правительством и командованием гарнизона складывались непросто, были конфликты, даже драки, вызванные отчасти языковым барьером. Кроме того, монастырь пережил и голод 1918-1919 гг., и страшные эпидемии «испанки» (разновидность гриппа) и тифа. Финские власти реквизировали монастырские пароходы, продукты, имелись случаи голодной смерти. Монах-очевидец писал в дневнике: «...упала жизнь у нас духовная, храни Боже нашу обитель от полного разложения». С другой стороны, случаи воровства, о которых он также упоминал, были единичными, а видимый упадок был следствием «громальной стихийности размаха общемировых бедствий» [15, с. 128]. В конце 1918 г. власти потребовали, чтобы монахи Валаама приняли финское гражданство и вели службы по новому стилю. В среде монашеской братии произошёл раскол. Те, кто придерживался юлианского календаря, попали в опалу, вынуждены были какое-то время проводить богослужения в амбарах. Целью новой политики было провести финнизацию православной церкви и приблизить монастырь к финскому обществу в целом [18, р. 34]. Старая пасхалия при этом не была нарушена. Одну группу наиболее активных монахов-старостильников финны заключили на какое-то время в выборгскую тюрьму, а многих других сослали в отдалённые скиты. В 1925-1926 гг. из монастыря были исключены более 40 монашествующих, которые остались верны юлианскому календарю. Их судьба раскидала по разным странам – от СССР до разных стран Европы, Африки и Америки. Валаамские изгнанники стали духовниками и наставниками для тысяч русских беженцев, возрождали традиции монашества у южнославянских народов. И где бы ни оказались старостильники, они везде оставались валаамцами, поддерживали связь с братьями, в том числе и с оставшимися на Валааме [3, с. 198]. Часть из старостильников вернулись в Россию, где через некоторое время подверглись репрессиям. Раскол продолжался до 1945 г.

Некоторые русские и до революции проживали в Финляндии, а после перешли на положение «невозвращенцев». Общее число их в этой стране, вместе с беженцами составляло

около 20 тыс. человек [1, с. 200]. Среди эмигрантов были специфические группы, например, то были беглецы из советских концлагерей, расположенных в Карелии, их было около 50 человек. Во время коллективизации росло число заключённых, как и число побегов [2, с. 46].

Игумен Харитон вспоминал: «Поступать в монастырь разрешали только гражданам Финляндии, и только они имели право голоса на монастырском собрании». Подписка на выбор подданства 1919 г. выявила, что в местное подданство желает перейти 71 человек, а сохранить «родное, российское» – 189. В 1920 г. в монастыре было 112 граждан Финляндии из 426 насельников монастыря. Численность «финляндцев» и «не финляндцев» сравнилась только к 1937 г.: 146 на 147 человек. В 1925 г. власти потребовали, чтобы православные службы велись на финском языке. И это при том, что к 1917 г. финнов среди монахов практически не было. Финское правительство, желавшее максимально отмежеваться от Москвы, потребовало от местной епархии отделиться от Российской Церкви. Не желая конфликта, патриарх Тихон и Священный Синод в феврале 1921 г. издали указ о предоставлении Финляндской епархии права именоваться Финляндской Православной Церковью. Новой структуре были даны права автономии в церковно-административных, школьно-просветительских и церковно-гражданских делах. К широкому компромиссам в угоду местным властям был готов и архиепископ Финляндский Серафим (Лукиянов). Однако местное государственное руководство не устраивал ни статус автономии в рамках Московского Патриархата, ни личность самого архиепископа Серафима, который недостаточно хорошо знал финский язык, вместо которого правительство хотело видеть своего, «национального» иерарха. Таковой вскоре был избран. Это был вдовый протоиерей Герман Аав. Финляндское руководство нашло поддержку в лице Константинопольского Патриарха Мелетия IV (Метаксакиса), который к тому времени уже успел прославиться своими модернистскими симпатиями [6]. В 1918 г. Финляндское правительство присвоило православию статус второй (после лютеранства) государственной церкви национального меньшинства, православная церковь Финляндии перешла под юрисдикцию Константинопольского патриархата.

Широкий поток богомольцев и туристов был прерван ещё в 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны. Около 600 насельников монастыря – монахов, послушников – отправились на фронт. В основном, это были молодые люди, «ушло наше будущее», – говорили о них. Несколько лет паломников на Валааме практически не было, монастырь был отрезан от русской жизни, монахи не имели возможности знать о происходящих событиях. Но с середины 20-х гг. XX в. в обитель вновь начали притекать верующие, прежде всего русские эмигранты, осевшие в Прибалтике и странах Скандинавии, а затем и из более дальних стран. Валаам приобрёл для них особое значение. Несмотря на трудности, активную финнизацию и навязанную календарную реформу, монастырь стал для русской эмиграции по всему миру символом стойкости и верности православию, культурным и духовным центром. в межвоенные годы привлекающим тысячи паломников со всего мира. И почти на протяжении двух десятилетий, в 1920-1930 гг. Валаам притягивал к себе людей, потерявших родину. Для русских эмигрантов обитель была островком той былой, ушедшей в историю Руси. В летнее время обитель посещали паломнические группы из Эстонии и Финляндии. Стали практиковаться «организованные паломнические поездки» – целыми приходами во главе со священником, товариществами или отрядами (если в монастырь отправлялись дети – как

правило, члены Союза русских скаутов). Монастырь активно занимался благотворительностью. В Воскресенском скиту был открыт приют для мальчиков из бедных православных семей Карелии. 30 мальчиков жили на втором этаже келейного корпуса и обучались по курсу народной школы, а также церковному чтению и иконописи. Мальчики изучали здесь общеобразовательные предметы по курсу финских народных школ, а также Закон Божий, церковно-славянский язык и пение. Учителей приглашали с материка. Обучение велось на финском языке. Финансировался приют частично по линии Церкви, частично – на средства общин, откуда прибыли дети. После окончания школы воспитанники могли получить хорошую ремесленную подготовку в монастырских мастерских: столярной, сапожной, швейной, переплётной, часовой, иконописной и других [11]. На Валааме проходили съезды духовенства, творческая интеллигенция обретала вдохновение, принимали монашеский постриг представители аристократии – князь Алексей Мещерский и фрейлина последней русской императрицы Анна Вырубова. В этот период на Валааме также возникла традиция проведения на Валааме «слётов» православных хоров в 1920-30-х гг., когда летом в монастыре собирались любители церковного пения со всей Финляндии. В 1926-1939 гг. при поддержке Валаамского монастыря в Финляндии выходила газета, в которой иногда печатались жизнеописания некоторых старцев или воспоминания паломников о валаамских духовниках. В 1927 г. командиром островного соединения был назначен полковник Эйно Ярвинен, сам из Карелии, хорошо знал русский язык и любил русскую культуру. Он старался иметь хорошие с монастырём и добился, чтобы в воинскую часть призывали преимущественно выходцев из юго-восточной Финляндии, из районов компактного проживания православного населения.

До революции паломничество было распространено, главным образом, среди малообразованного простого народа. Но после изгнания Русская православная церковь стала играть большую роль в жизни интеллигенции, оказавшейся на чужбине, принадлежность православию стала маркером национальной идентичности, произошёл переворот в сознании эмигрантов. Воссоздаваемая в Зарубежье параллельная Россия стремилась сохранить корни, обрести национальное самосознание, найти основу для единения, а также стремилась сохранить русскость в детях, молодых людях, которые родились на чужбине [2, с. 242]. А рассказы о Валааме писателей старшего поколения стали стимулом для думающей русской молодёжи, мечтавшей в эмиграции о некоем идеальном образе Родины. Молодой поэт Иван Савин писал: «Валаам – один из немногих, уцелевших в смуте, монастырей. Зброшенный в вековую глушь Финляндии, он оказался в стороне от большой дороги коммунистического Соловья-Разбойника. И глядишь на него с опаской: не призрак ли? И любишь его, как последний оплот некогда славных воинов молитвы и отречения» [12, с. 83]. Старшему поколению эмиграции требовались большая изобретательность, такт, чтобы найти ту форму воспитания и образования для своих детей, которая, несмотря на неизбежный процесс ассимиляции, могла бы сохранить духовную привязанность к России. Создав огромную просветительскую сеть, целую инфраструктуру общения на базе русского языка и русской культуры, эмиграция эту миссию выполнила. В частности, жители западноевропейских государств во многом благодаря русской эмиграции, могли познакомиться с древней восточной церковной традицией. Например, в 1930-е гг. во Франции медленно, но стабильно сокращалось число практикующих католиков, но при этом число французов, принявших

православие, возрастало. Под Парижем, в окрестностях городка Ментон, появился русский православный скит, где проживали монахи-французы [7, с. 218-219]. Больше всего русских эмигрантов оказалось именно во Франции – около 400 тысяч человек из более чем двухмиллионной пореволюционной русской эмиграции. По официальной статистике в 1937 г. только в Париже проживало 32 915 русских, имевших нансеновские паспорта [14, с. 232]. В самом Париже, при Сергиевском подворье, был создан Свято-Сергиевский богословский институт. Многих русских на чужбине вдохновляли слова знаменитой бунинской речи: «Некоторые из нас глубоко устали и, быть может, готовы, под разными злостными влияниями, разочароваться в том деле, которому они так или иначе служили, готовы назвать своё пребывание на чужбине никчёмным и даже зазорным. Наша цель – твердо сказать: подымите голову! Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас» [3].

Пример обострения видения исторической России из эмиграции нам даёт писатель Б.К. Зайцев, происходивший из "интеллигентской" нецерковной семьи, духовно переродившийся именно в эмиграции как русский православный писатель. В "Слове о Родине" (1938) Зайцев пишет об эволюции своего патриотического самосознания в эмиграции: «Нельзя сказать, чтоб у нас, у просвещённого слоя, воспитывалось тогда чувство России. Скорей считалось оно не вполне уместным. Нам всегда ставили в пример Запад. Мы читали и знали о Западе больше, чем о России, и относились к нему почтительнее... Одно дело – воспринимать изнутри. Другое – со стороны. Судьба поставила нас теперь именно как бы в сторонку, отобрав почти все. Что же, может быть в таком облегчённом виде зрение и верней. Много видишь теперь о Родине по-иному... Когда жили в самой России, среди повседневности, деревянных изб, просёлочных дорог, неисторического пейзажа, менее это замечали. Издали избы, бани, заборы не видны... Но зато чище общий тысячелетний облик Родины. Сильней ощущаешь связь истории, связь поколений и строительства и внутреннее их духовное, ярко светящееся, отливающее разными оттенками, но в существе своём все то же, лишь вековым путём движущееся: своё родное...» [9, с. 309].

Валаамское старчество, традиционно достаточно закрытое, изменило свой характер и стало открыто миру. Схиигумены Иоанн (Алексеев) и Феодор (Пошехов), иеросхимонахи Михаил (Питкевич), Ефрем (Хробостов), Лука (Земсков) исповедуют, утешают, назидают и вдохновляют бывших соотечественников, как и они сами, оказавшихся за пределами Родины. «Много у нас на душе мирских тягостей. Бьёт нас волна за волной. Нет где голову приткнуть... Вот и вспоминаем Св. монастырь Валаам как Мать родную, где мы действительно находили утешение и спокойствие». Эти слова из эмигрантского письма в полной мере отражают настроение православных паломников того времени [13]. Один из выдающихся деятелей русского церковного зарубежья, архимандрит Афанасий (Нечаев) в молодости был послушником на Валааме, здесь обрёл духовника – Ефрема (Хробостова), с которым был связан всю оставшуюся жизнь. Многие валаамские старцы обратили внимание на дарования молодого человека, по их настоянию он отправился учиться богословию в Парижский богословский институт. После чего вернуться на Валаам ему уже не пришлось. Отец Афанасий посвятил свою жизнь общественному служению, был активным участником движения Сопротивления в годы Второй мировой войны [12, с. 16-18].

В 1930 г. монастырь содержал 300 человек братии, 100 трудников и наёмных работников. При скромных финансовых возможностях обители питались монахи скудно. Но монастырь, по мере своих сил, помогал материально бедным приходам за границей: церковная утварь, книги, ноты отправлялись в православные общины Франции, Чехии, Германии. Иеромонах Памва, например, совершал частые дружественные визиты в православные монастыри и приходы Латвии и Эстонии, сохранявшие независимость с 1918 по 1939 гг. Именно в Прибалтике тогда стали практиковаться поездки в составе целых приходов во главе со священником, товариществами или отрядами (если в монастырь отправлялись дети – как правило, члены Союза русских скаутов). Отношение правительства Финляндии к Русской православной церкви за границей было чаще всего отрицательным, поэтому, несмотря на то что РПЦЗ объявила себя ответственной за православных в Финляндии, её влияние не распространилось здесь [15, с. 121].

В 1937 г. Валаам посетил бухгалтер из Таллина, активный член Русского христианского студенческого движения – Михаил Ридигер. Эта поездка произвела на него столь сильное впечатление, что в следующие годы (1938 и 1939) он вновь совершил паломничества в обитель, но уже с женою Еленой и десятилетним сыном Алексеем, будущим Патриархом, Алексием II. У Алеши сложились тёплые отношения с архивариусом, монахом Иувианом (Красноперовым), завязалась переписка. И более полувека Алексей II скажет: «Во многом эти два посещения Валаама определили мой будущий жизненный путь» [12, с. 26].

Известность Валаама в среде русской эмиграции стимулировала литературное творчество. Стали выходить новые художественные произведения, посвящённые «Северному Афону» (очерки Ивана Савина, Михаила Янсона, Сергея Большакова, Бориса Зайцева). К кругу паломнической литературы на Валаам, возникшей в 1930-е гг., относятся как художественные, так публицистические тексты. В этом своеобразном цикле мы рассматриваем произведения профессиональных писателей – ностальгический очерк И. Шмелева «Старый Валаам» (о дореволюционном свадебном путешествии писателя) и повесть-путешествие Б. Зайцева «Валаам». Причём перу Шмелева принадлежит и более раннее, антиклерикальное сочинение «На скалах Валаама», при чем, о том же визите. Писатель многое переоценил с позиций православного мирозерцания. К паломнической публицистике Эстонии, помимо газетных и журнальных заметок в местной печати, относятся «Валаамские впечатления» Иоанна Богоявленского (1937), две книги Михаила Янсона – «Валаамские старцы» (1938) и «Большой скит на Валааме» (1940), а также очерки, стихотворения и были, частью опубликованные в «Православном собеседнике», позже вошедшие в опубликованный дневник «Путевая тетрадь: (На Валаам!)» (1940), Александра Осипова [17, с. 125-126]. Завершая свои записки о путешествии на Валаам, Борис Зайцев даже в шестии тёмных облаков по небу видит печать мрачного величия русской судьбы: «Все это, конечно, необычайно русское. И как-то связано с нами, нашими судьбами. Увидишь ли все это на родной земле или в последний раз, перед большим путешествием, дано взглянуть на облик Родины со стороны, из уголка чужого... Этого мы не знаем. Но за все должны быть благодарны» [4, с. 221-222].

Власти Финляндии поддерживали туристическое направление, в частности, правительственный Комитет путешествий и Финляндский союз туристов занимались

популяризацией архипелага как «одного из замечательнейших мест Финляндии». В результате рекламной деятельности число иностранных и инославных посетителей Валаама, значительно превысило число православных паломников. Монастырь ассоциировался со страной, и 1930-е гг. Валаам стал все чаще притягивать европейских туристов (этот термин прочно утвердился вместо устаревших «путешественников»). В отчёте Валаамского монастыря Собору Финской Православной Церкви в 1931 г. отмечалось, что «доход от туристов» является одним из главных источников монастырского бюджета. Руководство обители осознавало и негативные духовные последствия нового состояния дел, но, с другой стороны, сознавало, что многие люди получают возможность познакомиться с традициями восточного христианства. В монастыре была хорошо организована туристическая инфраструктура, включавшая пароходное сообщение, гостиничное размещение, небольшой ресторан, прокат лодок и конных экипажей, штат экскурсоводов-переводчиков [13]. Статистика посещаемости обители свидетельствует, что если в 1929 г. на Валааме побывало 16 тысяч гостей, то к концу 30-х гг. эта цифра выросла до 30 тысяч в год. В учётной монастырской книге было зарегистрировано, что в 1936 г. Валаам посетили «туристы» числом 3540 человек из 22 государств, из которых 2137 были финнами, 562 – шведами и 40 – русскими. При этом в советской печати того времени Валаамский монастырь называли «осиным гнездом контрреволюции» [10].

Жизнь монастыря продолжалась и развивалась в новых, неожиданных исторических условиях. Ранее Валаам был средоточием центра самой малочисленной епархии Православной Российской Церкви, а теперь он становится духовным маяком для бесчисленного русского рассеяния. На остров Валаам, ранее привлекавший паломников преимущественно из Петербурга и окрестных губерний, стали приезжать теперь не только финны да русские эмигранты, но и обитатели всех континентов, в том числе и инославные, узнавшие о православии от русских беженцев и желающие побывать в настоящем русском монастыре. В 1931-1938 гг. многие тысячи паломников посетили обитель, география их расселения необозрима. Для многих иностранцев далёкая Финляндия прочно ассоциировалась с Валаамским монастырём [6, с. 203].

Советско-финская война 1939-1940 гг. прервала спокойное существование на острове. Монастырь попал в зону боевых действий, подвергался интенсивным бомбардировкам советских войск, в ходе которых были повреждены в основном военные объекты. бетонные укрепления линии Маннергейма. Некоторые хозяйственные постройки тоже были повреждены, был разрушен прямым попаданием бомбы пустовавший в то время больничный корпус с церковью, но скиты и главный собор не пострадали. Никто из братии не погиб. Монахи Валаамского монастыря оказывали поддержку православным беженцам из Восточной Карелии. После окончания зимней войны остров отошёл к Советскому Союзу, а монахи ушли по льду на материк в Финляндию. Эвакуировавшиеся монахи увезли с собой всё самое ценное, включая подлинник Валаамской иконы Божией Матери, другие святыни и колокола. 18 марта 1940 г. над водами Ладожского озера разнеслись 24 удара большого колокола Спасо-Преображенского собора, возвестивших о прекращении жизни обители. На момент эвакуации братия монастыря состояла из 173 человек. Братия основала Ново-Валаамский монастырь в имени Папинниemi в местечке Хейнявеси в Финляндии. В 1940-е гг. монастырь продолжал существовать на новой территории Финляндии как Новый Валаам.

Таким образом, Валаамский монастырь в межвоенный период (1920-1939 гг.) не только сохранился как религиозный центр, но и стал символом сохранения русской культуры и духовности за пределами страны, средством приобщения европейцев к русскому миру.

А в декабре 1989 г., ровно через 50 лет после начала Советско-финской войны, на праздник св. ап. Андрея Первозванного на Валаам из московских обителей (Троице-Сергиевой Лавры и Свято-Данилова монастыря) прибыли первые шесть монахов. Спираль истории совершила очередной виток – началось новое возрождение Спасо-Преображенского Валаамского мужского монастыря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаров Ю. А. Диалог поверх барьеров. Русское литературное зарубежье: центры, периодика, взаимосвязи (1918-1940). – М., Совпадение, 2005. – 336 с.
2. Бочарова З. С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. – М., АИРО-XXI, 2014. – 334 с.
3. Бунин И. А. Миссия русской эмиграции. – URL: <https://bunin.souz-avtorov.ru> (дата обращения: 18.04.2026).
4. Зайцев Б. К. Валаам. Свет Православия. Паломнические очерки. – М., Русская книга, 2003. – 254 с.
5. Инок Всеволод (Филипьев). Святорусское откровение миру. – М., Паломник, 2005. – 480 с.
6. Клементьев А. К. Материалы к истории Спасо-Преображенского монастыря на острове Валаам в местности Паппиниеми в Финляндской республике в 1939-1944 гг. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2017. – № 4 (20). – С. 200–370.
7. Костиков В. Не будем проклинать изгнание... Пути русской эмиграции. М., Международные отношения, 1990. – 464 с.
8. Кострюков А. А. Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008) – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/lektsii-po-istorii-russkoj-tserkvi-1917-2008/10 (дата обращения: 12.03.2026).
9. Назаров М. Миссия русской эмиграции. (На фоне катаклизмов XX века). – М.: Русская Идея; СПб.: Русская Лира. 2020. – Т. 3. – 751 с.
10. Негаснувший свет Валаама. Спасо-Преображенский монастырь // Аргументы и факты. 19.02.2024. – URL: <https://archive.aif.ru/archive/1679914> (дата обращения: 12.04.2026).
11. Пименов Г. В пособии вдовицам и сиротам, в содержании школ и приютов. Милосердное служение Валаамского монастыря. – URL: <https://valaam.ru/history/archive/v-posobii-vdovitsam-i-sirotam-v-soderzhanii-shkol-i-priyutov-miloserdnoe-sluzhenie-valaamskogo-monastyrua-1939-goda> (дата обращения: 12.04.2026).
12. Старый Валаам. Воспоминания о монастыре, 1918-1943 гг. – СПб., Спасо-Преображ. Валаам. монастырь, 2006. – 319 с.
13. Труды братии монастыря. Паломническая традиция на Валааме. – Часть 2. – URL: <https://valaam.ru/history/1398596/> (дата обращения: 13.04.2026).

14. Шевченко Т. И. Проблемы русского церковного рассеяния в Западной Европе в письмах духовенства из Парижа на Валаам межвоенного периода // Богословский вестник. – 2023. – № 4 (51). – С. 227–255.
15. Шевченко Т. И. Проблемы русского церковного рассеяния в Финляндии на примере истории Валаамского монастыря межвоенного периода // Вестник ПСТГУ. – 2022. – № 109. – С. 119–139.
16. Широкопад А. Две войны острова Валаам. Перевоспитание монахов, школа юнг и небоевые потери. – URL: https://nvo.ng.ru/history/2023-04-20/1_1233_valaam.html (дата обращения: 26.03.2026).
17. Шор Т. «О дивный остров Валаам!»: паломничество на Валаам в русской литературе и публицистике Эстонии//Мифология культурного пространства: К 80-летию С.Г. Исакова. – Тарту, 2011. –С. 121–144.
18. Parpei K. «The Oldest One in Russia». The Formation of the Historiographical Image of Valaam Monastery. Leiden. – Boston, 2011. – 299 p.

REFERENCES

1. Azarov Y. A. Dialogue over the Barriers. Literary Life of Russian emigration: centers, periodicals, associations (1918-1940). – М., 2005. – 336 p.
2. Bocharova Z. S. Russian World in the 1930s: From the Rise to Decline of Russia Abroad. – М., 2014. – 344 p.
3. Bunin I. A. Mission of Russian Emigration. bunin.souz-avtorov.ru (date of request: 18.04.2026).
4. Zaitsev B. K. Valaam. The Light of the Orthodoxy. Pilgrims' Essays. – М., 2003. – 254 p.
5. Inok Vsevolod (Filipiev). Holy Russia's Revelation to the World. – М., 2005. – 480 p.
6. Klementiev A. K. Materials to the History of Our Saviour's Transfiguration Monastery on Valaam Island in the Settlement of Pappiniemi in Finland 1939-1944 // Herald of Ekarinburg Seminary. – 2017. – No. 4(20) – Pp. 200–370.
7. Kostikov V. We Won't Condemn Our Exile... The Ways of Russian Emigration. – М., 1990. – 464 p.
8. Kostryukov A. A. Lektsii po istorii Russkoi Tserkvi (1917–2008). – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/lektsii-po-istorii-russkoj-tserkvi-1917-2008/10 (date of request: 12.03.2026).
9. Nazarov M. Mission of Russian Emigration. – М., SPb., 2020. – Т. 3. – 751 p.
10. Negasnuschi svet Valaama / Spaso-Preobrazhenskiimonastir'. Argumenti I facti. 19.02.2024. – URL: <https://archive.aif.ru/archive/1679914>(date of request: 12.04.2026).
11. Pimenov G. VposobiivdovitsamIsirotam, vsoderzhaniischkolIpriyutov. MiloserdnoesluzhenieValaamskogomonastirya. – URL: <https://valaam.ru/history/archive/v-posobii-vdovitsam-i-sirotam-v-soderzhanii-shkol-i-priyutov-miloserdnoe-sluzhenie-valaamskogo-monastyrya-1939-goda/> (date of request: 12.04.2026).
12. Old Valaam. Recollections of the Monastery, 1918-1943 гг. – SPb., 2006. – 319 p.

13. Trudami bratii monastirya. Palomnicheskaya traditsia naValaame. Chast' 2. – URL: <https://valaam.ru/history/1398596/>(date of request: 13.04.2026).
14. Shevchenko T. I. Problems of Russian Church Diaspora in Finland, with the Story of Valaam Monastery in the Interwar Period As an Example // Theological Herald. – 2023. – No. 4(51) – Pp. 119–139.
15. Shevchenko T. I. Problems of the Russian Church's Diaspora in WesternEurope in the Letters of the Clergy from Paris to the Valaam Monastery During the Interwar PeriodTheological Herald. – 2023. – No. 4 (51). – Pp. 227–255.
16. Shirikorad A. Dve voini ostrova Valaam. Perevospitanie monakhov, shkola yung i neboevie poteri. – URL: https://nvo.ng.ru/history/2023-04-20/1_1233_valaam.html (date of request: 26.03.2026).
17. Shor T. «O Wonderful Island of Valaam!»: Pilgrimage to Valaam in Russian Literature and Estonian Publications // Mythology of the Cultural Space: To the 80th Anniversary of S.G. Isakov. – Tartu, 2011. – Pp. 121–144.
18. Parpei K. «The Oldest One in Russia». The Formation of the Historiographical Image of Valaam Monastery. – Leiden. Boston, 2011. – 299 p.

**«ДЕЛО АМЕРИКАНЦЕВ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ**
«THE AMERICAN CASE» AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE SOCIAL-
DEMOCRATIC MOVEMENT IN THE VORONEZH GOVERNORATE

Поляков-Спичак И. В., преподаватель
ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Cherenkov I. Y., teacher
Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: Статья посвящена исследованию деятельности революционного кружка «американцев» в Воронежской губернии начала XX в. как источника по истории социал-демократического движения. Анализируется организация конспиративной работы, логистические связи и методы коммуникации между революционными ячейками. Особое внимание уделяется роли кружка в координации взаимодействия между различными отделениями РСДРП. Дополняется биография важных деятелей революционного движения (О.А. Афанасьева, Н.Н. Кардашев).

Abstract: The article is devoted to the study of the activities of the revolutionary circle of «americans» in the Voronezh province at the beginning of the 20th century as a source on the history of the social democratic movement. The organization of conspiratorial work, logistical connections and methods of communication between revolutionary cells are analyzed. Special attention is paid to the role of the circle in coordinating the interaction between the various branches of the RSDLP. The biography of important figures of the revolutionary movement (O. A. Afanasiev, N. N. Kardashev) is supplemented.

Ключевые слова: РСДРП, революционный кружок, конспирация, социал-демократическое движение, подпольная организация

Keywords: RSDLP, revolutionary circle, conspiracy, social democratic movement, underground organization

В начальный период деятельности Российской социал-демократической рабочей партии и партии социалистов-революционеров рядовые члены организаций не видели существенных различий между их идеологическими установками. Политическая борьба на данном этапе проявлялась в основном в форме дебатов и редких личных конфликтов [5, с. 9]. Важно отметить, что подобные разногласия также возникали внутри самих партий, касаясь как вопросов построения идеального общественного устройства, так и этических аспектов революционной деятельности [1, Л. 2].

В городе Воронеже в 1901 г. был создан революционный кружок, получивший название «американцы». Эта группа являлась частью Российской социал-демократической рабочей

партии и поддерживала тесные контакты как с южными отделениями данной партии, так и с Северным союзом, большинство участников которого составляли члены «американцев».

Отличительной чертой деятельности кружка было то, что он никогда не занимался террористической деятельностью, а его агитационная работа носила ограниченный характер. Группа занималась организацией и поддержанием конспиративных связей. В частности, они занимались обеспечением безопасных мест для встреч, координацией взаимодействия между различными революционными объединениями и участием в нелегальной переправке запрещенной литературы через границу.

Деятельность кружка практически сразу была взята под контроль государственными органами. Воронежское губернское жандармское управление (ВГЖУ) располагало значительной частью информации о методах коммуникации, составе участников, внешних связях и псевдонимах членов организации на протяжении всего периода существования кружка. В документации указано, что основные данные были собраны в результате агентурной деятельности, однако не предоставлена информация о лицах, задействованных в качестве агентов и провокаторов жандармерии.

Арест кружка последовал после визита Н. Э. Баумана в Воронеж и получения его писем, содержащих контактные данные кружка, в ночь на 31 марта 1902 г. В ходе операции были задержаны семь человек. Руководителем операции и ареста выступил лично начальник ВГЖУ, полковник П.П. Глоба. Впоследствии он будет последовательно назначен на должность начальника Енисейского, Орловского и Бакинского губернских жандармских управлений [2, с. 238].

Интересным аспектом является происхождение названия группы. Оно было присвоено в 1901 г., предположительно по инициативе некоего Перелешина [1, Л. 2], однако точные причины этого наименования до сих пор остаются неизвестными. Тем не менее, данное название активно использовалось как самими участниками революционного движения, так и Н.Э. Бауманом.

Первоначальный состав кружка включал пять человек: Николая Николаевича Кардашева, Алексея Ивановича Любимова, Валериана Александровича Рудковского, Льва Яковлевича Карпова и Дмитрия Васильевича Кастеркина. Большинство из них принадлежали к категории «бывших студентов», являясь представителями интеллигенции Воронежа. Впоследствии именно интеллигенция и местное мелкое чиновничество составили основную часть сторонников данного кружка.

Николай Кардашев, приверженец марксистского учения, был арестован в Москве в 1897 г. и выслан в Воронеж. В дальнейшем он активно участвовал в партийной деятельности, и после очередного ареста в 1902 г. продолжил свою работу. На момент деятельности группы «американцев» Кардашев был женат и имел троих детей, проживавших в Воронеже. Кардашев являлся одним из организаторов Северного Союза и отвечал за логистику на юге, занимаясь поиском людей и средств для партии.

Алексей Любимов, бывший студент, был членом Северного комитета и одним из активных деятелей Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), а также членом Центрального комитета партии. Он активно общался с представителями группы «Искровцев» и Северного союза из Самары и Одессы. Любимов был хорошо знаком с

новейшей революционной литературой, отличался экспрессивностью и любовью к полемике и дебатам. Он был знаком с Георгием Валентиновичем Плехановым и продолжал работать с ним после ареста «американцев». Любимов проживал в Воронеже по адресу: улица Среднемосковская, дом 41.

Наиболее значимой фигурой группы, о которой ВГЖУ собрало наибольшее количество материалов, была Варенова Ольга Афанасьевна, известная под псевдонимом Марья Ивановна. Уже в 1901 г. она приобрела известность как пламенная революционерка, в том числе за пределами России. Варенова родилась в 1862 г., в Воронеже она работала в Статистическом бюро и характеризовалась как выдержанная и уравновешенная личность с социал-демократическими взглядами.

Ольга Афанасьевна контролировала связи представителей «американцев» в Иваново-Вознесенске, Перми, Харькове и других городах. В Воронеже активно взаимодействовала с другими членами партии и их сторонниками. Единственная из группы, которая занималась гектографией, распространением листовок и воззваний, а также лично вела пропаганду среди железнодорожных рабочих, что привело к её узнаваемости.

Отличалась высокой активностью, но со временем стала проявлять осторожность, избегая приглашений людей в свой дом из-за опасений обысков и ареста. Составила списки доверенных лиц для создания собственной сети контактов. Сама финансировала революционную деятельность, например, выделила 100 рублей на заказ контрабандной литературы.

Значительную роль в деятельности кружка сыграл Владимир Александрович Носков, известный под псевдонимом Борис Николаевич Глебов. ВГЖУ уделяла мало внимания его личности, однако он часто упоминался в отчётах о внутреннем устройстве организации [1, Л. 3-5].

У кружка было большое количество сторонников, все они находились под надзором ВГЖУ. Они имели разный вид деятельности. В таблице ниже представлена информация об их работе и количестве.

Таблица 1.

Сфера деятельности	Количество
Рабочие	3
Служащие ²	10
Чиновники	13
Интеллигенция	4
Безработные/Домохозяйки	5

Следует отметить, что членами кружка «американцев» и приверженцами революционных идей часто становились целые семьи. В частности, к их числу относились семьи Мартыновых (Сергей Васильевич и Софья Александровна), Петровских (Надежда Ивановна и Митрофан Ионович), Желабиных (Лонгин Иванович и Прасковья Ивановна),

²Под служащими подразумеваются люди, работающие на неправительственные организации, служащие аптекарских магазинов, служащие ЮВЖД, массажисты и т.д.

Корякиных (Гавриил Львович и Елизавета Константиновна), а также Лежавы (Людмила Степановна и Андрей Матвеевич).

В большинстве случаев надзор со стороны ВГЖУ первоначально осуществлялся в отношении мужчин, а затем распространялся и на женщин. Интервал между включением в надзор членов одной семьи варьировался от недели (например, в случае семьи Желабиных, где Лонгин Иванович был взят под надзор 12 апреля 1900 г., а его супруга Прасковья Ивановна – 19 апреля того же года) до нескольких лет (например, в случае Мартыновых, где Софья Александровна попала под надзор 2 февраля 1886 г., а Сергей Васильевич – 15 апреля 1890 г.).

Также следует обратить внимание на гендерное распределение среди «американцев». В списке основных членов кружка числится 1 женщина и 6 мужчин. Однако среди лиц, находящихся под надзором полиции, наблюдается иная пропорция: 68% (26 человек) составляют мужчины, а 32% (12 человек) – женщины [1, Л. 6-8].

Идеологическая платформа организации характеризуется сложной структурой. С одной стороны, кружок является членом Северного Союза РСДРП. С другой стороны, по ряду ключевых вопросов её взгляды расходятся с позицией Союза. В частности, Ольга Афанасьевна Варенова выступала против террористических методов, которые применялись организацией.

В период с 1901 по 1902 гг. участники организации придерживались радикальных взглядов на необходимость свержения власти путём вооружённого восстания, которое должно было стать результатом интенсивной агитационной деятельности и привлечения сторонников из различных социальных слоёв.

В середине 1900-х гг. у будущих «американцев» возникли разногласия с представителями народнического движения, в частности с Екатериной Константиновной Брешковской, которая находилась в Воронеже во время своего турне. Конфликт был вызван разногласиями по вопросам сохранения крестьянской общины. Также имели место конфликты с представителями зарубежных и местных учреждений. На фоне общего поиска провокаторов, были высказаны подозрения в провокационной деятельности представителя Киевского отделения, врача Гордынского-Цварко. Однако эти подозрения не имели никаких последствий, поскольку Киевская революционная организация поддерживала данного деятеля.

Учитывая серьёзные опасения организации по поводу расширения своего состава, можно предположить, что если бы кружок дожил до II съезда РСДРП в том виде, в котором он существовал в 1901-1902 гг., он бы поддержал позицию Ю.О. Мартова и партии «меньшевиков». Однако после арестов большинство участников организации остались в составе РСДРП(б) [4, с. 46].

Деятельность группы осуществлялась по двум основным направлениям:

1. Революционно-агитационное: включало участие в революционном процессе и проведение агитационной работы, а также попытки организации самостоятельного печатного производства. В данном направлении наиболее активной была О.А. Варенова. Остальные члены кружка выполняли иные функции, и их участие в агитационной деятельности не зафиксировано. О.А. Варенова предприняла попытку открытия типографии в Воронеже под эгидой Северного союза, для чего были выделены финансовые средства. Однако ей не удалось найти квалифицированных наборщиков, что привело к остановке реализации проекта.

2. Организационно-логистическое: это направление характеризовалось наибольшей интенсивностью и являлось ключевым аспектом деятельности партии. Подробное описание данной деятельности представлено в основных материалах дела, а также в переписке Баумана с его сторонниками для связи с представителями «американцев». В рамках этого направления осуществлялась координация связи организации с подразделениями в других городах Российской империи и за её пределами. Члены группы вели активную переписку с представителями революционных организаций в Вене, Нюрнберге, Цюрихе. Н. Н. Кардашев занимался налаживанием связей между северными и южными организациями Российской социал-демократической рабочей партии.

В Воронеже представители революционного движения проводили собрания, организовывали дискуссии и оказывали содействие нелегально перемещавшимся революционерам. Воронеж также был связан с контрабандной деятельностью. Многие члены партии, включая В.А. Носкова, А.И. Любимова и Н.Н. Кардашева, самостоятельно осуществляли транспортировку революционной литературы по территории Российской империи.

С каждым годом укреплялись связи между участниками кружка. Одним из важных событий стало празднование Нового 1902 г., на которое собралось значительное количество людей. Среди присутствующих были Кравцова с дочерью, Алексей Любимов, Лев Карпов, Владимир Носков, Логин Желябин, Дмитрий Костеркин, Людмила и Юлия Махновец, Валентина Дмитриева с сожителем из Ростова В. Ершовым, Станислав и Наталья Виткович, Анатолий и Анна Сазоновы, Наталья Федорова Устинова, Анна Алексеевна Кардашева и Сергей Александров Грюнер. Также на мероприятии присутствовали лица, ранее не замеченные на собраниях «американцев», такие как Елизавета Эрнестова Вашкевич с дочерью Натальей, Иван Алексеевич и Мария Платоновна Прозоровские и многие другие [1, Л. 3-13].

Ключевым элементом собрания стало получение письма из Цюриха, содержащего директивы от партии, направленные на прекращение поддержки студенческих волнений и сосредоточение усилий на пропагандистской деятельности среди рабочего класса. Однако основной задачей было ограничение преобразований исключительно рамками университетской реформы, поскольку расширение рабочего законодательства могло привести к утрате поддержки со стороны рабочих РСДРП.

Конспиративная деятельность представителей организации «американцев» характеризовалась высоким уровнем организации. Многие участники имели индивидуальные пароли и отзывные фразы. Например, О.А. Варенова использовала пароль «Самовар» и отзыв «Огурец» для установления контакта. В своём докладе Бауман упоминает альтернативный метод связи, где пароль представлял собой вопрос: «Есть ли у вас «Воскресенье» Толстого?», а ответ – «Нет, но есть «Дурные пастыри» Мирбо».

И Бауман, и Варенова, как и остальные участники кружка использовали химические чернила, что было стандартной практикой для всех отделений РСДРП [3, с. 81-82]. С началом 1902 г. для встреч «американцы» используют квартиру одного из участников кружка в этот период. Место было замаскировано под дешёвую столовую. Попытки войти туда посторонних лиц провалились, поскольку владелец квартиры сообщал, что все обеды предоставляются на заказ, и больше еду он не готовит.

Одним из ключевых аспектов конспирации являлось использование псевдонимов, которые можно классифицировать на несколько основных категорий:

1. Именные псевдонимы. Примерами могут служить «Мария Ивановна» для Варенцовой Ольги Афанасьевны и «Борис Николаевич Глебов» для Носкова Владимира Александровича. Также встречаются случаи, когда точные имена неизвестны, и используются только прозвища, такие как «Александр», «Николай Антонович», «Аркадий» и «Аким».

2. Личные псевдонимы, которые зависят от происхождения, основного рода деятельности или физических характеристик. Примером может служить Яковлев Василий Яковлевич, известный под прозвищами «Богучарский», «Косой Владимирец», «Рябов» и «Медведь» [1, Л. 2-24].

В основе деятельности группы «американцев» лежало выстраивание логистики, в связи с чем необходимо указать регионы, с которыми они поддерживали тесные отношения. Анализ документа выявил следующие города и губернии Российской империи, где отделения РСДРП сотрудничали с «американцами»:

1. Ярославль (Ярославская губерния);
2. Кострома (Костромская губерния);
3. Одесса (Одесская губерния);
4. Кишинев (Бессарабская губерния);
5. Самара (Самарская губерния);
6. Керчь (Таврическая губерния);
7. Владимир (Владимирская губерния);
8. Иваново-Вознесенск (Владимирская губерния);
9. Пермь (Пермская губерния);
10. Харьков (Харьковская губерния);
11. Нижний Новгород (Нижегородская губерния);
12. Ковров (Владимирская губерния);
13. Шуя (Владимирская губерния).

Ликвидация кружка «американцев» произошла в ночь на 31 марта 1902 г. по личному распоряжению начальника Воронежского губернского жандармского управления полковника П.П. Глобы. Причиной стала поимка Баумана в Воронеже и его переписки с «Бродягой» и другими членами организации. В письмах Бауман передавал информацию о контрабанде оружия и нелегальной литературы в Российскую империю, а также планировал наладить через них их распространение на территории империи в значительных объёмах. В результате были проведены аресты участников группы.

Александр Александрович Рудковский (псевдоним Валериан) был арестован в Москве Московским губернским жандармским управлением. В Воронеже были арестованы ещё семь человек, которые активно участвовали в деятельности группы. Позже последовали аресты других членов организации. Так, 30 апреля 1902 г. был задержан Анатолий Владимирович Сазонов [1, Л. 8-26].

Анализ дела «американцев» позволяет реконструировать облик типичной революционной ячейки Северного Союза РСДРП, основной задачей которой являлась логистика и поддержка других подразделений, а не самостоятельная деятельность. В данном

источнике также представлены ранее не опубликованные этапы биографии таких значимых деятелей революционного движения, как Варенова Ольга Афанасьевна, Носков Владимир Александрович, Любимов Алексей Иванович и Кардашев Николай Николаевич. Первоначально материалы данного дела были отложены в фонде ВГЖУ за 1902 г., дело № 59, страницы 10-28. В настоящее время эти материалы находятся в Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской области, фонд 5, опись 1, дело 137, которое состоит из 27 листов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 137. – Л. 27.
2. Страхов Л. В., Перегудов А. В. Воронежские жандармы в эпоху модерна. – Воронеж, Издательский дом ВГУ, 2019. – 238 с.
3. Балабанова К. А. Приёмы конспирации подпольной деятельности РСДРП // Катановские чтения – 2022: Сборник научных трудов студентов. Абакан, 14 марта 2022 г. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2022. – С. 81–82.
4. Беккер В. Я. Экстремизм и террор как нарушения прав человека в контексте исторической практики большевиков // Защита прав человека: теория и региональная практика: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 07–08 октября 2021 года. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2021. – С. 44–48.
5. Квасов О. Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911 гг.). – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – 224 с.

REFERENCES

1. The State Archive of Socio-Political History of the Voronezh Region. – F. 5. – Op. 1. – D. 137. – L. 27.
2. Strakhov L. V., Peregudov A.V. Voronezh gendarmes in the Modern era. – Voronezh, VSU Publishing House, 2019. – 238 p.
3. Balabanova K. A. Methods of conspiracy of underground activities of the RSDLP // Katanov readings – 2022: Collection of scientific papers of students. Abakan, March 14, 2022. – Abakan: N. F. Katanov Khakass State University, 2022. – Pp. 81–82.
4. Becker V. Ya. Extremism and terror as human rights violations in the context of the historical practice of the Bolsheviks // Protection of human rights: theory and regional practice: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Abakan, October 07-08, 2021. – Abakan: N. F. Katanov Khakass State University, 2021. – Pp. 44–48.
5. Kvasov O. N. Revolutionary terrorism in the Central Chernozem region at the beginning of the 20th century (1901-1911). – Voronezh: Voronezh State University, 2005. – 224 p.

**ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ЛЕСОВ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД**
**PROBLEMS OF PROTECTION OF PRIVATE FORESTS OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE POST-REFORM PERIOD**

Семёнова Е.В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет имени
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Semyonova E.V., Senior Lecturer
Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: статья посвящена проблеме охраны частных лесов Российской империи после отмены крепостного права. Особенностью этого периода стало то, что леса стали подвергаться уничтожению как со стороны крестьян, так и со стороны помещиков, их владельцев. Рассматриваются причины этого явления, заключавшиеся, с одной стороны, в том, что крестьяне нуждались в лесе как ресурсе и по-прежнему считали его всеобщим достоянием. С другой стороны, помещики, оставшиеся без даровой рабочей силы, были заинтересованы скорее вырубить лес на продажу. В статье анализируется первый в российской истории закон об охране частновладельческих лесов. Его основные положения, достоинства и недостатки.

Abstract: this article examines the protection of private forests in the Russian Empire after the abolition of serfdom. A characteristic feature of this period was the devastation of forests by both peasants and landowners, their owners. The reasons for this phenomenon are discussed, including, on the one hand, the peasants' need for forests as a resource and their continued consideration of them as common property. On the other hand, landowners, left without free labor, were motivated to quickly cut down forests for sale. The article analyzes the first law on the protection of privately owned forests in Russian history, its main provisions, advantages, and disadvantages.

Ключевые слова: частновладельческий лес, лесоохранение, закон, лесовладелец, помещик, крестьянин.

Keywords: privately owned forest, forest conservation, law, forest owner, landowner, peasant.

В Российской империи леса с точки зрения их принадлежности делились на государственные, общественные и частные. Государственные леса, в свою очередь, делились на собственно казенные, находившиеся в непосредственном распоряжении Лесного департамента [5, с. 96] и леса, выданные в пользование различным учреждениям, за которыми лесное ведомство сохраняло право надзора. Например, леса корабельные, приписанные к заводам, выделенные монастырям и т.д. Общественные леса принадлежали, соответственно, различным обществам – духовным ведомствам, университетам, богоугодным заведениям,

казачьим войскам. Частными считались леса императорской семьи (удельные), дворян и частных лиц прочих сословий.

Важнейшей особенностью дореформенного периода истории лесоохранения в России являлось то, что правительство предпринимало усилия по созданию системы охраны только казённых лесов. «Государство, руководствуясь стратегическим значением лесных ресурсов (флот, топливо, строительный материал), уделяло особое внимание охране и защите лесов. Однако в силу разнообразных обстоятельств эффективность этой системы была невысока. Лес оставался важнейшим ресурсом в жизни крестьян, и удержать их от незаконных порубок с помощью штрафов было весьма затруднительно. Лесная стража в значительной степени зависела от своих односельчан и покрывала их несмотря на то, что штрафы в этом случае взимались с неё самой» [4, с. 54]. При этом в обществе в целом, и в среде лесоводов в частности редко затрагивались вопросы, связанные с созданием подобной системы для частных владений несмотря на то, что состояние этой категории лесов, по свидетельству современников, было более тяжёлым.

Ситуация с частными лесами усугубилась и приняла катастрофический характер после крестьянской реформы 1861 г. В стране развернулось небывалое по масштабам лесоистребление. Причём леса истреблялись сразу с двух сторон. Положение 19 февраля 1861 г. не включало лесов в крестьянские наделы, в результате мелкие перелески, попавшие в общую площадь крестьянского надела, беспощадно истреблялись, и начались покушения крестьян на леса их бывших помещиков. Но и сами лесовладельцы, оставшись без даровой рабочей силы крепостных крестьян, для которых охрана барских лесов была повинностью, стремились поскорее вырубить и продать свои леса.

В связи с этим правительство озаботилось проблемой охраны и частных лесов не только от незаконных вторжений, но и от самих владельцев. Как и в других начинаниях, касающихся жизни общества, решено было действовать при посредничестве вновь создаваемых земских учреждений.

В 1865 г. в земские и дворянские собрания была направлена записка министра государственных имуществ, в которой предлагалось земствам обсудить меры по сбережению лесов. Главным образом, там предлагалось несколько ограничить права лесовладельцев на вырубку лесов целыми дачами, а также предлагались меры, побуждающие их к ведению правильного лесного хозяйства. По мнению современников, «записка эта наделала много шума и вообще была принята несочувственно» [3, с. 5] И земские, и дворянские собрания предоставляли свои отзывы весьма медленно и при этом, «указывая на необходимость усилить средства охранения частновладельческих лесов от всякого рода правонарушений, единогласно высказывались против всякого ограничения прав самих лесовладельцев» [8, с. 241]. Практически все земские собрания высказались против ограничения прав лесовладельцев, мотивируя это как общими причинами, так и неудобством в местных условиях. Среди общих причин указывалось стремление проекта «к разорению лесовладельцев, к стеснению лесной промышленности» и даже «к уничтожению уважения к правам частной собственности, и без того весьма шатким» [1, с. 224]. Только Чернское земство Тульской губернии отнеслось к записке положительно и приняло соответствующие положения.

В Воронежской губернии после того, как был получен циркуляр министра внутренних дел о сохранении землевладельческих лесов, состоялось земское собрание, на котором было заслушано мнение гласного Струве. Принято постановление передать на рассмотрение уездных земских собраний. На этом обсуждение и закончилось.

Но «лесная проблема» все сильнее волновала общество, и периодическая печать того времени призывала граждан и правительство озаботиться сохранением лесов. «В публицистике и художественной литературе (С. Аксаков, Н. Некрасов, А. Чехов, П. Мельников-Печерский) вопрос сохранения помещичьих лесов стал во второй половине XIX в. одним из наиболее злободневных» [6, с. 146].

В 1867 г. по представлению Министерства государственных имуществ было принято мнение Государственного совета «О мерах к охранению частных лесов», определившее основные формы и методы охраны лесов, которые лесовладельцы могли применять самостоятельно. Воронежское земство в связи с этим вновь вернулось к вопросу лесоохранения и 15 декабря 1867 г. губернская управа на очередном заседании признала правила об охране частных лесов, установленные 15.5.1867 г. Госсоветом, «при точном исполнении их, могущими вполне достигать предназначенную цель» [8, с. 561].

Основные положения закона таковы.

1. Лесовладельцам, частным лицам и обществам предоставлялось право учреждать лесную стражу, снабжённую правами стражи казённой.

2. В пределах леса всякий обязан повиноваться законным требованиям частного лесного сторожа. Нарушитель обязан, по требованию частного сторожа, следовать за ним. В противном случае сторож может применить силу и отвести в ближайший полицейский участок. Также сторож может и должен арестовать «захваченные на месте проступка скот, орудия или вещи обвиняемого». Однако, в отличие от казённой стражи, частный сторож может привести обвиняемого к самому лесовладельцу или в его контору, где тот может быть задержан в течение суток и лишь потом отпущен на свободу. Другое отличие состоит в том, что в деле частного лесоохранения может быть достигнуто мировое соглашение без доведения до суда и сопутствующих хлопот и издержек.

Ещё одно отличие заключается в том, что и в том случае, если соглашение не достигнуто, и лесовладелец вынужден обратиться в суд, он может по мелким нарушениям обращаться не к мировому судье, а в волостной суд, что в некоторых случаях может представлять известное удобство, т.к. избавляет от необходимости обращаться в суд по мету жительства.

Если же виновный не обнаружен, то частное лицо может обратиться за помощью к местной полицейской власти и к сельскому начальству – десятским, сотникам, урядникам, волостным старшинам и сельским старостам. Они обязаны содействовать обнаружению виновных и сохранять следы преступления во всех лесах.

Что касается штрафов за лесные нарушения, то до 1871 г. в частных лесах они были значительно выше, чем в казённых, т.к. первые исчислялись по земской таксе, а вторые – по казённой, которая была меньше. Из этого следовало, что и порубщики предпочитали воровать казённый лес, т.к. в случае поимки им грозил меньший штраф. Только с 1871 г. все штрафы стали исчисляться по земской таксе.

На основании вышеизложенного В. Шилов в 1882 г. опубликовал в «Лесном журнале» статью «К вопросу об охране лесов», в которой делает вывод, что «в деле охранения лесов от порубок лесная администрация поставлена в значительно худшие условия, чем частный лесовладелец» [7, с. 763]. Однако закон оказывается в некоторых местах недействительным, т.к. сами лесовладельцы не стремились его выполнять, ведь для этого требовались весьма серьёзные усилия – наем достаточного количества хорошо организованной стражи, налаживание разумного отношения с окрестным населением, чтобы «уметь с одной стороны настойчиво отстаивать своё право, с другой – на стать к окрестному населению в положение воюющей стороны» [7, с. 766]. Таким образом, в практике того времени было все же предоставлять крестьянам близлежащих сел возможность пользоваться частными лесами, но на законных основаниях, «открывая ему наиболее удобные для него способы приобретения лесных материалов для удовлетворения текущих насущных потребностей» [7, с. 764].

При этом Д. Шилов считает неэффективными меры борьбы с незаконными порубками лесов средствами контроля за продажей лесоматериалов путём клеймления брёвен, выдачи специальных билетов на продажу, контроль за этим на путях сплава по рекам и на рынках. Автор считает эти меры слишком затратными и способствующими злоупотреблениям вроде «торговли билетами». «Охранять леса только и возможно стражей; охранение леса вне леса, путём надзора за лесным торгом. Невозможно, невыполнимо» [7, с. 764].

Но при этом именно в казённых лесах обстановка постепенно улучшается. Количество незаконных порубок сокращается, а крупные порубки в основном стали вовсе невозможны. Поэтому нельзя допустить, чтобы частный лесовладелец заявлял о том, что вынужден сводить свой лес, т.к. не в состоянии его охранять. Хищническое истребление лесов самими лесовладельцами, однако, продолжалось, т.к. данный документ никак не ограничивал собственников лесов в их стремлении поскорее «обналичить» лес и превратить его в реальные деньги вместо того. Чтобы прилагать усилия к его охране и разведению. В дальнейшем будут предприниматься попытки ограничить права лесовладельцев на вырубку лесов, придав им государственное значение. Они увенчаются относительным успехом примерно через 20 лет после появления первых законов об охране частных лесов, с принятием в 1888 г. положения «О сбережении лесов», получившего название «Лесоохранительный закон».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселовский Б. История земства за сорок лет. – Т. 1. – СПб.: Изд. О. Н. Поповой, 1909. – 725 с.
2. Высочайше утверждённое 15 Мая 1867 г. мнение Государственного Совета о мерах к охранению частных лесов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. 42. – Отд. 1. – № 44587. – С. 750–753.
3. Колюпанов Н. Общий взгляд на первый период истории земских собраний в России // Вестник Европы. – 1867. – Т. III. – С. 4–8.
4. Семенова Е. В. Лесоохранительная деятельность администрации Воронежской губернии в середине XIX века // Манускрипт. – 2020. – Том 13. – Выпуск 5. – С. 51–56.
5. Семенова Е. В. Развитие системы государственного управления лесами в Российской империи // Экологические и биологические основы повышения продуктивности и

устойчивости природных и искусственно возобновлённых лесных экосистем. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию высшего лесного образования в г. Воронеже и ЦЧР России. – Воронеж, 2018. – С. 95–103.

6. Тяпкин М. О., Тяпкина О. А. Развитие законодательства об охране частных лесов Российской империи во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 144–149.

7. Шилов В. К вопросу об охране лесов // Лесной журнал. – 1882. – № 11–12. – С. 758–769.

8. Щербина Ф. Воронежское земство 1865-1889 г. Историко-статистический обзор. – Воронеж: Издание Воронежского губернского земства, 1891. – 710 с.

REFERENCES

1. Veselovsky B. History of the Zemstvo for Forty Years. – Vol. 1. – St. Petersburg: Publisher O. N. Popova, 1909. – 725 p.

2. Opinion of the State Council on measures to protect private forests, approved by the highest authority on May 15, 1867 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. – Vol. 42. – Section 1. – No. 44587. – Pp. 750–753.

3. Kolyupanov N. General View of the First Period of the History of Zemstvo Assemblies in Russia // Bulletin of Europe. – 1867. – Vol. III. – Pp. 4–8.

4. Semenova E. V. Forest Protection Activities of the Voronezh Province Administration in the Mid-19th Century // Manuscript. – 2020. – Volume 13. – Issue 5. – Pp. 51–56.

5. Semenova E. V. Development of the system of state forest management in the Russian Empire // Ecological and biological foundations for increasing the productivity and sustainability of natural and artificially restored forest ecosystems. Proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of higher forestry education in Voronezh and the Central Black Earth Region of Russia. – Voronezh, 2018. – Pp. 95–103.

6. Тяпкин М. О., Тяпкина О. А. Development of legislation on the protection of private forests of the Russian Empire in the second half of the 19th century // Bulletin of the Altai State University. – 2016. – No. 4. – Pp. 144–149.

7. Shilov V. On the issue of forest conservation // Forestry magazine. – 1882. – No. 11–12. – P. 758–769.

8. Shcherbina F. Voronezh zemstvo 1865-1889. Historical and statistical review. – Voronezh: Publication of the Voronezh provincial zemstvo, 1891. – 710 p.

**ДЕТСТВО КАК ДУХОВНЫЙ ИДЕАЛ:
ОТ СВЯТОСТИ МЛАДЕНЦА К «ПОДПОЛЬЮ» ВЗРОСЛОГО
(Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И ЕВАНГЕЛИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ)
CHILDHOOD AS A SPIRITUAL IDEAL: FROM THE HOLINESS
OF THE INFANT TO THE "UNDERGROUND" OF ADULTHOOD
(F.M. DOSTOYEVSKY AND THE GOSPEL TRADITION)**

Удалых Е.Ю., кандидат философских наук, преподаватель Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, Россия

Udalykh E.Yu., PhD in Philosophical sciences Military Educational and Scientific Centre of the Air Force N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy, Voronezh, Russia

Аннотация: В статье сопоставляются два понимания детства – евангелическое и философско-художественное, представленное в творчестве Ф.М. Достоевского. На материале романов «Идиот», «Братья Карамазовы», а также рассказов и публицистики писателя реконструируется целостная концепция детства как ключа к «тайне человека». Показывается, что для Ф.М. Достоевского, как и для христианской традиции, ребёнок является не «несовершенным взрослым», а носителем особого духовного достоинства, мерилom нравственной чистоты и символом будущего преображённого человечества. В свете темы конференции «Образование человека: просвещение – воспитание – тайна» делается вывод о том, что подлинное образование не может быть сведено к дидактическому формированию личности, но предполагает сохранение в человеке «детскости» как способности к непосредственному нравственному чувству и открытости трансцендентному.

Annotation: The article compares two understandings of childhood – the evangelical one and the philosophical-artistic one as represented in the works of F.M. Dostoevsky. Drawing on the novels *The Idiot*, *The Brothers Karamazov*, as well as the writer's short stories and journalistic writings, the article reconstructs a holistic concept of childhood as the key to the "mystery of man." It is shown that for Dostoevsky, as for the Christian tradition, the child is not an "imperfect adult" but a bearer of special spiritual dignity, a measure of moral purity, and a symbol of a future transfigured humanity. In light of the conference theme "Education of the Human Person: Enlightenment – Upbringing – Mystery," the article concludes that authentic education cannot be reduced to the didactic formation of the personality; rather, it presupposes the preservation in a person of "childlikeness" as a capacity for immediate moral feeling and openness to the transcendent.

Ключевые слова: детство, Ф.М. Достоевский, евангелический образ детства, тайна человека, воспитание, просвещение, христианская антропология, философская антропология.

Keywords: childhood, F.M. Dostoevsky, evangelical image of childhood, mystery of man, upbringing, enlightenment, Christian anthropology, philosophical anthropology.

В современном психолого-педагогическом знании детство преимущественно трактуется как начальный период онтогенеза – первая фаза становления личности. Такой подход фиксирует детство в терминах развития, адаптации, социализации и в целом как состояние «несовершенное» [11, с. 190], требующее целенаправленных дидактических усилий для формирования гармонично развитого взрослого человека. Однако наряду с этой точкой зрения в русской культурной традиции сформировалось иное, восходящее к евангельским текстам понимание детства – как самосущего явления, более того, как духовной вершины [12, с. 214].

Ф.М. Достоевский, чьё творчество является крайне значимым в русской мысли, в своих романах, рассказах и публицистике создал цельную и последовательную концепцию детства. Для него ребёнок – не просто объект воспитания, а «ключ к разгадке тайны человека» и «опора веры». Настоящая статья ставит своей задачей, во-первых, реконструировать евангелический образ детства в том виде, как он был воспринят русской православной мыслью (на примере работ В.В. Зеньковского, С.Н. Булгакова, В.В. Розанова), а во-вторых, показать, как этот образ преломляется и развивается в художественной антропологии Ф.М. Достоевского. Тема конференции «Образование человека: просвещение – воспитание – тайна» задаёт плодотворную рамку для такого сопоставления: детство выступает той областью, где три названных начала – просвещение (передача знания), воспитание (нравственное формирование) и тайна (нередуцируемое духовное измерение) – сходятся в напряжённом единстве.

В светской культуре детство, как уже отмечалось, воспринимается как стадия незрелости, подлежащая преодолению. Христианство, напротив, осмысляет хрупкость, беспомощность, незащитность и даже неразумие детства как знак его духовной одаренности. С.Н. Булгаков писал: «Немощь ребёнка в сем мире свидетельствует о мощи его в Царствии Небесном, мирская беспомощность – о помощи Божией, зависимость – о высшей свободе, неразумность – о высшей мудрости» [1, с. 47]. Естественная чистота ребёнка, несущего на себе лишь печать первородного греха, определяет его уникальное положение по отношению к нравственным нормам: дети настолько превосходят взрослых в своей невинности, безгрешности, что оказываются как бы освобождёнными от оков морали.

В русском православии почитание детства нашло уникальное выражение в существовании особого чина детской святости – благоговейного почитания святых детей (Дмитрий Угличский, Иоанн Устюжский, Артемий Веркольский). Святые дети представляют собой соединение святости особого рода с непостижимой тайной детства. Для русской агиографической традиции характерны также «вымоленные» дети – плод долгих молитв родителей, с ранних лет посвящённые Богу и отличающиеся особым благочестием (будущий святитель Иона, преподобный Сергей Радонежский). Эти «Великие Дети» воплощали христианский идеал чистоты и кротости, подвижничества и безвинных страданий – образ уничижённого Христа [1, с. 47].

Библейское основание такого отношения к детству задано несколькими ключевыми текстами. Пророк Давид восклицает: «Вот наследие от Господа: дети; награда от Него – плод чрева» (Пс. 126,3). Апостол Павел связывает с деторождением само спасение женщины: «Спасётся через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» (1 Тим. 2,15). Но, пожалуй, самым важным для понимания евангельского образа детства является сцена благословения детей Спасителем: «Приносили к Нему детей, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих. Увидев то, Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царство Божие» (Мк. 10,13-14; ср. Мф. 19,13-15; Лк. 18,15-17).

Из этих слов вытекает, что условием вхождения в Царство Небесное является уподобление ребёнку: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное; итак, кто умалится как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф. 18,3-4). Здесь, как справедливо замечает протоиерей Василий Зеньковский, содержится указание на тип детства как духовную задачу для взрослых. Ребёнок не замечает дуализма Вечности и тварного мира; его духовная жизнь ещё свободна от давления реальности. «Есть что-то ангельское во всяком ребёнке; лучи высшей красоты исходят от детей, и это делает детство идеалом человека», – пишет Зеньковский [2, с. 318]. Детская духовная организация как тип, по его убеждению, ближе стоит к идеалу, чем взрослая, и развитие души, несущее с собой разрушение начальной целостности, необходимо лишь для того, чтобы через страдания и грехи прийти до сознательной духовной жизни [2, с. 172].

В.В. Розанов выражает эту мысль с предельной афористичностью: младенец – это «выявленная мысль Божия», «безгрешность, и собственно, – это единственная и бесспорная безгрешность». По мере взросления человек «темнеет», теряет это сияние [3, с. 116]. Невинность, понимаемая как нравственная чистота, незнание греха и зла, есть этап, предшествующий духовному взрослению, но именно этот этап оказывается тем идеалом, к которому призван вернуться взрослый – уже на новом витке, через сознательное утверждение в добре.

Обращение к творчеству Ф.М. Достоевского позволяет увидеть, как евангелический образ детства – не в виде прямого цитирования, а в качестве глубинной смысловой матрицы – организует художественную антропологию писателя. Ф.М. Достоевский, по собственному признанию, «очень любил наблюдать за детьми» [4, с. 97]. Для него дети привлекательны прежде всего невинностью, «благоуханием ничем не омрачённой души», яркостью внутренних движений, близостью к природе, способностью жить непосредственным велением сердца. Но также и тем, что «детки – ведь это будущее, а любишь ведь только будущее» [5, с. 99].

Ключевая особенность концепции Ф.М. Достоевского – онтологическое различие ребёнка и взрослого. Писатель утверждает: «Дети, пока дети, до семи лет, например, страшно отстоят от людей. Совсем будто другое существо и с другою природой» [6, с. 217]. Ребёнок не обладает социальными достоинствами, но и не заражён социальными болезнями, его доброта случайна и непорочна. Наличие в человеческой жизни периода живой жизни, бессознательно-гармоничной природы, Ф.М. Достоевский считал великим благом. В этом пункте его мысль

смыкается с евангелическим различием: ребёнок – не недостающий взрослый, а существо иного порядка, чья ценность не в будущей полезности, а в настоящей полноте.

Одним из важных моментов концепции детства Ф.М. Достоевского выступает учение о спасительной силе детских впечатлений. «Ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное ещё из детства, из родительского дома. <...> Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасён человек на всю жизнь» [6, с. 195]. «Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может жить человек» [7, с. 172]. В «Братьях Карамазовых» эти размышления получают детальное освещение: старцу Зосиме и Алеше принадлежат слова о том, что самые сильные и влияющие воспоминания – из детства, и что даже от самого дурного семейства могут сохраниться драгоценные воспоминания, если душа способна искать драгоценное.

Ф.М. Достоевский идёт дальше: он утверждает, что некоторые детские впечатления не только прочно запечатлеваются, но и определяют всю последующую жизнь. Поэтому, какой бы ни была обстановка детства, необходимо любой ценой дать ребёнку почувствовать добро, вселить светлую веру, ибо «только подобная великая вера и в состоянии породить прекрасное в воспитаниях детей, – и даже как, не смотря даже на самую лютую обстановку детства» [7, с. 180-181]. Отсюда следует радикальный вывод: нелюбимому ребёнку вырасти в Человека почти невозможно.

В этом пункте Ф.М. Достоевский выступает как глубокий религиозный мыслитель. Ребёнок для него – святое, и воспитатель обязан с первого прикосновения учитывать детскую восприимчивость. «Ревностный отец даже должен иногда совсем перевоспитать себя для детей своих» [7, с. 191]. Нравственное убеждение определяется не рассудком, а впечатлением от добра и зла, испытанным когда-то. Здесь просматривается прямая параллель с евангельским требованием «умалиться как дитя»: взрослому не должно приближаться к ребёнку, не очистив собственное сердце.

Показательно, что в своей попытке дать идеал человека и человеческих отношений Ф.М. Достоевский приходит к образу князя Мышкина («Идиот»). Мышкин признается: «...не люблю быть со взрослыми, с людьми, с большими, ... с ними мне всегда тяжело почему-то, и я ужасно рад, когда могу уйти поскорее к товарищам, а товарищи мои всегда были дети...» [8, с. 512]. Князь не только сам подобен ребёнку, но и его участие к «униженным и оскорбленным» несёт в себе любовь взрослого к детям. В соседстве ребёнка и Христа в знаменитой «картине» Настасьи Филипповны Ф.М. Достоевский намекает на одноприродность этих существ: ребёнок – потенциал идеала, Христос – его реальное воплощение.

Однако Ф.М. Достоевский показывает и другую сторону. В его произведениях создана целая галерея страдающего детства: дети Мармеладовых, Илюшечка, мальчик «у Христа на ёлке» – один из бесчисленных петербургских малышей с «протянутой ручкой». Писатель вспоминает увиденную им на улице девочку лет шести, «всю в лохмотьях, грязную, босую, испитую и избитую», с лицом такого горя и безвыходного отчаяния, «что видеть это маленькое создание, уже несущее на себе столько проклятия и отчаяния, было даже как-то неестественно и ужасно больно» [9, с. 72].

Для Ф.М. Достоевского общество отражается в детях как в чистом зеркале, которое укрупняет, фокусирует его язвы. Особенно мучительна мысль о том, что детские слезы могут быть результатом несправедливой жизни взрослых. В рассказе «Мальчик у Христа на ёлке» холод петербургской улицы – это метафора человеческой бессердечности: «Мимо прошёл блюститель порядка, и отвернулся, чтобы не заметить мальчика» [10, с. 690]. «Живые куколки» на ёлке противопоставлены мёртвым душам людей. Человек, по Ф.М. Достоевскому, не имеет права проходить мимо несчастий; он ответственен не только за свои поступки, но и за всякое зло в мире. Там, где мучаются и плачут дети, – признак неблагополучия всего общества.

Здесь Ф.М. Достоевский смыкается с евангельским предупреждением: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жёрнов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф. 18,6). Для писателя страдание ребёнка – это не просто социальная проблема, но онтологическая катастрофа, знак разрыва между человеческим миром и тем Царством, которое принадлежит «таковому».

Сопоставление евангелического образа детства и его художественного воплощения у Ф.М. Достоевского позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих прямое отношение к теме конференции «Образование человека: просвещение – воспитание – тайна».

Во-первых, детство не может быть понято исключительно в категориях социализации, развития, адаптации, незрелости. Это самостоятельная духовная реальность, обладающая собственной ценностью. Для образования это означает, что его цель – не «преодоление» детства, а сохранение в человеке на протяжении всей жизни тех качеств, которые в детстве даны непосредственно: чистота нравственного чувства, способность к удивлению, доверие к миру, открытость трансцендентному.

Во-вторых, подлинное воспитание начинается с воспитания самого воспитателя – этот принцип универсален. Невозможно сформировать нравственную личность, оставаясь нравственно нечутким самому. Образование, таким образом, своего рода круговым движением: взрослый, призванный учить, сам должен учиться у ребёнка – его «умалению», его способности прощать, его незащищённости перед лицом зла.

В-третьих, категория тайны. Ребёнок – не объект педагогических манипуляций. В нём есть «нечто ангельское», «другая природа», «выявленная мысль Божия». Образование, которое редуцирует эту тайну к системе компетенций и измеримых результатов, утрачивает самое главное. Ф.М. Достоевский предупреждает: без любви преступно даже приближаться к детству. Тайна детства требует не только объяснения, но и благоговения.

Наконец, в-четвёртых, можно проследить парадоксальную связь между детством и будущим. Для светской педагогики ребёнок – это будущий взрослый. Для евангельского сознания и для Ф.М. Достоевского взрослый – это тот, кто вновь обрёл утраченную «детскость». «Если не обратитесь и не будете как дети» – это обращение обращено не к детям, а к взрослым. Образование, если оно понимается как подлинное становление человека, имеет телеологию не линейного прогресса, а возвращения к истоку, но уже осознанное. Просвещение разума без просвещения сердца, воспитание навыков без воспитания способности к состраданию, раскрытие талантов без хранения тайны – все это, с точки зрения Ф.М. Достоевского, ведёт не к полноте, а к духовной катастрофе.

Картина детства Ф.М. Достоевского и евангелический образ детства, осмысленный русской религиозной философией глубоко созвучны. Оба они противостоят редукции детства к стадии биологического и социального созревания и утверждают, что ребёнок является не только объектом формирования, но и субъектом – более того, мерой – полноценного человеческого бытия. Для Ф.М. Достоевского дети – это «любовь и надежда, но ещё и боль», символ нравственного совершенства и символ страдания, символ будущего и символ суда над обществом.

В современном мире обращение к Ф.М. Достоевскому – не историко-литературное упражнение, а насущная духовная и педагогическая задача. Понять детство как тайну значит – принять ответственность за то, чтобы ни один из «малых сих» не был оставлен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков С. Н. Свет Невечерний: созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 414 с.
2. Зеньковский В. В. Психология детства. – М.: Школа-Пресс, 1996. – 336 с.
3. Розанов В. В. Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов. – М.: Республика, 1995. – 462 с.
4. Достоевский Ф. М. Ёлка и свадьба // Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1972. – Т. 2 – С. 95–101.
5. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 г. Май–октябрь // Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1972. – Т. 23. – 423 с.
6. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1972. – Т. 14, 15.
7. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. Июль–август // Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1972. – Т. 25. – С. 172–223.
8. Достоевский Ф. М. Идиот // Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1972. – Т. 8. – 512 с.
9. Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1972. – Т. 5. – С. 46–98.
10. Достоевский Ф. М. Мальчик у Христа на елке // Избр. соч.: в 2 т. – Л., 1962. – Т. 2. – С. 685–692.
11. Удалых Е. Ю. Детство как предмет философско-антропологического анализа: метафизическое измерение и границы научной рациональности // Социально-гуманитарные знания. – 2026. – № 2. – С. 190–194.
12. Удалых Е. Ю. Осмысление детства в русской традиции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 2-2(16). – С. 212–214.

REFERENCES

1. Bulgakov S. N. The Unfading Light: Contemplations and Speculations. – M.: Respublika, 1994. – 414 p.
2. Zenkovsky V. V. The Psychology of Childhood. – M.: Shkola-Press, 1996. – 336 p.

3. Rozanov, V. V. *Collected Works. In the World of the Unclear and the Unresolved. From Oriental Motifs.* – M.: Respublika, 1995. – 462 p.
4. Dostoevsky F. M. *The Christmas Tree and the Wedding.* // In *Complete Collected Works: in 30 vols.* – Leningrad, 1972. – Vol. 2. – Pp. 95–101.
5. Dostoevsky F. M. *A Writer's Diary for 1876. May–October.* // In *Complete Collected Works: in 30 vols.* – Leningrad, 1972. – Vol. 23. – 423 p.
6. Dostoevsky F. M. *The Brothers Karamazov.* // In *Complete Collected Works: in 30 vols.* Leningrad, 1972. – Vols. 14, 15.
7. Dostoevsky F. M. *A Writer's Diary for 1877. July–August.* // In *Complete Collected Works: in 30 vols.* – Leningrad, 1972. – Vol. 2. – Pp. 172–223.
8. Dostoevsky F. M. *The Idiot.* // In *Complete Collected Works: in 30 vols.* – Leningrad, 1972. – Vol. 8. – 512 p.
9. Dostoevsky F. M. *Winter Notes on Summer Impressions.* // In *Complete Collected Works: in 30 vols.* – Leningrad, 1972. – Vol. 5. – Pp. 46–98.
10. Dostoevsky F. M. *The Boy at Christ's Christmas Tree.* // In *Selected Works: in 2 vols.* – Leningrad, 1962. – Vol. 2. – Pp. 685–692.
11. Udalykh E. Yu. *Childhood as a Subject of Philosophical-Anthropological Analysis: The Metaphysical Dimension and the Limits of Scientific Rationality* // *Socio-Humanitarian Knowledge.* – 2026. – No. 2 – Pp. 190–194.
12. Udalykh E. Yu. *Understanding Childhood in the Russian Tradition.* // *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice.* – 2012. – No. 2-2(16). – Pp. 212–214.

**«СТАРЫЕ И НОВЫЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ»: КАК ИЗМЕНИЛАСЬ БЕЛЛЕТРИСТИКА
С ПРИНЯТИЕМ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА II
(ВЗГЛЯД НАРОДНИКА Л.Е. ОБОЛЕНСКОГО)**

"OLD AND NEW FICTION WRITERS": HOW FICTION HAS CHANGED
WITH THE ADOPTION OF THE GREAT REFORMS OF ALEXANDER II
(THE VIEW OF THE NARODNIK L.E. OBOLENSKY)

Китаева А.В., аспирант

ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Kitaeva A.V., postgraduate student

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh,
Russia

Аннотация: В данной статье анализируется эволюция русской беллетристики до и после 1861 г., опираясь на критический этюд Л.Е. Оболенского «Где правда? Старые и новые беллетристы». Оболенский отметил изменение общественного запроса: вместо художественных образов публика стала требовать практических доктрин. Он полагал, что истина в искусстве достигается через примирение крайностей путём глубокого изучения новой реальности и возвращения к живому образу, что способствует созданию гениальных произведений в России.

Abstract: This article analyzes the evolution of Russian fiction before and after 1861, based on the critical study by L.E. Obolensky "Where is the Truth? Old and new fiction writers". Obolensky noted a change in public demand: instead of artistic images, the public began to demand practical doctrines. He believed that the truth in art is achieved through the reconciliation of extremes through a deep study of the new reality and a return to a living image, which contributes to the creation of brilliant works in Russia.

Ключевые слова: Л.Е. Оболенский, беллетристика, Великие реформы, Александр II, И.А. Гончаров, И.С. Тургенев.

Keywords: L.E. Obolensky, fiction, The Great Reforms, Alexander II, I.A. Goncharov, I.S. Turgenev.

В 1880г. в ежемесячном литературно-научном журнале «Мысль» был опубликован критический этюд Леонида Егоровича Оболенского (1845-1906) – представителя легального народничества, русского беллетриста (псевдоним М.И. Красов), поэта, философа, издателя и критика – под названием «Где правда? Старые и новые беллетристы» [1], в котором под псевдонимом N.N. автор высказался о состоянии беллетристики в середине XIX в.

Оболенский в своей критической статье обозначил различия в подходах «старых» и «новых» беллетристов в рамках дореформенной и послереформенной беллетристики, важность «бессознательного» творческого процесса и опасность ограниченности наблюдений

и предвзятости. В качестве опоры для своих взглядов критик использовал некоторые произведения И.А. Гончарова (1812-1891) и И.С. Тургенева (1818-1883).

Цель данного исследования заключается в анализе и сравнении творческих методов и художественных результатов, характерных для «старых» и «новых» беллетристов, классифицированных Л.Е. Оболенским, а также в выявлении сильных и слабых сторон каждого из этих направлений.

Во второй половине 1870-х – начале 1880-х гг. фиксировалось оживление дискуссии о различиях между двумя художественными направлениями русской беллетристики – до и после принятия реформ Александра II. Из лагеря «старой школы» беллетристов с упрёками в адрес российской критики за недооценку собственного романа «Обрыв» выступил писатель И.А. Гончаров в своей статье «Лучше поздно, чем никогда» [2]. Он высказался о защите понятий, важных не только для своего творчества, но и для значительной эстетической системы, влиявшей на многих писателей XIX в. [3, с. 155]. Также, рассуждая о своих работах, Гончаров с печалью признался, что зря он ждал того, кто «прочтёт между строками, полюбив образы, свяжет их в одно целое и увидит, что именно говорит это целое? Но этого не было» [4, с. 23].

Прежде всего, необходимо отметить, что в 1860-70-х гг. в литературе начал распространяться вид общественно-политического романа, который получил название «антинигилистический роман». В своих произведениях писатели возражали против демократического и социалистического движения. В общественной дискуссии антинигилистическая проза оказывала сопротивление нигилистической прозе или прозе о «новых людях». Ее целью было становление социального мнения через художественный текст. «Новые люди» и их характеристики, отражённые в беллетристике, осуждали устаревшие общественные идеалы и занимались поиском построения социального идеала на основе принципов материализма и социализма [5, с. 189].

На стороне «новых беллетристов» встали С.А. Венгеров и «некий Д.К.». Оболенский подчеркнул, что старые беллетристы после продолжительного молчания решили использовать возможность заявить о своём видении и «подать свой голос». Как отметил народник, Гончаров не вступал в полемику по этой теме чуть более 10 лет – с 1869 г. [1, с. 240]. Вместе с тем Оболенский подчеркнул, что представители молодой беллетристики вышли в свет с защитой своих интересов неспроста. Нападки на плоды их творчества шли «со стороны самой публики, самого общества». В дополнение к этому Оболенский заявил о намерении проследить корни разногласий и путь к примирению, особенно с того момента, когда были провозглашены «начала тенденциозной руководящей беллетристики» [1, с. 241].

Л.Е. Оболенский провёл параллель между героями двух произведений – М.И. Волоховым из романа «Обрыв» и Е.В. Базаровым из романа «Отцы и дети». Сюжет романа И.А. Гончарова «Обрыв» возник в 1849 г. Работа над сочинением продолжалась два десятилетия и завершилась в 1869 г., когда роман впервые был опубликован в журнале «Вестник Европы» (№ 1-5). Содержание произведения основано на конфликте между традиционными ценностями патриархального уклада жизни и современными тенденциями, проникающими в российскую провинцию. Роман «Отцы и дети» И.С. Тургенева, в свою очередь, был опубликован в журнале «Русский вестник» в 1862 г. Произведение исследует

конфликт между поколениями, идеологические и мировоззренческие различия. Публикация романа вызвала стремительную реакцию русской критики, начиная от М.А. Антоновича и заканчивая М.Н. Катковым [6, с. 83].

Оболенский подчеркнул спорность оценки типов ключевых героев произведений. Критика обрушилась на Волохова, тогда как Базаров укрепил славу Тургенева как писателя, улавливающего «моменты» русской жизни. В связи с этим Оболенский задал логичный вопрос о художественной правде и достоверности каждого образа. Он объяснил явление в литературе с отсылкой на беллетристику 1860-х гг.: «... если бы в то время явился сам Шекспир со своим Гамлетом или Гете с Фаустом, они не встретили бы у нас сочувствия». А лица, не имеющие таланта, смогли бы создать себе имя и получить славу. «Мы все забываем, – продолжил рассуждения Оболенский, – что величайшие художественные произведения, как и все в мире, имеют два рода [1, с. 241] полезности или ценности: одну, состоящую в их внутренней способности быть благодетельным для жизни, без отношения к времени и другим условиям. Другую – социальную или определяющуюся условиями времени... Так и искусство. Не смотря на высшее, так сказать, универсальное «достоинство» великих произведений искусства, могут быть случаи, когда они для человека теряют временно своё значение».

В чем же была потребность людей 1860-х гг.? Почему эту потребность смогли удовлетворить неизвестные беллетристы, а не «большие мастера искусства»? Оболенский выявил указанную потребность. По его мнению, она состояла в жажде учения, доктрины, нового символа веры, которые пришли бы на смену крестьянскому «обломовскому» быту.

С точки зрения Л.Е. Оболенского, на все стороны жизни общества повлияло освобождение крестьян в 1861 г. Автор подчеркнул, что до крестьянской реформы все элементы мировоззрения находились совсем в других положениях. До начала 1860-х гг. общественность волновала лишь отмена крепостного права и связанные с ней формы – хозяйства, суда и т.д. Однако мало кто задавался вопросами о том, как жить дальше и что делать после реализации реформ. Оболенский заметил, что «новый строй изменил у всех все мельчайшие детали жизни». Старые беллетристы могли на эти общественные вопросы давать только «образы», а не конкретные практические шаги [1, с. 242]. Эти образы, по мнению Оболенского, были «зеркалом перед неумытым лицом общества»: народ видел в этом сатиру, давящую на раненое место, а не идеал или «credo», который он так просил вследствие своего нового состояния. Это лишь усиливало «голод» как практический, так и умственный. «Дореформенные художники» не могли исполнить требования общества, так как говорили, что это «не дело искусства».

Оболенский встал на сторону дореформенных беллетристов. Он объяснил их поведение тем, что им самим необходимо было время для привыкания к произошедшим в России переменам. По мнению народника, убедительно изложенному в его работе, как только они познакомятся и поймут формы новой жизни, их осуществление, «шероховатости», то смогут создать в художественном пространстве свежие произведения «из элементов новой послереформенной жизни». При этом люди до реформ Александра II несколько иначе воспринимали неидеальные стороны, поскольку преобладало предвкушение перед исполнением их ближайшей цели [1, с. 243]. В искусстве накануне реформ преобладали «советы, тенденции, идеалы», которые заглушали истинные «большие таланты». Молодые

беллетристы уже в новых реалиях стали также создавать «картинки» и образы, которые до этого выводили в свет прежние деятели искусства, но с учётом новых приёмов, усвоенных в промежуточный период «советующей беллетристики». Это условное деление на «старых» и «новых» Оболенский отразил в конкретных персоналиях: по его мнению, к старой школе относились Некрасов, Тургенев и Григорович, а к новым причислялись Вологдин, Успенский, Златовратский и другие беллетристы. Их различия состояли лишь в следовании традициям. «Старые» беллетристы придерживались традиций так называемого «гоголевского» периода, в котором преобладала тенденциозность; «новые» беллетристы следовали традициям переходной эпохи 1860-х гг. Несмотря на это, все же есть некоторые беллетристы дореформенного периода, сумевшие перейти к новому формату творчества. В частности, в критической статье речь шла о Щедриной, Тургеневе, Некрасове, Достоевском. В обществе их, по замечаниям Оболенского, стали понимать с большей силой, чем ранее [1, с. 244].

Автор этюда не обошёл стороной элементы, влияющие на настроения в обществе. Во-первых, самокритика явных явлений, происходящих в обществе; практическое недовольство только разжигает и усиливает ее. Во-вторых, критика соседних наций, их явлений жизни. И, наконец, в-третьих, философская теория второй половины XIX в., которой пропитана указанная выше критика. Именно эти настроения, по мнению Оболенского, выступали «текущим, передовым мировоззрением», точнее – духом времени, так как они не облечены в цельную философскую систему. Это связано с тем, что настроения имели «отрывочное» современное «миросозерцание», присущее каждой эпохе.

Л.Е. Оболенский представил ключевые периоды в рамках XIX в. В 1820-40-х гг. убеждения в необходимости освобождения крестьян имели общие связи с личными настроениями интеллигенции и шли в совокупности с идеями прогресса, провозглашёнными Г.В.Ф. Гегелем и европейской наукой, и мыслью того времени. Оттуда происходило то «ясное» и одновременно «смутное» мировоззрение, включавшее для интеллигенции все сочетание жизненных явлений, весь комплекс художественных, нравственных и общественных вопросов. Этот период Оболенский назвал «обыкновенно идеалистическим» ввиду его преимущественно гегелевской европейской философии и учения, которые обволакивали ведущие умы. Именно идея являлась этим основным началом. Она совершенствовалась из самой себя вследствие диалектических, новых противоречий и примирений. Таким образом создавался системный мир явлений [1, с. 245]. В этих границах появились идеалисты – люди, видевшие за явлениями простой жизни «иную высшую идею», цель более обширную, человеческую, общественную, мировую. Но также были и материалисты – люди, которые принимали или должны были принимать только ту сторону жизни, что была связана с материальной, т.е. вещественной жизнью. Они отрицали любые идеи, крупные цели, поэтому избегали всего, что выходило за горизонт «простых ощущений».

Приводя в пример Базарова, Л.Е. Оболенский раскрыл посыл философии И.С. Тургенева. Нигилист Базаров был именно типичным материалистом, чьи взгляды состояли из «нескольких философских посылок и философской критики» с добавлением лишь внешних неглубоких наблюдений за людьми «нового типа» в Российской империи. Этот тип материализма, отметил Оболенский, был создан на основе изменения самой жизни в государстве. Если брать конкретные, основанные на материализме качества Базарова, то они

следующие: непризнание ничего, помимо ощущений, следование сугубо «непосредственным влечениям», недовольство заботливостью отца, несогласие с альтернативными взглядами, отрицание чувств и смыслов, отсутствие сострадания.

Оболенский не солидарен с видением Тургенева: «...Люди живут не одной теорией и дедуктивными выводами из нее..., они живут и чувством, и практическими соображениями и никакое мировоззрение, как бы оно ни влияло на общий склад их жизни, не в силах убить в них наследственных, физиологических инстинктов сострадания, общности, осторожности... Нигде так, как на Базарове не представляется наглядным, как ошибочно таким образом рисовать известные жизненные явления». Вдобавок к этому народник заметил, что Тургенев шел теоретическим путем, в ходе которого создавались «новые люди» с одними лишь теориями, постепенно проводимыми в жизнь. Эта реальность была вызвана нападками на идеализм, искусство и т.д. [1, с. 246]. Ошибка состояла в том, что действия человека управляются унаследованными эмоциями, привычками и инстинктами.

По суждению Оболенского, человек с крайне идеалистическим мировоззрением может быть наделен эгоистической и чёрствой душой; с другой стороны, он может быть очень хорошим человеком. Однако беллетристы 1860-х гг. не соглашались с этим воззрением. В то же время беллетристы 1840-х гг. отрицали тот факт, что человек, ориентированный на материалистические воззрения, может быть безобидным, крайне внимательным к общественным явлениям и чужим страданиям. Тургенев с позиции Оболенского являлся примером таких беллетристов.

Л.Е. Оболенский указал на главный недочёт беллетристов 1840-х гг. Он констатировал, что среди «талантливейших писателей» этого времени преобладали недостаток и неполнота исследования и изучения ранее неизвестной русской жизни, которые превратились в «философскую полемику». Она нашла отголосок у молодых людей, поскольку в кругу молодёжи философия и история были мало известны [1, с. 247]. Волновавшие их вопросы распространились частично «подражательно», частично в силу потребности иметь философию по образу «базаровских мыслей». Народник заключил, что Базаров в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», несмотря на невзрачность, вызвал споры, шум, подражание, а Волохов в романе И.А. Гончарова «Обрыв», изображавший тот же тип «только не логически-теоретическим путём, не в виде диалога», а в большей степени живым образом, не просто не вызвал никаких эмоций, а остался незамеченным и отвергнутым.

Легальный народник обозначил слабые стороны Волохова и пояснил, почему его личность не оставила следа в душах молодого поколения. Волохов с позиции создателя критической статьи «не представлял собой олицетворения идеи». Его приёмы, отношения и даже сама жизнь и идеи произрастают не из мирозерцания, а из темперамента и тех внешних условий, в которых он находился и находится. Так или иначе, Оболенский в этом видел обозначенные Гончаровым положительные стороны, которые читатели оценить не смогли. Гончаров не искажает историю и не соотносит с идеями все, что принадлежит комплексу взаимных влияний среды героя и данного темперамента. Волохов одинок в этом мире; все его действия исходят от скуки, бездействия и отсутствия веры [1, с. 248]. Он не выходит на протест «живого впечатлительного организма» против стагнации и во имя идеи, социального и политического идеала. Такие явления в то время не могли сформироваться. По Оболенскому,

Волохов – темперамент «обломовского типа», т.е. бесцельный и неумелый. Среда, в которой находился герой, была без запросов к жизни, без мысли, без чувства. Юноша из-за этого не мог найти ни теоретического, ни практического выхода. И сам герой был не в центре внимания романа и не обладал философией, как Базаров [1, с. 249].

Таким образом, Л.Е. Оболенский заключил, что «личность является результатом наследственности, отпечатавшей прошедшие влияния среды, – и результатом новых влияний, среди которых теория и идея... являются сами результатами этого столкновения личности, условий её развития и наследственности, так что одна и та же философия имеет под своим знаменем и таких охранителей как Гегели и таких разрушителей, как Бакунины». Также Оболенский подчеркнул, что противоположные учения стараются облачиться в «господствующие общие идеи науки и философии» и соединить себя с ними [1, с. 250].

В завершающей части своего повествования Оболенский привёл и раскрыл смыслы из статьи И.А. Гончарова «Лучше поздно, чем никогда». «Художник мыслит образами» – слова В.Г. Белинского, которые приводит писатель. Оболенский высказал позицию о влиянии преобладания в художнике тех или иных качеств. С одной стороны – ум или фантазия, с другой – «так называемое сердце» [1, с. 252]. При этом, чтобы безошибочно «мыслить образами», беллетристу необходимо иметь достаточный резерв образов. На недостаточность образов у Гончарова указал в своей критике Оболенский [1, с. 253].

Недостаток художественности – ещё одна проблема, которую выделил Л.Е. Оболенский. Чем глубже и шире охвачен целый тип, образ, тем выше художественность. Если в основные черты типа будут возводиться случайные черты, то художественность становится низшего порядка. Оболенский указал на наличие этой ошибки в образе Базарова. Особенно это заметно в его внешнем проявлении. «Самоуверенная вера в художественное творчество из самого себя» мешала заострению внимания на многих разновидностях того же типа. Эту веру дала прежняя теория художественного творчества, которая раскрыла равнодушие «наших маститых художников» к иным динамичным явлениям современной жизни. По мнению Оболенского, они не стремятся бдительно остановиться на получении учения о новых явлениях. «Не хотят они этого делать потому, что верят в силу своего художественного внимания и творчества, – констатирует Оболенский, – без всякой необходимости его фиксировать, останавливать подольше на явлениях новых, неизвестных в прежнее время». В заблуждение их вводил тот факт, что раньше они создавали верные образы, не задерживаясь «предварительно искусственно» на явлениях жизни и даже не обращая внимания, как эти образы проникали в душу. Но, заметил народник, художники и сами переживали то, что переживали их образы [1, с. 254].

Л.Е. Оболенский был глубоко уверен в том, что для создания гениальных произведений для России необходимо глубокое понимание жизни, в том числе жизни в провинции. Многие новые художники ограничены переходными критическими и художественными теориями, однако могут улучшить своё мастерство через более внимательное изучение реальности. Многие создатели произведений – скорее теоретики, чем истинные мастера; вместо живых образов они предлагают лишь свои рассуждения. Искусство в Российской империи не относится к конкретному направлению.

Оболенский подытожил своё критическое повествование. По его мнению, в одном случае искусство уничтожает «теория всецелого бессознательного творчества», а в другом – в такой же степени «крайняя теория» («антитеза») с предвзятой идеей. Правда будет находиться ни у старых, ни у новых беллетристов. Она придёт исключительно тогда, когда смогут найти точки примирения «тезис» и «антитезис» [1, с. 255].

В заключение необходимо подчеркнуть, что, по мнению Л. Е. Оболенского, ни старые, ни новые беллетристы не обладали полной правдой: первые дают лишь образы без ответа на запросы пореформенной жизни, вторые подменяют живое творчество отвлечёнными теориями и рассуждениями. Истина состоит в примирении этих крайностей и в глубоком, непредвзятом изучении новой реальности. Только тогда возможно создание подлинно гениальных произведений для России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. N. N. [Оболенский Л. Е.] Где правда? Старые и новые беллетристы // Мысль. – 1880. – № 2. – С. 240–255.
2. Гончаров И. А. Лучше поздно, чем никогда // Гончаров И. А. Собр. соч. в 8т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. – Т.8. – С. 64–113.
3. Зубков К. Ю. «Обрыв» И. А. Гончарова и «антиэстетика» 1860-х годов // Русская литература. – 2015. – № 2. – С. 155–166.
4. Отрадин М. В. Творческий спор, в котором герой всегда проигрывает (комическое в романе И. А. Гончарова «Обрыв») // ArtLogos. – 2017. – №2. – С. 23–35.
5. Черникова А. «Обрыв» как нетипичный антинигилистический роман: феномен Гончарова // Актуальная классика: Материалы Девярых студенческих научных чтений, Ярославль, 22 апреля 2025 г. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью «ГРОНТ», 2025. – С. 189–197.
6. Семухина И. А. Автор – герой – читатель: право на свободу («Отцы и дети» И. С. Тургенева) // Филологический класс. – 2012. – № 4. – С. 83–87.

REFERENCES

1. N. N. [Obolensky L. E.] Where is the truth? Old and new fiction writers // Thought. – 1880. – No. 2. – Pp. 240–255.
2. Goncharov I. A. Better late than never // Goncharov I. A. Collected works in 8 volumes – Moscow: State Publishing House of Art. lit., 1955. – Vol. 8. – Pp. 64–113.
3. Zubkov K. Yu. I. A. Goncharov's "Cliff" and "antiaesthetics" of the 1860s // Russian Literature. – 2015. – No. 2. – Pp. 155–166.
4. Otradin M. V. A creative dispute in which the hero always loses (the comic in I. A. Goncharov's novel "The Cliff") // Art Logos. – 2017. – No. 2. – Pp. 23–35.
5. Chernikova A. "The Cliff" as an atypical anti-nihilistic novel: the Goncharov phenomenon // Current classics: Materials of the Ninth Student Scientific Readings, Yaroslavl, April 22, 2025. – Yaroslavl: GRONT Limited Liability Company, 2025. – Pp. 189–197.
6. Semukhina I. A. Author – hero – reader: the right to freedom ("Fathers and Children" by I. S. Turgenev) // Philological class. – 2012. – No. 4. – Pp. 83–87.

**СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАТРИОТИЗМА
В РАБОТАХ ИСТОРИКА В.Б. АКСЕНОВА
CONTEMPORARY INTERPRETATIONS OF PATRIOTISM
IN THE STUDIES OF HISTORIAN V.B. AKSENOV**

Разиньков М.Е., кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Razinkov M.E., Candidate of Historical Sciences, associate professor
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: Современные исследования В.Б. Аксенова показывают сложную структуру конкурирующих патриотических настроений в российском обществе начала XX в. Оригинальность концепции В.Б. Аксенова заключается в подчеркивании эмоциональной составляющей психики в качестве основы патриотизма. Указывается на существенные проблемы, возникающие в обществе, в случае повышенной эксплуатации патриотических чувств, в особенности, если декларируемая успешность государства противоречит реалиям, либо массовым представлениям об этих реалиях.

Abstract: V.B. Aksyonov's modern research reveals the complex structure of competing patriotic sentiments in Russian society at the beginning of the 20th century. The originality of V.B. Aksyonov's concept lies in its emphasis on the emotional component of the psyche as the basis of patriotism. He points to the significant problems that arise in society when patriotic sentiments are overexploited, particularly when the state's declared success contradicts reality or popular perceptions of that reality.

Ключевые слова: патриотизм, Первая мировая война, революция 1917 г., пропаганда, массовые настроения

Keywords: Patriotism, World War I, the 1917 Revolution, propaganda, mass sentiment

Исторические работы последнего времени не только не остались в стороне от тематики патриотизма, но и предлагают свежий взгляд на эту тему. Среди этих исследований особое внимание нужно обратить на труды московского автора, доктора исторических наук В.Б. Аксенова, разбирающие сложный спектр патриотических настроений в России начала XX в.

Патриотизм предлагается рассматривать, прежде всего, как множественное явление. Во-первых, представления о нем различались у многообразных социальных групп российского общества. Во-вторых, патриотизм в официальной риторике неотличим от любви к власти (действующему режиму), в то время как множественность политических сил и здесь порождает разные смыслы. В-третьих, патриотизм, обычно представляемый в качестве некого

интеллектуального конструкта, является в большей степени эмоцией, действующей по иррациональным принципам.

Важно подчеркнуть академический подход В.Б. Аксенова, уделяющего большое внимание историографии [1, с. 45-46]. Однако важнейшим, возможно, системообразующим для его исследований моментом является внимание именно к эмоциональной составляющей патриотизма. Ожидания действующего режима от целенаправленно проводимой патриотической пропаганды и в годы русско-японской войны, и в период Первой мировой войны, и во время череды юбилеев 1900-х – 1910-х гг. (Полтавской битвы, Отечественной войны 1812 г., 300-летие династии Романовых) были, разумеется, связаны с необходимостью максимально организовать поддержку самодержавию. Но революция 1917 г. была в т.ч. патриотической революцией, направленной на спасение Отечества. Есть и другие противоречия. Например, почему мобилизационная кампания 1914 г., сопровождавшаяся многочисленными манифестациями и заявлениями в поддержку российской власти, отметилась также бунтами мобилизованных? Эти парадоксы В.Б. Аксенов объясняет через призму эмоций.

Обращаясь к образам, патриотическая пропаганда действовала в сфере чувственного, эмоционального. Итогом становилась эскалация психоэмоционального состояния населения, проще говоря, распалённое массовое сознание, порождавшее, прежде всего, аффективные реакции на возникавшие проблемные ситуации. Эти аффекты могли проявляться и в виде «слез умиления» во время патриотических манифестаций 1914 г., а могли и в немецких или еврейских погромах. Постоянная эксплуатация эмоциональной составляющей психики, а также очевидные противоречия между верноподданническими заявлениями и тягостной реальностью своим последствием имели накапливающуюся усталость, суггестивно-депрессивные состояния вплоть до психических расстройств.

В.Б. Аксенов является также сторонником точки зрения В.П. Булдакова на степень влияния интеллектуальных политических конструктов на реальное поведение и взгляды подавляющего большинства населения империи начала XX века. Иначе говоря, взаимодействие здесь происходило на основе архаичных образов, не предполагавших сложных идеологических объяснений.

Эмоциональная нестабильность становилась мощным фоном и базой не только для роста общественных фобий, внушаемости, но и повышения градуса борьбы различных патриотических концептов – народного «традиционного», монархического консервативного, либерального, социалистического (в т.ч. социалистического интернационалистского) [2].

Актуальность исследований В.Б. Аксенова очевидна. Они позволяют объяснить реалии начала XX в., порассуждать о необходимости эксплуатации некоего набора традиционных ценностей как базы для формирования современного российского патриотизма. Противоречия, которые связаны с пониманием патриотизма как эмоции, несомненно, должны приниматься во внимание и при конструировании современных патриотических кампаний. Нельзя все время эксплуатировать одни и те же образы, а также образы, которые противоречат объективной реальности. Реакция населения на пропагандистские патриотические кампании сейчас, оперирование преимущественно образами – сходны в наши дни с ситуацией начала XX в. Однако в качестве возражений можно привести тот факт, что образовательный уровень,

условия жизни населения России все же существенно выше, чем в поздней Российской империи. Поэтому отрицать влияние интеллектуальной составляющей патриотической пропаганды в современной России нельзя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914-1918. – М.: Новое лит. обозрение, 2020. – 984 с.
2. Аксенов В. Б. Война патриотизмов: пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. – М.: Новое лит. обозрение, 2023. – 486 с.

REFERENCES

1. Aksyonov V. B. Rumors, Images, Emotions. Mass Sentiments of Russians during the War and Revolution, 1914-1918. – М.: New Literary Review, 2020. – 984 p.
2. Aksyonov V. B. War of Patriotisms: Propaganda and Mass Sentiments in Russia during the Collapse of the Empire. – М.: New Literary Review, 2023. – 486 p.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА
ВОРОНЕЖСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РАННЕЙ «ОТТЕПЕЛИ»
THE HISTORICAL PROSE BY
VORONEZH WRITERS OF THE EARLY «THAW PERIOD»**

Попов А.С., преподаватель
ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет имени
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Popov A.S., lecturer
Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В тезисах рассматриваются произведения воронежских писателей ранней «оттепели», обращавшихся в своих творениях к исторической тематике. Творчество Николая Задонского, Владимира Кораблинова, Сергея Глебова, Дементьева и Валентина Ющенко направлено на описание различных фактов, связанных с историей Воронежа и Воронежской области.

Abstract: The theses consider the works of Voronezh writers of the early "thaw", who turned to historical themes in their works. The works of Nikolai Zadonsky, Vladimir Korablinov, Sergey Glebov, Dementiev and Valentin Yushchenko are aimed at describing various facts related to the history of Voronezh and the Voronezh region.

Ключевые слова: советская литература 1950-х гг, Воронежская литература, историческая проза, «оттепель», краеведение, Николай Задонский, Владимир Кораблинов.

Keywords: soviet literature of the 1950s, Voronezh literature, historical prose, "thaw", local history, Nikolai Zadonsky, Vladimir Korablinov.

Исследуя воронежскую литературу периода ранней «оттепели», опираемся на работы исследователей и краеведов, занимавшихся изучением творчества воронежских писателей. В рамках данного направления целесообразно обратиться к исторической прозе, представленной, в частности, произведениями Николая Задонского (1900-1974).

Николай. Задонский в основном работал в жанре исторического романа; ярким примером служит его повесть «Смутная пора» (1954), в которой отражены события начала XVIII в. в истории Российского государства. Произведение привлекает прежде всего стремлением к исторической достоверности: автор воспроизводит общественно-политическую и бытовую обстановку эпохи.

Тема народа занимает центральное место в повествовании: хотя сцены, посвящённые жизни и освободительной борьбе крестьян и казаков, занимают меньше пространства, чем политические интриги и личные драмы, народ присутствует в ключевых эпизодах и оказывает существенное влияние на развитие событий. Как отмечает З. Анчиполовский, «хотя сценам, посвящённым жизни и освободительной борьбе крестьян и казаков, уделено гораздо меньше

места, чем политическим делам того самого смутного времени, интригам Мазепы, его роману с Матрёной Кочубей, народ присутствует и говорит своё слово во всех важнейших моментах повествования. О народе спорят, о нём думают, его любят или ненавидят, в него верят или его боятся различные персонажи книги» [1, с. 189]. Это обстоятельство позволяет рассматривать «Смутную пору» как произведение, ориентированное не только на реконструкцию исторических событий, но и на осмысление народной позиции в период смуты.

Следуя законам исторической прозы, Н. Задонский вводит в повествование ретроспективные эпизоды, описывающие события, предшествующие основному действию. Автор чётко фиксирует характерные черты центральных фигур – в частности, двоедушие и лицемерие И. Мазепы, проявившиеся в распространении слухов и интриг.

Монументальной в творчестве Задонского является книга «Денис Давыдов» (написание которой относится к периоду 1944-1956 гг.). Произведение представляет собой биографо-историческую реконструкцию жизни поэта-партизана Дениса Давыдова и последовательно прослеживает его превращение от юноши, мечтающего о фронте, через офицерский этап до организатора партизанского движения 1812 года. В тексте отчётливо проявляются бесстрашие и организаторские способности главного героя; благодаря его действиям отражены победные эпизоды под Ляховом и под Красным. Задонский опирается на широкий корпус источников, включая многочисленные архивные материалы, и детально реконструирует эпоху, что позволяет автору представлять не только известные факты, но и ряд малоизвестных или ранее не акцентированных сведений. В книге также заметно отношение военных кругов к реформам прусского образца и критическое отношение ряда военачальников (Багратион, Кутузов, Раевский, Кульнев, Ермолов) к этим тенденциям; одновременно подчёркнута настороженность Александра I в отношении деятельности поэта-партизана.

Историческая хроника «Жизнь Муравьёва» содержит материалы, представляющие самостоятельную научную ценность: при подготовке книги были использованы ранее не публиковавшиеся документы – письма и дневники Н. Муравьёва. Основные события охватывают период 1816-1826 гг.; в это время Муравьёв служил на Кавказе, участвовал в разведывательных операциях, знакомится с А.С. Грибоедовым и способствует созданию филиалов тайных юношеских обществ на Кавказе.

В совокупности эти произведения демонстрируют две важные черты творчества Задонского: приверженность источниковой аргументации и стремление к воссозданию социокультурного контекста эпохи посредством языковых и композиционных средств. Это обеспечивает их ценность как для литературоведческих, так и для историко-краеведческих исследований.

Рассмотрим творчество В.И. Кораблинова (1906-1989) и локальную краеведческую публикацию С.П. Глебова (1902-1954) с целью выявления их вклада в воронежскую литературную и историко-краеведческую традиции.

В.И. Кораблинов входил в круг общения с Андреем Платоновым, Б.В. Пильняком и В.В. Маяковским. В 1956 г. он опубликовал роман «Жизнь Кольцова», посвящённый биографическому и художественно реконструированному повествованию о воронежском поэте-проселе Алексее Кольцове. В романе воссоздана тяжёлая социально-экономическая

реальность крестьянского быта XIX в., которая, по замыслу автора, формировала поэтическое вдохновение молодого Кольцова. Центром сюжетной линии является драматическое чувство поэта: насильственное разлучение с возлюбленной Дуняшей по воле отца Василия Петровича, длительные поиски, обнаружение лишь могильного холмика – эти мотивы закрепляют образ Дуняши как долговременного эмоционального впечатления в жизни героя. Текст Кораблинова также представляет широкую картину общественной жизни века, позволяя получать сведения о быте и нравах эпохи.

Композиционно и психологически роман показывает разнообразные душевные состояния А. Кольцова: размышления и скорбь по несчастной любви, сопротивление семейному давлению; одновременно автор вводит позитивную фигуру А.С. Пушкина как друга и наставника, что служит контрапунктом к тёмным сторонам сюжета. Важным элементом рецепции произведения стала иллюстративно-публицистическая поддержка: московское издание было оформлено обложкой художника О. Коровина, «создавшего своего Кольцова, близкого и понятного широким читательским кругам» [6]. Роман получил театральную и кинематографическую адаптации: в 1958 г. по пьесе был поставлен спектакль на сцене Воронежского государственного академического театра драмы имени Кольцова, в 1959 г. по сценарию автора вышел фильм «Песня о Кольцове» (реж. В. Герасимов). Эти факты свидетельствуют о высокой общественно-культурной значимости произведения и его востребованности в послевоенное десятилетие.

Краеведческая публикация С.П. Глебова «Легенда и быль» посвящена источниковой критике легендарных представлений о происхождении города Борисоглебска. Автор ставит под сомнение распространённые хронологические представления: хотя датой основания часто называли 1698 г., в ряде источников встречаются и иные, по сути, ошибочные, даты, возникшие, по Глебову, вследствие некорректных действий административных чиновников екатерининской эпохи (например, фиктивное отнесение образования Усмани к 1645 г.). К началу XIX в. в исследовательской традиции встречалась и дата 1779 г., а неверные даты тиражировались из издания в издание. Глебов отмечает, что развитие Борисоглебского – Новохопёрского района в XVII-XVIII вв. следует рассматривать в контексте оборонной политики Московского государства и расширения донского казачества в низовьях Дона; в результате вдоль реки Хопёр формировались казачьи поселения (в 1649 г. их насчитывалось четыре, в 1672 г. – восемь). На основании анализа документов Глебов делает вывод о том, что исторические источники не подтверждают существование Борисоглебска до 1703 г., а версия о том, что именно там была учреждена верфь для сооружения Азовского флота, по его оценке, относится к разряду легенд [2, с. 221].

Рассмотрим ряд произведений и публикаций, непосредственно посвящённых Воронежу и его культурно-историческому наследию, с целью оценки их источниковой ценности и репрезентации городского пространства в региональной литературе.

Ю. Дементьев в очерке «Очерк о нашем городе» (1955) реконструирует ключевые этапы истории Воронежа и подчёркивает его роль как сторожевого поста Московского государства в отражении набегов крымских и ногайских татар. Особое внимание в работе уделено 1695 году, когда по указу Петра I в Воронеже началось построение военного флота; выбор города объясняется наличием близлежащих дубовых лесов и работой липецкого

металлургического завода, что, по мнению автора, способствовало преобразованию городской среды. Дементьев также фиксирует участие бедняков Воронежа в крестьянском движении Степана Разина (в том числе в отряде Фрола Разина, захватившего Острогожск). В освещении XX в. отмечаются многократные переходы власти в Воронеже в 1918-1919 гг. и масштабные разрушения города в Великой Отечественной войне (около 95% застройки; ущерб свыше 6 млрд рублей). Помимо историко-политических сведений, очерк затрагивает и культурную жизнь города: в частности, отмечается театральная популярность актёров Аркадия Полякова и Сергея Папова [4].

В. Ющенко в книге «Юность Анатолия Дурова» (1957) представляет очерк-биографию, посвящённую одному из заметных образов воронежской локальной культуры – усадьбе и творчеству дрессировщика А.Н. Дурова. Автор реконструирует обстоятельства возвращения Дурова в Воронеж после пожара зверинца в Кишинёве, подчёркивает его физическое ослабление и далее анализирует инновационные методы дрессировки и эмоциональное отношение артиста к животным, которые, по Ющенко, обусловили становление нового жанра русского циркового искусства. Текст несёт как биографическую, так и жанровую рефлексию о вкладе локального артиста в общерусскую культуру.

Вопрос жанровой классификации локальной прозы иллюстрируется на примере оценки произведения Б. Дальнего. Сам автор называет его повестью; В. Ющенко, однако, высказывает другую точку зрения: по его мнению, произведение ближе к очерку по форме и замыслу, и при всём доброжелательном отношении «писатель не использовал всех возможностей, которые содержит повествование. Он создал добротный очерк – полезный и нужный»; Ющенко рекомендует эту книгу к детскому чтению [7]. Эта полемика указывает на необходимость внимательной жанровой критики при включении региональных текстов в исследовательский корпус.

Наконец, ряд известных русских писателей и поэтов посещал Воронеж; среди них – А.П. Чехов. В биографических сведениях отмечается родословная связь Чехова с Острогожским уездом: после выкупа семьи из крепостной зависимости у графа Черткова Е. М. Чехов расселил родственников по разным местам (отец – в Таганрог, Михаил – в Калугу, Митрофан – в Ростов-на-Дону, дочь – в Богучарский уезд), что следует учитывать при реконструкции кругов региональной мобильности и культурных связей конца XVIII-XIX вв.

Собранные тексты репрезентуют широкий спектр исследовательских и художественных подходов к Воронежу: от источниково-ориентированных исторических очерков и биографических реконструкций до жанровых диспутов, важность которых заключается в их способности проливать свет на локальную социальную историю, культурные практики и процессы рецепции. Эти материалы представляют ценность как для литературоведческих исследований, так и для историко-краеведческих дисциплин.

Приведём факты о контактах центральных российских литераторов с Воронежем и их значении для локальной культурной жизни.

А.П. Чехов посетил Воронеж впервые 2 февраля 1892 г., прибыв вместе с журналистом А.Н. Сувориным на почтовом поезде. Целью поездки была благотворительная помощь голодающему населению: по свидетельству автора, «голод газетами не преувеличен» [3, с. 169]. Чехов остановился в тогдашней Центральной гостинице (совр. просп. Революции) и

посетил городской театр, где смотрел водевиль «Медведь». 8 февраля 1892 г. он выезжал в село Хреновое (Бобровский уезд), где констатировал бедственное положение: у половины жителей не было лошадей; аналогичная картина наблюдалась и в Боброве. Подводя итоги поездки, Чехов охарактеризовал её как «бесполезную», отметив при этом получение «немало интересных впечатлений» [3, с. 169]. Данные обстоятельства свидетельствуют о практическом интересе писателя к социальным проблемам региона и о внимании к локальной повседневности, что важно для реконструкции общественно-социального фона конца XIX в.

В.В. Маяковский приезжал в Воронеж осенью 1926 г. для проведения творческого вечера. Поэта встречала делегация молодых поэтов, в числе которых был В.И. Кораблинов; инициаторами контакта оказались также молодые литераторы, в частности Н. Логофет, сумевшая обнаружить Маяковского в гостинице. Вечер проходил в театре; в ходе представления поэту передавались записки с вопросами, на которые он отвечал, а после выступления Маяковский выполнил обещание прослушать стихи молодых авторов и дать им советы, в том числе Кораблинову. Время провожания поэта по городским улицам описано как прогулка в мелкий осенний дождь, сопровождавшаяся впечатляющей сценографией городского пространства (цитата описания приводится в источнике) [5, с. 148]. Зафиксированные эпизоды демонстрируют прямое взаимодействие «центральных» авторов с региональной творческой средой и механизм передачи литературных практик и эстетических установок.

Описанные визиты отражают две важные стороны культурной жизни Воронежа: во-первых, непосредственное участие общеизвестных литераторов в локальных социальных и культурных событиях (благотворительность, театральные представления); во-вторых, функционирование Воронежа как площадки для диалога между мастерами и молодыми авторами, что способствовало передаче литературных традиций и стимулировало местные творческие инициативы. В совокупности эти факты подтверждают, что воронежская проза периода ранней «оттепели» представлена разножанровыми практиками и характеризуется как заимствованием традиций центральной литературы, так и внедрением местных инноваций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анчиполовский З. Страницы прошлого // Литературный Воронеж. – 1954. – № 34. – С. 184–192.
2. Глебов С. Легенда и быль // Литературный Воронеж. – 1956. – № 38. – С. 211–224. – С. 221.
3. Грибанов М. Чехов в Воронеже // Подъём. – 1958. – № 4. – С. 166–169.
4. Дементьев Ю. Очерк о нашем городе // Коммуна. – 1955. – 25 января.
5. Кораблинов В. Маяковский в Воронеже // Подъём. – 1959. – № 2. – С. 142–148.
6. Ющенко В. Роман о поэте-земляке // Молодой коммунар. – 1956. – 28 марта.
7. Ющенко В. Юность Анатолия Дурова // Молодой коммунар. – 1957. – 7 августа.

REFERENCES

1. Anchipolovsky Z. Pages of the past // Literary Voronezh. – 1954. – No. 34. – Pp. 184–192.

2. Glebov S. Legend and past // Literary Voronezh. – 1956. – No. 38. – Pp. 211–224.
3. Gribanov M. Chekhov in Voronezh // Rise. – 1958. – No. 4. – Pp. 166–169.
4. Dementiev Yu. An essay about our city // Commune. – 1955. – January 25.
5. Korablinov V. Mayakovsky in Voronezh // Rise. – 1959. – No. 2. – Pp. 142–148.
6. Yushchenko V. Novel about a poet-countryman // Young communard. – 1956. –
March 28.
7. Yushchenko V. The youth of Anatoly Durov // Young commune. – 1957. – August 7.

**ПИСАТЕЛЬ И СПОРТСМЕН:
О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ В ЖУРНАЛЕ «РУССКИЙ СПОРТ»
WRITER AND ATHLETE:
ABOUT LEO TOLSTOY IN THE MAGAZINE "RUSSIAN SPORT"**

Волвенкин М.Н., кандидат филологических наук, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Volvenkin M.N., Candidate of Philological Sciences, senior lecturer
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: В тезисах рассматривается рецепция тех особенностей биографии Льва Толстого, которые связаны с его заботой о физическом самовоспитании, в журнале «Русский спорт». Выявляется специфика этой рецепции. В сопоставлении с логикой толстовского восприятия телесности обозначаются коренные расхождения в интерпретации занятий, служащих физическому развитию. А также высказывается предположение о причинах такого расхождения.

Abstract: This thesis examines the reception of those aspects of Leo Tolstoy's biography that relate to his concern for physical self-education in the journal "Russian Sport." The specifics of this reception are revealed. By comparing this with the logic of Tolstoy's understanding of the body, fundamental discrepancies in the interpretation of activities serving physical development are identified. A hypothesis is also put forward regarding the reasons for this discrepancy.

Ключевые слова: спорт, физическое воспитание, тело, телесность, писатель и спортсмен, писательская биография, «Русский спорт», Л.Н. Толстой.

Keywords: sport, physical education, body, corporality, writer and athlete, writer's biography, "Russian Sport", L. N. Tolstoy.

Одной из любопытных особенностей писательской биографии Льва Толстого является своеобразное смещение литературной детерминанты. Эта особенность проявилась уже в самом начале его литературной карьеры, о чем свидетельствует известный спор с Тургеневым относительно вопроса: что такое быть писателем? В качестве иллюстрации обратимся к отрывку из тургеневского письма к Анненкову от 1 (13) декабря 1857 г.: «Удивили вы меня известием о лесных затеях Толстого! Вот человек! с отличными ногами непременно хочет ходить на голове. Он недавно писал Боткину письмо, в котором говорит: “Я очень рад, что не послушался Тургенева, не сделался только литератором”. В ответ на это я у него спрашивал – что же он такое: офицер, помещик и т. д.? Оказывается, что он лесовод. Боюсь я только, как бы он этими прыжками не вывихнул хребта своему таланту; в его швейцарской повести уже заметна сильная кривизна. Очень бы это было жаль, но я всё-таки ещё крепко надеюсь на его

здоровую природу» [12, с. 279]. Тургенев пытался убедить Толстого в том, что у писателя есть своя «специальность», которую нужно всячески развивать, не отвлекаясь на постороннюю деятельность. Толстой, напротив, был убеждён в невозможности заниматься только сочинением литературных произведений. А его своеобразные «набеги» в области порой далёкие от литературы не оставались незамеченными для представителей разных профессиональных сообществ.

Толстой не был выдающимся спортсменом или гимнастом, при этом работа с телом, внимание к физическому воспитанию стали знаковыми чертами облика писателя. Мы рассмотрим в данной работе специфику рецепции этих черт в рамках спортивного сообщества на примере журнала «Русский спорт» (1909-1919).

Всего за время существования журнала вышло несколько статей, в которых упоминается либо сам Толстой, либо его произведения и четыре статьи, посвящённые исключительно ему. Три из них вышли в год смерти писателя, а одна – в честь 90-летия со дня рождения.

Сквозной темой всех статей о Толстом является тема долголетия. Она же находится в фокусе первой из них («Л.Н. Толстой» (1910)): «Не нам, конечно, писать о значении Толстого. Наша задача неизмеримо скромнее. Мы хотим напомнить читателям об одной области жизни Толстого, которая, обыкновенно, упускается из виду. Напомнить потому, что и в этой области Толстой, как всегда, является примером, – примером, много говорящим, много объясняющим.

Мы говорим о долголетию Льва Николаевича, говорим о той физической бодрости, которую великий старец сохранил до конца дней своих» [4, с. 3]. Толстой становится примером, учащим «умению жить», т. е. умению сохранять своё тело «от роковых последствий старости». А.Ф. Гриневский, автор брошюр о здоровом образе жизни, в докладе «Л.Н. Толстой, как спортсмен», реферативно изложенном на страницах журнала «Русский спорт», развивает эту мысль, отталкиваясь от тезиса физиолога И.Р. Тарханова о взаимосвязи ежедневных физических упражнений и телесной и интеллектуальной «долговечности» человека: « – Если бы, говорил докладчик, – почтенный покойный профессор пожелал привести в подтверждение сказанному живой, яркий и убедительный пример, то достаточно было бы указать на великого писателя земли русской, графа Л.Н. Толстого, которому было свыше 82 лет, и несмотря на это, маститый писатель-художник до конца дней своих сохранил весь свой светлый ум, физическую бодрость и жизнерадостность» [6, с. 4]. Аналогичный вывод наблюдаем и в статье «Л.Н. Толстой и спорт» (1918): и «необычайная физическая свежесть», и «свежесть умственная» не были потеряны писателем именно благодаря спорту [5, с. 3].

Отметим, что этот аспект биографии писателя сходным образом интерпретируется представителями медицинской науки. Например, Давидов М.И. в статье «О творческом долголетии и здоровом образе жизни Л.Н. Толстого» (2006), рассматривая хронологию творческой и физической активности Толстого, заключает: «Жизнь Л.Н. Толстого – яркий пример творческого долголетия, основанного на здоровом образе жизни!» [3, с. 86].

Во всех вышеперечисленных источниках авторы подкрепляют свои рассуждения перечислением занятий, послуживших физическому развитию писателя – это гимнастика, верховая езда, ходьба на дальние дистанции, лаун-теннис, велосипедный спорт, охота,

плавание, крестьянский труд. Но за обилием этих подробностей можно выделить всего две магистральных мысли. Во-вторых, обратим внимание на ключевое слово в характеристике толстовского долголетия – глагол «сохранить». Спорт, позитивно влияющий на состояние мышц, позволяет человеку дольше сохранять себя. Эта забота о сохранении тела – одно из главных умений в жизни человека – подсвечивает цель, лучше всего выраженную в девизе журнала: «Здоровье во чтобы то ни стало». Первостепенно само вещество жизни.

Толстого всегда (во всяком случае в период от начала ведения дневника в 1847 г. и до смерти) занимал вопрос отношения «Я» к телу и наоборот. У него есть, как хорошо подметил В.В. Бибихин при анализе дневниковых записей 1860-х гг., «уверенность, что тело – это важно» [1, с. 88]: состояние тела особенно в ранних дневниках постоянно регистрируется, эти характеристики занимают важное место среди прочих жизненных обстоятельств. Однако мысль о физическом сохранении себя если и посещала писателя, то находилась всегда далеко на периферии. Логика работы с телом для молодого Толстого, например, в рамках гимнастики согласуется с общей логикой организации порядка в жизни. Несколько иная схема прослеживается в «Анне Карениной» (1875-1877). На Левина работа мускулов, реализуемая в упражнениях с гирями или в трудовой деятельности, оказывает, по сути, лечебное действие в борьбе с тяжёлыми мыслями, словно уравнивая их. А в труде «О жизни» (1887) этот вопрос находит новый ответ: «Животная личность для человека – это лопата, которая дана разумному существу для того, чтобы ею копать и, копая, тупить её и точить, тратить, а не отчищать и хранить» [11, с. 367]. Тело нужно не хранить, а тратить в труде. И, наконец, за почти три года до появления публикаций о Толстом в «Русском спорте» в дневнике писателя появляются размышления об иллюзорности телесного: «Так ясна стала брэнность, иллюзорность тела, к[отор]ое только кажется» [10, с. 89].

Во-вторых, толстовскую «долговечность» выражается почти всегда двумя компонентами: «физическая бодрость» и «свежесть», с одной стороны, «ясность ума», «светлый ум», «умственная свежесть», «свежесть души» – с другой. Тело понимается как хранилище, мышечный тонус которого обеспечивает ясность ума и свежесть души. Вот краткая, но крайне характерная заметка, в которой на примере одного эпизода из жизни Толстого демонстрируется эту мысль: «Как-то раз, во время серьёзного разговора о бессмертии души с одним из близких друзей, Толстой очутился на берегу реки, быстро сбросил с себя одежду, нырнул и, проплавав сильными взмахами в продолжение нескольких минут, вышел на берег, где начал одеваться, продолжая прерванный разговор» [8, с. 5]. Тема разговора, видимо, в силу своей значительности требует предельной «ясности ума», осуществляемой стремительными физическими нагрузками. Здесь же добавим, что в статье «Мускулы и ум» (1912), опровергающей концепцию взаимосвязи интеллектуальной одарённости и физической немощи, Толстой также становится примером человека, который был близок к идеалу гармонии тела и души, что позволило ему как можно дольше «работать на благо человечества» [2, с. 4]. Все это, конечно, противоречит толстовскому осмыслению телесности, изложенному выше.

Отдельного остановимся на статье «Л.Н. Толстой о велосипедном спорте» (1910). Она отличается от других и содержательно и по характеру изложения, т. к. представляет собой воспоминания велосипедного мастера Н.А. Коробанова о нескольких встречах с писателем,

увлекавшимся ездой на велосипеде в середине 1890-х гг. Есть в ней, конечно, и визуальное впечатление, которое в целом совпадает с тем, что рассказывает о Толстом наблюдавший за ним в манеже Гриневский: оба подчёркивают ловкость, лёгкость и красоту движений. Но большего внимания заслуживают высказывания самого писателя о причинах возникновения и довольно быстрого исчезновения интереса к этому увлечению: «Когда я жил в деревне, то каждый день что-нибудь делал. Ну, дрова рубил, землю пахал, сено косил и поэтому чувствовал себя прекрасно. А в городе, ведь, это все невозможно. Физический же труд для здоровья необходим. Вот я и стал ездить на велосипеде. Езда на велосипеде, как моцион, очень полезна» [7, с. 4]. В городских условиях велосипед – замена крестьянскому труду, необходимому для поддержания здоровья. По этой же причине Толстой осуждает велогонки: они разрушают тело, а не сохраняют. Впрочем, и велосипед заменяет трудовую деятельность лишь отчасти. Это своего рода суррогат, «барская затея», не доступная каждому крестьянину и не приносящая пользы окружающим.

И все же это мемуарное свидетельство не согласуется с дневниковыми записями. В них Толстой совершенно не рассматривает велосипед как средство для поддержания здоровья. С одной стороны, для него это безгрешная забава, «естественное юродство», которое «ребячески веселит»: «За это время начал учиться в манеже ездить на велосипеде. Очень странно, зачем меня тянет делать это. Е[вгений] Иванович] отговаривал меня и огорчился, что я езжу, а мне не совестно. Напротив, чувствую, что тут есть естественное юродство, что мне всё равно, что думают, да и просто безгрешно, ребячески веселит» [9, с. 24]. А с другой стороны, он стыдится своего увлечения, потому что видит в нем проявление эгоистической страсти, напоминающей тщеславие.

Эти расхождения, отразившиеся в специфике рецепции писательской биографии, на наш взгляд, объясняются не только неосведомлённостью представителей спортивного сообщества во внутренней логике толстовского внимания к телу. Частично они указывают на характерную для Толстой внутреннюю противоречивость, являющуюся основой его творческой динамики. Частично оказываются следствием толстовской биографической стратегии, о которой мы упоминали в начале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биbihин В. В. Дневники Льва Толстого. – Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. – 464 с.
2. Г-н Л. Мускулы и ум (окончание) // Русский спорт. 1912. – № 38. – С. 3–4.
3. Давидов М. И. О творческом долголетии и здоровом образе жизни Л. Н. Толстого // Клиническая геронтология. – 2006. – № 1. – С. 78–87.
4. Л. Н. Толстой // Русский спорт. – 1910. – № 46. – С. 3.
5. Л. Н. Толстой и спорт // Русский спорт. 1918. – № 22. – С. 3.
6. Л. Н. Толстой, как спортсмен // Русский спорт. 1910. – № 47. – С. 4–5.
7. Л-ов А. Л. Н. Толстой о велосипедном спорте // Русский спорт. 1910. – № 48. – С. 4–5.
8. Спортивные заметки // Русский спорт. 1910. – № 52. – С. 5.

9. Толстой Л. Н. Дневники и записные книжки 1895–1899 // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений («Юбилейное»): в 90 т. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1953. – Т. 53. – 561 с.

10. Толстой Л. Н. Дневник, записные книжки и отдельные записи 1907–1908 // Полное собрание сочинений («Юбилейное»): в 90 т. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1937. – Т. 56. – 641 с.

11. Толстой Л. Н. Произведения 1885–1889 // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений («Юбилейное»): в 90 т. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1936. – Т. 26. – 949 с.

12. Тургенев И. С. Письма, 1855–1858 // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. – М.: Наука, 1987. – Т. 3. – 701 с.

REFERENCES

1. Bibikhin V. V. Leo Tolstoy's Diaries. – Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House, 2023. – 464 p.

2. Mr. L. Muscles and Mind (conclusion) // Russian Sport. 1912. – No. 38. – Pp. 3–4.

3. Davydov M. I. On L. N. Tolstoy's Creative Longevity and Healthy Lifestyle // Clinical Gerontology. – 2006. – No. 1. – Pp. 78–87.

4. L. N. Tolstoy // Russian Sport. – 1910. – No. 46. – Pp. 3.

5. L. N. Tolstoy and Sport // Russian Sport. 1918. – No. 22. – P. 3.

6. L. N. Tolstoy, as an Athlete // Russian Sport. 1910. – No. 47. – Pp. 4–5.

7. L-ov, A. L. N. Tolstoy on Cycling // Russian Sport. 1910. – No. 48. – Pp. 4–5.

8. Sports Notes // Russian Sport. 1910. – No. 52. – P. 5.

9. Tolstoy L. N. Diaries and Notebooks 1895–1899 // Complete Works (“Jubilee”): in 90 volumes. – М.: State Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1953. – Vol. 53. – 561 p.

10. Tolstoy L. N. Diary, notebooks and separate entries 1907–1908 // Complete collected works (“Jubilee”): in 90 volumes. – М.: State Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1937. – Vol. 56. – 641 p.

11. Tolstoy L. N. Works 1885–1889 // Complete collected works (“Jubilee”): in 90 volumes. – Moscow: State Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1936. – Vol. 26. – 949 p.

12. Turgenev I. S. Letters, 1855–1858 // Complete collected works and letters: In 30 volumes. Letters. In 18 volumes. – М.: Nauka, 1987. – Т. 3. – 701 p.

**ДЕКЛАРАЦИЯ ЕКАТЕРИНЫ II О ВООРУЖЁННОМ НЕЙТРАЛИТЕТЕ
И ЛИГА ВООРУЖЁННОГО НЕЙТРАЛИТЕТА**
CATHERINE II'S DECLARATION OF ARMED NEUTRALITY AND THE LEAGUE
OF ARMED NEUTRALITY

Башкатов Д.В., преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Bashkatov D.V., teacher

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: в данной статье рассматривается политика вооружённого нейтралитета 1780 г. Важное место в данной статье отводится причинам провозглашения вооружённого нейтралитета Екатериной II и тому, как принципы, провозглашённые российской императрицей, реализовывались. Так же, в статье речь пойдёт о Лиге вооружённого нейтралитета. Будут рассмотрены вопросы формирования и функционирования этой лиги. В конце статьи будут поведены некоторые итоги политики вооружённого нейтралитета.

Abstract: This article examines the policy of armed neutrality in 1780. An important place in this article is given to the reasons for the proclamation of armed neutrality by Catherine II and how the principles proclaimed by the Russian Empress were implemented. Also, the article will focus on the League of Armed Neutrality. The issues of the formation and functioning of this league will be considered. At the end of the article, some results of the policy of armed neutrality will be presented.

Ключевые слова: история, всеобщая история (соответствующего периода), история международного права, Декларация о морском вооруженном нейтралитете Екатерины II, Лига вооруженного нейтралитета, дипломатия, Россия, Екатерина II.

Keywords: history, general history (of the relevant period), history of international law, Catherine II Declaration of Naval Armed Neutrality, League of Armed Neutrality, diplomacy, Russia, Catherine II.

Не для кого не секрет, что одним из крупнейших событий в XVIII в. стала Американская революция (1765-1783 гг.). Начавшаяся в 1775 г. Война за независимость США в последствии перестала быть локальным конфликтом между Великобританией и североамериканскими колониями. В 1778 г. в войну на стороне США вступает Франция, а в 1779 г. Испания. Таким образом, война США и Великобритании переросла в крупный европейский конфликт. Одним из важных театров боевых действий стало море. Флот использовался для обороны или осады городов и вообще выступал серьёзным инструментом поддержки сухопутных сил снабжая их необходимыми припасами. Как раз последнее привело к тому, что воюющие стороны проводили политику захвата нейтральных судов с целью предотвратить поставки оружия и припасов своим противникам. В большей мере здесь

отличилась Великобритания. Пользуясь своим превосходством британский флот проводил безжалостную политику на море. Основания, для такой политики весьма понятны, помимо контрабандных товаров в число которых как правило входили пушки, снаряды и прочие товары военного назначения, не меньшую роль в морской войне играли: пенька, смола, парусная ткань, древесина и другие товары мирного назначения, которые могли использоваться как сырьё для военного флота [11, р. 62]. Потому было проблематично понять, что считать контрабандой, а также было не ясно как флаг относится к грузу, защищает ли нейтральный флаг вражеский груз. Стоит отметить, что на тот период не существовало какого-то общепризнанного свода морских правил, которое могло бы регулировать подобные моменты. Конечно, можно вспомнить очень старинный “*ConsolatodelMare*” (морской консультант), который является сборником морских обычаев и относится примерно к XIII-XIV вв. Он содержал следующие положения:

1. Нейтральный флаг не защищал вражеский груз от конфискации.
2. Нейтральный груз, найденный на вражеском корабле, не подлежал конфискации, однако собственник груза должен был за него заплатить [2, с. 24].

Как видно, эти положения были выгодны крупным морским державам и абсолютно не выгодны нейтральным государствам. Такие правила могли походить для суровых средневековых традиций, однако в рассматриваемый период эти правила несколько устарели. Не случайно, что государства стали заключать договоры на принципе “свободный корабль – свободный груз, вражеский корабль – вражеский товар”, который противоречил положению “*ConsolatodelMare*”. В частности, на таком принципе было заключено большинство международных договоров Франции, которая являлась весьма крупной морской державой [8, р. 1]. Таким образом, большинство государств признавало защиту, что вражеский груз защищается нейтральным флагом [10, р. 45]. Тем не менее, Великобритания, являясь крупнейшей морской державой по-прежнему придерживалось правил, установленных в “*ConsolatodelMare*” [8, р. 2].

Большую неразбериху вносило и отсутствие чёткого определения контрабандных товаров. Безусловно, можно сказать, что список контрабандных товаров определялся торговыми договорами. Как это, к примеру, было осуществлено в торговых трактатах между Россией и Великобританией 1766 г. [7, с. 250]. Однако, даже в таком договоре англичане могли найти лазейки и трактовать их в свою пользу [11, р. 63].

Так или иначе, действия воюющих держав наносили большой ущерб нейтральной торговле и российской торговле, в частности. Существует ряд сообщений о захвате российских судов британцами. В прочем не только англичане причиняли ущерб русским купцам. Так, по-видимому, последней каплей, переполнившей чашу терпения российской императрицей, стал захват двух российских кораблей испанцами [3, с. 64].

28 февраля 1780 г. Екатерина II провозглашает декларацию о морском вооружённом нейтралитете. Данная декларация содержит в себя 5 статей:

1. Свобода нейтрального судоходства. Нейтральные суда могут спокойно перемещаться вдоль берегов, воюющих держав и даже посещать их порты.

2. Товары, принадлежащие воюющим державам, должны быть защищены нейтральным флагом, исключая контрабанду. Это важное отличие от всё того же «ConsolatodelMare», в котором товар воюющих держав подлежал конфискации.

3. Контрабандными товарами объявлюсь только те предметы, которые были прописаны в статьях X и XI торгового трактата 1766 г. между Россией и Великобританией.

4. Блокированным портом считается только тот порт, вход которого фактически заблокирован судами воюющих держав [5, с. 124]. Это было совершено впервые в истории морского международного права, до этого определения заблокированного порта не существовало.

5. Предложение использовать эти принципы для определения законности призов [6, с. 309].

Российская императрица понимала, что бы такое заявление хоть как-то повлияло на политику воюющих государств, оно должно быть подкреплено реальными действиями. Потому, императрица приказывает снарядить эскадру из 15 линейных кораблей и 5 фрегатов для защиты российских торговых судов [3, с. 64]. Так же, было предложено другим нейтральным государствам присоединиться к конвенции. Таким образом, было положено начало созданию Лиги вооружённого нейтралитета. Основателями стали Россия, Дания и Швеция. Позже к ним присоединились в январе 1781 г. Нидерланды. В мае 1781 г. присоединялась Пруссия, а в октябре Австрия. В июле 1782 г. к лиге присоединилась Португалия, а в феврале 1783 г. присоединилось Королевство Обеих Сицилий [5, с. 125].

Принципы, изложенные Екатериной II, были хорошо восприняты во Франции, Испании и США. Великобритания заявила, что не против этих принципов, однако она будет придерживаться собственных правил.

Другой вопрос заключается в том, как же функционировала Лига вооружённого нейтралитета. Ответы можно найти в заключённой между Россией и Данией конвенции 28 июня 1780 г. [9, р. 109.]. Все остальные последующие конвенции будут ей идентичны.

Во-первых, предполагалось обеспечить защиту нейтрального судоходства, путём конвоирования торговых судов стран участников, а также путём размещения военных эскадр в различных морях и океанах, которые в случае просьбы о помощи со стороны торговых судов должны прийти им на помощь.

Во-вторых, предполагалась обеспечивать взаимную защиту от воюющих государств. Так, в случае если одна из стран участниц Лиги вооружённого нейтралитета пострадает от действия воюющих держав, союзники должны принять совместные ответные действия.

В-третьих, от каждой страны участницы требовалось строго соблюдение нейтралитета. Что предполагало, контроль за соблюдением запрета на контрабандную торговлю. Контрабандой же считались те товары, которые указаны в торговых договорах стран Лиги с той или иной воюющей державой. Все же остальные товары свободны и защищены нейтральным флагом.

Так же, северные державы договорились защищать и снабжать суда друг друга в Балтийском море [13, р. 119.]. Которое, кстати говоря, было закрыто для военных кораблей [4, с. 112.].

Как мы видим, Лига вооружённого нейтралитета была своего рода союзом нейтральных держав со своими целями и задачами, а также обязательствами.

Говоря об итогах политики вооружённого можно встретить различные точки зрения. Одна из них, не считает, что политика вооружённого нейтралитета хоть как-то повлияла на действия Великобритании, так как Великобритания к этим принципам не присоединилась и продолжала по своим правилам. А снижение активности британского флота происходило по инициативе Лондона и это не было связано с созданием Лиги вооружённого нейтралитета. Так же, отмечается, что весьма сложно найти что-то положительное в истории функционирования Лиги [12, р. 51]. Когда, в 1781 г. началась война между Нидерландами и Великобританией, страны участницы Лиги вооружённого нейтралитета ограничились лишь дипломатической поддержкой Нидерландов ссылаясь на то, что Великобритания объявила войну Нидерландам раньше, чем те присоединились к системе вооружённого нейтралитета. Хотя, это и справедливо так как конвенция о вооружённом нейтралитете не имеет обратной силы, тем не менее это заставляет сомневаться в том, что страны Лиги вооружённого нейтралитета способны обеспечить взаимную безопасность. Весьма справедливо так же отметить, что принципы вооружённого нейтралитета оказались не долговечными и в период наполеоновских войн они будут отвергнуты [12, р. 53]. В частности, такая точка зрения нашла своё отражение в работе “Комментарии к международному праву” (1839) английского публициста Уильяма Мэннинга [12, р. 42].

В большей степени результаты вооружённого нейтралитета оценивают весьма положительно. Особенно высоко они оцениваются в отечественной науке [5, с. 119]. Отмечалось, что происходило постепенное уменьшение каперов, а затем и их исчезновение к концу войны [2, с. 79]. Даже британское правительство, которое не признавало принципы, провозглашённые Екатериной II, вынуждено было отдавать тайные инструкции своим судам и каперам, которые существенно ограничивали захват нейтральных судов [4, с. 116].

Вооружённый нейтралитет оказал влияние и на ход войны в Северной Америке, ограничив возможности британского флота. Отец основатель США Джон Адамс называл декларацию российской императрицы более неприятным актом для Великобритании, чем объявление войны [1, с. 49]. В США принципы, изложенные Екатериной II, получили поддержку и стали одной из причин симпатии американского правительства к Российской империи.

Таким образом можно сделать вывод, что провозглашение вооружённого нейтралитета российской императрицей имело огромное международное значение. Так или иначе воюющие страны были вынуждены соблюдать права нейтральных государств. Провозглашение вооружённого нейтралитета Екатериной II значительно увеличило вес Российской империи на международной арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость 1775-1783. – М.: Наука, 1976. – 272 с.
2. Даневский В. П. Исторический очерк нейтралитета и критика Парижской морской декларации 16-го апреля 1856 года: (История нейтралитета по отношению к морской торговле,

учения публицистов о правах нейтр. и исслед. Париж. мор. декларации). – М.: тип. К. Индриха, 1879. – XIV, 466, X с.: 22.

3. Лабутина Т. Л. "Дитя интриги и безумия": реакция британской дипломатии на политику вооружённого нейтралитета Екатерины II // Новая и новейшая история. – 2019. – № 2. – С. 60–73.

4. Лешков В. Н. Историческое исследование начал нейтралитета относительно морской торговли. – М.: Унив. тип., 1841. – [4], XX, 154 с.

5. Акишин М. О. Декларация Екатерины II о морском вооружённом нейтралитете (из истории международного права) // Ленинградский юридический журнал. 2010. – № 4 (22). – С. 118–127.

6. Декларация Императрицы Екатерины II относительно вооружённого нейтралитета, обращённая к Дворам Лондонскому, Версальскому и Мадридскому // Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. – СПб.: Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1892. – Т. 9 (10). – С. 307–310.

7. Коммерческий трактат, заключённый в Санкт-Петербурге в 1766 г. // Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. – СПб., 1892. – Т. 9 (10). – С. 203–259.

8. Calvo C. *Le Droit International Theorique et Pratique* // Extracts from American and foreign works on international law concerning the armed neutrality of 1780 and 1800. – Washington, 1917. – Pp. 1–9.

9. Convention for an Armed Neutrality, concluded at Copenhagen, O, S. between her Majesty the Empereur of Russia, and his Majesty the King of Denmark and Norway, June 28, 1780 // A collection of public acts and papers: relating to the principles of armed neutrality, brought forward in the years 1780 and 1781. – London, 1801. – Pp. 106–117.

10. Emerson B. *The First Cold War: Anglo-Russian Relations in the 19th Century*. – London: Hurst Publishing, 2024. – 581 p.

11. Madariaga I. *Britain, Russia, and the Armed Neutrality of 1780: Sir James Harris's Mission to St. Petersburg During the American Revolution*. – London: Hollis & Carter, 1962. – XIV, 496 p.

12. Manning W. *Commentaries on the Law of Nations* // Extracts from American and foreign works on international law concerning the armed neutrality of 1780 and 1800. – Washington, 1917. – Pp. 42–56.

13. Separate Articles added to the Maritime Convention between Russia and Denmark of the 28 June, 1780 // A collection of public acts and papers: relating to the principles of armed neutrality, brought forward in the years 1780 and 1781. – London, 1801. – Pp. 118–126.

REFERENCES

1. Bolkhovitinov N. N. *Russia and the U.S. War of Independence 1775-1783*. – М.: Nauka Publ., 1976. – 272 p.

2. Danevsky V. P. *A historical sketch of neutrality and criticism of the Paris Maritime Declaration of April 16, 1856: (History of neutrality in relation to maritime trade, the teachings of*

publicists on the rights of neutrals. and research. Paris. marine declarations). – M.: K. Indrikha Publishing House, 1879. – XIV, 466, X p.

3. Labutina T. L. "Diti International and Business": criticism of British diplomacy in relation to the policy of a foreign state II // *New and New History*. – 2019. – No 2. – Pp. 60–73.

4. Leshkov V. N. A historical study of the principles of neutrality regarding maritime trade. – Moscow: Univ. tip., 1841. – [4], XX, 154 p.

5. Akishin M. O. Catherine II's Declaration on the Global Civil Society (from the History of the International State) // *Leningrad law journal*. – Pp. 118–127.

6. The Declaration of Empress Catherine concerning the Second armed neutrality addressed to the Courts of London, Versailles and Madrid // *Collection of treatises and conventions concluded by Russia with foreign powers*. – St. Petersburg: Tip. M-va of communication routes (A. Behnke), 1892. – Vol. 9 (10). – Pp. 307–310.

7. A commercial treaty concluded in St. Petersburg in 1766 // *Collection of treatises and conventions concluded by Russia with foreign powers*. – St. Petersburg, 1892. – Vol. 9 (10). – Pp. 203–259.

8. Calvo K. International theoretical and practical law / K. Calvo // *Excerpts from American and foreign works on international law concerning the armed neutrality of 1780 and 1800*. – Washington, 1917. – Pp. 1–9.

9. Convention on Armed Neutrality, concluded in Copenhagen, South Carolina, between Her Majesty the Empress of Russia and His Majesty the King of Denmark and Norway, June 28, 1780 // *Collection of public acts and documents concerning the principles of armed neutrality, put forward in 1780 and 1781*. – London, 1801. – Pp. 106–117.

10. Emerson B. *The First Cold War: Anglo-Russian Relations in the 19th Century*. – London: Hearst Publishing House, 2024. – 581 p.

11. Madariaga I. *Britain, Russia, and the Irreconcilable Neutrality of 1780: Sir James Harris's Trip to St. Petersburg during the American Revolution*. – London: Hollis and Carter, 1962. – XIV, 496 p.

12. Manning W. *Comments on International Law* // *Excerpts from American and foreign works on international law concerning the armed neutrality of 1780 and 1800*. – Washington, 1917. – Pp. 42–56.

13. *Selected articles added to the Maritime Convention between Russia and Denmark of June 28, 1780* // *Collection of public acts and documents concerning the principles of armed neutrality, put forward in 1780 and 1781*. London, 1801. – Pp.118–126.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арасланова Светлана Салаватовна – кандидат культурологии, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, a.ra-svet@mail.ru.

Барахоева Алла Руслановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ALL0521@mail.ru.

Башкатов Дмитрий Валерьевич – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, dima_bashkatov_2001@mail.ru.

Белянская Татьяна Эдуардовна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, tabel71@mail.ru.

Быданов Виктор Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (Технический университет), homostudenticus@yandex.ru.

Волвенкин Михаил Николаевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, mvolvekin@mail.ru.

Востриков Павел Вячеславович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, sortavala2015@inbox.ru.

Гришин Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, iamaphilosopher@yandex.ru.

Денисова Анастасия Александровна – студентка, Воронежский государственный аграрный университет, sstaasiia@gmail.com.

Емельянова Наталия Николаевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Донецкий государственный университет, emeljanova.n.n@bk.ru.

Зяблицева Наталья Алексеевна – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, ziablitseva.natalya@yandex.ru.

Кандыбина Елена Львовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, selena26a@mail.ru.

Квасов Олег Николаевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, kvasovoleg@yandex.ru.

Киселева Александра Владимировна – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры древесиноведения, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, avk50@yandex.ru.

Китаева Алла Викторовна – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, k.alla99@mail.ru.

Колкунов Андрей Николаевич – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, kolkunov.an@mail.ru.

Ксенофонтов Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор АВН, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук, Военная академия Республики Беларусь, nksena777@gmail.com.

Кузнецов Арсений Александрович – преподаватель МБОУ Гимназия им. А. Платонова (Воронеж), аспирант кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, kuznetsov_aa_2000@mail.ru.

Лавлинская Анастасия Сергеевна – студентка, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, nastyalav24@gmail.com.

Мамонов Михаил Анатольевич – педагог-организатор дополнительного образования МБУДО Центр развития творчества детей и юношества «Спутник» (Воронеж), muthosmsotum@yandex.ru.

Медведев Илья Николаевич – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры древесиноведения, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, medved-vrn82@mail.ru.

Мещерякова Елена Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), elenamsol@yandex.ru.

Мязин Владислав Андреевич – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, v_myazin@mail.ru.

Никонова Татьяна Юрьевна – методист, педагог дополнительного образования МБУДО Центр развития творчества детей и юношества «Спутник» (Воронеж), tatianayurievna@yandex.ru.

Овчинникова Валерия Леонидовна – ассистент кафедры химии и технологии высокомолекулярных соединений, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (Технический университет), ovchinnikova.lera2015@yandex.ru.

Панин Дмитрий Альбертович – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, da.panin@yandex.ru.

Панова Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, гражданского и уголовного права, Воронежский государственный аграрный университет, natida2011@yandex.ru.

Петряева Татьяна Андреевна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, tanuaretryaeva@yandex.ru.

Пивоварова Юлия Игоревна – кандидат культурологии, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, pjifromm@mail.ru.

Подлесных Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, agega3@yandex.ru.

Полякова-Спичак Валерия Демидовна – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, polyakovas_vd@vglta.vrn.ru.

Поляков-Спичак Илья Валерьевич – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, polyakovspichakiv@vglta.vrn.ru

Попов Александр Сергеевич – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, popov.jour@yandex.ru.

Разиньков Михаил Егорович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, razinkov_mihail@mail.ru.

Руссу Александр Викторович – кандидат технических наук, доцент кафедры древесиноведения, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, arussu@mail.ru.

Салманов Павел Павлович – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, pavel.salmanov@mail.ru.

Семёнова Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, elenaviktor2014@mail.ru.

Семьнина Елена Владимировна – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, semynina.lena@gmail.com.

Сергеев Станислав Сергеевич – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, sergeev.j47325@yandex.ru.

Сухоруких Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, sukhorukikh.al@yandex.ru.

Титова Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, olgatitova1983@yandex.ru.

Товстопят Кирилл Иванович – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, tovstopiat.kir@yandex.ru.

Удалых Евгения Юрьевна – кандидат философских наук, преподаватель, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), losevo7@mail.ru.

Удодова Ангелина Сергеевна – студентка, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, udodovaab1@gmail.com.

Улыбина Светлана Сергеевна – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, savenkova.s.s@ya.ru.

Черенков Иван Юрьевич – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, vanya.cherenkov@bk.ru

Черницын Дмитрий Вячеславович – старший преподаватель, Воронежский государственный университет, cdv.cs@ya.ru

Чучупал Вячеслав Васильевич – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, erbium@yandex.ru.

Шацких Валерия Андреевна – ассистент кафедры древесиноведения, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, shepelova_v@bk.ru.

Научное издание

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА:
ПРОСВЕЩЕНИЕ – ВОСПИТАНИЕ – ТАЙНА

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

Воронеж, 23 апреля 2026 г.

Ответственный редактор О. Н. Квасов

Материалы издаются в авторской редакции

Подписано к изданию 21.05.2026. Объем данных 1,26 Мб
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет
имени Г.Ф. Морозова»
394087, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8